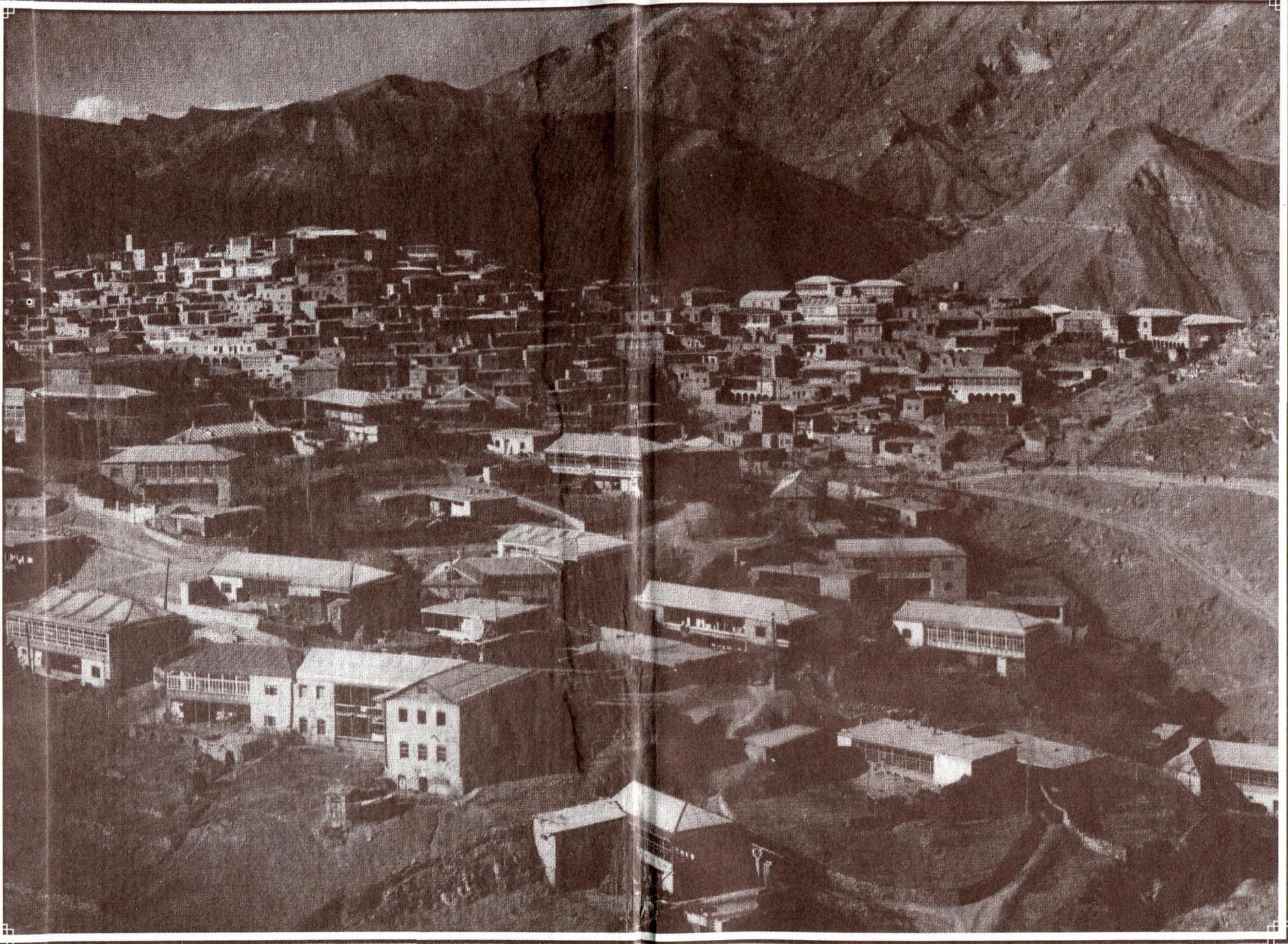

АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВ

УЧЕНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ
ДАГЕСТАНА

**АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВ –
УЧЕНЫЙ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ ДАГЕСТАНА**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮПИТЕР»
МАХАЧКАЛА 2000

*Светлой памяти
Абдурахмана Данияловича
Даниялова
посвящается*

Абдурахман Даниялович Даниялов
(1908-1981)

Расул Гамзатов,
народный поэт Дагестана

instituteofhistory.ru

ББК 63,3 (2Р-6Д)
А 13

А 13 **Абдурахман Даниялов - ученый, государственный и общественный деятель Дагестана.** (Документы. фотографии. воспоминания его и о нем). Издательство «Юпитер». Махачкала, 2000. - 464 с.

Редакционная коллегия: *М.Д. Бутаев, Г.-А.Д. Даниялов, Г.И. Какагасанов, А.И. Османов* (ответственный редактор).

Составители: *М.Д. Бутаев, Г.И. Какагасанов, Р.И. Джамбулатова.*

В сборник включены документы и воспоминания о видном государственном и общественном деятеле Абдурахмане Даниялове (1908-1981), работавшем в 1940-1948 годах Председателем Совнаркома (Совета Министров) Дагестанской АССР, в 1948-1967 годах - первым секретарем Дагестанского обкома партии, в 1968-1971 годах - Председателем Президиума Верховного Совета ДАССР, внесшего большой вклад в дело укрепления обороны страны, дружбы народов, росту экономики и культуры народов многонациональной республики. В него вошли воспоминания сослуживцев, друзей и товарищей, долгое время проработавших с ним и близко знавших его, и его воспоминания.

Издание книги посвящено памяти А.Д. Даниялова и рассчитано на широкий круг читателей.

ББК 63.3 (2Р-6Д)

ISBN 5-7895-0089-7

© Издательство «Юпитер», 2000 г.

АБДУРАХМАНУ ДАНИЯЛОВУ

Над мраморной надгробною плитою,
Где мой товарищ старший погребен,
Стою я с непокрытой головою
И слышу, -- окликает меня он.

Не может быть ...
Не верю, это ветер
Гудит в высоковольтных проводах.
Коль друг мой не забудт на этом свете,
Он и на том не обратится в прах.

Я вижу силуэт его знакомый
Спокойно приближается ко мне.
Как прежде, Председатель Совнаркома,
Давай поговорим наедине.

Пусть отзвенело молодости стремя
И в гору скакуны несут не нас ...
Абдурахман, стремительное время
Всею по заслугам должное воздаст.

Немало добрых дел в посмертном списке:
Дома, шоссе, плотины, города ...
На этом строгом белом обелиске
Они б не поместились никогда.

instituteofhistory.ru щев им найдется место
старым кунакам,
В аулах наших горских, как известно,
Оно в гостинной возле очага.

Не раз я там встречал твои портреты
Из пожелтевших, выцветших газет,
Летели, как года, авторитеты,
Но ты остался в круговерти лет.

В названьи тихой улочки просторной
И в крике народившегося дня,
И в шепоте плененной речи горной
В родной земле ...
И в сердце у меня.

Поэтому, склонившись над плитой,
Я говорю, прощаясь до поры:
- Хотя и скрылось солнце за горою,
Оно опять взойдет из-за горы.

*Перевод с аварского
М. Ахмедовой-Колюбакиной*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

М.М.Магомедов,
Председатель Госсовета
Республики Дагестан

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ

Живая память о наших достойных предшественниках является той фундаментальной основой, которая обеспечивает преемственность времен и поколений, живучесть лучших национальных традиций, связывает воедино прошлое, настоящее и будущее общества.

История нынешнего столетия была заполнена многими судьбоносными поворотами. На каждом этапе развития дагестанское общество выдвигало из своей среды людей, чьи имена впоследствии навечно вписывались в благодарную память народа. Среди плеяды сынов нашей республики, поднятых жизнью на историческую авансцену, достойное место принадлежит А.Д.Даниялову с именем и деятельностью которого был связан почти 30-летний период развития дагестанского общества.

К жизненному пути Абдурахмана Даниялова, в его судьбе, как в капле воды, отразились важнейшие события того непростого, порою драматического, и в то же время отмеченного поистине великими свершениями и победами времени. В этом смысле биография А.Д.Даниялова может служить выразительной картиной, раскрывающей многие факты, события, явления, а в целом, огромный пласт истории Дагестана XX века.

Абдурахман Даниялович Даниялов родился 22 августа 1908 года в селении Ругуджа Гунибского округа. Выходец из крестьянской семьи, рано лишившийся родителей, с детства познав горести и лишения, он через всю свою жизнь пронес чувства духовного единства с простым народом и особой любви к нему, благодарности государству, которое дало ему возможность подняться, получить образование и

вырасти до крупного политического и государственного деятеля своего времени.

Огромное значение в становлении личности А.Д.Даниялова сыграли годы учебы в Буйнакском интернате горцев, в первом Дагестанском педагогическом техникуме, а затем и в Московском институте инженеров водного хозяйства. Уже в этот период жизни проявились ум, тяга к знаниям, талант и трудолюбие Абдурахмана Даниялова. Помимо учебы, он проходит большую учебу коллективного организатора, познавая ее не только по книгам, но и через активное участие в разносторонней и кипучей общественной деятельности.

В 1935 году с отличием окончив институт, А.Д.Даниялов получает предложение продолжить учебу в аспирантуре. Однако, по настоянию руководства Дагестана, он возвращается в республику и активно включается в созидательную деятельность.

В 1937 году руководство республики оказывает Абдурахману Даниялову большое доверие, назначив энергичного и перспективного молодого человека народным комиссаром земледелия, а еще через три года, в январе 1940, его выдвигают на один из высших государственных постов республики Председателя Совнаркома Дагестанской АССР.

Это был полный трагизма период второй половины 30-х годов, потрясший страну жестокими репрессиями. В кровавой "мясорубке" несправедливых преследований исчезали многие представители национальной интеллигенции. И хотя судьба уберегла самого А.Д.Даниялова от катаклизмов того времени, он понимал весь трагизм происходящего и в отчаянном бессилии переживал за друзей и соратников, старался помочь им как мог.

В те годы активно формируются высокие качества руководителя и организаторский талант Абдурахмана Даниялова, ярко проявляются такие черты его характера, как принципиальность высокая работоспособность, требовательность к себе и коллегам по работе, преданность идеалам строящего общества.

В 1941 году мирная жизнь страны была прервана, началась Великая Отечественная война против фашистской Германии. На А.Д. Даниялова, как одного из руководителей республики, легла огромная ответственность за оперативную перестройку экономики республики для работы на военный лад. Являясь одновременно членом Ма-

хачкалинского Комитета Оборона и членом Военного совета 44-й армии, А.Д. Даниялов часто выезжал на разные участки Северо-Кавказского фронта, проводил большую работу по военно-мобилизационному обеспечению, строительству оборонительных укреплений, формированию народного ополчения и воинских частей, дислоцированных на территории республики. По его инициативе был сформирован дагестанский кавалерийский эскадрон, который под командованием легендарного Кара Караева с боями дошел до Берлина. Ценой больших усилий республика поставила фронту сотни тысяч тонн сельскохозяйственной продукции, постоянно выполняла и перевыполняла планы производства военной продукции. За эти и другие успехи республике присуждались переходящие Красные знамена Государственного Комитета Оборона СССР. Во всем этом несомненно огромная личная заслуга Председателя Совнаркома ДАССР А.Д.Даниялова.

Годы войны стали суровой проверкой умения молодого руководителя правительства республики оперативно и качественно решать сложные военно-политические и экономические задачи, и Абдурахман Даниялович с честью выдержал это испытание.

Массовый героизм всех народов Дагестана, самоотверженный труд в ~~сражении~~ беспредельная преданность своей великой Родине обеспечили высокий моральный авторитет Страны гор, в преуспевании которой огромен авторитет А.Д.Даниялова, его политической зрелости, незаурядного организаторского таланта. Я не исключаю, что именно данное обстоятельство могло стать существенным фактором того, что в 1944 году, ставшим роковым годом для многих северокавказских народов, Дагестан избежал трагедии депортации народов.

С той же энергией, которая была присуща А.Д.Даниялову в военное время, он работает и в послевоенные годы. В течение считанных лет при его участии были решены колоссальные по объему задачи, связанные с ликвидацией последствий войны, переводом народного хозяйства на рельсы мирного строительства, дальнейшим развитием экономики.

Абдурахман Даниялович всегда брал на себя решение самых сложных задач организационного характера. Для него был чужд кабинетный стиль руководства. По личным встречам на местах, знал он и районных руководителей, и состояние дел на местах, и заботы про-

стых тружеников. Он не только давал советы, но и умел слушать мнение других, вовремя замечал и привлекал к решению стоящих задач наиболее талантливых руководителей. Большое значение он придавал выдвижению на партийную, советскую и хозяйственную работу представителей всех народов многонационального Дагестана, женских кадров республики.

А.Д.Даниялов, по свидетельству современников, необычайно тонко чувствовал людей, безошибочно угадывал их сущность. Именно это качество - способность быстро и точно оценивать любые явления, будь это живой человек или какая-либо новая идея - позволяло ему одновременно заниматься множеством самых различных, чрезвычайно ответственных дел. Он был для всех, кто его знал, кому пришлось работать под его руководством, образцом собранности и организованности.

В 1948 году А.Д.Даниялов был избран первым секретарем Дагестанского обкома КПСС и без малого двадцать лет бессменно руководил республикой. Это явилось закономерным результатом всей его предшествующей жизни, большого опыта руководящей работы, признанием его незаурядных организаторских способностей, подтверждением его лучших человеческих качеств и высокого авторитета, которым он пользовался в республике и у руководства страны.

Именно на этом посту раскрылся во всем блеске его талант руководителя. Два десятилетия под руководством Абдурахмана Данияловича были отмечены огромными успехами дагестанского народа в хозяйственном строительстве, социально-экономическом и культурном развитии.

За эти годы введены в строй десятки новых промышленных предприятий, мощный импульс получили машиностроительная, электротехническая, приборостроительная и другие отрасли промышленности, производственная база строительной индустрии, начала разворачиваться работа по освоению гидроэнергетических ресурсов, был достигнут впечатляющий подъем во всех отраслях народного хозяйства республики.

Больших успехов достиг аграрный сектор экономики, была укреплена его материально-техническая база, произошли качественные изменения в структуре сельскохозяйственного производства.

Достижения в развитии экономики способствовали значительному росту материального благосостояния, социальному и духовному прогрессу дагестанских народов. Были осуществлены крупные мероприятия по развитию здравоохранения, образования, науки и культуры.

Этот поистине созидательный период отмечен дальнейшей консолидацией, укреплением единства и дружбы народов Дагестана. И во главе всех этих успехов и достижений стоял Абдурахман Даниялович Даниялов, который являл собой образец интернационалиста по убеждению и реальной сути своей. Это были принципы А.Д. Даниялова, и они привлекали к нему единомышленников, готовых следовать и подражать ему. Формировалась своего рода данияловская школа кадров. Мы можем назвать целую плеяду руководителей данияловской закалки, данияловской когорты. К ней отнесятся М.-С. Умаханов, Ш. Шамхалов, М. Абуев, М. Меджидов, Ш. Шихсаидов, У. Черников, Р. Гаджиев, М.-Г. Зульпукаров, О. Сиражутдинов, М. Абуков, А. Коршунов. В круг его личных друзей входили списки самых видных представителей научной и творческой интеллигенции Х.И.Амирханов, Х.-О.Хашаев, Р.Магомедов, М.Максудов, Р.Гамзатов, Г.Рустамов и многие другие.

По воспоминаниям друзей и близких, коллег по работе, Абдурахман Даниялович по всем своим человеческим качествам относился к той редкой категории людей, в которых гармонично сочетаются не только огромная работоспособность и настойчивость в достижении поставленной цели, но и глубокая эрудиция, компетентность, умение мыслить масштабно. Будучи по образованию инженером-гидротехником, он хорошо разбирался во всех сферах экономики и общественной жизни. Его талант руководителя и государственного деятеля проявился в широте взглядов, в охвате своим вниманием большого комплекса сложных вопросов, умении своевременно определить наиболее важные, первоочередные задачи, наладить четкую работу всех звеньев управления и хозяйственного механизма республики.

Главное же, что характеризовало Абдурахмана Данияловича, - это чрезвычайно развитое чувство гражданского долга, повинуюсь которому он стремился сделать для родного Дагестана и его народа все, что было в его силах.

Не менее памятливы для дагестанцев высокие человеческие качества Абдурахмана Данияловича: внимание к людям, отзывчивость, высокая интеллигентность. Многие из тех, кто лично знал А.Д. Даниялова, всегда с особой теплотой и сердечностью вспоминают его постоянную готовность прийти на помощь, участие и заинтересованность в судьбе людей.

Плоть от плоти простого народа, А.Д. Даниялов тонко чувствовал движение настроений трудящихся, близко принимал к сердцу их тяготы и невзгоды. К этому, вероятно, его привел длительный и нелегкий опыт собственной жизни.

Человек цельной натуры, сильный духом, с устоявшимися и проверенными жизнью убеждениями во всем, что было дано ему от природы - в характере, внешнем облике, в своих поступках, - Абдурахман Даниялович воплощал в себе все лучшее из того, что составляет типический образ дагестанца, горца.

Власть и сила никогда не были для А.Д. Даниялова самоцелью. Высокое положение пришло к нему как закономерный результат его природной одаренности и таланта, прекрасного характера и блестящей организаторской деятельности.

На протяжении всей своей жизни он оставался простым, скромным и в то же время целеустремленным человеком, целиком посвятившим себя той ответственной роли, которую отвела ему его судьба и сама история.

Имя Абдурахмана Даниялова широко известно не только в Дагестане, но и за его пределами. Он пользовался огромным уважением у руководителей фактически всех республик, краев и областей Северного Кавказа, которые негласно признавали в нем своего рода лидера. С ним советовались по самым различным и сложным вопросам жизни своих регионов руководители республик Закавказья. Широко был круг его друзей в самых опасных сферах правительства России и Союза. Искреннее уважение - признание питали к нему известные деятели науки, литературы, искусства.

Государство по достоинству оценило заслуги Абдурахмана Даниялова перед Отечеством. Он был награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени, одиннадцатью медалями. Но самое главное это его при-

знание народом. Он оставил глубокую память в сердцах дагестанцев и не только дагестанцев.

Чем больше думаешь об Абдурахмане Данияловиче, тем ярче встает перед нами образ этого талантливого руководителя и политика, замечательного человека. Всегда проникаюсь особыми чувствами от того, что могу причислить себя к поколению тех, кому довелось набраться жизненного и профессионального опыта в бытность Абдурахмана Данияловича руководителем республики.

В последние годы в общественном сознании произошла невиданная переоценка ценностей. Рухнули многие старые кумиры, выветлились новые, незаслуженно забытые человеческие судьбы. Но память о таких ярких личностях, как А.Д. Даниялов, неподвластна времени, он жив в сердцах дагестанцев, достоин вечной благодарной памяти потомков.

Г.-А.Д. Даниялов
доктор исторических наук,
профессор

instituteofhistory.ru

СЛОВО О БРАТЕ

Селение Ругуджа Гунибского района - один из древнейших и известнейших аулов в Дагестане.

Это родина знаменитого певца Эльдарилова и известной поэтессы Анхил Марин.

В этом селении 22 августа 1908 года родился известный государственный, общественно-политический деятель России и Дагестана, видный ученый Абдурахман Даниялович Даниялов. Отец Абдурахмана – Даниялав был сыном крестьянина-середняка, а мать Марьям - дочерью крестьянина-бедняка Хапиза. Когда Абдурахману исполнилось 6 лет, его отдали в мектеб – так называлась начальная духовная школа, где он изучал арабский язык. Абдурахману было 9 лет, когда умер отец, оставив на руках у матери троих детей. Вскоре мать вышла замуж за человека из другого тухума и троих детей, оставшихся без отца и матери, взял на воспитание дедушка Амирхамза. В 1919 году умер и дедушка и дети оказались брошенными на произвол судьбы. В это время в селе Чох открылся детский дом и Абдурахман с братом и сестрой были определены туда. Детдом располагался в доме богача Мамалава, конфискованном Советской властью. В детдоме дети были окружены заботой и вниманием, им давали одежду, обувь, они получали трехразовое питание. После голодной сиротской жизни Абдурахману казалось, что он живет в раю. Скоро детдом был переведен в сел. Гуниб, где в те годы размещалась красноармейская часть. Здесь Абдурахман подружился с политкомиссаром Никитиным, часто посещал часть, завел знакомства

с красноармейцами, что помогло ему по-немногу овладеть разговорной русской речью.

В начале 1923 года Абдурахман, как старший из воспитанников детского дома, был переведен в интернат горцев в г. Буйнакск. В 1924 году Абдурахман был переведен на учебу в Буйнакский педагогический техникум. Обучение в техникуме велось на русском языке, и большую помощь ему в изучении русского языка оказали Губаханов, Салман из Чоха и Эффенди Капиев, который впоследствии стал известным писателем и публицистом. В том же году он вступил в комсомольскую организацию техникума.

В техникуме Абдурахман отличался своими организаторскими способностями и старательностью, желанием учиться, узнавать все больше. Он был избран командиром во время походов и демонстраций учащихся, а вскоре он стал председателем исполнительного бюро техникума. Затем был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1928 году еще до окончания техникума был избран в состав Буйнакского РК ВЛКСМ. В мае этого же года Абдурахман окончил техникум и ему было выдано свидетельство, что он признан достойным квалификации преподавателя школ I ступени и соответствующих групп школ-семилеток.

После окончания техникума, Абдурахман решил не уезжать из Буйнакска и заняться комсомольской работой, но судьба, однако, распорядилась по-другому. Обком ВЛКСМ, заметив способности и целеустремленность Абдурахмана, направил его секретарем окружкома комсомола Гунибского округа. Вскоре он был переведен на работу в Махачкалу и утвержден заведующим агитационно-пропагандистским отделом Дагобкома ВЛКСМ.

Работая в обкоме комсомола Абдурахман часто встречался с руководителями республики: Председателем СНК ДАССР Дж.Коркмасовым, Председателем ДагЦИКа М.Далгатом и др. Немалое влияние на него оказали видные деятели Дагестана Юсуп Шовкринский – заведомо пропаганды обкома ВКП(б), Алибек Тахо-Годи, который тогда занимал пост наркома просвещения ДАССР.

В 1930 году Абдурахман Даниялов был переведен на работу в аппарат Наркомпроса ДАССР. Он занял сразу две должности – на-

чальника Главсоцвоса и председателя центральной отборочной комиссии. Главной задачей комиссии был отбор кандидатов из числа молодежи для продолжения образования за пределами республики. К учебе привлекались дети бывших партизан, бедняков, середняков. Из Наркомпроса, видя в Даниялове перспективного человека, направляют его на учебу в Москву. С самого начала учебы Даниялов столкнулся с серьезными материальными трудностями. Молодой семье фактически невозможно было жить на стипендию – 63 рубля. В этот критический момент жизни Абдурахман встретил в Постпредстве ДАССР секретаря Дагобкома ВКП(б) А. Муравьева, и по его ходатайству он был зачислен в парттысячники, что повышало стипендию до 170 рублей, его прикрепили к закрытому распределителю и предоставили отдельную комнату в общежитии.

Вначале А. Даниялову было нелегко с учебой, так как сказывался недостаточный уровень подготовки в техникуме, а также и последствия преподавания на тюркском языке. Эти недостатки он старался компенсировать активным участием в общественной жизни института. Он исполнял обязанности секретаря ячейки ВКП(б) отделения, избирался председателем профкома вуза, исполнял обязанности ответственного редактора институтской многотиражки. Помимо этого, он являлся еще председателем землячества дагестанских студентов при постоянном представительстве Дагестана в Москве. Землячество проводило собрания, встречи с дагестанскими руководителями, приезжавшими в Москву, занималось решением материальных проблем студентов. На одной из таких встреч Даниялов познакомился с Н. Самурским, избранным в 1934 году первым секретарем Дагобкома ВКП(б).

За время учебы в институте А. Даниялов неоднократно был награжден грамотами ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Комитета Всесоюзного соревнования высших школ и техникумов при газете “Комсомольская правда”. Летом он проходил практику на строительстве Гергемельской ГЭС, и знания, полученные во время практики, пригодились ему при разработке дипломного проекта на тему: “Плотинный узел Гергемельской ГЭС на реке Кара-Койсу у селения Хвартикуни”. Дипломную работу А. Даниялов защитил в июне 1935 года и ему было при-

своено звание инженера-гидротехника. В июле той же Государственной экзаменационной комиссией было принято решение оставить его в аспирантуре института.

Но республике нужны были квалифицированные кадры. Н. Самурский требует выехать в республику для работы в Наркомземе ДАССР. Получив согласие своего научного руководителя и посоветовавшись с руководством вуза А. Даниялов с женой выехал в Дагестан. Они остановились на квартире второго секретаря Дагобкома ВКП(б) М. Шарапилова, близкого знакомого семьи Данияловых, так как им не было предоставлено жилье. Даниялов получил должность начальника управления гидроирригацией и гидротехническими сооружениями Дагестана при Наркомземе. Но руководство МИИВХ не хотело терять способного аспиранта, и в 1936 году директор института Е. Новик направил письмо Н. Самурскому с просьбой откомандировать Даниялова в Москву для продолжения учебы в аспирантуре. Однако Самурский, приметив перспективного работника и хорошего организатора в области экономики, решением бюро обкома отказал отправить его в аспирантуру, и Абдурахман вынужден был продолжать свою работу в Дагестане.

Страна приближалась к роковому 1937 году. Повсеместно развернулись компании по разоблачению и уничтожению “врагов народа”. Незаконные репрессии не обошли стороной и Дагестан. Главным организатором и исполнителем политики репрессий в республике был нарком внутренних дел ДАССР В. Ломоносов и второй секретарь обкома партии М. Сорокин.

Одним из громких дел по ликвидации врагов народа в Дагестане было дело о “Вредительской деятельности наркомзема Д. Саидова и его подручных”. В связи со снятием Саидова постановлением бюро Дагобкома ВКП(б) на пост наркома земледелия был утверждён А. Даниялов. Перед ним стояли сложные задачи. Прежде всего необходимо было завершить коллективизацию сельского хозяйства республики. Пашни и сенокосы в горных районах не были обобществлены и это приводило к сохранению социального неравенства жителей села. Немалый ущерб работе наркома наносили необоснованные репрессии. По обвинению во вредительском руководстве сельским хозяй-

ством ДАССР были арестованы руководящие работники наркомата земледелия: заместители наркома Абакаров, Архипов, Караев, Юзбеков. Такое положение с кадрами не давало возможности полностью сосредоточиться на работе.

Работники НКВД пытались усмотреть признаки вредительства в любом решении А. Даниялова, а руководство обкома партии не желало заступаться за лиц, арестованных НКВД, боясь, что их обвинят в преступных связях с врагами народа, поэтому жалобы и обращения Даниялова в обком партии оставались без ответа. Обстановка в дагестанской парторганизации в это время была очень напряженной. Руководство Дагобкома разделилось на несколько группировок, и они вели между собой закулисную борьбу.

Особенно напряженными были отношения между секретарем обкома Н. Самурским и Председателем СНК ДАССР К. Мамедбековым. Вскоре председатель ДагЦИКа М. Далгат и Председатель СНК ДАССР К. Мамедбеков были объявлены буржуазными националистами и постановлением бюро обкома ВКП(б) были исключены из партии и арестованы. А. Даниялов на заседании бюро отсутствовал, так как находился в командировке в Москве. Но арестом Мамедбекова и Далгата разоблачение буржуазных националистов в Дагестане не закончилось. Второй секретарь обкома ВКП(б) М. Сорокин и нарком внутренних дел ДАССР В. Ломоносов выдвинули подобное обвинение против самого Н. Самурского, и он тут же был арестован.

В 1937 году на III пленуме Дагобкома ВКП(б) было оглашено постановление ЦК ВКП(б) о назначении первым секретарем Дагестанского обкома партии М. Сорокина. Председателем ДагЦИКа был назначен А. -Г. Тахтаров. А. Даниялову был предложен пост Председателя Совнаркома ДАССР, но он, сославшись на свою молодость и неопытность, отказался от этого предложения. А истинная причина отказа состояла в том, что он не хотел и не желал подняться на высокий пост, идя по трупам друзей и товарищей. Председателем Совнаркома был утвержден Дж. Магомедов.

В условиях плановой экономики работать было крайне трудно. Планы развития сельского хозяйства утверждались сверху, из Москвы, и делалось это без учета местной специфики. Так было с культивированием хлопка в республике. Усилия Даниялова объяснить вы-

шестоящим инстанциям нецелесообразность культивирования хлопка в Дагестане заканчивались лишь упреками в адрес руководства наркомата. Ему даже было объявлено партвзыскание.

Как уже говорилось, самым важным вопросом, который было необходимо решить Даниялову, было проведение коллективизации сельского хозяйства в Дагестане. Особое внимание уделялось горным районам республики.

Главным результатом деятельности Даниялова в годы управления сельским хозяйством Дагестана было завершение коллективизации в республике. 1939 год в этом отношении был переломным.

В руководстве республики вновь произошли значительные изменения. Они были связаны с политикой Сталина на сворачивание репрессий, обусловленное катастрофическим положением с кадрами во всех органах управления страной. Сталин решил сменить руководство НКВД, обвинив его в нарушении законности. На V пленуме Дагобкома ВКП(б) был рассмотрен вопрос о наркome внутренних дел ДАССР В. Ломоносове. Он был снят с работы, арестован за грубейшие нарушения законности и затем расстрелян. Новым наркомом стал А. Пантелеев. На пленуме также обсуждался вопрос о снятии с работы первого секретаря обкома партии М. Сорокина. На его место был утвержден Н. Линкун.

В апреле 1939 года решением бюро Дагобкома ВКП(б) А. Даниялов был утвержден заведующим сельхозотделом обкома партии. На этой должности он проработал недолго. В июле этого же года он был утвержден третьим секретарем Дагобкома, ответственным за руководство сельским хозяйством республики. В начале 1940 года постановлением ЦК ВКП(б) А. Даниялов был утвержден Председателем Совнаркома ДАССР вместо Д. Магомедова, который был снят с работы вследствие конфликта с секретарем обкома партии Н. Линкуном. Даниялов возглавил Совнарком, будучи уже опытным руководителем. К этому времени и политическая обстановка в мире резко обострилась. Руководство страны во главе с И. Сталиным постепенно начало осознавать неизбежность второй мировой войны. И правительство СССР пыталось добиться качественного улучшения обороноспособности страны.

Назначение Даниялова на пост Председателя СНК ДАССР было не случайным, так как на руководящие должности в стране начали выдвигаться люди, хорошо знавшие дело, зарекомендовавшие себя качественными результатами в работе. В связи с началом войны перед руководством Дагестана встала задача скорейшей перестройки народного хозяйства республики на военный лад. На особом совещании в Совнарком ДАССР было принято решение о выполнении мероприятий, предусмотренных мобилизационным планом республики.

Перестройкой промышленности Дагестанской АССР на военный лад и организацией производства вооружения и боеприпасов на предприятиях республики непосредственно занимался Махачкалинский комитет обороны, созданный в октябре 1941 года. В годы войны А. Даниялов руководил такими отраслями, как промышленность и транспорт, колхозно-совхозное, строительство, торговля и общепит, наука, культура и просвещение.

В связи с опасностью прорыва гитлеровских войск на Кавказ в октябре 1941 года ГКО издал приказ “О создании оборонительного рубежа от Каспийского моря по р. Терек до Минвод включительно”. В те годы сооружением оборонительных рубежей как на р. Терек, так и на Салатавии руководил А. Даниялов. Особо он обращал внимание на решение проблем эвакуации населения, беженцев. Он был одним из инициаторов в деле решения вопроса развернувшегося в республике по сбору средств на сооружение танковых колонн и авиаэскадрильи. В Дагестане развернулось широкое патриотическое движение. По инициативе А. Даниялова был сформирован эскадрон конников под командованием Кара Караева. Этот эскадрон сражался на важнейших участках Великой Отечественной войны и дошел до Берлина. С яркими речами Даниялов выступал как в Махачкале, так и в разных городах и республиках – в Грозном, Орджоникидзе и т.д.

В начале войны Даниялов был назначен членом Военного совета 44-й армии, которая сражалась в предгорьях и в горах Кавказа. Одной из серьезных проблем, решенная Данияловым, была борьба с банд-выступлениями в горах Цумадинского и Цунтинского районов и с дезертирством. В 1942 году ему удалось ликвидировать антисоветские выступления и развернуть широкую работу по борьбе с дезертирством.

Летом 1942 года в Махачкалу приехала группа руководителей обороны Кавказа во главе с Л. Берия для изучения положения дел в Дагестане. А. Даниялов при встрече с Л. Берией обрисовал ему положение в Дагестане и работу обкома партии. Вскоре первый секретарь Дагобкома партии Линкун был освобожден от этой должности и на его место был утвержден Азиз Алиев, присланный в Дагестан по рекомендации М.Багирова – секретаря ЦК Компартии Азербайджана.

После депортации чеченцев и ингушей в 1944 году и упразднением ЧИАССР Дагестану были переданы 7 районов: Андалалский, Веденский, Курчаловский, Ножайюртовский, Саясанский, Шурагатский. Была проведена большая работа по переселению дагестанцев в эти районы и их обустройству на новом месте жительства.

Массовый героизм народов Дагестана, их самоотверженный труд в тылу, беспредельная преданность Родине обеспечили высокий авторитет Стране гор в годы войны. Именно этот факт сыграл существенную роль в том, что Дагестан избежал трагедии депортации, ставшим роковым для многих северокавказских народов в 1944 году.

В годы ВОВ наиболее ярко проявился управленческий, организаторский талант Абдурахмана Даниялова, внесшего немалый вклад в общее дело победы над врагом. Даниялов очень часто выезжал в районы республики, проводил многочисленные совещания с руководителями районов, давал указания по организации сельхозработ и возрождения экономики районов и сел. В конце 1948 года секретарь Дагобкома А. Алиев был отозван на годовичные курсы. На V пленуме Дагобкома ВКП(б), который состоялся в декабре 1948 года Абдурахман Даниялович Даниялов был утвержден первым секретарем Дагобкома партии. Выступая на пленуме, Азиз Алиев высоко оценил работу Даниялова в годы войны и послевоенного восстановления хозяйства и выразил уверенность, что он сможет успешно руководить дагестанской парторганизацией.

Абдурахман Даниялов был скромным человеком. Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях Ш.Шамхалов: “Государство выделило средства на строительство дач для руководящих работников республики, т.е. для первого секретаря обкома партии, Председателя Президиума Верховного Совета и Председателя Совета Мини-

стров ДАССР. А.Алиев распорядился построить ему дачу на юго-восточной окраине города. Для А.-Г. Тахтарова дачу построили на склоне горы Тарки-Тау, а Председатель Совета Министров Абдурахман Даниялов дал распоряжение вместо дачи построить в Махачкале жилой дом. В этом доме, что стоит на ул. Горького, получили тогда квартиры инвалиды войны, вдовы погибших воинов, специалисты народного хозяйства, ученые, словом те, кто остро нуждался в жилье и заслужил его”.

Как секретарь Дагобкома партии, А. Даниялов уделял внимание идеологической работе, решению социально-экономических задач в республике. В период работы Даниялова первым секретарем обкома партии в послевоенные годы успешно началась работа по восстановлению и созданию новых отраслей промышленности. При этом большое внимание уделялось выявлению ресурсов каждого предприятия, изучению природных ресурсов республики, вовлечению их в хозяйственный оборот, внедрению достижений научно-технического прогресса, реконструкции и модернизации действующих предприятий. До 70-х годов были переоборудованы промышленные предприятия довоенного периода. Огромное внимание уделялось темпам развития нефтяной и газовой промышленности.

Высшие партийные советские органы видели в лице Даниялова растущего, способного, инициативного и дисциплинированного работника. Решением Политбюро ЦК он возглавлял делегацию Советского Союза в Канаду, ГДР, Чехословакию, Болгарию и в Албанию. Согласно реформе работы партийных организаций, Даниялов одновременно совмещал работы первого секретаря обкома партии и Махачкалинского горкома партии. А. Даниялов в эти годы неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР и ДАССР, членом Президиума ВС СССР и членом ЦК КПСС.

Большое значение приобрела его работа по осмыслению роли Шамиля в истории Кавказской войны. После совещания по идеологическим вопросам при ЦК подверглась пересмотру оценка истории Кавказской войны. Инициатива пересмотра исторической оценки Кавказской войны и роли Шамиля исходила от Багирова. Исчерпав возможность утвердить свою концепцию в рамках научной дискуссии,

он решил действовать на государственном уровне. Вскоре после появления багировской статьи в “Большевике” А. Даниялов был вызван на прием к Г. Маленкову, который дал указание ему поддержать Багирова. А. Даниялов возразил, сказав, что “поддержать Багирова – значит пойти против исторической правды”. На это Маленков ответил ему, что бывают времена, когда история подчиняется политике. А. Даниялов заявил, что у него нет достаточного материала для написания подобной статьи. Тогда Маленков сказал ему, что у ЦК есть кому написать такую статью, но все хотят, чтобы именно Даниялов написал ее. “Вы зайдите к Сталину, это его указание”, - завершил разговор Маленков. К И.В. Сталину А. Даниялов не пошел, а вернувшись в Дагестан начал работу над статьей. Впоследствии опубликованную статью он пересмотрел основательно и в новых вариациях была написана статья об истории Кавказской войны.

В 1950 году в честь 30-летия Дагестана Абдурахман Даниялов вновь был награжден орденом Ленина. Но Багиров не оставил своих попыток устранить Даниялова с политической сцены. На этот раз под влиянием Багирова против Даниялова выступил Председатель Совета Министров ДАССР С. Айдинбеков. Но вскоре из-за непартийного поведения и высокомерного отношения после проверки ЦК Айдинбеков был снят с работы с партийным взысканием и на его место был назначен Председателем СМ ДАССР умный и достойный работник М.Меджидов.

25 августа 1958 года А. Даниялов отмечал свой 50-летний юбилей и в связи с этой замечательной датой и за достигнутые успехи в руководстве республикой он был награжден четвертым орденом Ленина.

В эти годы Даниялов особо обращал внимание на организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов, на строительство консервных заводов в горах, развитию виноградарства в республике. Особое внимание уделял образованию, по его инициативе Дагестанский педагогический институт был преобразован в Дагестанский государственный университет. В эти же годы была создана областная партийная школа, в которой готовились советско-партийные кадры. Не было такой сферы материального производства и духовной жиз-

ни, которой не уделял бы внимание Даниялов. К 60-летию Даниялов был награжден пятым орденом Ленина.

Партия и государство выдвинули проблему создания в республиках интеллигенции. Создание советской интеллигенции в Дагестане решалось одновременно в двух направлениях: по линии формирования новой интеллигенции из рабочих и крестьян, с одной стороны, а с другой – по линии привлечения к социалистическому строительству кадров старой интеллигенции, перевоспитания их в процессе построения социалистического общества. Представители народов Дагестана с помощью русской интеллигенции получили возможность приобщиться к культуре и науке.

За годы существования Советской власти в Дагестане выросли своя национальная интеллигенция, квалифицированные кадры, способные успешно решать сложные задачи технического совершенствования производства, энергичные организаторы, люди творческого ума с практической смекалкой, стоящие на уровне требований современной научно-технической революции, активные борцы за прогресс во всех сферах общественной жизни. За 50 лет существования Советской власти в Дагестане было подготовлено специалистов 52 профессий и направлений. Армия интеллигенции Дагестана, самоотверженно трудясь вместе со всем народом, внесла свой замечательный вклад в дело строительства социализма: в индустриализацию страны, коллективизацию сельского хозяйства и развитие передовой науки и культуры. Когда стремительно развивалась наука и техника, когда усиливалось их воздействие на все стороны экономической и духовной жизни Дагестана, роль и значение ученых всех отраслей знания еще более возросли в переустройстве и переделке общественных отношений. На подготовку этих ученых, кадров высокой квалификации особое внимание было обращено в послевоенный период. В целях внедрения достижений научно-технического прогресса в народное хозяйство республики, обком партии, руководимый А. Данияловым, придавал огромное значение развитию научно-исследовательских учреждений в Дагестане.

В 1949 году на основе Дагестанской базы Академии наук СССР был организован Дагестанский филиал АН СССР. Председателем пре-

зидиума филиала стал доктор физико-математических наук академик АН Азербайджанской ССР Х.И.Амирханов, которого А. Даниялов пригласил в Дагестан из Азербайджана.

Интеллигенция нашей республики самыми глубокими корнями была связана с производством и участвовала в создании материально-технической базы, организовывала содружество науки и техники, переносила науку в производство, в гущу народа, совершала гигантский скачок в науке и культуре, в духовной жизни народов и в производственных отношениях.

Строительство нового общества предполагало не только всемерное развитие производительных сил, но и воспитание горцев Дагестана в духе научного мировоззрения.

Абдурахман Даниялович Даниялов понимал, что кадры решают все и особое внимание обращал на выращивание и воспитание высококвалифицированных, дисциплинированных и честных, партийно-хозяйственных, партийно-государственных и культурных работников республики. Примером тому служит то, что А. Даниялов пригласил к себе председателя президиума филиала Академии наук СССР Х.И. Амирханова, директоров параллельных институтов филиала, ректоров высших учебных заведений и попросил представить на рассмотрение обкома партии список перспективных работников науки и культуры в целях подготовки кандидатами и докторами наук через научные учреждения АН СССР и высшие и средние специальные учебные заведения. Абдурахман Даниялов считал, что в течение 10 лет республика должна подготовить сотни кандидатов и докторов наук по самым различным отраслям науки и культуры.

Одно несомненно – умение подбора кадров и их расстановка по различным хозяйственным, партийно-культурным и государственным организациям и учреждениям, создание министерств и ведомств играло большую роль в развитии экономики и культуры республики. Даниялов считал, что там, где способный и деловой работник, отвечающий требованиям, ликвидируется отставание и успешно решаются все вопросы. Одним из ярких примеров в этом отношении является то, что Дагестан выполнял все планы по различным отраслям народного хозяйства и выделял на пополнение союзного

бюджета 7 млрд. рублей. Многие изделия и продукция, выпускаемая промышленными и сельскохозяйственными предприятиями были отмечены первыми премиями как на всесоюзных, так и на всемирных выставках.

Абдурахмана Даниялова окружали и поддерживали помощники, секретари обкома партии и комсомола, члены бюро обкома партии, члены Совета Министров, Президиума Верховного Совета, министры, руководители отделов и комитетов, секретари райкомов партии и райисполкомов, председатели сельских советов. Республиканский партийно-советский, хозяйственный актив составлял тот костяк, который помогал Даниялову решать социально-политические и культурные вопросы республики. Среди них особо надо отметить М.-С. Умаханова, М. Меджидова, А.-Г. Тахтарова, Р. Эльдарову, М. Магомедова, Х.-К. Алиева, М. Юсупова, В. Одинцова, Ш. Шамхалова, Р. Гамзатова, Р. Магомедова, М. Джамбулатова, Ш. Шихсаидова, А. Султанамедова, Г. Арбулиева, А. Умалатова, Д. Азиева, Д. Магомедова, М. Абуева, М. Адукова, О. Алиева, А. Коршунова, Д. Магомедова, А. Гаджиева, Д. Даидова, М. Махулова, М. Вагабова, М. Гаджиева, М. Омарова, А. Ахмедова. и многих других.

Особо нужно отметить роль помощника первого секретаря обкома партии Магомеда Джалалугиновича Бутаева, человека, прошедшего войну и долгие годы работавшего с А. Данияловым, отличавшегося большой эрудицией, дисциплинированностью, культурой и хорошо знавший работу и республику. Он подготавливал весьма необходимые для пленумов и конференций вопросы, помогал А. Даниялову в решении многих из них. Работая с такими помощниками и с такими кадрами в период расцвета экономики и культуры, Дагестан занимал видное место в истории Советского Союза. Советское правительство обеспечило в Дагестане более высокие, чем в РСФСР в целом, темпы развития экономики и культуры. Это было вызвано необходимостью в короткие сроки ликвидировать неравенство, унаследованное от прошлого. Махачкала стала важным промышленным и транспортным центром республики. Здесь появились крупные предприятия – рыбоконсервный, судомеханический, металлообрабатывающие и машиностроительные заводы, горпромкомбинат, мяскокомби-

нат, обувная и швейная фабрики. Были реконструированы Махачкалинский порт, бумагопрядильная и текстильная фабрика им. III Интернационала, железнодорожный узел Махачкала-I.

Промышленные предприятия сооружались и в других городах республики.

Задача подъема сельского хозяйства, перестройки его на социалистический путь развития была наиболее сложной для Дагестана, поскольку его решение тормозилось живучестью патриархально-феодалных пережитков, влиянием духовенства, этнографической пестротой населения, отсталостью масс. Здесь, как в государственном, так и в экономическом строительстве, применялась своеобразная тактика, рассчитанная на завоевание доверия трудящихся горцев, на постепенное вытеснение влияния духовенства и сельской верхушки на массы, на ликвидацию патриархально-родовых пережитков.

Большое внимание уделяла Дагестанская партийная организация вовлечению женщин-горянок в общественно-политическую и хозяйственную жизнь края. Политическая активность горянок непрерывно росла. Развитие промышленности и реконструкция сельского хозяйства, превращение Дагестана в индустриально-аграрную республику, рост производительности труда позволили решить одну из важнейших задач КПСС – повысить благосостояние трудящихся масс. В Дагестане произошла культурная революция. Победа социализма, осуществление культурной революции под руководством областной партийной организации преобразили жизнь горцев.

В 1964 году новый руководитель страны Л.И. Брежнев созвал расширенное заседание Президиума ЦК и туда были приглашены все первые секретари ЦК компартий союзных республик, райкомов, обкомов партии. А. Даниялов как первый секретарь Дагобкома партии также принял участие в работе этого совещания. После совещания в стране началось проведение экономической реформы. На этом этапе страна вступила в новую полосу развития промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. В Дагестане также были достигнуты большие успехи. После XXIII съезда КПСС началось постепенное усиление политической власти Брежнева и его окружения. Негативные процессы в работе ЦК сопровождались ростом коррупции, раз-

ложения управленческого аппарата, сращивания его с дельцами "теневой экономики" и организованной преступностью. На руководящие должности в центре и на местах назначались выдвиженцы Л.И. Брежнева и лица его ближайшего окружения. Видя такую картину, А. Даниялов решил уйти с поста руководителя республики, так как его представления о партийной дисциплине были несовместимы с новыми порядками, складывавшимися в советском обществе.

В 1967 году Л. Брежнев пригласил к себе Даниялова и сказал: "Ваш народ никаких забот и хлопот не доставляет ЦК партии. Трудится на славу и живет дружно. Я люблю ваш народ и готов поддерживать все ваши предложения. Мы готовы отметить ваше 60-летие самым высоким награждением, однако у нас есть решение Политбюро ЦК о захоронении в горах Дагестана отходов радиоактивных веществ, и Вы обязаны возглавить эту инициативу".¹ Абдурахман Даниялов отказался от выполнения решения Политбюро, сказав, что он не намерен захоронить дагестанцев в результате отравления от ядерных остатков. Л. Брежнев ему ответил: "Нам с Вами не работать, как в качестве первого секретаря обкома партии". Даниялов поблагодарил его за внимание к нему по прошлой работе, встал и вышел от него.

В ноябре 1967 года пленум обкома партии освободил Абдурахмана Данияловича от должности первого секретаря Дагобкома партии, сохранив за ним должность Председателя Президиума Верховного Совета республики.

В 1972 году Даниялов подал заявление об освобождении его и от этой должности, ушел на пенсию и перешел на научную работу в Институт востоковедения АН СССР. В феврале 1969 года он защитил кандидатскую диссертацию, а в сентябре 1974 года – докторскую. В последние годы жизни А. Даниялов серьезно заболел, и в 1981 году в апреле месяце его не стало.

Абдурахман Даниялов оставил достойную и незабываемую память о себе у народов Дагестан. История Дагестана советского периода неразрывно связана с именем Абдурахмана Данияловича Даниялова. Он возглавлял Дагестан в самые трудные годы жизни республи-

ки. Он опирался на партийные организации и развернул огромную работу по активизации коммунистов в развитии народного хозяйства, науки и культуры. Он был тесно связан с районными и городскими первичными партийными организациями, потому что достижения республики были весьма успешными. Он любил комсомол и особо обращал внимание партийных организаций на комсомольскую и пионерскую организации.

Большое внимание уделял он работе среди женщин. Нет таких районов и сел, где он не бывал. Часто он пропадал на кутанах, посещал колхозы и совхозы, прислушивался к голосу специалистов сельского хозяйства, ветеринаров и животноводов. Внутрипартийная работа – это главное звено в цепи его деятельности, которую он поднимал и занимался во все времена своей работы.

Абдурахман Даниялов пользовался огромным авторитетом в Дагестане и за ее пределами. Подавляющее большинство людей, работавших с ним, вспоминают его только с положительной стороны, указывая на такие его качества, как интернационализм, трудолюбие, организаторский талант, восприимчивость к мнению окружающих, нетерпимость к халатности и недобросовестности в работе. Он пользовался большим уважением и доверием со стороны руководства страны. Путь, пройденный Дагестаном в годы руководства А. Данияловым, – это путь превращения ДАССР из отсталой аграрной в высокоразвитую аграрно-индустриальную республику. Даниялов достойно представлял Дагестан среди других республик Союза. К нему за советом и помощью обращались руководители других северокавказских республик.

А. Даниялов был большим патриотом своей республики. Ему многократно предлагали большие должности в центральном аппарате ЦК и СМ СССР, но его любовь к Дагестану всегда брала верх и не желал оставлять Дагестан. Родина высоко оценила заслуги Абдурахмана Данияловича: он был награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны и медалями.

На суд общественности представлены воспоминания, написанные его близкими соратниками, друзьями и людьми высоко-эруди-

¹ Упомянутое постановление Политбюро нигде не опубликовано и о радиоактивных захоронениях в Дагестане ничего не известно (*редколлегия*).

рованными и достойными. Будем благодарны их восприятиям, искренним словам и чувствам, их душевной теплоте. Спасибо вам, дорогие друзья, за ваши отзывы, за ваши добрые, справедливые и истинные слова об Абдурахмане Даниялове, за то, что душевной теплотой, любовью и уважением начерчены все буквы ваших воспоминаний и отзывов об этом благородном дагестанце, за то, что сегодня с гордостью и глубоким сожалением, что его нет с нами, мы вспоминаем его.

СПАСИБО ВАМ ВСЕМ!

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

I
РАЗДЕЛ

ВОСПОМИНАНИЯ
О
А.Д. ДАНИЯЛОВЕ

Ш.М. Шамхалов,
бывший Председатель Президиума ВС ДАССР

ЗАБОТЛИВЫЙ И СКРОМНЫЙ

Абдурахман Даниялов был лидером по натуре. И доказал это с юных лет. Помню, как мы, воспитанники Буйнакского интерната горцев, а попросту “детдомовцы”, постоянно конфликтовали с “городскими”. Вроде бы была такая мальчишеская игра: кто кого? Нас было значительно меньше, и тылов на городских улицах не было. Вот и доставалось “детдомовским”.

Как-то после особо чувствительной трепки пришло нам в голову обратиться к старшим воспитанникам, которые уже были переведены на учебу в педтехникум. Там, по слухам, верховодили наши, детдомовские парни Магомед Гаджиев, Расул Гаджиев, Абдурахман Даниялов.

Более 70 лет прошло с той поры, но я точно помню, как с их помощью были окончательно прекращены наши постоянные конфликты.

К моменту окончания среднего учебного заведения Абдурахман Даниялов был уважаемым человеком среди сверстников, преподавателей и городского комсомольского руководства.

Путь наверх был предопределен, тем более, что, я уверен, Абдурахман почувствовал в себе дух лидерства, не покинувший его в течение всей яркой жизни. Он был инструктором и секретарем райкома комсомола, кандидатом в члены ВКП(б) был переведен в обком ВЛКСМ.

И в студенческой Москве Абдурахман отличался примерной учебой, тягой к исследованиям. Не жалел он времени и сил на общественную работу. Тогда, в начале 30-х годов открывалась заманчивая перспектива – либо посвятить себя науке, к которой кратчайший путь шел через приглашение в аспирантуру, либо закрепиться на комсомольской, а затем и партийной работе и опять-таки в Москве. Тем более, что еще в вузе Даниялов стал членом партбюро института, а потом председателем профкома.

Преддипломная производственная практика будущего инженера-гидромелиоратора проходила на ГергебильГЭС. И Абдурахман понял,

что вся его дальнейшая жизнь неразрывно связана с Дагестаном. Он чувствовал, что стать лидером сможет только в Дагестане!..

Молодого специалиста назначили начальником Управления водного хозяйства, затем наркомом земледелия. Он стал одним из первых коренных дагестанцев, кому довелось занимать командные посты в экономике после многочисленных “прореживаний”, столь характерных для репрессивной ситуации тех страшных лет.

Даниялов работал неистово, безоглядно. Он решительно противился исключению из партии жертв партийных чисток. Он сражался за каждого специалиста – независимо от того, каким ярлыком наделяла его партийно-энкавдешная система. Он сам писал все свои доклады и выступления – по результатам личных наработок и впечатлений. И это стало правилом на всю жизнь. Даже на посту первого секретаря обкома партии он стремился все увидеть собственными глазами. Поэтому были компетентными и объективными его оценки всего, что происходило в республике.

Я не ставлю целью просто поразмышлять, пройдясь параллельным курсом с биографией Даниялова. Биография, равно как и удачная карьера этого честного и принципиального работника, чуткого и внимательного человека, давно уже хрестоматийна. Я обращаюсь к фактам своего общения лично с Данияловым или работы под его руководством, чтобы сегодняшнее поколение убедилось, что он действительно был сильным работником и крупной личностью, которому было суждено осуществить главную цель в жизни – беззаветно служить Дагестану.

Итак, год 1940-й. Молодой Абдурахман Даниялов – Председатель Совета Народных Комиссаров ДАССР. Восемь лет пробудет он в этой высокой должности.

С началом войны он стал членом Махачкалинского комитета обороны, членом Военного совета 44-й армии. Решительно и жестко руководил строительством оборонительных сооружений, участвовал в формировании частей и организации госпиталей, организовывал работу тыловых предприятий, колхозов и совхозов. Дагестанцы тогда построили для фронта бронепоезд, собирали средства для танковой колонны и авиационного звена. Под лозунгом “Все для фронта, все для победы” шел сбор денежных пожертвований, украшений из драгоценных металлов и камней, теплых вещей, продуктов.

На этом фоне казался внешне незначительным ежедневный прием посетителей, работы с обширной почтой: не иссякал поток писем от солдат и офицеров с фронтов Великой Отечественной. А Абдурахман Даниялович не оставлял без реагирования и ответа ни одного из обращений к себе.

Каждое заседание правительства решало очередную из насущных проблем. Мне памятна решимость Даниялова, когда в ответ на критику ЦК ВКП(б) о том, что в Дагестане не обеспечивают дровами и углем семьи фронтовиков, детские учреждения и госпитали, он тут же предложил назначить меня начальником управления топливной промышленности и жестко контролировал нашу работу, пока отрасль не вышла из прорыва – за счет улучшения работы леспромхоза, возвращения к жизни угольных шахт Юждага, рационального использования скудных собственных нефтересурсов.

Вникал Даниялов во все: Приведу один из случаев, происшедший буквально на моих глазах.

Председатель колхоза им. Дзержинского Гергебильского района ушел в армию. В ауле не осталось ни одного человека, который мог бы возглавить колхоз, кроме великана, бывшего циркового борца Османа Абдурахманова. Его не взяли даже в трудовую армию. И не только потому, что он страдал пороком сердца – одевать, обувать и кормить самого высокого человека Дагестана было целой проблемой.

Словом, великан Осман Абдурахманов в армию не попал, и его избрали председателем колхоза. Но хотя Осман в быту был очень скромным человеком и как все жил в то время впроголодь, злые люди заподозрили, что Осман втихую объедает колхозный склад и накатали заявление. Оскорбленный Осман ушел с должности. В Махачкале он пришел к Абдурахману Данияловичу, просто проведать его. Встреча была трогательной – Абдурахман хорошо знал борца, десятки раз видел его на аренах цирка, смотрел фильмы с его участием, и теперь, видя истощавшегося бледного богатыря, проникся к нему особым сочувствием.

– Говорят, что ты отказался работать в колхозе? – спросил Даниялов.

– В колхозе работать буду обязательно, только не председателем, а рядовым. Буду пахать, копать, сажать сады. В Кикини работы хватает.

Когда великан ушел, Абдурахман Даниялович распорядился выдать ему одновременно два мешка муки, ящик консервов и прикрепить, пока пребывает в столице, к столовой Совнаркома. А мне тут же поручил помочь сшить Осману обувь и одежду. А в дальнейшем проследить, чтобы, в порядке исключения, богатырю выдавали в месяц 60 килограммов муки и три килограмма сахара, хотя при карточной системе это был очень рискованный шаг.

По мере того, как фронт приближался к Дагестану, в горах на подступах к республике оживились стихийно возникшие бандитские формирования из дезертиров и уголовников. На этом фоне в среде руководства страны возникло в какой-то мере недоверие к нашей республике. Достойным ответом стали тысячи заявлений дагестанцев о добровольной отправке на фронт. В 1942 году Абдурахман Даниялович обратился к ветеранам гражданской войны с призывом сформировать добровольческий кавалерийский отряд. Боевое соединение под руководством легендарного Кара Караева достойно прошло путь от Буйнакса до Берлина. Даниялов пристально следил за боевыми действиями конников. В качестве председателя Буйнакского горисполкома я занимался экипировкой эскадрона, снабжением его на первых порах всеми видами довольствия.

В Буйнакске же мне пришлось встретиться с первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана Мир-Джафаром Багировым. Не поставив в известность дагестанское руководство, он прибыл в Буйнакс в специальном салоне-вагоне и проинспектировал размещенную в окрестностях города перед отправкой на фронт азербайджанскую дивизию, в которой был очень слабый командный и политический состав.

Положение было аховским, не было стрелкового оружия, продовольствия, медикаментов, посуды, белья, приемы рукопашного боя отрабатывали на палках. Команды подавались на родном языке. Багиров спросил: чем может помочь армии город? Я посетовал на скудность наших ресурсов, но перечислил, что может реально предпринять, в частности, выделить помещение под лазарет для больных. Багиров попросил меня сообщить Даниялову, что Багиров находится в Буйнакске и Даниялову нужно прибыть туда же. Они встретились, вместе ездили в расположение воинских подразделений.

Когда Багиров уехал, Абдурахман поблагодарил за оперативную помощь: выделение помещений под лазарет.

Я упомянул об этом эпизоде пространно потому, что с той поры Даниялов обратил на меня внимание и в дальнейшем я постоянно ощущал его внимание и поддержку, в том числе и в продвижении по служебной лестнице.

И случилось, что и мне пришлось в последующие годы вместе с другими соратниками Даниялова активно и принципиально поддерживать Абдурахмана, когда в его работе возникли осложнения.

В октябре 1942 года на дагестанской земле был высажен “десант” из 16 человек. Официально группа ответственных работников была направлена из Азербайджана “для оказания помощи партийно-советскому активу в проведении кадровой политики”. Мы прозвали их “26 Бакинских комиссаров”. Юмор оказался горьким, ибо чисто по-комиссарски, не поставив в известность парторганизацию ДАССР, “десантники” еще до приезда в Дагестан уверенно распределили между собой ключевые должности в руководстве республикой. Акция была задумана как составная часть хитроумного, амбициозного плана азербайджанского лидера Багирова, который решил ни больше ни меньше, как “воссоединить” Дагестан с Азербайджаном.

Справедливости ради скажу: среди “варягов” был очень порядочный человек – Азиз Мамедкеримович Алиев (мы звали его Азиз Мамедович). Он искренне полюбил Дагестан и дагестанцев. И это чувство стало взаимным. С первых дней на посту первого секретаря обкома ВКП(б) Азиз Мамедович проявил себя умным, добродетельным руководителем. Он жил интересами Дагестана, а традиционную дружбу дагестанцев и азербайджанцев использовал мудро и решительно. И уважение к нему в сердцах дагестанцев останется навечно.

Но остальные деятели, составившие “десант” по настоянию Багирова, подготовили письмо в ЦК ВКП(б), обосновавшее предстоящую акцию. Председатель Совнаркома ДАССР А.Д. Даниялов был категорически против постыдного письма и был готов предать его огласке, чтобы народы Дагестана узнали, как без них решается их судьба. Тогда Багиров и его люди в Дагестане составили хитроумный заговор по дискредитации Даниялова, полагая, что заодно пострадает и “нерешительный” А. Алиев.

Почему эти люди хотели избавиться от А. Д. Даниялова? Потому что он не пошел на сделку со своей совестью, имея по принципиальным вопросам собственное мнение. Как истинный патриот, он не мог

допустить, чтобы республика потеряла свое лицо. Он первым боролся за единый и самостоятельный Дагестан в составе Российской Федерации. И тогда в ЦК ВКП(б) пошла записка, создававшая отрицательное мнение о Даниялове.

ЦК ВКП(б) создал серьезную комиссию, которой на месте предстояло решить вопрос о соответствии Даниялова должности председателя правительства.

Проведенной проверкой было установлено, что большая часть написанного, лично касающаяся Даниялова, не соответствует действительности. Ошибки и просчеты правительства, вытекавшие из обстановки и связанные с войной, необоснованно ставились в вину лично Даниялову. Поэтому комиссией ЦК было отмечено, что обком партии и правительство несут в равной мере полную и совместную ответственность за состояние дел в республике.

И на какое-то время все стало на свои места. Это не устраивало Багирова. И буквально через полгода были затеяны новые козни против Даниялова.

А. Даниялов, с согласия А. Алиева, настоял перед ЦК партии о проведении новой проверки, заявив, что, в случае выявления компрометирующих фактов, готов подать в отставку.

Очередная тщательная проверка не подтвердила компромата. Итоги рассматривались в аппарате ЦК ВКП(б), который одобрил выводы комиссии.

В 1948 году на курсы секретарей обкомов партии уехал из Дагестана первый секретарь обкома Азиз Мамедович Алиев. Уехал, оставив о себе добрую память. И по сей день все, знавшие Азиза Мамедовича, отзываются о нем, как о замечательном человеке, кристально честном руководителе, патриоте Дагестана.

Первым секретарем обкома партии был утвержден А.Д. Даниялов, правительство возглавил С.М. Айдинбеков – из того же бакинского “десанта”, а проще – ставленник Багирова.

Сам же Багиров в 1950 году опубликовал статью “К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля”. Славные страницы героического прошлого Кавказа в борьбе с царизмом за независимость, длившейся почти 30 лет, были практически перечеркнуты. Вслед за Багировым, явно в его поддержку, выступила Академия наук СССР,

поведав “Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля”. Десятки статей в союзных и местных газетах содержали откровенную клевету на Шамиля и борьбу горцев за независимость. Конъюнктурщики обрушились на ученых, серьезно занимавшихся Кавказом и борьбой горцев Дагестана и Чечни, их работы не только запрещалось издавать, они изымались из библиотек.

В Дагестане главный удар пришелся по А.Д. Даниялову и профессору Расулу Магомедову. Даниялова ругали за обращение в ЦК ВКП(б) и редакцию журнала “Большевик” с опровержением статьи Багирова. Талантливый ученый Р.М. Магомедов, много писавший о борьбе горцев за свою свободу под руководством Шамиля, был лишен степени доктора исторических наук и отстранен от работы. Ставился вопрос об исключении его из партии.

Багировская фальсификация движения Шамиля имела самое отрицательное последствие для Дагестана. Но вместе с тем, антишамилевская акция была прямым продолжением кампании против Даниялова. Его обвиняли в препятствии восстановления исторической правды о Кавказской войне.

... На очередной пленум обкома был подготовлен вопрос об исключении Р.М. Магомедова из партии. Но А.Д. Даниялов проявил мужество и снял вопрос о повестке дня.

Тогда заговорщики стали собирать материал, необходимый для нанесения решающего удара по Даниялову и ряду руководящих работников обкома. В 1951 году в ЦК ВКП(б) была направлена записка, в которой явно проглядывало желание отстранить Даниялова и некоторых других партийных и советских работников от руководства республикой. Клеветники дошли до обвинения руководителей республики в национализме: раз обком партии не выступил открыто против Шамиля, значит, засели в нем националисты – такая мысль высказывалась в этой записке. Наличествовала в ней и дезинформация по экономическим вопросам.

Из Москвы снова приехала большая группа ответственных работников во главе с заведующим отделом ЦК ВКП(б) Н. Пеговым.

Комиссия собрала членов бюро обкома. Помню, как горячились мы, самые молодые секретари обкома партии, – Исмаил Магомедов,

Магомед Меджидов и автор этих строк. Мы настаивали на объективном разбирательстве.

В сентябре 1951 года после доклада комиссии в ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос “О работе Дагестанского обкома ВКП(б)”. В решении ЦК, помимо критической оценки работы обкома партии, было записано, что Совмин Дагестана работает неудовлетворительно. ЦК ВКП(б) отверг клеветнические обвинения содержащиеся в записке. Обкому партии поручалось рассмотреть вопрос о возможности пребывания Айдинбекова на посту главы правительства ДАССР. И кто бы мог подумать, что в 1953 году состоится еще одна, третья попытка отстранения Даниялова от руководства республикой? На сей раз заговор зрел в стенах министерства внутренних дел Дагестана, а возглавил его министр, генерал-лейтенант Маркарьян. Скрытно от обкома партии направил он записку в МВД СССР о якобы плачевном положении дел в Дагестане, особенно в сельском хозяйстве. Главный милиционер республики выставлял себя при этом завзятым аграрием.

Записка Маркарьяна во многом была аналогичной тем, которые писали в свое время иные заговорщики. Достоинства ее определялись заказчиками по количеству компромата. Многим, узнавшим об этой стороне деятельности Маркарьяна, поведение его казалось абсурдным. Но мы не знали, что в этой акции сам Берия руководил его действиями.

Берия обобщал материалы, присланные с мест его прислужниками, и решительно ставил вопрос перед ЦК партии о замене того или иного руководителя. Берия готовился к захвату партийной и государственной власти в стране и готовил своих сторонников к “царствованию” в регионах. Но не успел. Он был арестован, а затем расстрелян.

А записка Маркарьяна, побывавшая уже в ЦК и содержащая в себе предложения об отстранении Даниялова, была направлена в обком партии для рассмотрения. Если бы не возможные серьезные последствия этой записки, над ней можно было бы просто посмеяться. На бюро бравый генерал признался в ошибочности своих действий, заверяя членов бюро, что тянул, как мог, с подготовкой записки в МВД СССР, но его торопили постоянными звонками и угрозами о снятии с работы с привлечением к ответственности. Признался Маркарьян, что записка должна была содержать материал персонально на Даниялова с тем, чтобы снять его с должности.

Впоследствии Маркарьян проходил по делу Багирова, до которого после устранения Берии тоже дошла очередь. Багиров и Маркарьян в числе других сподвижников Берии – несостоявшегося самодержца в пенсне – были расстреляны. С их уходом ушли в историю и подлые неумные деяния заговорщиков в Дагестане. Несмотря на происки недоброжелателей, Даниялов во всю развернулся в послевоенные годы, восстанавливая народное хозяйство. Его активно поддерживали республиканский партийно-советский и хозяйственный актив да и все население Дагестана. Разумная кадровая политика, проводимая руководством республики, давала положительные результаты.

В 1957 году по настоянию Даниялова я возглавил Дагестанский Совнархоз. Руководитель республики абсолютно доверял и поощрял каждую инициативу. С его всемерной поддержкой в Дагестане были созданы предприятия важнейших отраслей индустрии, осуществлено строительство первых ГЭС Сулакского гидроэнергетического каскада, переведено на промышленную основу земледелие и животноводство, получили колоссальное развитие садоводство и виноградарство, сооружены многие объекты социально-культурного и жилищного строительства. При этом Абдурахман Даниялович пунктуально выполнил обещание, данное мне при назначении руководителем Совнархоза: не мешать работать, не заниматься мелкой опекой, не вызывать на бюро обкома и в Совмин с целью “заслушать”.

С именем А.Д. Даниялова совершенно справедливо связывают переселение горцев в плоскостные районы и заботу об обустройстве вернувшихся из ссылки чеченцев-аккинцев. Он был очень скромен и всегда незаметно отходил в сторону, когда совершалось торжество по поводу той или иной трудовой победы. Так было, например, на митинге по поводу пуска Чирюртовской ГЭС. Начальник строительства передал ножницы Даниялову, чтобы разрезать алую ленту. Абдурахман посмотрел на всех, потом на меня Председателя Совнархоза и по совместительству первого начальника строительства ГЭС и сказал: “Это твоя заслуга, сам и перережь”. В общем мы вместе перерезали ленту. Вспоминаю об этом ярком факте, чтобы лишний раз рассказать о высоком человеческом достоинстве и порядочности первого секретаря обкома партии. О личной скромности Даниялова красноречиво свидетельствует такой факт. Решением руководства страны в 1946 году

были выделены средства для дачного обустройства первых лиц Дагестана – первого секретаря обкома партии А. Алиева, председателя Президиума Верховного Совета ДАССР А. Тахтарова и председателя Совнаркома А. Даниялова.

Алиев и Тахтаров построили капитальные дачи. Даниялов же передал выделенные средства на строительство 12-квартирного жилого дома по ул. Горького, 15, в котором получили квартиры преподаватели вузов и другие научные работники. Сам Даниялов всю жизнь довольствовался трехкомнатной деревянной дачей, которая обветшала и развалилась. Не знавшие Абдурахмана люди утверждают, что Даниялов был строг и едва ли не жесток. Ерунда? Я не раз был свидетелем, как мучился он при необходимости наказать того или иного работника. Когда кто-то мне жаловался, что Даниялов сделал ему плохо, я уточняю: “тебе – лично или это связано с твоей нерадивой работой”.

Я поныне горжусь дружбой с Данияловым. В одно время на ее пути встали отдельные интриганы, задумавшие рассорить нас. Но Абдурахман был справедливым человеком и ценил верность в людях. В последний период жизни он выбрал меня в собеседники и в спутники в загородных прогулках в районе заброшенного ныне “правительственного” пляжа. Мы часами беседовали о прошлом. Даниялов был настолько тактичен, что никогда не позволял себе завести разговор о работе своих преемников. Он считал, что даже незначительная критика будет субъективной. Но и его преемники бережно сохраняли авторитет лидера, оберегали от наветов.

Отошедши от активных дел, он никогда не выпячивал собственной значимости в делах Дагестана. Он сам развенчал бытовавший долгие годы миф о том, что лично предотвратил высылку дагестанцев в годы войны – вслед за чеченцами. Он утверждал, что не знал об указе о высылке чеченцев, и конечно, ничего не мог сделать, если бы такой указ готовился в отношении дагестанцев. “Народы Дагестана доказали верность родине героизмом на войне и самоотверженным трудом в тылу” – считал он.

Он остался лидером в умах и сердцах дагестанцев, когда, уйдя с партийной и государственной службы, занялся исследованием истории Дагестана, стал доктором исторических наук. Сильный характер и чистая совесть позволили ему остаться в глазах дагестанцев одним из лучших руководителей.

Лидером его считали и руководители Северокавказских республик, краев и областей. Они менялись довольно часто по сравнению с А.Д. Данияловым, но всякий новый руководитель стремился к сближению с членом ЦК КПСС, первым секретарем Дагестанского обкома КПСС – так как были высоки его популярность и авторитет.

И первые руководители страны уважали и ценили Даниялова. В частности, Н.С. Хрущев присматривался к нему, намеревался перевести на одну из высших должностей в руководстве сельским хозяйством. Он принимал Абдурахмана в Кремле, помогал решать не только республиканские проблемы, но и личные обращения Даниялова. Известен факт, когда в опале оказался первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана И. Мустафаев. Он взял на себя смелость покритиковать безоглядное увлечение кукурузой, за что был снят с работы и даже подвержен негласному надзору. Даниялов дружил с Имаммом Мустафаевым, и не только безбоязненно навещал Мустафаева, но и, побывав на приеме у Хрущева, попросил, чтобы надзор был снят. Наш лидер горячо поручился за друга, который стал впоследствии крупным ученым-аграрником.

А в сердцах благодарных дагестанцев навсегда жива память об Абдурахмане Данияловиче – истинном патриоте родного края, талантливом горце, ставшем видным государственным деятелем, мудрым политиком и известным ученым.

instituteofhistory.ru

Р.Б. Эльдарова,
бывший Председатель Президиума
ВС ДАССР

БЛАГОДАРЕНИЕ

“... Абдурахман, стремительное время
Всем по заслугам должное воздаст...”
(из стих. Р. Гамзатова)

И это так! Каждый из нас эхом отзовется в будущем в зависимости от того, какой след в жизни оставит он, уходя в мир иной. Дания-

лов же оставил после себя след глубокий и эхо его еще долго будет отзываться в народе, и долинах и городах Дагестана, ибо богатым и сильным было само его существование. Рожденный в горах “самородок Кавказа”, как подарком судьбы наделен он был талантом и для своего народа, за тридцать лет руководства республикой сделал столько хорошего, что не оценить это было бы безнравственно. И принадлежал А.Д.Даниялов не только аварскому народу, а всему дагестанскому. И никогда я не согласилась бы с тем, чтобы его делили между национальными движениями.

Известно, что важнейший капитал нации – нравственные качества народа, а достоинство государства зависит, в конечном счете, от достоинства образующих его людей, а человек, в конце концов, измеряется тем, какой груз в жизни окажется ему по плечу. И, если исходить из этого, то Абдурахману Данияловичу оказался по плечу тяжелейший груз. Это и драматические довоенные годы, и суровые годы Великой Отечественной войны, и не менее тяжелые послевоенные годы. Поэтому, говоря о Даниялове, невозможно переоценить его заслуги в становлении, развитии и расцвете республики. Они, бесспорно, огромны и хорошо известны.

Поэтому нет необходимости подтверждать это длинным описанием примеров, фактов, цифр. Мне, многие годы работавшей с ним рядом, хочется рассказать лишь о некоторых качествах его характера, как первого руководителя республики, которые, как мне кажется, поучительны и для руководителя любого уровня.

Когда я принялась писать, меня вдруг посетила мысль, может быть, и кощунственная, но не скрою: слава Аллаху, подумала я, что не увидел Абдурахман Даниялович сегодняшнего дня страны и в этой связи не оказался вместе с нами свидетелем того, как поколение, построившее новый строй, новое общество, увидело его развал и распад государства, созданного за 70 лет, и того, как, по меткому выражению Р.Абдулатипова, “пена смутного времени выбросила наверх таких людей, от которых нация будет очищаться столетиями”. А по мне так и жизни не хватит, ибо без внутреннего очищения общества защититься от всего этого невозможно. А эта задача нелегкая и нескорая.

Порадовалась я и тому, что не увидел он и того, что творилось на нашей родной земле в майские дни 1998 года. Вот от чего плечи бы согнулись.

Мы, наше поколение, - пленники строя, в котором росли и работали, и нам нравилось, когда приоритет интересов общества над личным был велик. Теперь ведь с этим никто и не согласится. Наступили другие времена. А “времена не выбирают, в них живут и умирают” – сказал русский поэт Кушнер. Но важно все же, чтобы связь времен, связь поколений не распалась и чтобы не теряли мы уважения к минувшему, ибо это, как говорил Пушкин, – черта, отличающая образованность от дикости. Важно, чтобы не потеряли мы вконец того, что уже было достигнуто нашими предками, да и свои лучшие, дагестанские традиции, ибо тогда будем походить на тех, кто отрубает якорную цепь и его корабль болтается по воле волн или еще по чье-то воле. То, что творилось 20-21 мая в столице республики, было на то похоже.

Да и, как видим, нездоровые явления, кажется, не хотят этим ограничиться. Не понимает кое-кто, а скорее, не хочет понимать, что их безответственные действия могут обернуться национальным бедствием для всех народов республики.

То, чем мы, дагестанцы, гордились всегда, а гордились мы веками накопленным в нашем крае бесценным уникальным достоянием – дружбой и братскими отношениями между нашими народами, в те дни казалось рушится в одночасье, обливая кровью сердца, видящие как перечеркиваются святыне традиции наших народов. И слава Богу, подумала я в те дни, что есть и сегодня в республике такой руководитель, как Магомедали Магомедов, которому под силу было, срочно возвратившись из Москвы, в считанные часы предотвратить беду, взвалившуюся на народ.

Мужественным называют сегодня поведение Магомедова в те часы. А меня это его поведение ничуть не удивило, хотя, конечно, не могло не восхитить, не порадовать. А так, зная его человеческие качества, скажу, что по-другому он и не мог поступить, ибо это то, что и должен был сделать, при этом не задумываясь о всевозможных трагических последствиях для себя лично.

Людам с таким характером подобное свойственно во всех случаях и при любых ситуациях и особенно экстремальных.

Дай Аллах, чтобы не оскудела земля наша на мужественных, но при этом мудрых и умных земляков.

В беспамяත්стве и безумстве забыли организаторы майских беспорядков, что Родина у нас одна – Дагестан, и что наше единство перед ликом беды может спасти наши народы, наших детей, нашу республику. Не дай Аллах, чтобы из-за национальных распрей и противостояния политических и каких-то там еще сил, продолжали страшной ценой расплачиваться и наши дагестанские матери, теряя своих сыновей, и чтобы наш общий дом отцов пришел в разорение. А ведь, когда поезд пойдет под откос, его уже не вернешь на рельсы. И лучше быть умным хотя бы после свершившегося, чем никогда!

Поэтому надо обратиться к своему разуму, опомниться и остановиться. В хаосе и мраке перед нами должны встать сегодня наши гиганты, маяки и освещать наш путь. Это образы имама Шамиля, двухсотлетие которого все наши народы так торжественно отметили недавно, шейхов Магомеда Ярагского и Джамалутдина Кази-Кумухского, которые были духовными полюсами мусульман Кавказа и гордились тем, что “дагестанская страна, населенная многими народами, была всегда источником дружбы и добродетели”.

Такое предисловие не означает, что я отвлеклась от темы Даниялова. Наоборот. Национальный вопрос, тема дружбы народов были всегда предметом его пристального внимания, постоянной и приоритетной заботы перед всеми другими вопросами и делами. Национальную нетерпимость он считал недопустимым и, более того, преступной. Навсегда запали мне в сердце слова Абдурахмана Данияловича о необходимости помнить, что никогда нельзя допускать действий, которые могли бы образовать трещину между нашими народами. Склеить эти трещины будет уже невозможно, предостерегал он всех нас, кто работал рядом с ним, кто мог влиять на эти процессы. Дагестан будет Дагестаном, пока мы все вместе, говорил он.

В своей работе, а занималась я в обкоме идеологическими вопросами, старалась очень строго придерживаться этой линии.

Да и с позиции ислама, если обратимся к этому вопросу, то приходим к тому же выводу. Ведь из идеи о единстве Бога вытекает положение и о братстве людей. Нельзя же одними выкриками на площади: “Аллах Акбар” (такое мы видели по телевизору 20-21 мая) демонстрировать приверженность к исламу, Аллаху, тем более с его именем

совершать погромы в здании, где размещены государственные органы республики. Кошунственно упоминать Аллаха при подобных действиях, да и вообще так часто по поводу и без повода. Святое следует хранить глубоко в сердце и оставаться Человеком в самые тяжелые времена при любых ситуациях.

В период моей работы в комсомоле, это были годы Великой Отечественной войны и послевоенные, до 1948 года, руководителем партийной организации Дагестана был Азиз Мамедкеримович Алиев. Старшее поколение хорошо его помнит, а я вспоминаю с трогательной теплотой. Это был редкой души человек и руководитель. И, наверное, в республике нет и не было человека, который мог бы сказать о нем худое слово. Хотя положение я занимала и не очень высокое, он знал каждого комсомольского работника и меня в их числе. И предсказывал тогда еще мою перспективу. Помню, в 1958 году, приехав в гости к Даниялову, обходил вместе с ним кабинеты в обкоме и, зайдя ко мне, тут же сказал: "Я же вам говорил, что так будет. После Алиева руководителем партийной организации республики стал А.Д.Даниялов, и весь период моей партийной, государственной работы в Дагестане (1947-1967 гг.) пришелся на время его руководства областной парторганизацией. И, конечно же, вспоминаю я его также с большой теплотой и благодарностью. Лично для моего роста он сделал много, и учиться у него было чему.

Я уже писала в свое время, что считаю Даниялова, по большому счету, выдающимся деятелем, и, бесспорно, он являлся лидером своего народа.

Вопрос о лидерах очень серьезный вообще. И они, лидеры, нужны народу. Их культ - тоже. Да только не всякий, а идущий от души народа. У народа должно быть ясное представление, что именно этот человек знает больше других, что он не подведет, что он надежен, честен. Лидер, он всегда на виду у народа. И если он проявляет все эти качества, а вместе с тем и высокую культуру общения с людьми, обаяние, чуткость, скромность и простоту - люди под его руководством способны решать самые сложные задачи. Таким мы знали Даниялова. И как лидер, он всегда держал руку на пульсе своего народа, а влияние его на людей было велико.

За все время своей работы в Дагестане я не знал случая, кроме лишь одного, когда бы люди, в каком бы уголке республики ни жили,

не прислушались бы к его мнению, к его обращению. А тот исключительный случай, чтобы не оставлять загадку, скажу, был, когда на партийной конференции Сергокалинского района Даниялову не удалось сменить первого секретаря райкома Запира Дадагатова, который заявил, что ни один царь еще не уходил добровольно со своего поста, не уйдет и он. И не ушел. Затем его снимали на бюро обкома. Этот факт, из уст Н.С. Хрущева, стал всесоюзным достоянием.

Другого случая я не знаю. Зато знаю, если где-то возникала острая неуправляемая ситуация, будь то в масштабе района или города, либо на районной, городской партийной конференции, что случалось чаще, стоило Даниялову обратиться телеграммой к людям, тут же все становилось на свои места. Это всегда меня восхищало, как и вообще его умение общаться с людьми. Он мастерски владел этим искусством. И главное состояло в том, что он никогда не унижал достоинства человека, глубоко вникал в суть разговора и дела, не рубил сплеча. В отношениях с подчиненными не пользовался он и своим высоким положением, своим превосходством, никогда не подавлял работающего рядом, и, даже делая ему замечание, умел при этом вдохновить и поддержать его.

Вспоминается такой факт. Предстояло мне, не помню на пленуме обкома или конференции, сделать доклад о Программе КПСС. А, как известно, это основной теоретический документ партии, определяющий ее цели, задачи и методы их осуществления.

В данном случае речь шла о третьей Программе партии, принятой XXII-м съездом (1961 г.) (я была делегатом этого съезда). И определяла эта программа, не больше, не меньше, как задачи строительства коммунизма, создание ее материально-технической базы, преобразование социалистических общественных отношений в коммунистические и, естественно, воспитание человека коммунистического общества. Так что у меня была задача не из легких. Без ложной скромности скажу, что вообще-то все сложные и трудные доклады на партийных и других мероприятиях доставались мне. Конечно же, после Даниялова.

Экземпляры доклада, как известно, предварительно раздавались членам бюро обкома для высказывания замечаний. Полагаю, что кроме Даниялова, никто и не удосужился прочитать его и замечаний мне не высказал, а Абдурахман Даниялович выразил свое замечание сле-

дующим образом: “Роза Басировна, вы можете написать этот доклад гораздо лучше, чем вы это сделали”. И более ни слова. Выслушав такое подбадривающее “замечание” и ответив на него одним словом - “хорошо”, я вышла из кабинета. И две ночи напролет улучшала, скорее заново составила тот злополучный доклад. Второй вариант он уже и не читал, полностью полагаясь, что будет доклад достойным темы. Так оно и было. Удовлетворение получила и сама, так как, если откровенно, прежний мне и самой не очень нравился.

Сам же Даниялов был оратором блестящим, и это играло немалую роль в его победах. Его холодная логика, изощренная диалектика, блестящее остроумие делали свое дело. Речи его отличались краткостью и убедительностью. И это, как я уже сказала, влияние на людей оказывало большое.

Бывало, когда я организовывала мероприятия самостоятельно, на которых он неизменно присутствовал (съезд женщин республики, всевозможные смотры, слеты), шутя просил “не разводить волгу-матушку”, т.е. длинноту.

А, Д. Даниялов отличался большой компетентностью при решении самых сложных вопросов, потому что был высоко эрудирован и внутренний мир его был богат необычайно. И при всем этом человеком он был скромным.

Есть такое понятие – велик своей скромностью. Я с полным основанием отнесла бы эти слова к Даниялову. При жизни ему всегда претили фальшивые почести, да и вообще почести любые. Так воздадим же ему должное теперь.

Но в одном Даниялов был все же строг. Разгильдяйство, безручность, нечестность, стремление приукрасить положение, переложить ответственность на других терпеть не мог, как и утверждает в своих воспоминаниях.

Сам отдавался работе, не жалея сил и времени, этого же требовал от других, в первую очередь от аппарата обкома, от горкомов, райкомов партии.

Как видим, при всем своем вежливом характере Даниялов был руководителем властным, но, как я уже отметила, не подавляющим. И это было важно. Он постоянно воспитывал в работниках партийных комитетов сознание их собственной значимости и ценности.

Помню, в бытность первым секретарем Советского райкома партии г. Махачкалы, я обратилась к нему по поводу тяжелого конфликта, возникшего у меня с первым секретарем Кизилюртовского райкома (мы шефствовали над этим районом, помогая им в уборке и заготовке сельхозпродуктов). Даниялов мог одним звонком туда разрешить наш спор и разрядить ситуацию. Но он не сделал этого, заявив мне: “Вы достаточно авторитетный в республике партийный работник, умеете строить и налаживать отношения с людьми, думаю и с этой ситуацией справитесь сами”. И, конечно же, он оказался прав.

Или вспоминаю такой редкий случай (пожалуй, он был даже единственным в практике партийной организации республики).

Будучи уполномоченной бюро обкома на отчетной районной партийной конференции родного мне Буйнакского района, должна была я обеспечить избрание первым секретарем райкома вместо работавшего там Ибрайхана Акаева Магомед Гайдарова – второго секретаря Махачкалинского горкома. Оба они были достойными людьми. Гайдарову не очень-то и хотелось перебираться из Махачкалы в Буйнакск, а Акаева кое-кто, в том числе из секретарей обкома, недолюбливал. Не позволял он никому ломать свой внутренний стержень. А он у него был крепкий и это иным не нравилось. Мои же симпатии были на стороне Акаева, и атмосфера на конференции, хотя и была острой и противоречивой, давала все же основание пойти против установки обкома и попытаться сохранить Акаева на посту первого секретаря райкома. Я связалась с Данияловым, который тогда находился в Тарумовском районе и получила у него согласие на это рискованное действие, правда после долгих уговоров. Я знала, что сам он тоже высоко ценит Акаева, но уже принятое коллективное решение обязывало.

“Под твою ответственность”, – сказал он, наконец, хотя и очень сомневался в удаче. Удалось. Секретари обкома были в шоке от моего “своеволия”, сочли, что дни моего секретарства сочтены. Успокоились, когда Даниялов вернулся из Тарумовки, так как я решила до поры до времени поинтриговать их и не говорить, что согласовала свой шаг с Данияловым. Из вредности, конечно. Пусть, думаю, понервничают. Один из секретарей, не буду называть фамилию, мне так и заявил, вам это вряд ли пройдет, дружба дружбой, а служба, мол,

службой. Прошло, однако. А жизнь подтвердила, что шаг этот был правильным.

Я могла бы привести еще ни один десяток примеров, когда Абдурахман Даниялович полностью доверял мне решение, как в центре, так и на местах – городах, районах многих сложных вопросов - и не было ни одного случая, чтобы я с ними не справилась или подвела его. Это происходило даже в тех случаях, когда он считал, что вряд ли удастся решить тот или иной вопрос, в частности, в центре, мотивируя свои сомнения тем, что у страны большие трудности с материальными ресурсами, не до наших проблем и вопросов. Но при этом подбадривал: поезжай, попробуй, у тебя, может, и получится. И получалось. Так было, когда привозила я в нелегкой борьбе добытые положительные решения центра об открытии в Махачкале университета, о строительстве сельских школ и домов для учителей на селе и многое, многое другое, в том числе и о возведении памятника Ленину на центральной площади Махачкалы.

Право руководить – высокое, обязывающее право. И оно предоставляется тем, кто обладает для этого необходимыми данными. Даниялов, по самым высоким меркам, обладал такими данными.

Не идеализирую ли я Даниялова, во всем ли он был так хорош, разве не ошибался он, подумает и спросит читатель. И будет прав. Все это тоже было. Он - человек, и великим из людей тоже свойственны ошибки, а порой и несправедливости. Это коснулось основательно и моей судьбы. Но не об этом сегодня речь. И это “все” капля в море и не идет ни в какое сравнение с тем, сколь много сделал он для своей республики, для своего народа, служа им, не щадя себя.

А идеалы в реальной жизни встречаются редко. Однако он полезен тем, что дает ориентиры для самосовершенствования. И в этом смысле работа с Данияловым была высокой школой для совершенствования и, повторяю, учиться чему у него было до бесконечности много.

Я благодарна судьбе за эту школу. Говоря о Даниялове, как мог заметить читатель, не сказала, что его “нет” и с благодарением произношу еще раз слово “был”.

В Дагестане ситуация сегодня очень серьезная. Конечно же, истоки ее, главным образом, в тяжелом экономическом положении республики, сложившемся в результате развала промышленности, которая у

нас во многом служила оборонным отраслям. Да и вообще, за годы “великой” перестройки развалилось, кажется, все, что могло развалиться. Отсюда поголовная безработица, особенно молодежи, что естественно, порождает недовольство людей. Плюс еще, многолетняя экономическая блокада республики, вызванная событиями на Кавказе.

Все это не давало, очевидно, возможности осуществлять какие-либо серьезные программы по созданию других видов промышленного производства, налаживанию сельского хозяйства и т.д. Да и нестабильность, вызываемая бесконечными столкновениями политических сил, убийствами и кражами людей, нескончаемыми митингами на площадях по любому поводу, не может способствовать нормальной работе всех органов, как республиканских, так и местных, по налаживанию хозяйства. Сейчас особенно желательны программы, обеспечивающие быстро реализуемые дела. Серьезная работа требуется с людьми. Последнее, мне думается, особенно хромает, о чем свидетельствуют факты искусственного насаждения ваххабизма в народе, да и события майских дней, когда сотни людей стихийно идут на погром дома, в котором работает Госсовет, парламент, правительство. Хотя в стихийность этого вандализма верится с трудом, да и вообще не верится.

Люди! Успокойтесь немного и опомнитесь, хочется сказать сегодня. Дайте руководству республики возможность заняться настоящими делами во имя общего блага, чтобы, наконец-то, показался свет в конце тоннеля и народ пошел на этот свет, а не туда, где больше шума.

А.Д.Умалатов,

бывший Председатель Президиума ВС ДАССР

ВЕЛИКИЙ ДАГЕСТАНЕЦ

О великих людях очень трудно писать. А Абдурахман Даниялович Даниялов всегда был великим дагестанцем. Трудно писать о нем потому, что вряд ли смогу мысленно воспроизвести широкомасштабную деятельность его и представить читателю его широкую натуру и глубокий внутренний мир. Но от такой ответственности освобождает

меня одно обстоятельство - ведь о нем будут писать и другие, в том числе и более компетентные.

Я в своей книге “От Сталина до наших дней”, вышедшей в 1993 году, постарался в меру своих способностей воссоздать образ незабвенного Абдурахмана Данияловича, показывая его в деле, характерными моментами - штрихами. Теперь поставленную передо мною задачу постараюсь решить, не касаясь того, что было сказано в выше-названной книге, то есть дать другие новые факты.

Однако о своей первой, незабываемой встрече с Данияловым, хотя об этом и сказано в моей книге, не сказать, хотя бы в сокращенном виде, не смогу.

В бывшем кулацком доме, где размещались райком и райисполком Карабудахкентского района, в позднюю зимнюю ночь от печки-буржуйки возник пожар. На время реконструкции этого здания райисполком перебрался в одноэтажное здание начальной школы, притеснив учеников в здание средней школы.

Жаркий августовский день 1945 года. Подняв пыль столбом на главной улице Карабудахкента, недалеко от входных дверей нашего здания, остановилась легковая машина.

В большой классной комнате нас сидело несколько человек: секретарь райисполкома, заведующий райторготделом, заведующий общим отделом, машинистка и я – председатель райплана. Это было в полдень. В нашу комнату уверенным шагом и не спеша, без каких-либо сопровождающих, невысокого роста, коренастый, сам весь сгусток энергии и приятной наружности вошел незнакомый нам человек. Хорошо помню, он был в серых брюках – галифе из того же материала, что и китель с белым воротником. Такой костюм тогда назывался “сталинский” и быстро завоевал свой “авторитет” среди руководящих работников районов и республики. Наш посетитель был в черных хромовых сапогах, которые от сильной запыленности обрели светло-грязный вид. Толстый и широкий кожаный ремень опоясывал его талию, на правом боку висел пистолет, неизвестного мне образца, который удобно уместился в кожаной кобуре, сшитой дагестанским мастером.

С первого же его вопроса мы узнали, что перед нами стоял глава правительства Дагестана Абдурахман Даниялович Даниялов и все, си-

девшие за столами “умники”, встали с мест разом, как бы по команде “встать”. Если сказать очень кратко, то можно с удовольствием констатировать, что Даниялов день посвятил нашему району, уехал с председателем райисполкома по хозяйствам, вечером созвал совещание заведующих отделами, специалистов района с участием первого секретаря райкома партии и до поздней ночи он на примерах, выявленных недостатков в организации уборки хлебов и заготовки кормов, учил нас, как надо работать, какие надо готовить и принимать решения, каков должен быть контроль за их выполнением. Это было для меня большим уроком, полученным от большого человека. В двенадцатом часу ночи Абдурахман Даниялович уехал из Карабудахкента, оставив у всех, принявших участие в этом совещании, большое и доброе впечатление, как об очень деловом, требовательном руководителе республики.

Вот с тех пор, сперва в той или иной степени, а уже с 1949 года по моей работе в аппарате райкома партии близко знал Абдурахмана Данияловича, а потом уже непосредственно под его руководством работал в районе и республике. Это он доверил мне, 25-летнему парню, возглавить Карабудахкентскую районную партийную организацию, затем быть первым секретарем обкома комсомола и кандидатом в члены бюро обкома партии. Это Абдурахман Даниялович из пяти или шести кандидатов (среди которых и не было моей фамилии, поскольку я работал председателем колхоза) на пост секретаря парткома Ленинского колхозно-совхозного территориального управления (читай секретарем райкома укрупненного района) остановил свой выбор на моей кандидатуре. Да и назначение меня Председателем Совета Министров ДАССР не обошлось бы без него. Это он и будущий первый секретарь обкома партии М.-С.И.Умаханов, согласовав, дали предложение в ЦК партии. Я этим хочу сказать, что в моей судьбе, в моем становлении Абдурахман Даниялович принял личное участие, за что я ему благодарен и считаю своим добрым, умным, заботливым учителем-наставником.

Но я писал о Даниялове и пишу эти строки о нем не потому, что он меня заметил и выдвигал, а потому, что он заслужил своими делами всяческой похвалы.

Говоря об Абдурахмане Даниялове, мы говорим о целой эпохе исторического развития Дагестана. Достаточно привести последние три его должности: 1940-1948 годы – Председатель Совета Народных

Комиссаров (Совет Министров) ДАССР, 1948-1967 годы – первый секретарь Дагестанского обкома партии, 1967-1970 годы – Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР, то есть более 30-ти лет в первых рядах республики. За эту историческую полосу в Дагестане некоторые поселки: Двигательстрой (Каспийск), Избербаш, Кизилюрт выросли в города, а города Махачкала, Буйнакск, Дербент существенно изменили свой производственный и культурный облик. Тут можно говорить и говорить. Но я хочу остановиться на следующих двух примерах, когда Абдурахман Даниялович своей железной логикой, бесстрашным мужеством мог отстоять, как на самой высокой инстанции страны, так и перед рядовыми людьми – колхозниками – интересы республики, доказать свою правоту. Вот тому примеры.

Первый. 9 июня 1954 года состоялся Секретариат ЦК КПСС, где обсуждался вопрос “О состоянии дел в Дагестанской партийной организации” с участием полного состава бюро обкома партии. Я тоже как кандидат в члены бюро обкома партии присутствовал при этом обсуждении. Разумеется, обсуждению предшествовала долгая проверка большой группы работников ЦК партии. Руководитель группы проверяющих инспекторов ЦК КПСС Тищенко перед отъездом, вкратце проинформировал бюро обкома партии о результатах проверки. Было немало недостатков, особенно в сельском хозяйстве. Это низкие урожаи сельхозкультур, невыполняемость планов производства кормов, слабая работа МТС и МЖС, компанейщина в проводимых ряде хозяйственных и политических мероприятий, недостатки в подборе и воспитании кадров, контроле над исполнением решений, в идеологической работе и так далее, то есть то, что при проверке обнаруживается в любой областной парторганизации и против которых, безусловно, надо бороться. Но в информации работника ЦК было немало наносного, собранного из анонимок. Например, говорилось, что Даниялова в республике называют “хозяином” и это ему нравится. Тут Абдурахман Даниялович ударил по столу своим толстым синим карандашом горячо, возбужденно сказал Тищенко следующее: “Критика недостатков понятно, для этого проводятся и проверки, но зачем таскать сюда чушь, говорить ерунду, ведь в твою задачу входит защищать меня, как первого секретаря обкома партии от кляуз”.

В общем дело дошло до Секретариата ЦК. Три фактора настораживали нас: во-первых, что к этому времени Даниялов уже шесть лет

работал первым секретарем обкома партии, время достаточное не только для созидания, но и чтобы допустить ошибки, а это значит и для оргвыводов; во-вторых, что бюро обкома партии приглашено в полном составе – это нехороший симптом; в-третьих, руководитель группы проверяющих Тищенко был враждебно настроен против Даниялова. Это особенно ярко проявилось в его желании приписать Даниялову дружбу с разоблаченным год назад врагом народа Берией, незаслуженное восхваление им последнего. А все дело в том, что в июне 1945 года в “Блокноте агитатора” была опубликована статья “Дагестан в Великой Отечественной войне”, где Абдурахман Даниялов одним абзацем необоснованно превозносил Берию в годы войны. Но тут Абдурахман Даниялович сделал блестящий, аргументированный доклад, остановился, в основном, на недостатках, путях их решения, принимаемых мерах. Была критика членов бюро обкома, самокритика, но заявлено, что нынешний состав бюро обкома партии в состоянии исправить ошибки, ликвидировать недостатки. Остановился он и на злополучном слове “хозяин”. Он сказал: “Ни один секретарь райкома партии, председатель райисполкома, министр не называет меня этим словом и не назовет. Я выяснил откуда это исходит. Оказывается, заведующий финхозсектором обкома партии Эльсон кое-когда допускал в своих выражениях “хозяин”, “хозяина нет”, “я должен согласовать с хозяином”. Услышав, какой оборот принимает это слово, он тут же пришел ко мне и извинился и я, конечно, его как надо, как коммуниста отчитал”.

Вел Секретариат ЦК Михаил Андреевич Сулов. Все присутствующие слушали А.Д. Даниялова внимательно, не перебивая.

В заключительном слове М.А. Сулова были и такие слова, обращенные к Даниялову: “ЦК партии защищал Вас от врагов, но от критики парторганизации не защитит...” Эти не совсем понятные слова глубоко запали в мою память.

Второй пример. 3-4 июля 1954 года состоялся пленум обкома партии, обсудивший вопрос “О положении дел в Дагестанской парторганизации”, то есть задачи, вытекающие из обсуждения данного вопроса в ЦК партии.

Абдурахман Даниялович не только почти слово в слово передал состоявшийся там разговор активу республики, подверг резкой персональной критике почти всех членов и кандидатов в члены бюро

обкома партии, заведующих отделами, руководство Совета Министров, многих министров, других руководящих работников республики, секретарей райкомов, председателей райисполкомов. Много, вплоть до самобичевания, было и самокритики.

Что я хочу сказать, рассказывая об обсуждении как в ЦК партии, так и у нас на пленуме.

Во-первых, то, что Абдурахман Даниялович своим умением, логически правильным мышлением, признанием обсуждения в ЦК школы воспитания и закалки и его самого и членов бюро обкома партии, стойкостью и четкостью при ответах на вопросы и заявлением о том, что он сделал необходимые выводы, отделался легким испугом.

Во-вторых, после этого обсуждения Абдурахман Даниялович изменил стиль и методы работы. Мы и до этого знали его как сильного, энергичного, способного решать любые сложные вопросы руководителя республики. Но теперь эти качества у него еще углубились, требовательность к самому себе и подчиненным намного повысилась, его связи с районами, городами возрастали. Голос Даниялова чаще стал слышаться с отгонных пастбищ, высокогорных районов, нефтяных вышек, рыбных промыслов, виноградных плантаций, из научных учреждений, учебных заведений, очагов культуры, здравоохранения, со строительных площадок и др.

А его личный пример подтягивал актив республики, что в конечном итоге добром служило народам Дагестана.

Но мой рассказ преследует и другую немаловажную цель выяснения вопроса “червоточившего” меня. Почему М.А. Суслов сказал на Секретариате Даниялову, что “ЦК партии его защитил от врагов... Зимой 1968 года он и я возвращались из Москвы, из какого-то совместного мероприятия, поездом. Погода была несколько дней нелетная, и в таких ситуациях мы пользовались услугами железной дороги.

В салоне вагона в разговоре я его все же спросил:

– Тогда на Секретариате в 1954 году я не понял слова М.А. Сулова. От каких же врагов защищал Вас ЦК партии?

– До сих пор помнишь? – сказал Абдурахман Даниялович.

– Вы где-то, может быть, и говорили об этом без меня. Но я не знаю.

– Речь идет о нескольких эпизодах, о чем-то особо не распространялись, а о чем-то говорили широкомасштабно, на пленумах обкома партии.

– Что имел в виду Михаил Андреевич, сказав эти слова, я прекрасно знал.

Первое. Еще в годы войны против фашизма, точнее в 1943 году первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Д.А. Багиров под предлогом вывода Дагестана из трудного экономического положения вынашивал предложение о присоединении Дагестана к Азербайджану, сославшись на состоявшийся разговор на эту тему со Сталиным и якобы о его одобрении. Разумеется, ни я, ни первый секретарь обкома партии Азиз Алиев не дали ему положительного ответа, сославшись на то, что такой вопрос без обсуждения решать невозможно. А подумав глубоко, решили, что допускать этого нельзя. И Багиров по этому поводу долго нас не тревожил.

Уже после войны, после выборов депутатов в Верховный Совет СССР, Багиров опять поднял этот вопрос, сказав: “Сталин ждет Вашей записки и вопрос о включении Дагестана в состав Азербайджана решается немедленно.

Мы опять тянули с ответом, а Багиров стал мстить нам за это исподтишка. В 1948 году Азиза Алиева направили на курсы секретарей обкомов, а меня избрали первым секретарем обкома партии. Я и актив работали старательно, но опять Багиров какими-то формами добивался решения этого вопроса. Наконец-то я сказал: “Наш народ не согласен на такое решение вопроса”. А он, с какой-то пренебрежительностью сказал: “Что?! Ваш народ идет против предложения, одобренного Сталиным? Не тяни решения вопроса”, – почти в приказном тоне сказал он. Такой ответ ошеломил меня и я подумал, что Багиров может пойти на любую авантюру. Ведь он друг Берии и имеет свободный доступ к Сталину.

Воспользовавшись одной деловой поездкой в Москву, я попросился на прием к Георгию Максимилиановичу Маленкову – второму, после Сталина человеку по партийной иерархии в стране и подробно рассказал о домогательствах Багирова заполучить Дагестан, сославшись на согласованность вопроса со Сталиным, и добавил: “Дагестан более чем сто лет до Октябрьской революции вошел в состав России и уйти от нее никуда не собирается. Настойчивое стремление Багирова присоединить Дагестан к Азербайджану оскорбляет достоинство нашего народа, задевает и мою честь – первого секретаря обкома партии”. Г.М. Маленков, выслушав вниматель-

но, но не проявив никакой реакции сказал: “Завтра во второй половине дня зайдешь ко мне”.

На следующий день, приняв меня, он сказал: “Инцидент исчерпан, можешь быть спокойным”.

Я поблагодарил и ушел. Но ощущение мое было такое, как будто огромную гору, давившую меня, сняли с моей спины. А Сулов секретарем ЦК партии работает с 1947 года, он был в курсе этих дел, и в первую очередь имел в виду это.

Второе. С.М. Айдинбеков, выполняя волю Багирова, работая Председателем Совета Министров ДАССР, очерняя меня всякими небывлицами, оклеветал, а в ЦК партии поддержали меня, считали его заявления клеветническими. В сентябре 1951 года пленум обкома партии рассмотрел этот вопрос, ты тогда еще не был в составе обкома партии.

А письмо Маркарьяна уже после смерти Сталина в 1953 году и нашу оценку на пленуме ты должен знать. Тоже ведь клеветал.

– Это-то я хорошо знаю и выступил на том пленуме, правда, не по поводу личности Маркарьяна. Там речь шла преимущественно о развитии сельского хозяйства, а поднимал я некоторые вопросы специализации.

... И вот, выполняя просьбу коллектива авторов будущей книги о Даниялове, я вновь, как и в 1968 году, когда состоялся этот разговор, теперь через 30 лет думаю: каким мужеством, какой принципиальностью должен обладать человек, чтобы жаловаться на Багирова, подерживаемого всегда всемогущим вождем, полубогом – Сталиным. Только за одно это следует возвести в столице республики Махачкале памятник Абдурахману Данияловичу Даниялову в полный рост.

Я выше говорил о двух примерах, которые хотел привести. Первый пример касался высшей инстанции – ЦК партии. Я об этом рассказал. Теперь о втором примере – в решении сложного вопроса с рядовыми колхозниками, народом.

Строительство Чиркейской гидроэлектростанции обещало большую прибавку в доходы республики, много рабочих мест, регулирование бурного и быстротечного Сулака позволяло эффективно использовать воды этой реки для орошения полей. У истоков строительства этого объекта стоял А.Д. Даниялов. Но чтобы поставить станцию там, где она стоит сейчас, надо было образовать огромное водохранилище. По предварительным проектным разработкам, технико-

экономическим обоснованиям, населенный пункт Чиркей и все, что было вокруг, в том числе и новые кладбища, должны были оставаться под водой – покрыты водохранилищем. Для окончательного составления проекта нужно было согласие на это всех сельчан, оформленное постановление общего собрания колхозников. Это было в 1963-1964 годах. Я тогда работал секретарем парткома колхозно-совхозного территориального управления, центром которого был город Буйнакск. Я этим хочу сказать, что вопрос этот был наш, нам надо было его решать. Председатель райисполкома, начальник производственного управления и я с представителями то Совета Министров республики, то обкома партии неоднократно проводили собрания чиркейцев по этому вопросу и добиться их согласия не могли.

Переселиться на новое место недалеко от старого села в “Берцин-авлак” (“Краса-поляна”) они были непротив, но как быть с могилами отцов, дедов, матерей, бабушек, дедушек и другой родни, покоившихся там. “Мы регулярно посещали их, теперь лишимся этой возможности”, – говорили они. Потом их угнетало то, что кладбища должны быть, чтобы обеспечить экологическую безопасность воды, накрыты толстым (2 или 3 метра, не помню) слоем земли, а для этого там должна работать техника. Нет, не соглашались чиркейцы. Они говорили, ищите другие варианты строительства и перестали собираться на собрания по этому вопросу. Но других вариантов, как утверждали специалисты, для строительства ГЭС мощностью в один миллион киловатт просто не было.

Как-то позвонил мне Абдурахман Даниялович, пожурил за то, что никак мы не решим чиркейскую проблему и поручил завтра собрать как можно больше народу в Чиркее и что он и Умаханов приедут на собрание.

Вечером я, Даидов – начальник сельхозуправления, Нурмагомедов – председатель райисполкома поехали в Чиркей, чтобы провести подготовительную работу. Задача наша состояла в том, чтобы сорвать собрание. Актив населенного пункта обещал собрать народ. Так и случилось. Клуб был переполнен к приезду товарищей Даниялова и Умаханова. Собрание проходило без давления, на вполне демократической основе, путем объяснения, разъяснения экономической целесообразности, в смысле прогресса и необходимости строительства этой станции. Все время Абдурахман Даниялов говорил с оппонентами и отвечал на их

вопросы. Собрание приняло единогласное решение: “Переселить народ на “Берцин-авлак”, старое село уступить интересам ГЭСа.”

И вот выросла самая крупная на Северном Кавказе, уникальная по своим научно-техническим данным Чиркейская гидроэлектростанция. Одновременно вырос на “Берцин-авлаке” крупный современный населенный пункт. Строить их пришлось уже другому поколению руководителей республики. Тут речь идет о том, как сумел А.Д. Даниялов решить почти неразрешимый вопрос. Он умел очень аргументировано привести свои доводы, убедить массы в реальности и необходимости решения любого обсуждаемого вопроса.

Заканчивая воспоминания, хочу подчеркнуть еще одну особенность Даниялова, как руководителя республики. Он, как человек очень принципиальный и требовательный, обладал и чувством юмора. На равных говорил с любым человеком, с подчиненными. Тут примеров много. Сошлюсь на один.

Где-то в 1965 или 1966 году в Дагестан приехала для обмена опытом работы женская делегация из Болгарии. К нам, в Карабудахкент, позвонили и сказали: “В назначенный день эта делегация придет к Вам в район. Мы, разумеется, готовились, как положено. Хорошо помню, возглавляла эту делегацию болгарская турчанка, добрая, умная, шутливая окружная партработница по имени Фатима. Посетили они, как и было предусмотрено по программе, колхозы, клубы, библиотеки, школы и т.д. Сопровождала их заведующая отделом обкома партии по работе среди женщин Патимат Рамазанова. Уехали довольные обменом опыта. На следующий день звонит в райком партии Патимат Рамазанова и говорит:

- Вечером в обкоме партии при официальной встрече болгарской делегации у Абдурахмана Данияловича было очень весело и все хотело.

– Говорите, я тоже хочу посмеяться.

– Поэтому я звоню. Абдурахман Даниялович спрашивает у делегации: “Что больше всего Вам понравилось в Карабудахкентском районе”.

– Первый секретарь райкома, – без запинки, ни чуть незадумываясь, ответила руководитель болгарской делегации Фатима. Хорошо посмеялись все, но больше всех смеялась сама Фатима.

Где-то через два или три дня после этого разговора (болгарская делегация уже уехала на Родину), я был в обкоме партии (обком еще находился в старом здании) и шел к Шихсаиду Исаевичу по своим сельхозвопросам. В коридоре встретился с Абдурахманом Данияловичем и тут же он спросил: “Чем ты обворожил болгарок? Я-то уже знал о чем речь и говорю: “Наверное, Абдурахман Даниялович, своей внушительной внешностью”. “Вот хулиган”, – сказал он и улыбаясь ушел к себе.

Теперь в период непонятной “демократизации” общества слово “вождь” выброшено из лексики, либо издревле произносится с пренебрежением, иронически, даже злобно в адрес прежних, истинных вождей.

Но вождь, как объясняет словарь русского языка, и как есть на самом деле – это общепризнанный идейный и политический руководитель общества. Они с неба тоже не падают на парашюте, они выходцы из народа, они талантливые руководители, патриоты, организаторы, предводители народа данного общества, в котором живут и трудятся.

Рассматривая вопрос с этих истинных позиций, можно с уверенностью утверждать: Абдурахман Даниялович Даниялов долгие годы был вождем дагестанского народа, таким и останется он в памяти народной.

М.Ш. Абуев,

бывший заместитель

Председателя Совмина ДАССР

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Впервые я встретился с Абдурахманом Данияловичем Данияловым в июне 1939 года. Он был тогда секретарем Дагестанского обкома партии по сельскому хозяйству, а я, молодой еще человек, занимал скромную должность инженера-механика отдела машинно-тракторных станций Наркомзема ДАССР.

Я прибыл к нему по вызову, Абдурахман Даниялович принял меня в своем рабочем кабинете в старом здании обкома партии (где сейчас расположено Министерство сельского хозяйства). Я и раньше много слышал о нем, как о замечательном руководителе, чутком и отзывчивом человеке, интересном собеседнике. И с первых же минут знакомства убедился, что это общее мнение знавших его людей – правильное.

Как только я переступил порог кабинета, Абдурахман Даниялович встал и вышел из-за стола, приветливо улыбаясь, протянул мне руку и пригласил сесть. Меня, честно говоря, это поразило: тогда среди руководящих товарищей не принято было так держаться с подчиненными, стоявшими значительно ниже по служебной лестнице.

Абдурахман Даниялович подробно расспросил меня о моих личных делах, работе, хотя чувствовалось, что он отлично обо всем уведомлен, и затем перешел к цели встречи.

– Вам надо съездить на Ново-Надеждинскую МТС Бабаюртовского района, – сказал он. – Станцию лихорадит, срываются планы ремонта техники, колхозы жалуются. Разберитесь, в чем дело, и, если можно, наладьте все на месте. – А потом, помолчав, добавил: – Мне кажется, что причина в том, что руководство МТС работает недружно.

Приехав на место, я убедился в прозорливости Абдурахмана Данияловича, в глубоком знании им дела, людей. Директор МТС и его заместитель по политчасти, как говорят сейчас, “не нашли общий язык”, и их постоянные столкновения на глазах всего коллектива разваливали производственную и трудовую дисциплину, осложняли положение. Мне, к сожалению, не удалось тогда остудить головы, и я доложил об этом А.Д. Даниялову. Наладить ремонт комбайнов и тракторов с помощью машинно-технического отдела Наркомзема – в этом удалось помочь.

Когда я упомянул о том, что нашел в бумагах по МТС просьбу замполита к директору помочь одному колхозу выделением трактора, на что директор наложил такую резолюцию, которую, как говорится, невозможно воспроизвести в печати, Абдурахман Даниялович рассмеялся. Потом, посерьезнев, сказал: “Надо их развести, иначе дело загубят”.

Что и было сделано. И дела на Ново-Надеждинской МТС выправились.

Таких примеров быстрого и результативного решения А.Д. Данияловым производственных и кадровых вопросов мы знали тогда множество.

Позднее мне не раз приходилось присутствовать на совещаниях и инструктажах, которые проводил Абдурахман Даниялович. Благодаря его огромной эрудиции, отличному знанию дела и людей, вдумчивому отношению к решению всех вопросов, внимательности и отзывчивости к подчиненным, редкому умению расположить к себе, не побоюсь сказать, очаровать собеседника, эти встречи запомнились надолго. Указания Абдурахмана Данияловича всегда были четкими, определенными и выполнялись, как правило, успешно.

Несколько забегу вперед, чтобы дать еще один штрих стиля работы А.Д. Даниялова, характеризующий его требовательность к исполнению принятых обкомом партии решений. Дело было в начале 1949 года. Абдурахман Даниялович был тогда первым секретарем обкома партии. Обкомом партии было принято постановление “О ходе подготовки к весенне-полевым работам”, в котором было расписано, кому, когда и что делать. Я работал тогда заместителем заведующего сельхозотделом обкома партии по МТС, и вместе со мной на такой же должности по полеводству работал агроном по образованию Б.В. Бурштейн. Как сейчас помню, примерно в марте Абдурахман Даниялович пригласил нас к себе и проверил, как выполняется каждый пункт принятого обкомом партии постановления. Нам было не по себе, когда ряд пунктов оказался невыполненным. Нам был преподан урок, как следует контролировать выполнение решений обкома партии.

Буквально через месяц после начала Великой Отечественной войны я был призван в армию с поста директора Казбековской МТС. Страна переживала тяжелое время. Я знал и горечь отступления, и радость наступления. Не забудутся драматизм и критические ситуации первых недель и месяцев фашистского нашествия, когда с жестокими боями приходилось отступать в глубь страны. Не забудется и героика приграничных боев и мощных контрударов советских войск, изумивших мир.

Для победы нужны были и металл, и уголь, и, конечно, хлеб. Мобилизация в армию во многом обескровила тыл. Рабочих рук не хватало. И очень важной стала задача максимального повышения производительности труда, для чего необходимо было резко улучшить ис-

пользование техники МТС. Находясь уже в Румынии, я обратился с открытым письмом к комбайнерам Дагестана с призывом лучше подготовить комбайны и обеспечить уборку урожая без потерь, трудиться, как можно производительнее во имя Победы. Письмо было опубликовано в “Дагестанской правде”.

Вскоре “Дагестанская правда” опубликовала ответы мне комбайнеров Буйнакской МТС и я, к моей большой радости, получил письмо за подписью тогда уже Председателя Совнаркома ДАССР Абдурахмана Данияловича Даниялова. Он рассказывал о замечательных успехах трудящихся республики и пожелал нам, воинам, побед на фронте. Это письмо, так же как и письма комбайнеров, я храню до сих пор.

Победоносно закончилась Великая Отечественная война. Страна залечивала свои раны. Вернулся и я из армии. В 1946 году бюро обкома партии утвердило меня в должности заместителя заведующего сельхозотделом обкома партии по МТС.

Перед партийной организацией республики наряду с другими важнейшими задачами стоял вопрос об освоении свободных земель на плоскости и особенно пригодных к обработке земель зимних пастбищ колхозов горных районов для кормопроизводства и хотя бы частичного обеспечения горцев хлебом собственного производства.

В этот период, с января 1940 года Абдурахман Даниялович Даниялов был Председателем Совнаркома, играл большую роль в подготовке и проведении в жизнь постановления союзного правительства “О мероприятиях по укреплению колхозов горных районов ДАССР”. В решении СНК СССР было указано, что для увеличения доходов колхозов от полеводства и обеспечения колхозников собственными продовольственными культурами, наряду с повышением качества обработки почвы в горах, требуется всемерное расширение посевных площадей колхозов горных районов в плоскостных районах республики.

Эти решения сыграли в дальнейшем большую роль в подъеме экономики горных колхозов.

В послевоенные годы была расширена сеть машинно-тракторных станций, организованы машинно-животноводческие станции для обслуживания отгонного животноводства, значительно улучшена культура ведения земледелия и животноводства.

Вспоминается и такой случай. Я был заместителем министра сельского хозяйства ДАССР. Это было в 1952 году. Недостаток техники МТС не позволял механизировать сельскохозяйственные работы на горных плато и в долинах. Трудно было “пробить” эти вопросы в Москве, но Абдурахман Даниялович, которого я сопровождал в Москву, сумел убедить столичное руководство в необходимости выделения техники для механизации сельскохозяйственных работ в горах.

Тогда впервые были созданы десять механизированных тракторных отрядов со всей необходимой обслуживанием для механизированной обработки земель в хозяйствах горных районов.

Поражала его забота о рядовых тружениках полей и ферм. В конце сороковых годов в республике была создана комиссия по определению урожайности, и без подписи членов комиссии данные о передовиках сельского хозяйства, представленных к наградам, не рассматривались. При обсуждении кандидатуры звеньевой колхоза им. Ленина Сергокалинского района Айшат Магомедовой на звание Героя Социалистического Труда председатель комиссии по урожайности отказался подписать материал, ссылаясь на то, что, по их данным, урожай, полученный Айшат Магомедовой, почти на один центнер меньше, чем установлено в Положении, утвержденном Советом Министров СССР, а по данным Министерства сельского хозяйства ДАССР, урожай у нее был чуть ли не на два центнера с гектара больше положенного. Проще всего было отклонить предложение, ибо к мнению комиссии по определению урожайности в верхах прислушивались больше, но Абдурахман Даниялович предложил выехать в колхоз совместно, еще раз проверить и доложить ему. Проверка была произведена, данные Министерства подтвердились, Даниялов подписал представление, и звеньевая полеводческого звена колхоза стала Героем Социалистического Труда.

В 1948 году Абдурахмана Данияловича избирают первым секретарем Дагестанского обкома партии. На этом посту он проработал двадцать лет. У меня было много встреч с ним. Особенно наши встречи участились, когда я стал первым заместителем Председателя Совета Министров ДАССР. Не будет преувеличением сказать, что в успехах республики, в подъеме ее экономики и культуры в эти годы боль-

шую роль сыграли личные качества Абдурахмана Данияловича. Крупный партийный и государственный деятель, он был близок и дорог людям.

— Страна высоко оценила деятельность А.Д. Даниялова: он был награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени и одиннадцатью медалями.

Он был достойным сыном своего народа, любил Дагестан и не щадил себя в работе для его блага.

А.Г. Коршунов,
бывший первый секретарь
Махачкалинского горкома партии

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЛИДЕР ДАГЕСТАНА

С возрастом человеку свойственно все чаще обращаться к воспоминаниям. В них — лучшие годы жизни, встречи с интересными людьми, работа с ними... С чувством глубокого удовлетворения констатирую, что лучше всего мне жилось и работалось в Дагестане тогда, когда руководителем этого благословенного края был Абдурахман Даниялович Даниялов.

За 20 лет работы с ним, и под его руководством, у нас было много встреч и бесед. Они были для меня, особенно в первые годы работы, не просто товарищескими, но и отеческими. Встречаясь со мной, он часто говорил: “Ну, как дела, молодежь?” Иногда беседы были и острыми, но они никогда не оставляли неприятного осадка, обиды. Даже в такие минуты он сохранял уважение к себе и собеседнику.

Моя первая встреча с ним произошла в сентябре 1953 года в Москве в здании ЦК КПСС,

В первых числах сентября 1953 года я, ответственный контролер КПК при ЦК КПСС, был приглашен к заведующему сектором Северного Кавказа орготдела ЦК партии Б.Н. Пономареву. У него в кабинете находился человек, с которым мне, как уже говорил выше, пришлось работать рука об руку более 20 лет. Это был член ЦК КПСС, первый секретарь Дагестанского обкома КПСС Абдурахман Дания-

лович Даниялов. Б.Н. Пономарев представил нас друг другу. Встреча была короткой, но показалось, что мы были знакомы очень давно.

— Вы, Алексей Григорьевич, просите ЦК направить Вас на работу в любой горком партии, а вы, Абдурахман Даниялович, обратились к нам с просьбой решить Вашу кадровую проблему — порекомендовать Вам секретаря горкома в Махачкалу. Знакомьтесь и договаривайтесь.

— Вы не трус, — ошаршил меня своим вопросом А.Д. Даниялов. — Не боитесь ехать в Дагестан? Я ответил:

— Вы ищете храброго человека или секретаря горкома партии с инженерным и партийным образованием и опытом работы?

— Ваш предшественник, — усмехнулся Даниялов, — тоже обладал прекрасным образованием, но был крайне нерешительным человеком, работать с ним просто было невозможно.

— Меня Вам активизировать не придется.

— Вот и отлично, — сказал Даниялов, — и попросил меня завтра же выехать в Махачкалу, где уже назначена городская партийная конференция.

Я свято верил, что моя предшествующая работа в КПК при ЦК КПСС и в партийной организации Уралмашзавода, опыт инженерной и партийной работы помогут мне на новом месте. Но уже после избрания меня первым секретарем Махачкалинского горкома КПСС, я вдруг задумался: “Что я знаю о Махачкале, о Дагестане? Почему столь короткой и, по сути, беспредметной была моя беседа с А.Д. Данияловым при встрече в ЦК?” Знакомство с городом и республикой произошло “на ходу”.

Я работал в Махачкалинском горкоме партии одиннадцать лет, два года заведовал строительным отделом обкома, двенадцать лет был заместителем Председателя Совета Министров республики.

За эти годы все было: поиски выхода из сложных хозяйственных и политических ситуаций, оценки собственных ошибок и ошибок подчиненных. Первой и острой проблемой, как показала зима 1953-1954 годов, оказалась проблема водоснабжения города. Трудными были и годы послевоенного подъема городской экономики и городского хозяйства. В городе не было водопровода, канализации, городского транспорта, АТС, генплана застройки города. Из-за слабости строительных организаций почти бесперспективным казался вопрос о жилищном и культурно-бытовом строительстве. Работал в те годы

много и с подъемом. Но, честное слово, отдача была бы не столь эффективной, если бы по-отечески не помогал и не наставлял меня А.Д. Даниялов. Он опекал меня, не давал сорваться, принять опрометчивое решение. Не только словом, но и личным примером он вдохновлял всех руководящих работников на кропотливую работу по подъему экономики и культуры республики, направлял и мобилизовывал на это трудовые коллективы и партийные комитеты, каждого коммуниста, всех трудящихся республики.

Он напутствовал меня в нелегких, но ответственных поездках в Москву для решения городских проблем; он присутствовал и выступал практически на всех пленумах горкома и собраниях актива. Выступления его были яркими, запоминающимися, деловыми. Я не буду хронологически воспроизводить все моменты, касающиеся показанных ролей А.Д. Даниялова как выдающегося лидера Дагестана, как государственного и партийного деятеля и замечательного человека. Он являл собой пример мужественного, строгого и чрезвычайно человечного, партийного подхода к людям и проблемам; он не заискивал перед центром, его ответственными представителями. Он был умным, гордым и мужественным человеком.

В августе 1960 года Дагестан отмечал 40-летие своей автономии. Центральным событием праздника стал республиканский митинг на площади В.И. Ленина и открытие памятника В.И. Ленину.

На торжества в Дагестан А.Д. Данияловым был приглашен первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев. Сначала он дал согласие участвовать в празднествах Дагестана, но в последнюю минуту неожиданно отказался от этого намерения.

В Махачкалу было поручено поехать члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров РСФСР Д.С. Полянскому.

За двое суток до митинга и начала юбилейных торжеств в республике Д.С. Полянский связался с А.Д. Данияловым по телефону и уведомил его, что Никита Сергеевич на торжества в Дагестан не придет, представлять руководство страны на празднествах в Дагестане поручено ему. Он осведомился о порядке проведения торжеств. Узнав, что в Махачкале созывается 70-тысячный митинг с участием делегаций всех городов и районов Дагестана, Д.С.Полянский настоя-

тельно просил не собирать в Махачкале на митинг более трех тысяч человек и предложил немедленно перестроить сценарий праздника. Когда А.Д.Даниялов попытался возразить, Д.С.Полянский жестко предложил ему доложить свои возражения Н.С.Хрущеву. Во время этого телефонного разговора я находился в кабинете Абдурахмана Данияловича и весь этот разговор слышал. Даниялов повысил голос:

– Я не понимаю, как можно из 70-ти тысяч участников митинга сделать три тысячи? Во имя чего и зачем это делается...

– Не теряйте время, Даниялов, – отрезал Полянский. – Вызывайте секретаря горкома и начинайте действовать.

Разговор прервался. Понятно, что я тут же стал задавать вопросы Даниялову, которые он только что задавал Полянскому. Даниялов сказал:

– Ты все слышал. И знаешь, что надо делать. А как? Это твое дело. У меня сейчас своих забот полно. Я вспомнил, что в составе добровольных народных дружин в Махачкале числилось 30 тысяч человек. Почему бы энтузиастам правопорядка не присутствовать на митинге не в качестве его официальных участников, а в качестве лиц, обеспечивающих порядок на митинге.

Д.С. Полянский, встреченный на аэродроме А.Д. Данияловым и М.-С.И. Умахановым, прибыл в обком КПСС в 9 часов 30 минут, а начало митинга было назначено на 10 часов.

По предложению Д.С.Полянского из здания обкома с улицы Маркова до площади было решено пройти пешком. Пошли по улице Ленина. Миновали памятник Гамзату Цадаса. Взору открылась яркая панорама площади, до отказа заполненная народом. Напротив памятника В.И. Ленину, покрытого белым покрывалом, с букетами полевых и садовых цветов стояло десять тысяч школьников. За ними плотным каре с нарукавниками дружинников расположились десять тысяч студентов вузов; за ними – три тысячи передовиков производства, ветераны войны и труда, знаменосцев. А дальше 50 тысяч рабочих и служащих и почти все с эмблемами членов добровольных народных дружин.

Полянский с негодованием спросил: сколько здесь собрано народу!? Даниялов подтолкнул меня – отвечай. Я отрапортовал:

– Три тысячи участников митинга, десять тысяч школьников, три тысячи ветеранов войны и труда, остальное – охрана порядка: дру-

жинники, работники КГБ и МВД. Полянский вознегодовал и выпалил мне в лицо:

– Ты грубейшим образом нарушил указание ЦК! Если произойдет что-либо – без партийного билета останешься: а может быть, и Даниялову придется партийный билет выложить...

Эта зловещая фраза была произнесена Полянским за пять минут до того, как я должен был открывать и вести грандиозный митинг, а Даниялову произносить слова торжественной речи перед телевизионными камерами, транслирующими митинг на всю республику.

Митинг прошел хорошо. Такую оценку был вынужден дать и сам Полянский.

На второй день своего пребывания в Дагестане Д.С. Полянский попросил А.Д. Даниялова и меня сопровождать его при посещении Совета Министров республики. “Я все-таки Председатель Совета Министров РСФСР, – сказал он. – Надо посмотреть, как работает правительство Дагестана”.

Совет Министров ДАССР располагался тогда в особняке по ул. М. Горького, 11. Над фронтоном здания в дни торжеств устанавливался большой портрет К.Е. Ворошилова. Д.С.Полянский, как вкопанный, остановился у входа и спрашивает у Даниялова:

– А это что за портрет?

– Это портрет Клементы Ефремовича Ворошилова, – сказал Даниялов. – У нас в Дагестане глубоко уважают Клементы Ефремовича еще с его приезда в 1922 году на строительство канала имени Октябрьской революции.

Полянский потребовал убрать портрет немедленно.

Даниялов присутствовал при этом до конца. Лицо его окаменело. Но он не выдал возмущения действиями этого высокопоставленного самодура.

Вернусь на несколько лет назад, когда судьбе было угодно проверить на прочность первого секретаря Дагестанского обкома партии.

Весной 1954 года в Махачкалу приехала представительная бригада ЦК КПСС для изучения положения дел в партийной организации Дагестана. Основной интерес в ходе проверки был проявлен к деятельности обкома партии, его бюро и первого секретаря обкома А.Д. Даниялова.

Несомненно, что поводом для этой проверки обкома были итоги пережитой суровой зимы 1953-1954 годов и большие потери, которые понесла республика в народном хозяйстве, особенно в животноводстве, виноградарстве и городском хозяйстве.

Итоги проверки бригада доложила на бюро обкома, естественно, без выводов. Нам, членам бюро, была изложена та часть справки, которая потом легла в основу обсуждения отчета обкома на Секретариате ЦК и вошла в постановление Секретариата.

Как и полагалось в те годы, всю ответственность за упущения в хозяйственном и партийном строительстве бригада возложила на обком партии, на его первого секретаря А.Д. Даниялова.

Тщательная подготовка по набору негативных примеров к рассмотрению вопроса о работе Дагестанского обкома на Секретариате ЦК КПСС вызвала серьезное беспокойство актива партийной организации за руководство республики, за престиж ее партийной организации и секретаря обкома Даниялова.

Вскоре из ЦК поступило указание: товарищу А.Д. Даниялову подготовиться к докладу на заседании Секретариата ЦК, всем членам бюро обкома также быть готовыми для выступлений.

В назначенный день и час мы собрались в приемной зала заседания Секретариата ЦК КПСС. Кроме нас, членов бюро Дагестанского обкома, здесь собрались заведующие отделами ЦК, заместители заведующих, члены бригады, проверявшие наш обком. Вскоре мы были приглашены в зал заседаний, где уже были секретари ЦК КПСС. Председательствующий, секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов объявил, что на заседание Секретариата внесен отчет о работе Дагестанского обкома КПСС и, обращаясь к А.Д. Даниялову, сказал, что ему для доклада предоставляется 20 минут, членам бюро для выступления по 10 минут. Даниялов сказал, что доклад им подготовлен на 30 минут и он просит дать ему полчаса. Председательствующий сказал Даниялову, что здесь не пленум Дагестанского обкома, где вы можете выступать без регламента. На это А.Д. Даниялов как отрезал: “Я вообще могу не выступать. Но если мне будет предоставлено слово, то я буду докладывать 30 минут. Я не могу и не хочу импровизировать на заседании Секретариата ЦК, мой получасовой отчет утвержден на бюро обкома”. Секретарь ЦК КПСС П.Н.Поспелов, чтобы разрядить обстановку

ку, сказал: “Мы больше времени потратим на споры, пусть Даниялов докладывает 30 минут”.

Абдурахман Даниялович сделал отчет о работе обкома. Нет, это был не отчет. Лидер Дагестана произнес одну из лучших своих политических речей. Я слушал его выступления на XX и XXI съездах партии, на которых был делегатом, на сессиях Верховного Совета СССР, на пленумах и собраниях актива республики, но эта речь была особенной. В ней было место неоспоримой логике суждений, уверенности в своей правоте, высокому эмоциональному настрою. До сих пор ругаю себя, что не мог тогда получить стенограмму этого выступления Даниялова. После доклада Абдурахмана Данияловича первым выступил секретарь ЦК КПСС П.Н.Поселов. “Я, – сказал Поспелов, – внимательно прочитал справку бригады ЦК, выслушал отчет тов. Даниялова и не могу понять этого человека, затрудняюсь составить о нем полное представление. С одной стороны, это видный деятель партии и государства, говорю это без преувеличения, а с другой стороны, это человек вроде бы неспособный политически обеспечить сдвиги в экономике и культуре республики, за которую он несет ответственность, в том числе и как член ЦК КПСС. – В прошлом году, – продолжал П.Н. Поспелов, – я, как вы знаете, возглавлял партийно-правительственную делегацию в Албанию. В составе делегации был и тов. Даниялов. По протоколу, в день нашего отъезда из Албании в городе Тиране был подготовлен большой митинг советско-албанской дружбы. На этом митинге наряду с выступлением Энвера Ходжа планировалось и мое выступление. Но вечером я заболел, поднялась температура. Я пригласил товарища Даниялова, рассказал ему о ситуации и попросил завтра вместо меня выступить на митинге, Я предупредил, что заготовленной речи не имею, Даниялов сказал, что завтра на митинге он выступит и выступил. Выступил так, как я – секретарь ЦК КПСС, академик, директор Института марксизма-ленинизма так бы выступить не смог. Это была речь видного деятеля международного рабочего и коммунистического движения! А сегодня я просто не знаю, что нам делать с этим человеком”.

После выступления членов бюро обкома партии выступили секретари ЦК КПСС. Наиболее острым было выступление секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова.

Пересказывать это выступление по памяти невозможно, да и необходимости в этом нет, ибо сам Абдурахман Даниялович, проявив партийное мужество и высокую принципиальность, в своем докладе на III пленуме обкома партии, состоявшегося 3-4 июля 1954 года, полностью воспроизвел самые острые места из выступления М.А. Суслова, а ведь никто не обязывал его это сделать.

После выступления М.А. Суслова Секретариатом ЦК КПСС было принято решение: созвать внеочередной пленум Дагестанского обкома КПСС и рассмотреть на нем вопрос: “О положении дел в Дагестанской партийной организации”. С докладом на пленуме обкома Секретариат ЦК рекомендовал выступить А.Д.Даниялову.

Пленум обкома принял постановление, в котором критика недостатков и ошибок в работе обкома и первого секретаря Даниялова со стороны ЦК КПСС признавались правильными, а указания ЦК КПСС принимались к неуклонному руководству и исполнению. Этот пленум обкома, несомненно, войдет в историю партийной организации, как одна из ярких ее страниц. Партийная организация Дагестана показала высокую организованность, способность по-настоящему мобилизовываться и под руководством своего выдающегося лидера А.Д. Даниялова добиваться серьезных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

О том, что обком партии, бюро обкома и первый секретарь обкома А.Д. Даниялов достойно справились с поставленными задачами свидетельствует тот факт, что уже в 1958 году в связи с 50-летием со дня рождения Абдурахман Даниялович был награжден и высшей наградой Родины – орденом Ленина.

Свидетельством устойчивых успехов Дагестана в укреплении экономики и культуры его народов является награждение Республики Дагестан в 1956 году орденом Ленина. Первый секретарь обкома КПСС А.Д. Даниялов в том же 1965 году, за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства Дагестана вновь был награжден наградой Родины - орденом Ленина.

А.Д. Даниялов пользовался большим авторитетом у высших руководителей страны. И если не удавалось решить какой-либо важный для Дагестана вопрос по официальным каналам, то успех достигался в том случае, если удавалось убедить Абдурахмана

Данияловича лично взяться за его решение. Вот один из таких примеров.

В начале 60-х годов Дагестан очень нуждался в развитии предприятий строительной индустрии. В республике не хватало цемента, столярных изделий, кровли, труб, даже кирпича. И вот после долгих раздумий я, в то время заведующий отделом строительства и городского хозяйства обкома КПСС взял на себя обязанность составить обстоятельную справку по существу этой проблемы и на править ее в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущева. Документ должен был подписать А.Д. Даниялов. С подписанием справки дело затягивалось. У руководства обкома, да и Совета Министров бытовало мнение, что строители не только в Дагестане работают плохо. Мне стало известно, что А.Д. Даниялов готовится к поездке в Москву, но подготовленную справку не берет. Я взял эту справку в спецсекторе обкома и вечером после работы направился на квартиру А.Д. Даниялова. На пороге меня встретила супруга Абдурахмана Данияловича Хадижа Муртузалиевна недоуменным вопросом:

– Что случилось, что вы пришли?

– Вы всех гостей так встречаете? – пошутил я.

– Абдурахман, к тебе гость, – позвала жена и удалилась.

Абдурахман Даниялович перебирал бумаги перед поездкой в Москву. Он провел меня в столовую, поставил на стол бутылку коньяка, налил две рюмки. Мы выпили.

– Теперь говори, зачем пришел?

– Я принес известную Вам записку в ЦК. Насчет базы строительной индустрии, Вы знакомы с ее содержанием. Если в Ваши планы не входит визит к Никите Сергеевичу, то передайте ее помощнику.

– Оставь справку и можешь идти.

О дальнейших событиях, связанных с запиской в ЦК, Абдурахман Даниялович посвящал членов бюро, возвратившись из Москвы. Справку уже в Москве он переадресовал члену Политбюро Председателю Совета Министров РСФСР Геннадию Ивановичу Воронову. Но тот сказал, что надежнее передать справку лично Н.С. Хрущеву.

– Так я и сделал, – продолжал Даниялов, – восстановил первую страницу справки и вручил ее помощнику, который пообещал доложить Н.С. Хрущеву. Через два дня мне стала известна резолюция Н.С.

Хрущева. В ней поручалось Совету Министров СССР, Госплану СССР, Совету Министров РСФСР, Госстрою СССР, Госплану СССР, Совету Министров РСФСР, Госплану РСФСР подготовить постановление Совета Министров СССР “О развитии базы строительной индустрии в Дагестанской АССР”. Проект рассмотреть в Политбюро”. Обращение тов. Даниялова в ЦК КПСС привело к поистине историческому постановлению Правительства Союза о помощи в развитии капитального строительства в Дагестане. А на месте скоро пришли и практические результаты. Работе строительных организаций в городе Абдурахман Даниялович придавал большое значение, держал под своим личным контролем важнейшие стройки. Вспоминаю такой случай. Мы подготовили вопрос “О мерах по улучшению работы строительных организаций города” на обсуждение очередного пленума горкома КПСС. Помню, что при подготовке пленума Абдурахман Даниялович спрашивал: “Что вы намерены решить на этом пленуме, назовите один-два вопроса”. Я сказал, что резолюция еще не готова, но в ней будут вопросы улучшения работы с кадрами строителей, улучшение использования техники, экономии материалов, улучшения партийной работы на стройках. Выслушав меня, он сказал: Запишите от меня только один пункт в резолюцию: “Организовать работу одного СМУ, одного участка, хотя бы одной бригады в две смены”. “Если вы это сделаете, – сказал он, – будем считать, что пленум проведен не напрасно”.

Вскоре я нашел большую бригаду каменщиков Аминова в СМУ Морстроя, которая перешла на работу в две смены, и результат оказался неожиданным для всех, в том числе и самого Аминова. В первый же месяц работы по новому графику бригада выполнила план кладки на домах морского порта на 144 % . Этот успех бригада закрепила. И мы стали опыт бригады Аминова внедрять в других строительных организациях города. По представлению обкома КПСС и правительства республики Аминов был представлен к высокой правительственной награде, и он вскоре получил орден Ленина. Свой первый орден в Дагестане и я получил со строителями.

В конце апреля 1960 года Азербайджан с широким размахом отмечал 40-летие Советской власти в республике. На торжества в Баку съехались секретари ЦК союзных республик, секретари обкомов, крайкомов партии, автономных республик Северного Кавказа. Поехал в

Азербайджан и первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Понятно, что и наш секретарь обкома А.Д. Даниялов был гостем на тех юбилейных торжествах.

За два дня до окончания торжеств в обком КПСС из Баку позвонил А.Д. Даниялов. Переговорив со вторым секретарем обкома Н.А. Вороновским, он пригласил к телефону меня и сообщил, что “послезавтра, то есть 27 апреля, из Баку спецпоездом будет возвращаться в Москву Н.С. Хрущев. До Махачкалы его будет сопровождать А.Д. Даниялов”. В телефонном разговоре он кратко распорядился, как надо подготовить город к проезду Н.С. Хрущева. Людей выведите на улицы и расположите колоннами вдоль железной дороги от первого рынка до Сортировки. Балконы домов украсьте флагами и коврами, портретами Н.С. Хрущева. Было предложено срочно подготовить подарок – изделие кубачинских мастеров. Вручение подарка поручите Кара Караеву. Он в сопровождении секретаря горкома и председателя горсовета должен войти в вагон Н.С. Хрущева и вручить подарок. Если же Никита Сергеевич выйдет из вагона, чтобы сказать краткую речь, – напутствовал Даниялов, то на этот случай установите временную трибуну на вокзальной площади и как второй вариант подготовьте площадку на спуске к вокзальной площади на перрон”.

Предстояло установить репродукторы, организовать охрану порядка, тщательно убрать город, особенно в пределах железной дороги.

Хочу подчеркнуть, что на всю эту подготовку мы располагали 36 часами.

Немедленно в театр имени М. Горького были приглашены руководители предприятий, учреждений, учебных заведений, министры, начальники управлений, руководители административных органов города. Всем были переданы указания А.Д. Даниялова, полученные в связи с проездом через Махачкалу Н.С. Хрущева.

О том, что в итоге было сделано в подготовке города к встрече спецпоезда, и как это было воспринято Н.С. Хрущевым и А.Д. Данияловым при подходе поезда к городу, воспроизведу по рассказу самого Абдурахмана Данияловича.

“При въезде поезда в пределы Махачкалы Никита Сергеевич был порадован увиденным. Вдоль железной дороги расположились орга-

низованные массы людей, пестрели флаги, приветствия Никите Сергеевичу Хрущеву, его портреты; флаги и ковры были вывешены на балконах домов. При подходе спецпоезда к вокзалу в вагоне Никиты Сергеевича было принято решение на вокзальную площадь не подниматься. Хрущев решил приветствовать трудящихся, пришедших встретить поезд, краткими словами на перроне вокзала”.

Около 5 тысяч человек, стоявших на вокзальной площади, догадавшись, что Никита Сергеевич на площадь не выйдет, бросились на перрон к поезду. Но ведь на узком перроне можно было разместить только членов правительства, депутатов Верховного Совета, членов обкома и горкома партии, что и было сделано заранее. Перрон был занят.

Маленькая группа сотрудников МВД и КГБ, размещенная на перроне, не справилась с напором большого числа людей и возникла свалка. Мы с Кара Караевым и председателем горисполкома М.А. Гусейновым едва пробились к подножке вагона, на которой стоял Н.С. Хрущев и приветствовал находящихся на перроне людей. Кара Рабаданович успел вручить серебряный кубок с позолотой с надписью “Дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву от трудящихся Махачкалы”.

Началось невероятное: люди, желая увидеть и возможно услышать Н.С. Хрущева, готовы были вынести вагон на площадь. Смельчаки забрались даже на крышу вагона. Охрана подала команду отправить поезд в дальнейший путь. Краем глаза я заметил, что на вышедшем из вагона А.Д. Даниялове нет лица.

Утром я был вызван на внеочередное бюро обкома партии. Наверное, думал я, А.Д. Даниялов подробно расскажет о торжествах в Баку, но он сказал буквально следующее:

– После того, что вчера произошло на вокзале, я хотел вынести на бюро обкома вопрос о строгом наказании и освобождении от работы в горкоме товарища Коршунова. Сегодня готов ограничиться освобождением его от обязанности секретаря горкома. Прошу членов бюро высказаться.

Секретарь обкома Н.А. Вороновский сказал, что организацию встречи в Махачкале первого секретаря ЦК КПСС никто не поручал персонально А.Г. Коршунову. Кроме того, ему не подчинены МВД и КГБ, которые не сумели организовать порядок при встрече первого секретаря ЦК.

Председатель Совета Министров М.-С.И. Умаханов также подчеркнул, что председатель Совета Министров, второй секретарь обкома партии, а также председатель КГБ и министр внутренних дел несут гораздо большую ответственность за происшедшее на вокзале, нежели А.Г.Коршунов.

Страсти постепенно затихли, было решено перенести бюро обкома на другое время. К моему счастью, оно так и не состоялось.

После этого эпизода я понял, что мои коллеги, дагестанцы, как это бывало уже не раз, не дают меня в обиду, защищают меня, так это было еще на первой отчетно-выборной конференции в 1954 году. Я убедился, что дагестанцы умеют по-настоящему оценить и полюбить русского человека, находящегося в республике на любом посту, если он трудолюбив, честен и скромен, с уважением относится к дагестанцам. Во мне созрело решение навсегда остаться в Дагестане.

В связи с переводом меня на работу в строительный отдел обкома, я был вызван к заведующему орготделом ЦК КПСС Н.А. Вороновскому, который предложил мне вернуться в Свердловск или на свою родину в город Калинин (г. Тверь). От этих предложений я отказался, сказав Н.А. Вороновскому, что я по-настоящему люблю Дагестан и дагестанцев и что от добра добра не ищут.

В заключение своих воспоминаний хочу подчеркнуть, что за все время работы в Дагестане я не считал себя рядовым исполнителем в руководящих структурах республики. И поэтому вопросы решал, как правило, оперативно, без оглядки “наверх”, но уж если были попытки решения серьезных проблем, затрагивающих интересы Махачкалы в “рабочем порядке”, без рассмотрения на бюро обкома или без предварительного обсуждения с руководством города, такого я не выдерживал и начинал шуметь. И практически всегда находил понимание, а часто и поддержку у А.Д. Даниялова.

Я горжусь тем, что 20 лет работал под руководством А.Д. Даниялова, был его соратником и его современником.

Я не берусь дать полную характеристику А.Д. Даниялову, это делают дагестанские ученые-историки. Говорю о нем, как о своем руководителе, старшем партийном товарище, как о незаурядной и сильной личности.

А.Д. Даниялов является той фигурой в истории Дагестана, без которой трудно представить себе эпоху, в которой жил и боролся этот

выдающийся человек, наш современник, крупный государственный, партийный и общественный деятель и ученый.

Как невозможно представить себе историческое прошлое Дагестана без Шамиля, так невозможно представить себе современный Дагестан без А.Д. Даниялова.

Работать с Абдурахманом Данияловичем нам, его ближайшим сподвижником, было интересно и в то же время непросто. Он очень умело отмотивировывал каждого из нас на полную отдачу сил и возможностей. Он вынуждал нас не просто хорошо работать, но работать много и хорошо!

Как-то в конце 1957 года Абдурахман Даниялович попросил меня собрать аппарат горкома. Он спустился к нам и рассказал, что по его поручению работники обкома партии проверили работу предприятий города в ночные смены. И убедились, что работников городского комитета партии ночью на предприятиях, практически, не бывает. Без разнота, по-деловому объяснил Абдурахман Даниялович, что это серьезный беспорядок в организации партийной работы. И строго потребовал исправить это дело. Он умел требовать, но умел и прощать, умел по-партийному дружить, ценил дружбу и преданность.

Во всяком случае мне одному удалось бессменно проработать 11 лет первым секретарем Махачкалинского горкома партии и быть членом бюро обкома и все эти годы под руководством А.Д. Даниялова.

Его отношение ко мне часто было неровным, переменчивым. Мой рабочий день обычно начинался с его звонка по “вертушке”. С первых его приветственных слов я уже знал, с каким настроением пройдет мой сегодняшний день или даже неделя. Если его первыми словами были: “Здравствуй, Алексей”, – значит несколько дней у меня пройдут спокойно. Если он, сняв трубку, говорил: “Здравствуй, Алексей Григорьевич”, – значит мои дела неважные. Совсем плохо я себя чувствовал, если в телефонной трубке раздавалось с утра, к счастью, это было редко “Товарищ Коршунов!” Поводов для нелюдимых разговоров хватало. Мне часто казалось, что А.Д. Даниялов слишком опекал меня в работе, сковывал мою инициативу. Возможно, в нем это сохранилось с тех пор, когда он, избираясь первым секретарем обкома КПСС, одновременно избирался и первым секретарем Махачкалинского горкома КПСС.

И только теперь, через долгие годы, сопоставляя и анализируя прошлое, я понимаю, как мудры и взвешенны были его решения, как тактично и умело сохранял он мой авторитет, предостерегал меня от горячности в решениях и поступках.

Теперь я абсолютно убежден в том, что должен благодарить судьбу за возможность быть рядом, работать и дружить с таким простым, умным и талантливым человеком, выдающимся государственным и партийным деятелем, крупным организатором и пропагандистом партии, воспитателем и наставником молодых, организатором и вдохновителем подъема сельского хозяйства, промышленности, строительства, науки и культуры в Дагестане, каким является А.Д. Даниялов.

Имя и дела Абдурахмана Данияловича Даниялова будут вечно жить в сердцах и делах всех народов Дагестана, служить примером для всех, кто любит свой народ и свою Родину.

instituteofhistory.ru

Р.М. Магомедов,
доктор исторических наук,
профессор

“ОН БЫЛ ЧЕЛОВЕКОМ СМЕЛЫМ И МУЖЕСТВЕННЫМ”

Борьба за власть и лидерство при Советской власти в Закавказье никогда не прекращалась. Нездоровое отношение было и к Дагестану. Было немало попыток втянуть нашу республику в “Кавказскую игру”. Но руководство Дагестана проявило самостоятельность, что конечно же, не устраивало лидеров Азербайджана и Грузии. Как стало известно позднее, каждый из них вынашивал свои националистические расчеты. Когда же в годы Великой Отечественной войны обстановка на Кавказе осложнилась и закавказские лидеры были наделены неограниченной властью в решении кавказских дел, они решили покончить с самостоятельностью Дагестана, расчленив республику на части.

Конечной целью М.Багирова (первый секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. – Ред.) было отторгнуть к Азербайджану весь Южный Дагестан вместе с Дербентом. Засылка “десанта багировских комисса-

ров” под видом помощи Дагестану, была первым шагом на пути осуществления корыстных планов. Вторым шагом стало устранение тогдашнего руководства обкома партии и Совнаркома (первый секретарь обкома партии Азиз Мамедкеримович Алиев, Председатель Совнаркома – Абдурахман Даниялович Даниялов. – Ред.). Ну, а дальше, люди Багирова занялись подготовкой гнусного акта предательства – представления о выселении вслед за чеченцами и ингушами и народов Дагестана. Записка об этом была подготовлена председателем КГБ Дагестана генералом Калининским, который впоследствии лично говорил мне об этом. Главным препятствием в осуществлении коварных замыслов являлся Председатель Совнаркома Дагестана А.Д. Даниялов. В самой критической обстановке он проявил спасительную твердость. Поэтому бакинцы всячески пытались дискредитировать и сместить его с должности.

А.Д.Даниялова я знал с 1937 года как истинного патриота Дагестана. Он был человеком смелым и мужественным, что помогло выстоять в борьбе с “наместником” Кавказа Багировым и его шайкой. Среди посланцев Багирова самым жадным, коварным и безнравственным был, конечно же, Агабабов. Он плел свои интриги за спиной А.М. Алиева, который был добропорядочным руководителем, не участвовавшим в гнусной игре Багирова, потому в итоге и оказался негодным ему. В конце концов Алиев был смещен с поста первого секретаря обкома партии и послан на учебу, но первым секретарем обкома партии стал Даниялов.

После этого Багиров продолжал активно мешать нормальному развитию республики, упорно вынашивал идею включения Дагестана в состав Азербайджана. Когда в 1946 году мы с Фаталиевым (завотделом науки и школ обкома партии РД) были в Баку в связи с организацией в Дагестане Научного центра АН СССР в ЦК КП(б) Азербайджана нам официально сказали, что “мы вам помогли бы, но ... вы входите в состав РСФСР”. Эта мысль во время беседы повторялась неоднократно. Я резко ответил, что вести переговоры на эту тему нас никто не уполномочивал, нам и в составе РСФСР неплохо. Мы срочно выехали в Махачкалу и доложили о происходившем в Баку.

Багиров же подготовил новый удар. 13 ноября 1950 года он опубликовал в журнале “Большевик” статью “К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля”. В этой статье борьба за независимость

родного края под руководством Шамиля была объявлена реакционной и националистической, да еще и поддержанной английскими колонизаторами и турецким султаном. Подобную оценку нельзя квалифицировать иначе, как диверсионный акт, направленный на обострение межнациональных отношений между соседними народами.

Багировская фальсификация движения Шамиля имела самое отрицательное последствие для Дагестана. До появления этой статьи Багирова все народы Дагестана считали Шамиля своим национальным героем и гордились им. А после публикации статьи отдельные представители стали отмежевываться от этого движения.

Что же касается публикации статьи А.Даниялова “Об извращениях в отношении движения мюридизма и Шамиля” и его доклада на республиканском активе по этому вопросу, как очевидец, могу сказать, что все это было сделано под страшным давлением Москвы и при подстрекательстве Багирова. Положение Даниялова было незавидным. Антишамилевская кампания была прямым продолжением кампании против Дагестана и его руководителя А.Даниялова. Его обвинили в национализме, в препятствии восстановлению исторической правды о Кавказской войне. Главным объектом новой багировской атаки стал, конечно же, Даниялов.

А я, как автор книги о Шамиле, был выбран в качестве жертвы ради удовлетворения багировских амбициозных расчетов и для отчета в ЦК ВКП(б) о “принятых мерах и наказании виновного ...” Меня сняли с работы, лишили звания доктора наук и профессора, почти на 40 лет закрыли дорогу к выдвижению. Но все это в прошлом.

Я хорошо помню, как болезненно воспринял Даниялов нападки на Шамиля. Он обращался в редакцию журнал “Большевик”, где сказали, что не были сторонниками публикации статьи Багирова и даже отказались ее публиковать. Но из ведомства Сталина было получено прямое указание о публикации. Я и сейчас убежден в том, что Даниялов, рискуя своей карьерой, сделал все возможное для исправления ситуации, созданной злой волей Багирова и старался сохранить Шамиля для Дагестана.

“Дагестанская правда”, 1994, 27 сентября.

Из письма Р.М.Магомедова Ш.М.Шамхалову.

instituteofhistory.ru

М.Д. Бугаев,
доктор исторических наук,
профессор

НАРОД ПОМНИТ ЕГО

У наших людей сейчас налицо возросший интерес к истории Отечества. Это частичка того взрыва в духовной жизни, который сопрождает ныне нашу действительность. Люди хотят больше знать о прошлом, настоящем, будущем, о своих лидерах. Это закономерно.

Исследуя наше общество, мы неизменно обращаемся к историческому опыту старшего поколения. Этот опыт неразрывно связан с именами видных общественных и государственных деятелей. Жизнь каждого из них – бесценная частица нашей истории, а все мы хорошо знаем, что нельзя жить без знания прошлого и гордиться каждым своим прожитым днем, даже когда он был тяжелейшим. Историю же нельзя постичь, не зная ее деятелей, ее героев.

Абдурахман Даниялович Даниялов принадлежит к той плеяде руководителей, чьи дела и мысли составляют национальное достояние. Трудно представить нашу республику, ее историю в отрыве от его имени.

Можно долго перечислять все должности, ученые степени, награды (он был награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, одиннадцатью медалями), но одно отличие отнимает их целиком. Собственно, благодаря ему он достиг таких почестей. Это – большой и яркий талант. При чем талант, безраздельно отданный родному народу, Родине.

А.Д. Даниялов прошел большой и трудный путь, тесно связанный с судьбами Родины, путь твердого и последовательного государственного деятеля. Выдвинутый на высокие посты в республике, он более тридцати лет находился на передовых рубежах созидания нового общества. Это, пожалуй, один из самых важных, и, быть может, самых непростых периодов истории Дагестана, да и всей страны.

Родился Абдурахман Даниялович Даниялов 22 августа 1908 года в селении Ругуджа Гунибского округа. Выходец из горской крестьян-

ской семьи, он через всю свою жизнь пронес сознание необходимости тесной, прочной связи с трудовым народом.

Рано лишившись родителей, он вместе с младшим братом и сестрой был определен в детский дом, а в 1923 году направлен на учебу в Буйнакский интернат горцев.

Годы учебы в интернате, в первом Дагестанском педагогическом техникуме, затем в Москве в Институте инженеров водного хозяйства, по оценке самого Даниялова, имели решающее значение для его интеллектуального развития. Он близко знакомится с Эфенди Капиевым – впоследствии видным советским писателем, М.Гаджиевым, прославившимся в годы войны как отважный подводник, Герой Советского Союза, комбригом М. Атаевым, первым секретарем Дагестанского обкома партии Н. Самурским.

В 1935 году, с отличием окончив институт, Абдурахман Даниялович по настоянию Н. Самурского возвращается в родной Дагестан и активно включается в дела республики.

В те годы, как и многих старых революционеров, молодого коммуниста А.Д. Даниялова очень тревожили те ненормальные явления, которые все активнее входили в жизнь советского общества в связи с нарушением ленинских норм партийной жизни. Он был потрясен необоснованными репрессиями, арестами многих своих старших товарищей и наставников, знакомых. Невозможно и сегодня читать без боли и волнения его решительные выступления против произвола, прозвучавшие в 30-х годах на партийных пленумах. Его попытки выступить в защиту не дали никаких, разумеется, результатов.

Годы работы наркомом земледелия Дагестана, в аппарате обкома партии, Председателем Совета Народных Комиссаров (1937-1948 гг.) обогатили его опытом партийного, советского руководства, отшлифовали талант замечательного организатора масс, большого пропагандиста новых идей.

В годы Великой Отечественной войны областная партийная организация, Совнарком Дагестана обеспечили быструю перестройку всей экономики на военный лад, мобилизацию всех сил трудящихся и ресурсов республики для нужд фронта. Дагестан был превращен в один из арсеналов Вооруженных Сил страны, а его многоотраслевое на-

родное хозяйство в хорошо налаженное и четко работающее звено единой военной экономики СССР. Член Военного совета 44-й армии Абдурахман Даниялович длительное время находился на разных участках Северо-Кавказского фронта, выполняя боевые задания по строительству оборонительных сооружений.

Во всем блеске незаурядный талант Абдурахмана Данияловича раскрылся на посту первого секретаря обкома партии. Без малого двадцать лет (1948-1967 гг.) он был душой Дагестанской областной организации. Он всегда держал руку на пульсе своего народа, жившего кипением страстей послевоенного возрождения и развития. Множество сложных вопросов, поставленных жизнью, практикой социалистического строительства, приходилось решать в те годы в республике: строить крупные машиностроительные и приборостроительные заводы, создавать домостроительную индустрию, закладывать основы каскадного гидростроительства на Сулаке, сохранять и расширять Дагестанский филиал АН СССР как научный центр во всем Северо-Кавказском регионе, решать трудные проблемы межнациональных отношений, развивать народное образование, науку, культуру, искусство. Все это связано с именем А.Д. Даниялова. И сегодня народ с особой признательностью вспоминает подвиги тех, кто начал тогда грандиозное обновление республики.

Что касается личных качеств А.Д. Даниялова, характеризующих его нравственный облик, то главным, определяющим для него была убежденность в правоте нового учения, в справедливости политики ленинской партии, несмотря на драматические (а часто трагические) испытания в развитии страны.

По-горски прямой и твердый, он был вместе с тем необыкновенно сердечным, открытым, умел радоваться чужому успеху, обладал подлинным демократизмом интеллигентного человека. Это был человек острого, природного политического ума. Сильная и сложная личность, едва затронутая литературой. Умудренный житейским опытом, много сделавший для республики, он хорошо разбирался в людях. Его, как признанного лидера Дагестана, близко знали и любили в народе, шли к нему. Многих он знал в лицо, по имени. Был частым гостем на предприятиях, в колхозах и совхозах, на стройках республики. Его видели у гидростроителей, нефтяников, рыбаков, в цехах

заводов, на виноградных плантациях, у животноводов, в аудиториях вузов. И везде он оказывал помощь не только советом, но и делом. Блестящий оратор, многоопытный, закаленный боец, прошедший большую жизненную школу, А.Д. Даниялов постоянно выступал перед трудящимися, особенно часто и с особым удовольствием перед молодежью. Ее он хотел видеть образованной, счастливой. Всей душой жаждал расцвета Дагестана.

Мне посчастливилось работать с Абдурахманом Данияловичем долгие годы, каждодневно общаться с ним в качестве помощника. Для меня, молодого тогда человека, это была большая честь и огромная ответственность. Я с гордостью называю его своим добрым наставником. Несколько забегаю вперед, отмечу, что судьбе было угодно позже, в 1980 году чтобы именно А.Д. Даниялов выступил в качестве одного из официальных оппонентов при защите мною докторской диссертации в МГУ в Москве. Это было последнее его публичное выступление. В те годы он работал ведущим научным сотрудником Института востоковедения и пользовался большим уважением у его директора академика Е.М. Примакова.

Тесно соприкасаясь по работе с А.Д. Данияловым, я имел возможность слушать его выступления, высказывания на заседаниях бюро, пленумов обкома партии, на встречах с творческой и научной интеллигенцией, на приемах ветеранов революции, войны и труда, посетителей, а также в интимной обстановке. Не раз довелось сопровождать его в поездках по республике, быть свидетелем встреч с людьми. И этот опыт общения с ним очень пригодился мне в жизни, после того как перешел на журналистскую, научную работу.

Много поучительного для себя вынес я, например, из встречи и продолжительной доверительной беседы в начале 60-х годов А.Д. Даниялова с такими деятелями старой революционной гвардии, как С.И. Габиев, А.И. Тодорский, М.И. Косицин, проливающие свет на некоторые факты из истории гражданской войны в Дагестане. Факты, которые нередко обходят историки и ныне.

Идти к нему на доклад надо было всегда подготовленным – быть в курсе, в деталях, помнить документы. Словом, не забывал, что это – Даниялов. Свидетель и участник важнейших событий XX столетия. Излагая ему суть дела, я невольно следил за своей мыслью,

приучался к дисциплине беседы, краткости, сжатости, ибо он не терпел длиннот, был точен в формулировках и порой придирался, казалось бы, к незначительным мелочам, любил докопаться до сути, был последователен в беседе. До конца жизни у него была прекрасная память.

По мере взросления человек склонен по-новому осмысливать пережитое, прошлое. Но время, события не подвластны над его образом. Все, кто знал Даниялова, кто работал с ним, встречался с ним, прежде всего отмечали в нем исключительную сердечность, скромность, простоту в быту, в отношениях с людьми, внутреннюю порядочность. Всем была хорошо известна и бескомпромиссная принципиальность А.Д. Даниялова в вопросах, относящихся к уставным нормам партийной жизни, непоколебимость морально-нравственных позиций чистого партийца.

Натуре А.Д. Даниялова глубоко противны были чиновничьи, бюрократические замашки. В кабинете его был установлен открытый прием посетителей, а в разборе жалоб и заявлений нередко участвовали члены бюро, ответственные работники аппарата. На каждое событие он реагировал не только умом, но и сердцем. Как никто другой умел выслушать человека до конца, не перебивая его. Редкое качество современных руководителей. Умел предельно ясно излагать свое мнение.

Абдурахман Даниялович был тем человеком, общаясь с которым общественные и государственные кадры могли научиться у него искусству самоконтроля, секретам человеческого отношения к окружающим, умению говорить с людьми. Мне показалось, что наблюдательный психолог мог бы специально исследовать “данияловский” метод общения с людьми. Он давал человеку почувствовать его значительность и делал это искренне, излучающей приветливостью. Считая одним из важнейших условий умелого проведения политики партии, подбор, расстановку кадров, особенно в условиях нашей многонациональной республики, А.Д. Даниялов постоянно заботился о выдвижении компетентных, способных работников, всячески их поддерживал.

В народе до сих пор добрым словом отзываются о его кадрах, ставшими впоследствии крупными организаторами народного хозяй-

ства, видными работниками республики. У истоков служебной карьеры многих из них звучали его рекомендательные слова: “Берите, жалеть не будете, порядочный и работник он хороший, растущий”. Этой характеристике Абдурахмана Данияловича обязаны многие и ныне работающие кадры.

Находясь рядом с Данияловым, я видел, какая большая ответственность перед многонациональной республикой, перед ее народами, перед страной лежала на нем. Огромная личная ответственность, которую Абдурахман Даниялович не мог разделить ни с кем, заставляла его быть требовательным, всегда сосредоточенным и рассудительным. Его отличала прямота, а иногда и резкость. Но надо отметить, что при крутом разговоре с тем или иным провинившимся ответственным работником он был на редкость отходчив и обладал чудесным человеческим качеством – не помнить и не таить зла. Давал шанс для исправления. Всегда сам служил примером дисциплинированности и деловитости в работе, не терпел бюрократизма и волокиты, верхоглядства и парадности. Подобные качества хотел видеть и у своих подчиненных. Это определяло его решения при подборе работников партийного аппарата. С большим уважением относился к добросовестным работникам своего окружения, считался с их мнением.

Работая с Данияловым, следовало всего себя отдать порученному делу, трудиться инициативно, творчески, с огоньком. Требовательность первого лица партийного штаба республики подчас определяла, как мы отметили, его отношение к работникам аппарата. В то же время он трепетно и заботливо относился к подчиненным, любил задушевные беседы, умел защищать их там, где нужно. Когда в личной беседе со мной Абдурахман Даниялович узнал, что фронтовые ранения часто дают мне знать, мучаясь ночами, он проникся сочувствием и тут же позвонил Серафиму Семеновичу Эльсону (завфинхозсектором обкома партии) и попросил срочно организовать путевку на санаторно-курортное лечение.

В один из приемных дней утром у подъезда обкома подошла ко мне средних лет женщина и спросила: “Вот прошел сейчас мимо вас, это Даниялов?” Я ответил утвердительно. Она приподняла руки и ска-

зала: “Дай Аллах, ему здоровья, что так добром отозвался вчера в газете о моем отце. Я всю ночь плакала от радости”. Это оказалась Октябрина – дочь безвинно пострадавшего в 30-х годах агитпроба обкома партии Юсупа Шовкринского.

Однажды Абдурахман Даниялович попросил меня поработать в партийном архиве, выявить документы трагичных 30-х годов и периода Отечественной войны. Когда работа была завершена, было отобрано значительное количество документальных материалов, он делился: “Займусь глубже, напишу, какие были тяжелые эти годы для нашего народа. Какие были невосполнимые потери. Может, после смерти прочтут и узнают правду...”

Абдурахман Даниялович неукоснительно требовал, чтобы подготавливаемые решения обкома обязательно согласовывали с исполнителями и после принятия доводили до них. Непримируемо относился к безхозяйственности и расточительству. Предъявлял высокие требования к экономии и бережливости. Как-то ему стало известно, что в выходные дни некоторые работники обкома на служебных машинах ездят отдыхать на загородный пляж. На подобные “мелочи” он обращал серьезное внимание на аппаратных совещаниях.

Доктор исторических наук, профессор А.Д. Даниялов – автор многих книг и брошюр, написанных со свойственными ему глубиной и знанием. Среди них: “Советский Дагестан” (М., 1960 г.), “Расцвет экономики и культуры народов Дагестана” (Махачкала, 1961 г.), “О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля” (Махачкала, 1966 г.), “Думы о Стране гор. Записки секретаря обкома” (М., 1967 г.), “Строительство социализма в Дагестане 1921- 1940 гг. Узловые проблемы” (М., 1975 г.) и др.

И в последние годы своей жизни он много и напряженно трудился над книгами и статьями, основанными на его богатейшем опыте. Им были задуманы и почти завершены воспоминания. Они представляют особую ценность для нас именно сегодня. Они важны как источник размышления о судьбах нашей республики после репрессий тридцатых годов. Прежде всего потому, что они написаны человеком, который сам был частью этого периода, чьи суждения имеют непреходящую значимость. Эти воспоминания не только о себе и о своей

деятельности, но и о поколении до и послевоенного Дагестана. Они подкупают искренностью и простотой. По всему чувствуется, что к концу жизни этот незаурядный человек сам хотел понять, осмыслить прошлое и честно передать свое понимание потомкам. Ни тени самолюбования, ни намек на выпячивание своей личности, никакого стремления свалить неудачу на других. Словом, достоверный источник об одном из самых интересных отрезков истории нашей многонациональной республики.

В истории каждого народа есть события, имена, которые не может поглотить даже время. Они не уходят навечно в прошлое, не покрываются пеплом забвения. Они всегда с нами – в наших сердцах, в наших мыслях. Бережно, как самое бесценное сокровище завещают их одно поколение другому. К ним принадлежит и имя Абдурахмана Данияловича Даниялова.

И вот сейчас, когда ему исполнилось бы без малого девяносто два, когда всех нас испытывают на прочность большие и сложные, а подчас тревожные события, образ славного сына Дагестана встает перед нами – нетленный, живой. Он останется в памяти народа как неутомимый государственный и общественный деятель.

О нем не все еще сказано. Мы еще в большом долгу перед его памятью. Стоит еще раз задуматься, выходец из забытого Аллахом горного села Ругуджа, детдомовец, стал признанным лидером одной из самых сложных многонациональных республик России.

Пример жизни и деятельности Абдурахмана Данияловича Даниялова, служения великому делу трудящихся, родному Дагестану неоценим для нас. Этот пример дает ключ к серьезному и объективному подходу к урокам истории, к пониманию того, как была выстрадана нынешняя так называемая “реформа”, какие она ставит цели и к чему может привести.

Для создания современных биографий людей того поколения, которых принято называть «людьми советской эпохи», может быть, самым удачным является художественный метод Эрнеста Хемин-

гуэя. Человеческую деятельность он видел как айсберг, у которого невооруженному глазу открывается только одна острая, надводная часть, а все остальное находится под водой и должно быть восстановлено особыми приемами. В жизни крупного политика и ученого Абдурахмана Данияловича Даниялова «надводная» ее часть составляла, наверное, только одну десятую, несмотря на то, что вся она прошла, что называется, на виду у всех людей нашей республики, и, пожалуй, страны в целом. Словом, многие стороны его жизни остались не исследованными.

Как правило, время меняет образ личности. Одни со временем тускнеют и уходят в небытие. Другие горят не затухая, и после жизни светят еще ярче. Так распорядилась история и в наше время, воздав должное известному общественно-политическому и государственно-му деятелю А.Д.Даниялову. Уже двадцать лет его нет с нами, а его имя повторяется все чаще и чаще.

Память живущих об ушедших ценна не только возможностью воздать должное верному сыну Отечества, но и возможностью перенять лучшие их черты – достоинство, мужество, смелость, трудолюбие, человечность. Вот что можно было бы взять, на наш взгляд, из жизни А.Д.Даниялова.

Об этом А.Д.Даниялов писал так: «Моя жизнь похожа на жизнь миллионов советских людей, поднятых из трущоб темноты и невежества. Описать свою жизнь, значит совершить экскурс в бурные, сложные события гражданской войны в горах Дагестана, в голодные двадцатые годы, когда сотни мне подобных сохранили жизнь благодаря Советской власти. Что касается последующего, то я в меру своих сил и способностей без остатка оставался верен выполнению возложенных на меня ответственных задач, вместе со страной переживал этапы ее пути...»

Слова и жизнь, достойные святой памяти и подражания во имя служения Отечеству.

ДОСТОЙНЫЙ СЫН ЭПОХИ

Зимой 1959 года я впервые приехал в Махачкалу, сопровождая Евгения Михайловича Жукова, тогдашнего академика – секретаря отделения истории АН СССР. Мы приехали принимать годичный отчет Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии. Мы встретились с А.Д. Данияловым, но эта встреча носила протокольный характер и не оставила ярких воспоминаний. Зато от многих сотрудников института, с которыми я подружился, я слышал самые уважительные – отнюдь не формальные упоминания о первом секретаре обкома.

Прошло несколько лет, и я стал бывать в Дагестане часто. Абдурахман Даниялович уже покинул руководящие посты, я познакомился с ним ближе, встречаясь в неофициальной обстановке. Наши добрые отношения продолжились в Москве, куда А.Д. Даниялов переехал в 1971 году, став старшим научным сотрудником академического Института востоковедения. Мы встречались вдвоем, проводя время за долгими беседами, встречались в деловой и полуделовой обстановке вместе с директором Института академиком Бободжаном Гафуровичем Гафуровым и его заместителем, прекрасным ученым и человеком Георгием Федоровичем Кимом, встречались в полуделовой и совсем не деловой обстановке вместе с моим большим другом, руководителем издательства “Восточная литература” Олегом Константиновичем Дрейером.

В те годы участились мои поездки на Северный Кавказ. Был задуман и начал осуществляться большой научный проект – написание четырехтомной истории народов Северного Кавказа. Кстати говоря, А.Л. Нарочницкий предложил тогда целую серию региональных исторических проектов. Были разработаны и опубликованы небольшими брошюрами проспекты истории Закавказья, Поволжья, Прибалтики, Средней Азии. Однако с самого начала возникли трудности (а главное – подспудные) разногласия, противоречия. Ученые разных республик, казалось, дружные и единые в марксистско-ленин-

ском понимании истории, на деле не находили общего языка, когда речь заходила о конкретных проблемах взаимоотношений народов, начиная с глубокой древности. Посев оказался тщетным – всходы не появились.

Лишь на Северном Кавказе работа приняла результативный характер. Авторы из Махачкалы и Грозного, Владикавказа и Нальчика, Майкопа и Черкесска, Ростова и Краснодара составили неплохой и дружный коллектив. Я в качестве члена главной редколлегии и ответственного редактора III тома регулярно ездил в республики и области региона, обсуждая написанные главы, проводя совещания и т.п. Два тома, доводящие изложение до 1917 года, успели выйти в свет, а III-й, подготовленный к печати, в условиях наступивших в начале 90-х годов перемен был положен навсегда на архивную полку.

Во время этих поездок я познакомился с десятками ученых, преподавателей, советско-партийных деятелей. Не раз заходил разговор о Даниялове, не раз звучало его имя. Я не слышал негативных суждений в его адрес – адрес бывшего многолетнего руководителя республики. Мне рассказывали о нем, как о человеке и секретаре обкома, рассказывали разные – я подчеркиваю – разные люди. Делились воспоминаниями о встречах, случайных эпизодах, высказывали суждения о стиле работы, общении с горожанами и жителями далеких аулов, о поведении в тяжелые дни и в сложных ситуациях (а тяжелых дней и сложных ситуаций за эти годы было предостаточно).

Так, в результате собственных впечатлений, на основании ряда архивных документов, с которыми я ознакомился в ходе работы над III томом, рассказов многочисленных собеседников у меня сложилось твердое и обоснованное мнение об Абдурахмане Данияловиче, в моем сознании сложился образ достойного сына своего народа, сына и представителя эпохи, человека мыслившего широко, действовавшего разумно. Он был государственным человеком в полном смысле этого слова.

А. Даниялов принадлежал, как сейчас принято говорить, к высшей номенклатуре. Мне довелось основательно пообщаться с множеством представителей этой номенклатуры – “от Москвы до самых до окраин”. Номенклатурщиков за последние годы не ругал только ленивый. И в самом деле, сколько было в их рядах откровенных карье-

ристов, людей неумных, но с непомерными амбициями; пустых чиновников, думавших не о деле, не о нуждах народа и страны, а только о собственном благе; неучей с профессорскими аттестатами; хорошо образованных сановников, отвыкших от настоящей работы, преисполненных высокомерия и чванства.

Номенклатурщики поумней и поначитанней сосредотачивались в руководстве республик, городов, в престижных учреждениях Москвы. Номенклатурщики помельче присасывались к районным и низовым организациям, обеспечивая себе отнюдь не скудное существование. Именно из этих “штабов” вышла наибольшая часть “прорабов перестройки”, с потрясающей легкостью отрекшихся от того, что они не просто исповедовали, но и активно проповедовали, и ставшие проклинать отвергнутое прошлое.

Но сколько я во всех концах Советского Союза – от Еревана до Магадана – встречал честных, искренних руководителей, настоящих патриотов своего района, области, республики. Им, естественно, была небезразлична собственная карьера, своя судьба. Но они рассматривали занятие того или иного высокого поста не как трамплин к новым должностям и большей власти, а как место для более масштабного и эффективного применения своих сил в целях общего блага.

Они не были равнодушными к жизненным условиям, но их потребности были ограничены обеспечением семьи приличным жильем, дачей (почти всегда государственной, т.е. временной), хорошей одеждой, нормальным питанием, возможностью достойно принять гостей. О накоплении драгоценностей, крупных денежных сумм, тем более в валюте, приобретении земельных участков, постройке многоэтажных коттеджей и мысль в голову не приходила.

Все они были, если использовать современный термин, трудолюбивыми. Не считаясь со временем, они сидели в кабинетах, принимая аппаратных работников, ученых, писателей, артистов и просто граждан с их нескончаемыми вопросами и запросами, выступали на конференциях и совещаниях, выезжали на заводы и шахты, в колхозы и совхозы, туда, где кипела народная жизнь.

Абдурахман Даниялович Даниялов принадлежал именно к этому типу руководителей. Ему не приходилось и никогда бы не пришлось стыдиться своей номенклатурной должности. Он отработывал ее спол-

на, отдавая все силы своему народу, не думая о наградах и славе. Они пришли к нему сами – заслуженно и справедливо. А. Даниялов много сделал для Дагестана, и почти во всем, чем мог гордиться до последнего времени Дагестан, – плотинами ГЭС и новыми предприятиями, театрами и научными институтами, новыми жилыми домами и новыми виноградниками – во все это вложена частица сердца и души Абдурахмана Данияловича. И сколько я ни думаю о судьбах бывших “номенклатурщиков”, я не могу представить Даниялова изменившим знамени, под которым он прожил жизнь. Это было бы невысказанно, невероятно. Нет, не той породы был человек, не из того материала сделан, чтобы менять присягу, предавать анафеме то, во что верил, чему служил раньше.

В наших беседах Абдурахман Даниялович проявлял себя, как мудрый, многоопытный человек, не стремившийся к скоропалительным выводам, всегда старавшийся взвесить доводы, обдумать сказанное, прийти к собственным выводам с учетом чужого мнения.

Конечно, мы много разговаривали об истории. Об истории вообще, об истории Кавказа и истории Дагестана. Неизбежно одним из обязательных сюжетов был разговор о Шамиле. Напомню, что все эти годы вокруг личности Шамиля и возглавлявшегося им движения не прекращались дискуссии. И среди ученых и в кругу широкой общественности возникали жаркие споры, точки зрения менялись. Для Дагестана проблема Шамиля была не одной из научных проблем, а общественно-научной проблемой номер один. Переменчивость, противоречивость оценки Шамиля находила отражение даже в поэзии.

Характер рассуждений и споров зависел, как это всегда бывает, от характера спорщиков. Брат Абдурахмана, темпераментный, взрывной, последовательный в своей непредсказуемости и непредсказуемый в своей последовательности, Гаджи-Али Даниялович был категоричен, бескомпромиссен и непримирим к доводам оппонентов. Абдурахман Даниялович, напротив, говорил спокойно, взвешенно, обдумывая аргументы партнера по спору, определяя их убедительность и доказательность, и, соответственно, выражал согласие или несогласие, развивая собственную аргументацию.

Он был высокообразованным человеком, этот выходец из горской глубинки, сын бедного аварского крестьянина, воспитанник детс-

кого дома, ставший доктором наук. А. Даниялов много читал, особенно в последние годы, высказывал трезвые и глубокие суждения о прочитанном.

Конечно, он был талантлив, всесторонне щедро одарен от природы. Но никакая одаренность не делает человека по-настоящему образованным, культурным, компетентным без ряда обязательных условий. Это, прежде всего, труд, сводящийся к тому, чтобы непрерывно, не зная усталости, читать, слушать, смотреть, изучать жизнь во всех ее проявлениях, изучать науки – историю, экономику, право, философию и т.д., и т.п. Во-вторых, нужна способность аккумулировать полученные знания, т.е. не выпускать в левое ухо, услышанное правым, а накапливать и, создав сокровищницу знаний, разумно использовать и применять в практической работе. В-третьих, нужна способность проводить полученные знания через магический кристалл собственного сознания, творчески перерабатывать усвоенное, не повторять, не копировать его, а создавать свое.

Абдурахман Даниялов обладал этими качествами. В его натуре были заложены условия, при которых природная одаренность развилась, превратив его в личность. Творческую личность. Поэтому он был выдающимся руководителем, хорошим ученым. Поэтому он был интереснейшим собеседником и оппонентом, полон знаний и оригинальных, основанных на знаниях мыслей. Поэтому он был доброжелательным советчиком, выступая во всеоружии житейского опыта.

А.Д. Даниялов воспринял благородные вековые традиции горцев, сочетая лучшие качества своего народа с лучшими качествами человека советской эпохи.

А.Д. Даниялов – фигура историческая, ибо его деятельность принадлежит истории. Его имя – в ряду достойных представителей нашей сложной, трудной, противоречивой эпохи, деятелем масштаба не только дагестанского, но российского, всесоюзного.

Я рад, что судьба дала мне возможность общения с мудрым, богатым духовно, ярким и цельным человеком – Абдурахманом Данияловичем Данияловым.

Д.Н. Ахмедов,

доктор исторических наук,
профессор

ОН ХОРОШО ЗНАЛ КАЖДОГО РАБОТНИКА

Первые мои воспоминания, связанные с одним из лучших сынов Дагестана – Абдурахманом Данияловичем Данияловым, связаны с временем, когда я после окончания факультета журналистики МГУ в 1955-1960 годах работал в газетах “Дагестанская правда” и “Комсомолец Дагестана”. Тогда мне приходилось бывать на совещаниях, активах, пленумах, проводимых обкомом партии, где ведущую роль играл наш первый секретарь. Он с первой встречи оказал на меня магическое воздействие: его блестящие выступления, железная логика и, самое главное, его сугубо государственный подход к любым рассматриваемым вопросам окончательно сделали меня его сторонником. Мне, как молодому журналисту, было интересно следить за ходом его мысли, интерпретацией тех или иных явлений, глубоким анализом событий, которые происходили в республике, и что важнее всего было, как основательно он ставил задачи перед партийными и иными организациями. Я видел, что этот человек своим умом, мудростью на голову выше своего окружения.

Это, так сказать, мои визуальные наблюдения, шедшие из больших залов к президиуму, где обычно сидели члены бюро и в центре Абдурахман Даниялович.

В дальнейшем, волею судьбы мне пришлось работать под руководством Абдурахмана Данияловича, неоднократно встречаться с ним и выполнять его личные указания. Но чтобы было яснее, придется изложить все это по порядку.

29 ноября 1963 года на факультете журналистики МГУ я защитил кандидатскую диссертацию по истории дагестанской печати и, пока оформлял дела, я несколько раз созванивался с семьей. И тогда отец сказал по телефону, что мной интересовались из обкома КПСС и выясняли, когда я приеду. Вскоре по возвращении с направлением МГУ я отправился в обком КПСС, к секретарю обкома А.А. Абилову. Он

меня хорошо принял и сказал, что обком заинтересован в том, чтобы я работал в этой системе.

- В какой должности? – спросил я.

- Инструктором отдела пропаганды, - был ответ.

Я отказался от предложенной работы и попросил, чтобы меня направили преподавателем в Даггосуниверситет. Видимо, вопрос обо мне обговаривался с первым секретарем. В следующий визит А.А. Абилов предложил мне должность лектора обкома. Я знал, что ни один лектор не имел кандидатской степени и, естественно, отказался. Тогда он спросил: “На какую должность Вы бы пошли?” – Я сказал: “Руководителем лекторской группы” (здесь для меня важно было то, что эта должность приравнивалась к должности заведующего кафедрой и оплачивалась так же, как и работа научного работника). Но А.А. Абилов самостоятельно не решил этого вопроса и на следующий день я был приглашен в кабинет А.Д. Даниялова (речь о здании обкома на ул. Маркова).

В условленное время я был в его приемной. Техсекретарь вскоре сказала: “Тов. Ахмедов, Вас ждет тов. Даниялов”. Меня пробрала легкая дрожь. Я впервые входил в такие апартаменты. Открыв дверь, я осторожно вошел в длинный кабинет, в конце которого за большим дубовым столом сидел Абдурахман Даниялович. Как увидел меня, он встал из-за стола, сделал несколько шагов, подошел ко мне и по-отечески обнял и, взяв меня под руку, отвел к креслу, что напротив его стола. Сам сел визави. Поздравил с защитой. Спросил, как прошла моя защита, и высказал свое удовлетворение моим успехом.

Мне было неловко, что такой большой, очень уважаемый человек так церемонится со мной, но внутри искрилась радость от того, что он, несомненно, много знает обо мне и относится с уважением.

- Так что же Вы не хотите со мной работать? – спросил он с очаровательной улыбкой.

- С Вами? – спросил я, - очень хочу с Вами работать.

- А почему Вы отказываетесь быть лектором?

Пришлось коротко рассказать, что я хотел бы работать преподавателем Даггосуниверситета.

- А руководителем лекторской группы согласились бы?

Я сказал, что на эту должность я бы пошел.

- Тогда давайте заключим соглашение, - сказал он, - вы поработаете лектором до февраля 1964 года (нам перед ЦК трудно объяснить, почему такой человек без партийного образования и опыта вдруг занимает руководящую должность), а в феврале Вы будете руководителем лекторской группы.

Как настоящий мужчина, он сдержал слово, и в феврале 1964 года бюро утвердило меня руководителем лекторской группы обкома КПСС. На этой должности я проработал 13 лет и выполнял, помимо лекционных дел, и другие поручения руководства обкома.

Однако любая новая работа наряду с приятными моментами нам преподносит и сюрпризы, и таких сюрпризов на этой работе было два.

Первый был связан с февральским (1964 г.) Пленумом ЦК, на котором Сулов, защищая Хрущева от обвинений китайского руководства, выдал прекрасную характеристику первому секретарю ЦК. Состоялся пленум нашего обкома по этому вопросу и там слово в слово повторили слова Сулова о Хрущеве. А лекторской группе было поручено подготовить тексты выступлений для докладчиков обкома по этому вопросу, едущим в районы и города республики.

И я вкратце на 15-20 страницах изложил материал, осветив все затронутые на Пленуме ЦК вопросы, но не привел слов Сулова о Хрущеве. Каким-то образом об этом узнал Абдурахман Даниялович и разгневался. Вызвал меня в кабинет: “Почему Вы не дали характеристику Хрущеву, изложенную Суловым?”

Я ответил, что размер доклада не позволяет сделать это, а если кто хочет, может взять газету и прочитать кусок из доклада Сулова. Он настоял на том, чтобы в материал включили этот кусок, что мною было сделано. И конфликт был исчерпан.

Второе недоразумение было связано со статьей, которую он мне поручил написать в ответ на сепаратистские, националистические выступления лезгинского писателя Искандерова, которые по существу вбивали клин в межнациональную дружбу народов Дагестана. В установленный срок я представил А.Д. Даниялову редакционную статью “Един и прочен наш союз”, в которой были поставлены все точки над «и» и раздражены националистические высказывания некоторых дагестанских деятелей. Он сделал несколько небольших замеча-

ний, и я решил, что после учета его замечаний можно дать статью в “Дагестанскую правду”.

Когда же появилась редакционная (без подписи) статья в “Дагестанской правде”, он почему-то вначале рассердился и вызвал меня к себе в кабинет и спросил, почему я это сделал. “Я решил, - ответил я, - что мы с Вами согласовали текст, ибо учел все Ваши замечания, поэтому дал на публикацию”. Он меня отпустил и через два-три часа вызвал меня к себе снова, обнял и сказал, что со статьей все в порядке. Ему, мол, позвонили несколько влиятельных лиц (речь, очевидно, шла о членах бюро) и охарактеризовали статью как своевременную и правильную. Так и этот инцидент завершился благополучно.

Еще один случай. По существовавшему положению руководитель лекторской группы не имел права иметь правительственный телефон. Я пользовался городским телефоном (в то время обком размещался в левом крыле “Белого дома” на площади Ленина). Где-то в середине дня вдруг раздается звонок, беру трубку, а там голос Абдурахмана Данияловича. Минуту секретарей, он позвонил мне и пригласил к себе.

- Завтра состоится первый республиканский съезд работников культуры, - говорит он, - на котором должно быть зачитано приветствие обкома партии участникам съезда. Передо мной текст приветствия, написанный Камалом Абуковым, заместителем заведующего отделом пропаганды. Он витает в облаках, надо этот текст приземлить.

Беря в руки поданный текст я спросил:

- В какие сроки надо представить?

- Сроки самые короткие. Завтра утром к началу рабочего дня текст должен быть на моем служебном столе.

- Хорошо.

Весь вечер просидел над приветствием, договорился с машинисткой о встрече в 7 часов утра и, как он сказал, материал до его прихода на работу уже лежал на его служебном столе.

Часов в десять утра раздается телефонный звонок. Беру трубку, а там голос А.Д. Даниялова: “Спасибо, Джонрид Назирович. Все в порядке”.

Во всех этих встречах меня удивило несколько моментов.

Первое, он был очень осторожным и в какой-то мере незащищенным человеком, знающим, что любая политическая ошибка ве-

дет к концу политической карьеры, и поэтому, он всегда был начеку, может быть, излишне осторожным, но в те времена от этого никто не умирал.

Во-вторых, он прекрасно разбирался в людях и знал, кто на что способен и, минуя всякие бюрократические барьеры, прямо обращался к непосредственному исполнителю, что последнему, естественно, придавало уверенность в своих силах и стремление как можно лучше выполнить поручение первого секретаря обкома КПСС.

Я счастлив, что какое-то время работал под руководством Абдурахмана Данияловича Даниялова.

М.В.Вагабов,

доктор исторических наук,
профессор

ТАЛАНТЛИВЫЙ ОРГАНИЗАТОР И РУКОВОДИТЕЛЬ

Имя Абдурахмана Данияловича Даниялова навсегда вошло в историю Дагестана. Его жизнь – это подвиг, яркий пример беззаветного служения народу. Он прошел большую школу жизни, отличался блестящим организаторским талантом, чутким и внимательным отношением к людям. Он обладал неисчерпаемой энергией и исключительной человечностью.

В истории Дагестана чрезвычайно мало крупных государственных и политических деятелей, жизнь которых так обильно насыщена важнейшими событиями. Он впитал в себя все лучшие черты тех людей, у которых он учился. И эти черты он внедрял в тех сотнях и тысячах людей, которых он воспитывал за время его многолетней работы во главе правительства и партийной организации Дагестана.

Своей самоотверженностью в работе, глубокими знаниями кадров и нужд республики, умением выдвигать и решать наиболее злободневные вопросы развития республики он завоевал глубокое уважение и любовь всего дагестанского народа.

Трое молодых специалистов – Ахмед Магомедович Магомедов – выпускник МГУ им. М.В.Ломоносова, Дибир Магомедович Магоме-

дов – выпускник Ленинградского государственного университета и я, только что вернувшийся с годичных курсов преподавателей общественных наук при Московском государственном университете, гуляли на улице Буйнакского и рассказывали друг другу о своих впечатлениях от встреч с ректорами вузов, где мы хотели устроиться на работу. Нас встречали очень тепло, поздравляли с успешным окончанием элитных вузов, но ни один из руководителей не предложил конкретной работы по нашей специальности.

В ходе беседы возникла идея сообщить в обком КПСС о трудностях в трудоустройстве. Дибир Магомедович сказал, что надо одному из нас записаться на прием к Абдурахману Данияловичу Даниялову. Выбор пал на меня потому, что до учебы в Москве я работал в Дагестанском филиале Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) и лично знал Абдурахмана Данияловича. В тот же день я записался на прием и через примерно один час меня пригласили к Абдурахману Данияловичу.

Абдурахман Даниялович внимательно выслушал меня и удивился тому, что при острой нехватке преподавателей общественных наук, руководители вузов не проявили внимания к нам. Сразу же при мне Абдурахман Даниялович позвонил ректорам педагогического и медицинского институтов, просил принять нас на работу и в конце дня сообщить ему. В результате в тот же день в августе 1953 года мы были приняты на преподавательскую работу в указанных вузах. Когда мы пришли в обком выразить благодарность Абдурахману Данияловичу, его помощник сказал, что Абдурахман Даниялович в курсе дела и просил сообщить ему, если будут какие-либо препятствия.

Через некоторое время я был приглашен на работу в аппарат обкома КПСС в качестве лектора, затем был выдвинут руководителем лекторской группы, завотделом науки и учебных заведений и завотделом пропаганды и агитации обкома КПСС. За 13 лет совместной работы с Абдурахманом Данияловичем, у меня накопилось много впечатлений о жизни, трудовой и общественно-политической деятельности этого славного человека.

В данной статье мне бы хотелось раскрыть несколько штрихов к портрету Абдурахмана Данияловича.

Во-первых, его глубокое знание республики, ее природных богатств, его отношение к людям, способным использовать эти богат-

ства в интересах преобразования республики, поднятия жизненного уровня населения. На пленумах обкома партии, собраниях республиканского партийного актива Абдурахман Даниялович тщательно анализировал состояние экономики, добрым словом отмечал активную работу руководителей района, рядовых и знатных тружеников, призывая их ни на секунду не успокаиваться на достигнутом, ни на секунду не зазнаваться.

Начиная с января 1955 года, будучи ответственным работником аппарата обкома КПСС, я был в курсе крупных политических и хозяйственных мероприятий, проводимых в республике. На пленумах и бюро обкома партии, собраниях партийного актива, обсуждались наиболее актуальные вопросы развития республики. Их было множество. Достаточно сказать, что за очень короткий срок в пустынных степях, где раньше паслись только стада овец, выросли новые современные города: Каспийск, Избербаш и рабочий поселок Дагестанские Огни. Вслед за рыбной, винодельческой, молочной и другими отраслями пищевой промышленности появились совершенно новые отрасли хозяйства: нефтяная, газовая, машиностроительная, химическая и другие. Развивающаяся промышленность требовала серьезного внимания к проблемам подготовки национальных кадров, укрепления материальной базы, расширения производства строительных материалов, резкого подъема теплоснабжения и развития энергетики.

В это бурное время, когда перед республикой каждый день вставали новые сложные вопросы, Абдурахман Даниялович сумел сплотить актив, завоевать доверие широких масс трудящихся и мобилизовать их на успешное решение актуальных проблем. Он умел терпеливо и спокойно разьяснить принципиальные установки Центрального Комитета партии, Совета Министров СССР и мастерски учил, как нужно общие принципы, вытекающие из решений руководства страны, претворять в жизнь в конкретных условиях республики.

Абдурахман Даниялович обращал особое внимание на строительство электростанций Сулакского каскада, считая развитие энергетики основой основ подъема экономики Дагестана. Он подчеркивал, что энергия Чиркейской ГЭС обойдется в 4 раза дешевле по сравнению с Чирюртовской и даст возможность перевести на электротягу все железнодорожное сообщение на линии Ростов-Баку, обеспечит обилие электроэнергии для но-

вых предприятий и строек, совхозов и колхозов. «Водоохранилище с годичным зарегулированием стока, – говорил он, – даст возможность решить вопрос орошения многих сотен тысяч гектаров ныне страдающего от безводья, полупустынного дагестанского приморья.»

По мнению Абдурахмана Данияловича, электрификация – это только одно из звеньев преобразования экономики Дагестана. Это только часть общей задачи – развития его промышленности, и в первую очередь, развития тяжелой индустрии. Благодаря огромному вниманию и усилиям руководства республики и лично первого секретаря обкома партии А.Д. Даниялова, капиталовложения в развитие промышленности за 1957-1966 годы превысили более чем в 3 раза стоимость основных производственных фондов всей промышленности на 1 января 1957 года. В общей выработке промышленной продукции доля индустрии, производящей средства производства, достигла в Дагестане 60 процентов! Рост промышленности изменил облик городов и населенных пунктов Дагестана.

Повседневно занимался Абдурахман Даниялович проблемами внедрения в промышленное производство новой техники, широкого развития капитального строительства, подготовки высококвалифицированных кадров. Благодаря этому высокое развитие получили нефтяная, газовая, химическая и металлургическая отрасли промышленности, которые способствовали значительному подъему всей экономики республики.

В индустриальном развитии Дагестана Абдурахман Даниялович видел основу для подъема сельского хозяйства. Высоко оценивая труд горцев, проложивших от реки Сулак канал Октябрьской революции, Абдурахман Даниялович возглавил общенародное движение за полное использование непокорных рек и строительство оросительных систем. По его инициативе, на реках Терек, Сулак, Самур и ряде горных потоков возводились водозаборные сооружения, создавались разветвленные оросительные системы, которые своими живыми артериями охватили Дагестан. Неоценим вклад А.Д. Даниялова в расширении маловодного канала Кушбар в Хасавюртовском районе, превратившего его в мощную оросительную магистраль, в строительство Самур-Дербентского канала и реконструкцию канала им. Ф.Э. Дзержинского от Терека до Аграханского залива, протяженностью более 100 километров и оросившего до 50 тысяч гектаров земель. Благода-

ря его усилиям они стали подлинно народными стройками. Их строили колхозники, не имея ни экскаваторов, ни бульдозеров, но строили с большим энтузиазмом, будучи убежденными, что вековая мечта горцев об орошении земель становится явью.

Эта гигантская работа дала замечательные результаты. Длина оросительной сети по сравнению с предвоенным временем увеличилась более чем на 5 тысяч километров. Она втрое превысила довоенную, обеспечила полив почти половины общих посевных площадей Дагестана.

Более 30 лет Абдурахман Даниялович занимал ответственные должности Председателя Совета Министров ДАССР, первого секретаря обкома КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР. Многие годы он являлся членом ЦК КПСС, депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. На этих высоких постах он завоевал глубокое уважение со стороны руководства страны и всего дагестанского народа. Высокий авторитет государственного и партийного деятеля, которым пользовался Абдурахман Даниялов, во многом способствовал решению больших задач подъема экономики республики, улучшения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся Дагестана. К таким относились задачи переселения горцев на равнину и освоение новых земель, восстановление аулов, налаживание жизни и быта многих тысяч аварских, даргинских и других переселенцев, возвращавшихся в 1957 году из Чечено-Ингушетии в Дагестан. Эти задачи не могли быть решены без огромной материальной и финансовой помощи государства.

Следует также подчеркнуть, сотни и тысячи людей наглядно видели повседневное внимание, величайшую тактичность, оперативность и хозяйственную смекалку А.Д. Даниялова, которые сочетались с отзывчивостью и чуткостью. А.Д. Даниялов вмешивался в каждую деталь переселенческой проблемы, побывал в каждом ауле, посетил чуть ли не каждую семью.

Наиболее ярко талант организатора и руководителя республики проявился у Абдурахмана Данияловича в период землетрясения в апреле 1966 года в Южном Дагестане. Именно в эти дни наилучшим образом проверялись деловые и политические качества руководителей республики. А.Д. Даниялов, М.-С.И. Умаханов и другие руководители республики и руководители районного звена показали образцы оператив-

ного и умелого руководства, способность продуманно решать сложные вопросы, которые ставила жизнь. В результате беда не сломала воли людей. Все население, оставшееся без крова, было обеспечено надежным жильем, в кратчайший срок были залечены раны и ликвидированы последствия землетрясения. В эти дни отчетливо проявились коллективизм и сплоченность всех трудящихся республики.

Во-вторых, А.Д.Даниялов проявлял повседневное внимание к идеологической работе. Этими вопросами я занимаюсь всю жизнь и у меня сложились неизменные впечатления, которые в результате многолетней совместной работы глубоко врезались в мою память и сделали меня одним из многочисленных его поклонников.

Из многих проблем идеологической работы он обращал особое внимание вопросам интернационального воспитания трудящихся, подчеркивая при этом, что отношения дружбы и сотрудничества всех наций и народностей полностью соответствуют интересам народов. А.Д.Даниялов из глубокого анализа жизненных процессов делал конкретные выводы, которые служили основой работы партийных организаций и идеологических кадров. Сближение наций и народностей, считал он, ускоряют всестороннее развитие экономики и культуры. Поэтому важно раскрывать всесторонние братские связи между ними, усиление интернациональных основ культуры, традиций общих для всех народов.

А.Д.Даниялов считал, что народы Дагестана, борясь плечом к плечу за подъем народного хозяйства, за развитие науки и культуры проходят большую школу интернационального воспитания, вырабатывают в себе черты человека нового общества, яснее и глубже осознают свою роль в общей борьбе советского народа за укрепление экономического могущества страны.

Отмечая, что создание единой советской государственности, преобразования в экономике и культуре, огромная воспитательная работа создают прочную интернациональную основу для консолидации народов Дагестана, А.Д.Даниялов подчеркивал, что, поскольку продолжают существовать народности, будут возникать новые вопросы, связанные с их дальнейшим развитием. Несмотря на то, что ликвидировано политическое, экономическое и культурное неравенство, утверждены идеи братства и дружбы народов, достигнуты огромные успехи в утверждении интернациональных традиций в жизни горца, – подчеркивал он, – продолжают иметь место отдельные конфликты

и недоразумения на почве националистических и местнических пережитков. В связи с этим он считал важнейшей политической задачей искоренение этих пережитков и всяческое поощрение естественного стремления народов Дагестана к сплочению, как между собой, так и с другими народами нашей страны.

В своих многочисленных выступлениях Абдурахман Даниялович подчеркивал, что в ходе исторического развития у народов Дагестана сложилась известная общность, они издавна проживают на одной компактной территории, в борьбе против иноземных захватчиков и местных феодалов выковывались гордый и смелый характер народов Дагестана, их неукротимая воля к свободе, развился общий для всех дагестанцев психический склад. Это нашло свое отражение в известной общности их культуры. Каковы бы ни были языки и национальные особенности народов Дагестана, – подчеркивал он, – все они едины в главном – в стремлении к свободе и счастливой жизни. Далее он отмечал, что, независимо от численности, все народы Дагестана равноправны, всем им в одинаковой мере присуще чувство хозяина Страны гор. Совместным трудом они умножают богатство и славу республики, гордятся ее достижениями, вместе разделяют трудности, переживают невзгоды. Он обращал внимание руководящих кадров на то, чтобы их деятельность была пронизана стремлением не возвеличивать и не ущемлять ни одну из народностей, но в то же время оказывать больше внимания малым и проживающим в отдаленных районах народностям.

Много внимания Абдурахман Даниялович уделял вопросам воспитательной работы в школах и высших учебных заведениях. Он видел суть идеологической работы в воспитании чувства семьи единой. Студентам и всей молодежи, – говорил он, – следует прививать чувство, что их родина – не какой-то отдаленный район, выходцами из которого они являются, а Дагестан в целом. Престиж Дагестана, слава родной республики – это престиж и слава каждого. Он подчеркивал, что в равноправной семье республик и народов нашей необъятной Родины Дагестан всем нам одинаково дорог, и все усилия трудящихся должны быть направлены на то, чтобы возвеличивать и приумножать славу родного Дагестана.

Абдурахман Даниялович глубоко анализировал процессы, происходящие в культуре народов Дагестана. Культура всех народностей Дагестана, – подчеркивал он, – неуклонно становится интернацио-

нальной, впитывающей в себя культурные достижения многочисленных народностей. В то же время развитие культуры идет не к единообразию, а к многообразию форм и красок. Национальные формы дагестанской культуры не остаются неизменными, они развиваются и совершенствуются в соответствии с новым содержанием и уровнем развития общедагестанской культуры.

Абдурахман Даниялович высоко оценивал роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана, влияние русской культуры на малые народы, значение русского языка как средства межнационального общения, формирования национальных кадров, приобщения их к выдающимся достижениям отечественной и зарубежной науки, техники и культуры. Он подчеркивал, что огромная роль русского языка не означает ослабления развития родных языков, и прилагал много усилий, чтобы не допускать каких-либо препятствий развитию языков народов Дагестана.

Единство и сплоченность народов Дагестана, как между собой, так и со всеми народами страны Абдурахман Даниялович считал источником силы и крепости государства, в этом он видел залог того, что народы Дагестана сумеют достичь новых высот в своем развитии.

В 50-60-е годы острыми вопросами в идеологической работе являлись проблемы движения горцев под руководством Шамиля. Как известно, еще в 1949 году в Баку была издана книга академика Гейдара Гусейнова "Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века". Книга получила высокую оценку общественности Азербайджана и Дагестана, автору была присуждена Сталинская премия. В объемистой книге несколько страниц были посвящены движению горцев под руководством Шамиля, представляя его как национально-освободительное движение против колониального режима.

Через некоторое время в руководящих кругах Азербайджана поднялся шум вокруг этой книги. Кое-кто из влиятельных лиц увидел в утверждении национально-освободительного характера движения горцев под руководством Шамиля унижение России и русского народа.

В партийном журнале ЦК ВКП(б) "Большевик" появилась статья первого секретаря ЦК компартии Азербайджана, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) М.Д. Багирова, в котором подвергалась суровой критике книга Гейдара Гусейнова, утверждая, что она написана с

порочных политических и теоретических позиций, что она извращает характер мюридизма и движения Шамиля, представляя их как прогрессивные национально-освободительные и демократические явления. В результате Сталинская премия Г. Гусейнову была отменена, а сам Г. Гусейнов покончил жизнь самоубийством.

В связи со статьей М. Багирова в журнале "Большевик" – органе ЦК ВКП(б) и решением об отмене Сталинской премии Г. Гусейнову в Дагестане вынуждены были пересмотреть отношение к движению горцев под руководством Шамиля. В результате Шамиль был объявлен знаменем буржуазного национализма и символом ориентации не на революционную Россию, а на реакционную Турцию. Целый ряд научных и творческих работников республики был подвергнут критике за идеализацию движения горцев и его руководителя Шамиля. Сам Абдурахман Даниялович под нажимом ЦК, в частности секретаря ЦК партии по идеологии П. Поспелова, вынужден был выступить с докладом "Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля".

Интеллигенция Дагестана и широкая научная общественность восприняли эту кампанию, как глубокое оскорбление, выражали свой протест и требовали дать объективную оценку всему движению горцев и деятельности Шамиля.

Руководство республики и лично первый секретарь обкома КПСС А.Д. Даниялов считали необоснованное и грубое отношение к движению горцев одним из самых болезненных вопросов истории Дагестана и Северного Кавказа. Этот вопрос поднимался на разных инстанциях и неоднократно ставился перед ЦК КПСС.

По инициативе руководства обкома партии и его первого секретаря А.Д. Даниялова, а также таких известных ученых Дагестана, как Г.-А.Д. Даниялов, В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов, Х.-М.О. Хашаев, Р.М. Магомедов, в 1956 году в Махачкале и в 1957 году в Москве были проведены крупные научные конференции с участием ведущих ученых-историков страны, где были глубоко проанализированы причины борьбы горцев за независимость, ее национально-освободительный характер.

При всем значении научных дискуссий по данной проблеме научные конференции не решали в полной мере вопрос об объективной оценке движения горцев под руководством Шамиля. Абдурахман Да-

ниялович много работал над изучением документов и материалов по этому вопросу, подготовил обстоятельную статью “О движении горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля”, несколько раз побывал на приеме у секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова, где ставил вопрос о публикации данной статьи в журнале “Коммунист”.

Значительные изменения, происшедшие в политической обстановке страны, настойчивость и последовательность в постановке данного вопроса со стороны Абдурахмана Данияловича дали положительные результаты. По рекомендации ЦК КПСС журнал “Вопросы истории” в 10 номере за 1966 год опубликовал статью А.Д. Даниялова “О движении горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля”. В статье обстоятельно освещался национально-образовательный характер движения горцев, давалась объективная оценка деятельности Шамиля. Само движение и его вдохновитель Шамиль были освобождены от искусственных и надуманных обвинений. Научная и творческая интеллигенция и широкие массы трудящихся встретили принятые меры и их результаты с большим удовлетворением.

В-третьих, Абдурахман Даниялович пользовался среди трудящихся республики непререкаемым авторитетом.

В итоге многолетней совместной работы с Абдурахманом Данияловичем у меня, как и у многих других товарищей, сложилось твердое мнение о нем, как о руководителе, который при всех обстоятельствах проявлял справедливое отношение к товарищам по совместной работе. В результате этого основная масса работников партийного и государственного аппарата была убеждена в том, что они не потеряют доверия руководителя республики до тех пор, пока они будут добросовестно выполнять возложенные на них обязанности.

Абдурахман Даниялович был не только справедливым, но и требовательным руководителем. Он осуждал консерватизм, робкий подход к решению назревших задач. Требуя смелости в решении поставленной задачи, он считал совершенно обязательным полное знание дела.

Следует также отметить его заботу о людях, его отзывчивое отношение к их нуждам, их защиту при разного рода неприятностях, а также его поразительное знание людей, с которыми он работает. Многие партийные и советские работники удивлялись, когда в разных местах большого зала, где проходили пленумы и собрания партийного актива,

их участники поднимали руку, чтобы попросить слово, и Абдурахман Даниялович называл их по имени и отчеству и предоставлял слово.

Абдурахман Даниялович регулярно выступал по самым острым вопросам перед партийным активом, научной и творческой интеллигенцией. Как правило, он сам определял круг вопросов, которые должны быть в его выступлении. По каждому вопросу он давал схему своего выступления, свои мысли и соображения. Когда доклад был готов, он поручал ознакомить с ним не только заинтересованных товарищей, руководителей идеологических учреждений и высших учебных заведений, но и целый ряд лиц, которые могли критически оценить положения доклада и высказать свои мнения, выражающие другой подход к выдвигаемой проблеме. При доработке доклада, учитывалось мнение всех, работники отдела пропаганды и агитации и его помощник добросовестно дорабатывали материал доклада. Абдурахман Даниялович требовал, чтобы каждый вопрос был поставлен во всей полноте, в чрезвычайно сжатой форме и чтобы факты, приводимые в докладе, были абсолютно точны. Он, как редко кто, умел сосредоточиться на главном, в полной мере отражать в своих выступлениях общественное мнение.

Абдурахман Даниялович проявлял исключительное внимание к ветеранам гражданской и Великой Отечественной войн, участникам социалистического строительства, подвергшимся необоснованным репрессиям. По окончании рабочего дня он принимал их и часами выслушивал, оказывал помощь в решении их проблем. От секретарей и заведующих отделами обкома партии он требовал находиться на работе до тех пор, пока посетители ждут приема. Особо мне запомнилось внимание Абдурахмана Данияловича к Кара Караеву. Каждый раз при проведении больших республиканских мероприятий, он настаивал, чтобы Кара Рабадановича избирали в состав президиума. При выдвижении кандидатур в руководящие органы – в состав пленума обкома партии, депутатом Верховного Совета республики, авторитетных общественных организаций, лично А.Д. Данияловым называлось имя Кара Рабадановича.

Такое отношение со стороны А.Д. Даниялова к Кара Рабадановичу вызывало у меня чувство радости. В то же время мне очень хотелось узнать, чем Кара Рабаданович заслужил такое особое внимание к себе со стороны А.Д. Даниялова. В один из дней я об этом спросил Абдурах-

мана Данияловича. И он мне рассказал такой интересный эпизод, который он узнал от своих односельчан – ругуджинцев и остался у него в памяти многие годы. Во главе сводного партизанского отряда Кара Караев совершал глубокий рейд в тыл противника через родное село Абдурахмана Данияловича – Ругуджа и другие аулы с целью восстановления связи с осажденным гарнизоном крепости Хунзах. Когда отряд прибыл в Ругуджа, к Кара Рабадановичу обратилась группа аксакалов и пожаловалась на то, что в ряде населенных пунктов группой вооруженных людей в форме милиции под руководством представителя окружного ревкома и ЧК Осипова производятся массовые обыски у населения с изъятием ценностей и домашней утвари. Выслушав это сообщение, Кара Рабаданович поручил немедленно проверить его достоверность и в случае его подтверждения, задержать грабителей и доставить их в штаб партизанского отряда. Через некоторое время помощники Кара Рабадановича доставили в штаб грабителей во главе с Осиповым. С ними были задержаны десять ослов, нагруженных ценностями, отобранными у мирного населения. Известие об этом событии быстро облетело все село. Весь народ собрался во дворе и вокруг дома, где Кара Рабаданович публично допрашивал грабителей. Решение Кара Рабадановича было четкое и строгое: все изъятые ценности немедленно передать жителям селения Ругуджа, а грабителей арестовать и под конвоем отправить в штаб фронта, находящегося в Гунибе.

При большом стечении жителей села Кара Рабаданович дал распоряжение всему личному составу задерживать подобных мародеров и проводить в штаб для предания суду. Он призвал жителей Ругуджа сплотиться воедино и давать отпор любым грабителям, заверил их в том, что партизаны его отряда будут бдительно следить за любым антиобщественным проявлением и поддерживать порядок и дисциплину в селении.

Абдурахман Даниялович помнил из рассказов старших людей сел. Ругуджа, какое благоприятное впечатление оставило у ругуджинцев твердая позиция Кара Рабадановича, без всяких условий защитивших интересы мирных жителей от произвола грабителей. В знак благодарности Кара Рабадановичу жители села устроили большой прием для всего его отряда с обильным угощением. В результате установления добрых отношений многие молодые ругуджинцы добровольно

вступали в отряд Кара Караева, а жители села систематически оказывали партизанам необходимую помощь. Старейшины аула призвали всех жителей села по достоинству ценить внимание и поддержку, оказанные Кара Караевым.

Абдурахман Даниялович Даниялов являлся одним из самых талантливых руководителей республики, который своими глубокими знаниями, стойкостью и выдержкой, мужеством и беззаветной преданностью Родине вдохновлял народы Дагестана на новые подвиги во имя процветания Отечества.

Р.Б. Сулейманов,

Герой Советского Союза, профессор

НАВЕЧНО В ПАМЯТИ НАРОДНОЙ

Воспоминания о светлом облике Абдурахмана Данияловича возвращают меня, мои мысли и чувства к самым тяжелым временам периода нашей Родины – Великой Отечественной войны 1941-1945 годов и послевоенного периода восстановления и развития народного хозяйства республики. Мало и очень мало сказано еще о выдающейся роли масштабных государственных и политических деятелей регионов страны, которые сделали так много для нашей Победы над коварным врагом, для смятения горя и страдания народов в годы лихолетия. В этой части мы еще в долгу перед памятью Абдурахмана Данияловича. Обобщение и добросовестное изложение его многогранной деятельности более чем 30-летней работы в качестве одного из ведущих руководителей Дагестана имело бы огромное не только воспитательное, но и социально-экономическое значение. Подготавливаемый сборник воспоминаний о А.Д. Даниялове может стать шагом вперед в этом направлении.

Впервые с Абдурахманом Данияловичем я встретился в конце февраля 1944 года. Возвращался я домой из госпиталя г. Горького, через Москву, где из рук председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Ивановича Калинина получил орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза. О присвоении мне звания Героя Советского

Союза руководство республики знало, но о своем ожидаемом приезде я никому не сообщил. Поезд прибыл в Махачкалу в середине дня. Сходил прежде всего в парикмахерскую и не успел еще выйти оттуда, как ко мне подошел мужчина. Приятно улыбаясь и пожимая руку, он сказал, что он является секретарем обкома партии, зовут его Камиль Бутаевич Манапов. Оказалось, что один из парикмахеров позвонил в обком партии и сообщил о моем приезде в Махачкалу.

Мы с Камилем Бутаевичем явились в обком партии, где меня встретил первый секретарь обкома партии Азиз Мамедкеримович Алиев и председатель Совнаркома ДАССР Абдурахман Даниялович Даниялов. Оба они меня обняли как родного сына, спрашивали о моем здоровье, ранении и самочувствии. В то время мне было 22 года. Хотя в госпитале пролежал пять месяцев, самочувствие было неважным. Осколок прошел через правый глаз и застрял между шейными позвонками, повредив на своем пути ряд нервов. Разговаривал с трудом. Видимо, мое состояние здоровья вызвало ко мне еще больше сочувствия руководства республики. Они попросили зайти к ним Латипа Омаровича Залиева и поручили ему взять меня домой и сопровождать при поездке в Лакский район.

На следующий день меня вместе с А.О.Залиевым принял у себя в кабинете Абдурахман Даниялович. Встреча была необычайно теплой. Учитывая мое состояние, Абдурахман Даниялович больше сам говорил, чем спрашивал. Он говорил о том, что недавно по решению Правительства СССР выселены чеченцы. Кстати, когда я ехал из Москвы, мне самому довелось быть свидетелем неприятного зрелища – в битком набитых товарных вагонах эшелоны ехали с чеченцами. С трудом и жалостью высовывая головы в окошечки ехали женщины и дети. Абдурахман Даниялович рассказывал о трудностях репортации горцев Дагестана в бывшие чеченские районы. Больше говорил он о ситуации в нашей республике. С радостью несколько раз подчеркивал о том, что дагестанцы достойно сражаются на фронтах Отечественной войны, успешно работают в народном хозяйстве, особенно в животноводстве. С сожалением говорил и о том, что с лета 1943 года прекращен призыв дагестанцев в Красную Армию, но это объяснял заботой Союзного правительства по сохранению малочисленных народов, чему, по всей вероятности, сам мало верил. Разрешен был только доб-

ровольный призыв в армию. Меня просил помочь местным органам власти в этом направлении, когда приеду в район.

На прием были приглашены нарком здравоохранения Муслим Нахибашев и директор Медицинского института Юсуп Алибеков. Абдурахман Даниялович попросил их сделать все необходимое для моего лечения. Управделами Совнаркома позаботился, чтобы я с пустыми руками не поехал в район.

На следующий день состоялся ужин у председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Адильгерее Тахтарова, где присутствовало очень ограниченное число людей из партийно-советского руководства республики.

5 марта 1944 года мы с Л.О.Залиевым и корреспондентом газеты “Дагестанская правда” выехали в Лакский район. По пути местным руководством были организованы митинги в Буйнакске, в Левашах, Вицках. Трогательные встречи были в Лакском районе. В тот день в Кумух приехали жители почти из всех селений. Везде эти встречи и митинги проходили лично для меня и для всех участников с неописуемым волнением.

Кровопролитная война все еще продолжалась, хотя ход боевых действий на фронтах в корне изменился в нашу пользу. Враг еще оказывал ожесточенное сопротивление, но вынужден был отступить из оккупированных территорий под натиском Красной Армии. На митингах я замечал, как женщины вытирали слезы платком, ведь у каждой из них воевали на фронте отец, сын, брат, муж.

Не могу не вспомнить здесь о славных тружениках села, колхозных крестьян, интеллигенции, которые, находясь в нелегких материально-бытовых условиях, ковали Победу в тылу, на трудовом фронте. В годы войны трудящиеся Лакского района трижды были удостоены переходящего Красного знамени Государственного Комитета Обороны СССР за выдающиеся успехи в развитии животноводства, за огромную помощь фронту продовольствием и деньгами, драгоценностями, теплыми вещами для воинов.

Будучи в районе, здоровье мое значительно улучшилось. Вскоре сыграли свадьбу. Абдурахман Даниялович прислал невесте подарки. В августе того же года мы переехали в Махачкалу, и я устроился на работу. Вначале занимал должность заведующего военным отделом

Махачкалинского горкома партии, а через полгода меня избрали первым секретарем Дагестанского обкома ВЛКСМ.

Невозможно передать словами мое искреннее чувство благодарности, которое я всю жизнь питаю к Абдурахману Данияловичу и Азизу Мамедкеримовичу, к их памяти за то доброе, что они сделали для меня.

По рекомендации обкома партии, я был выдвинут и избран депутатом Верховного Совета СССР. Они помогли получить мне и высшее образование, поступить в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

С Данияловым я встречался очень часто, иногда и ежедневно, будучи на работе в обкоме партии. Встречались и в нерабочее время. Мы вместе ездили на встречи с избирателями в высокогорные районы Дагестана, когда проходили выборы в Верховный Совет СССР.

Три года, в бытность заведующим административным отделом обкома партии, моим непосредственным шефом был А.Д.Даниялов. За эти годы я многому у него научился, с уважением к нему относился, высоко ценил его, как работника, крупного политического деятеля и просто как человека.

Работник он был сильный, руководил аппаратом обкома партии со знанием дела. Дисциплина, порядок, четко налаженное дело чувствовалось во всем. Мы - заведующие отделами обкома партии испытывали со стороны Абдурахмана Данияловича строжайшую требовательность к нам и в необходимых случаях всегда он нам помогал. Он не мог терпеть малейшего проявления халатности в работе. Высоко ценил и отлично знал кадры республики. Был очень строг при их подборе. Не дай бог, если какой-нибудь отдел обкома рекомендует на какую-либо должность человека, ранее провалившегося или чем-либо дискредитировавшего себя. Таких людей он не пропускал на руководящую работу. Я удивлялся, когда мы ездили в Лакский район для вручения переходящего Красного знамени ГКО (по положению знамя вручалось уполномоченными - участниками войны в чине не ниже генерала или Героя Советского Союза), как Абдурахман Даниялович называл по имени и отчеству многих председателей колхозов, сельсоветов и секретарей партийных организаций.

Абдурахман Даниялович много работал, часто бывал в районах, общался с населением. Без труда каждый мог попасть к нему на при-

ем. А в установленные приемные дни он принимал от 50 до 60 посетителей.

В ЦК КПСС, в союзном правительстве он решал много кардинальных вопросов, связанных с социально-экономическим и культурным развитием республики. Перечислять все эти вопросы здесь нет надобности, тем более в таком жанре, как воспоминания.

Однако, мне кажется, вкратце напомнить о некоторых проблемах, имеющих принципиальное значение для Дагестана стоит. Строительство каскада гидроэлектростанций на реке Сулак связано с титаническими усилиями и настойчивостью Абдурахмана Данияловича. Мой приятель Нажмудин Гаджиевич Кажлаев, работавший в конце сороковых и в начале пятидесятых годов заместителем начальника Главного Управления Нефтедобычи СССР, рассказывал, каких громадных трудов стоило Абдурахману Данияловичу протолкнуть вопросы строительства указанных станций. Он все же добился положительного решения вопроса и в Союзном и в Федеративном правительствах. В последние годы я часто задумываюсь над тем, чтобы мы делали во время чеченских событий, да и сейчас, если бы не были построены и Чиркейская и Чирюртовская ГЭС.

Другая проблема. Как известно, с начала пятидесятых годов в нашей республике в Махачкале был построен ряд промышленных предприятий, относящихся к военно-промышленному комплексу. В начале 90-х годов, когда началась перестройка и некоторые экономисты, да и многие практические работники на разного рода конференциях, публичных выступлениях начали утверждать, что строительство этих предприятий было ошибкой со стороны руководства республики, что они ничего не дали для Дагестана, что мол надо было развивать в основном легкую и пищевую промышленность. Думается, что эта точка зрения ошибочна. Руководство республики в то время ставило вопросы перед Союзным и Федеральным правительствами помочь в трудоустройстве дагестанской молодежи, которая после окончания 10 классов большинство оставались нетрудоустроенными. А их число ежегодно составляло 5-6 тыс. человек. В Махачкале было построено семь таких заводов и каждый из них обеспечивал работой 4-5 тыс. человек. С учетом работающих вместе с семьями социально

были защищены более 100 тыс. горожан. В ходе перестройки эти заводы остановились или еле “дышат”, оставив, таким образом, десятки тысяч людей без работы и без социальной защиты.

Абдурахман Даниялович был истинным патриотом Советской Родины, любил Дагестан и дагестанцев, был подлинным интернационалистом. Он гордился тем, что Дагестан является составной частью России, прилагал максимум усилий, чтобы сохранить и постоянно укреплять это – самой исторической судьбой определенной – единство с русским народом. Старшее поколение хорошо помнит заботу и внимание, проявляемые руководством республики к русскоязычному населению – рабочим, инженерам, учителям, врачам и другим, которые своим добросовестным трудом способствовали экономическому и духовному рассвету Дагестана и всего Отечества.

Память об Абдурахмане Данияловиче навечно сохранится в сердцах дагестанского народа. Пусть его светлый образ будет примером подражания в делах и поступках нынешнего и грядущих поколений дагестанцев.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦСГА

instituteofhistory.ru

Н.А Алиев,

Генеральный директор НПО «Дагагровинпром»,
Герой Социалистического Труда

КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Бывают в жизни минуты, которые не забываются всю жизнь. Помню, как меня утверждали на заседании бюро обкома КПСС директором совхоза им. Ш. Алиева в мае 1958 года. Перед утверждением я с А.Д. Данияловым познакомился близко в его кабинете.

Был он человек среднего роста, плотный, с приятными чертами лица, а запомнилось мне не само утверждение, а беседа о том, как я понимаю свои задачи директора, справлюсь ли я, не подведу ли рекомендующих. Когда я на все вопросы ответил утвердительно, то один из членов бюро сказал о том, что у меня не все ладно в семейном

положении. А.Д. Даниялов спросил: “В чем дело?” Объяснили, что еще не женат, а стоит ли назначать директором человека несемейного. Он улыбнулся и сказал, что молодость – это не порок, а для обзаведения семьей мы дадим ему еще год срока, за это время он справится с этим делом.

И действительно, вскоре я женился. Будучи в Дербентском районе, он заехал в совхоз, тогда еще совсем неблагоустроенное село Мамедкала, и поздравил нас, интересовался делами, был на полях и этим вниманием оставил глубокий след в моей памяти.

Еще раньше, обучаясь в Даггоссельхозинституте (ныне Даггоссельхозакадемия), я был заместителем секретаря комсомольской организации института. Мне приходилось часто слушать его выступления перед Махачкалинским городским и республиканским комсомольским активом. Его речь всегда отличалась краткостью, содержательностью и убедительностью. Мы с большим вниманием слушали его выступления.

Как-то из Дербентского райкома КПСС мне позвонил первый секретарь С.Б. Курбанов и сказал, что состоится партийный актив района по проблеме развития виноградарства, в котором примет участие А.Д. Даниялов. На активе состоялся обстоятельный разговор. Выступая на нем, А.Д. Даниялов дал дельные советы по развитию этой отрасли. На обратном пути заехали к нам в совхоз им. Алиева. В этот год – 1965 – мы получили рекордный урожай винограда: с площади 700 га по 142 ц/га, а отдельные бригады в тот год получили по 200 и более центнеров. Побывав в отдельных бригадах, отделениях, он с искренним удовольствием знакомился с делами хозяйства и при встрече с коллективом первого отделения сердечно поблагодарил рабочих, специалистов за самоотверженный труд коллектива. После этой встречи в конце пятилетки многие труженики Дербентского района получили ордена и медали, и вручал эти награды в нашем клубе А.Д. Даниялов.

Среди других и я был впервые награжден орденом Трудового Красного Знамени, а рабочему нашего совхоза Г.Г.Рабданову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Впоследствии, являясь членом обкома КПСС, депутатом Верховного Совета ДАССР и РСФСР, я неоднократно видел А.Д. Даниялова. В эти годы много сил республиканская партийная организа-

ция уделяла развитию сельского хозяйства, в том числе садоводству и виноградарству. В этой связи значительную роль в развитии экономики сыграла проведенная обкомом КПСС в 1968 году первая Дагестанская экономическая конференция по проблемам экономики и организации сельскохозяйственного производства, где присутствовали знаменитые ученые нашей страны – академик ВАСХНИЛ С. Колеснев, доктор экономических наук М.М. Макеенко и многие другие. Я выступил на этой конференции по вопросу об экономике производства винограда в совхозе им. Алиева Дербентского района. К этому времени совхоз имел значительные успехи по урожайности и снижению себестоимости винограда и являлся предприятием образцового труда.

Из выступления А.Д. Даниялова мне запомнились слова, которые актуальны и сейчас, что именно экономическая работа до последнего времени остается запущенной, и это является одной из главных причин серьезных недостатков в развитии сельского хозяйства Дагестана.

На конференции мне было сказано, что руководители республики с гостями приедут к нам ознакомиться с хозяйством. Действительно, они побывали в нашем хозяйстве, объездили виноградные плантации, были на стройках жилых домов, культурно-бытовых объектов, на ферме, и везде гости были удовлетворены состоянием хозяйства, а к этому времени мы получали уже стабильно высокие урожаи, свыше 120-130 ц/га винограда и имели до 2 миллионов рублей прибыли. На встрече в конторе совхоза А.Д. Даниялов, С.Г. Колеснев и другие тепло отзывались о тружениках и специалистах нашего совхоза, и в заключение А.Д. Даниялов сказал, что надо райкому КПСС и обкому уделять больше внимания воспитанию руководителей совхозов и колхозов республики, имея грамотные кадры, легко решать любые проблемы.

Впоследствии не раз проблемы развития садоводства и виноградарства были предметом обсуждения на активах и пленумах обкома КПСС, где выступал и я, радуя за успешное развитие виноградарства. И действительно, впоследствии виноградарство Дагестана заняло достойное место среди краев и областей Северного Кавказа.

Годы быстротечны, за работой и не замечали уходящих лет, но жизнь тем и примечательна, что много достойных дел осталось в па-

мяти народной, часто вспоминаешь дела минувших дней, в этом наша история, жизнь и работа.

А.Д. Даниялов очень интересовался развитием виноградарства и прекрасно понимал значимость этой отрасли для республики, заезжал в наше хозяйство и интересовался каждым сортом, очень был недоволен раскорчевкой местных аборигенных столовых сортов в связи с массовой посадкой технических сортов.

В августе 1972 года мне позвонили из Махачкалы и сказали, что к нам выехал А.Д. Даниялов, Это было перед уборкой винограда. Мы с первым секретарем Дербентского райкома партии Саидом Джамаловичем Курбановым встретили его, и опять, как всегда, он интересовался состоянием виноградарства, видами на урожай.

После суровой зимы почти все виноградники были вырезаны, так как 25-27-градусные морозы погубили даже многолетнюю древесину. Даниялов интересовался, как можно спасти виноградники. Видимо, привычка встреч с трудовыми коллективами у него выработалась за долгие годы партийной работы, и в общении с людьми он находил истинное удовлетворение.

Помню еще одну встречу. Когда мы поднялись в контору, то за нами шофер занес пакет книг. Даниялов развернул пакет и вручил мне на память тома книги о винограде “Ампелография СССР” (это капитальный труд по виноградарству, где собраны и систематизированы современные знания о культивирующихся в нашей стране сортах винограда) с дарственной надписью: “АЛИЕВУ НАРИМАНУ. Более целесообразного назначения этой дорогой для меня памяти трудно придумать. С глубоким уважением и добрыми пожеланиями – АБДУ-РАХМАН ДАНИЯЛОВ. 21 августа 1972 г.”

Я был потрясен таким отношением главы нашей республики ко мне и думал, чем же я смогу отблагодарить его за это. Видимо, плодотворной работой в виноградарстве и верном служении народам Дагестана, как это делал Даниялов.

Абдурахман Даниялович Даниялов был примером большого организаторского дара, правильных подходов в решении сложных проблем республики, с которыми мне приходилось встречаться по производственным и общественным делам.

С 1975 года Дагестан стал регионом, где широкое признание наша индустриальная технология развития виноградарства, куда за

опытом приезжали со всей страны. В этих и других делах развития народного хозяйства нашей сложной и многонациональной республики огромны заслуги А.Д. Даниялова.

М.Махулов,
бывший первый секретарь
Хунзахского райкома партии,
Герой Социалистического Труда

ДОСТОЙНЫЙ СЫН СВОЕГО НАРОДА

Имя Абдурахмана Даниялова занимает одно из самых достойных мест среди яркой плеяды государственных деятелей, навечно вошедших в историю и память дагестанского народа.

Обращение к жизни и деятельности наших известных исторических деятелей, к доброй памяти о них является важнейшим условием обеспечения преемственности времен и поколений, сохранения наших лучших национальных традиций.

С 1936 года по решению высшего руководства страны Абдурахман Даниялович Даниялов занимал ответственные руководящие должности в республике: нарком земледелия, Председатель Совнаркома, первый секретарь обкома партии, Председатель Президиума Верховного Совета. Волею судьбы связав свою жизнь с дагестанским народом, в самые тяжелые довоенные годы колхозного строительства, перевода промышленности и сельского хозяйства на военный лад в годы Великой Отечественной войны, восстановления народного хозяйства в послевоенный период, строительства новых заводов и фабрик, учреждений науки, культуры, образования в последующие годы Абдурахман Даниялович оставил неизгладимый след в памяти и сердцах дагестанского народа.

С первых же дней пребывания на всех руководящих постах республики в полной мере раскрылся его талант политика, государственного и общественного деятеля, человека, пользующегося большим авторитетом и уважением народа. Борьба за счастье трудового народа, дружба и богатство народов была глубоким смыслом его жизни.

Все, кто знал его, работал с ним, ощущали его глубокие знания, огромную трудоспособность, доброжелательность и выдержку, скромность и душевное обаяние.

Народы Дагестана не забудут, как ценой невероятного напряжения духовных и физических сил Абдурахман Даниялович и его соратники по работе смело и успешно решали вопросы преодоления последствий Отечественной войны 1941-1945 годов и землетрясения 1966 года, развития экономики и культуры республики, становления нового человека.

Пришедшие в тяжелый период, в разгар Великой Отечественной войны, к руководству областной партийной организации из братского Азербайджана Азиз Мамедкеримович Алиев, в Совнарком Абдурахман Даниялович Даниялов и в Верховный Совет Адиль-Герей Тахта-ров взвалили на свои плечи огромную ношу по мобилизации всех сил для разгрома врага. В республике проводились огромные мероприятия, направленные на то, чтобы подготовить население к отпору врагу, рвущегося в Дагестан. Сооружалось несколько полос оборонительных сооружений, формировались отряды народного ополчения, создавались истребительные батальоны и партизанские отряды в основном из коммунистов и комсомольцев. Проводилась огромная воспитательная работа среди населения по легализации лиц, пытавшихся избежать службы в армии, с дезертирами и уклонистами, подаче заявлений о добровольной отправке в действующую армию.

Под руководством Абдурахмана Данияловича Даниялова республика провела огромную военно-мобилизационную работу, достойно выдержала суровые испытания военного времени, сумела направить все ресурсы на оказание помощи фронту, успешно решила колоссальные по объему задачи, связанные с ликвидацией последствий войны и переводом народного хозяйства республики на рельсы мирного строительства.

Народы Дагестана с искренней благодарностью вспоминают тот вклад, который внес А.Д. Даниялов в развитие экономики, культуры, науки и образования нашей республики. Он приложил много усилий к созданию в Махачкале базы Академии наук СССР, впоследствии переименованной в Дагестанский филиал Академии наук СССР, ныне Дагестанский научный центр Российской Академии наук.

Значительный вклад внес Абдурахман Даниялов в расширение и укрепление базы высших и средних учебных заведений республики. При его активном участии в Дагестане были открыты Научно-исследовательский институт школ, Женский учительский институт и педагогическое училище. Он проявлял постоянную заботу о научной и творческой интеллигенции, о развитии самобытной дагестанской национальной литературы и искусства.

Талантливый руководитель, душевный и добрый товарищ, интернационалист, человек высоких моральных качеств, отдавший много сил и энергии на благо нашего народа и республики - таким был и останется для дагестанцев Абдурахман Даниялов.

В годы Великой Отечественной войны Абдурахман Даниялович Даниялов как Председатель Совнаркома и член Махачкалинского комитета обороны организовал слаженную работу по перестройке республиканской экономики и промышленности на военный лад и налаживания работы в тылу.

Под постоянным контролем областного комитета партии, Совнаркома республики и лично Абдурахмана Даниялова находилось тогда строительство оборонительных сооружений на территории республики.

В 1944 году на территории Каякентского и Сергокалинского районов на строительстве оборонительных рубежей работали 700 человек из Хунзахского района. По поручению райкома партии я проверял условия работы наших колхозников на оборонительных рубежах. Надо признать, условия были тяжелейшие: не было нормального жилья и питания, кругом была антисанитария. Несмотря на это, люди работали по-военному, за что и было присуждено нам знамя Махачкалинского комитета обороны. К сожалению, в результате вспыхнувших эпидемий и инфекционных болезней (дифтерия) 30 наших колхозников-бойцов заболели и им не была оказана соответствующая медицинская помощь. Когда я обратился к командиру отряда (фамилию я не помню) за помощью, тот грубо ответил, что "на фронтах больше погибают, чем здесь".

Видя безвыходное положение бойцов трудового фронта, все более возрастающее количество людей, больных дизентерией, и их неспособность работать, отсутствие внимания со стороны руководства, без согласования и без разрешения командования оборонительных сооружений более 35 человек посадил на свои подводы и отправил в Хунзахскую районную больницу. После их госпитализации приехал в Махачкалу и пошел на

прием к Председателю Совнаркома и члену Махачкалинского комитета обороны Абдурахману Данияловичу Даниялову. Он охотно принял меня, внимательно и с большим интересом выслушал информацию о положении на строительстве оборонительных сооружений в районе Каякента. Задавалось очень много вопросов об обеспечении питанием, состоянии жилищных условий, работе медицинской службы, о воспитательной работе среди бойцов трудового фронта. На все эти вопросы мною давались конкретные и подробные ответы. В ответах я характеризовал очень тяжелую обстановку в этом районе в смысле жилья, питания, медицинского обслуживания, грубости начальства там, где работают гунибский и хунзахский отряды. Конечно же, я доложил о своем поступке. После моей информации, пожал мне руку и сказал: "Вы поступили правильно, надо было всех больных госпитализировать. Там, где нужно, надо проявлять партийный, принципиальный характер и смело решать вопросы, беря на себя ответственность. Это поможет нам быстрее окончить войну, одержать победу и разгромить фашизм". При мне же Абдурахман Даниялович по телефону связался с командующим 44-й армией и как член Военного совета этой армии информировал о недостатках работы на строительстве оборонительных сооружений на территории республики и потребовал немедленно устранить эти недостатки, создать нормальные бытовые условия для работающих на этих важнейших участках строительства. На строительстве оборонительных сооружений большинство работали женщины, ибо мужская часть населения была мобилизована в действующую армию. За короткий срок были построены три полосы оборонительных сооружений вдоль рек Сулак и Терек, вокруг городов Махачкалы и Дербента, в районе Каякента. За трудовые подвиги на строительстве оборонительных сооружений орденами и медалями Советского Союза были награждены около 30 тысяч человек, в том числе 26 тысяч медалью "За оборону Кавказа".

Абдурахман Даниялович всегда с большим уважением относился к руководящим работникам горкомов, райкомов партии, горрайисполкомов. Он почти каждый раз, когда мы приезжали в Махачкалу, специально приглашал нас к себе на беседу. Он всегда интересовался состоянием колхозов, жизнью колхозников, об их нуждах и т.п. Одновременно сам он информировал нас о положении на фронтах Великой Отечественной войны. Однажды во время такой беседы он информировал нас о том, что союзное правительство отказывается брать в армию представителей Дагестана, мол

не доверяют нам, и сказал, что мы должны восстановить это доверие своим патриотизмом и любовью к Родине. Он интересовался постановкой вопроса о патриотическом воспитании в районах республики, особенно среди молодежи 1924-1925 года рождения. Мы ему сообщили о готовности молодежи республики добровольно идти в армию и что они ждут ответа на свои заявления из военкоматов. В тот же день мы все выехали в свои районы. На следующий день в Хунзахе на молодежном собрании мы рассказали о встрече с Абдурахманом Данияловичем, о положении на фронтах и о проблемах призыва дагестанской молодежи в армию, о необходимости пополнения рядов действующей армии. Об этом я доложил Абдурахману Данияловичу. Он поблагодарил меня и всю молодежь района за понимание и поддержку. Через 4 дня Хунзахский райвоенкомат получил наряд на отправку молодежи в действующую армию.

Под непосредственным контролем Абдурахмана Данияловича находилось строительство бронепоезда "Комсомолец Дагестана". На него было собрано миллион рублей. Силами молодежи Двигательстрой (ныне г. Каспийск) Махачкалинского порта, отделения железной дороги в сжатые сроки бронепоезд был построен и передан Закавказскому фронту.

Одной из наиболее трудных проблем, стоящих перед руководством республики, было размещение эвакуированного населения, промышленных предприятий, учебных заведений на территории республики. Вопросы создания им элементарных условий, обеспечения жильем, питанием, медицинским обслуживанием, Абдурахман Даниялович держал под постоянным контролем. Особое внимание проявлял к детям, женщинам, старикам, семьям фронтовиков.

К августу 1942 года сложилась тяжелейшая обстановка на Северном Кавказе. Немцы вплотную подошли к Дагестану. Они ставили своей целью превращение столицы нашей республики Махачкалы в главную военно-морскую базу на Каспийском море. Махачкала жила тогда суровой прифронтовой жизнью. Отдельные предприятия были эвакуированы. Нависла непосредственная угроза вторжения врага в пределы Дагестана.

В такой трудный момент и был создан Махачкалинский комитет обороны под председательством первого секретаря обкома партии Азиза Алиева, а его заместителем был утвержден Председатель Союзного комитета Абдурахман Даниялов.

Махачкалинский комитет обороны призвал всех работников партийных, советских, комсомольских и хозяйственных органов республики перестроить работу на военный лад, работать с полным напряжением сил, не считаясь со временем, установить везде жесткую дисциплину. По инициативе Абдурахмана Данияловича, в республике были созданы 13 партизанских отрядов, несколько истребительных батальонов, около 700 подразделений народного ополчения, в которых насчитывались десятки тысяч человек.

Предметом особой заботы Абдурахмана Данияловича, как заместителя председателя Махачкалинского комитета обороны, было обеспечение предприятий оборонительно комплекса республики сырьем и материалом.

Под неослабным вниманием Абдурахмана Данияловича были семьи военнослужащих и фронтовиков. В республике была проведена большая работа по оказанию помощи семьям фронтовиков. Более 5 тысяч членов семьи военнослужащих были трудоустроены, около 2 тысяч получили индивидуальные огороды, 30 тысячам семей оказана материальная помощь.

Огромную заботу Абдурахман Даниялович проявлял об инвалидах Великой Отечественной войны. Он много внимания уделял четкой и налаженной работе эвакуогоспиталей в республике. Их в республике работало более полутора десятков. За годы войны через них прошло около 135 тысяч раненых, в строй было возвращено более 100 тысяч человек.

С первого дня войны широкий размах в республике получила кампания по сбору и отправке на фронт теплых вещей и подарков для бойцов и командиров Красной Армии. Был создан Фонд обороны. За годы войны дагестанцы отправили на фронт 150 вагонов теплой одежды и 140 вагонов с подарками. Они внесли значительные средства на строительство танковой колонны "Шамиль", эскадрильи боевых самолетов и другой военной техники. От реализации займов было получено 437 млн. рублей. За это в адрес трудящихся Дагестана на имя А.М.Алиева, А.Д.Даниялова и А.-Г.Тахтарова были получены 175 благодарностей от Верховного Главнокомандующего страны.

Абдурахман Даниялович везде и всюду принципиально отстаивал интересы республики и всего дагестанского народа, выступал против

необдуманных решений. Он любил Дагестан и его многонациональный, добрый и гостеприимный народ. В свою очередь и народы Дагестана любили и уважали Абдурахмана, поддерживали во всех его делах и начинаниях. У Абдурахмана Данияловича было много друзей. Они с особой теплотой и любовью вспоминают его сегодня.

Абдурахман Даниялович своей правотой и убежденностью смог доказать о преданности дагестанского народа своей Родине, республике, его интернационализм по отношению ко всем народам СССР, и это, видимо, спасло Дагестан от многих бед во время войны и послевоенный период.

После восьмилетней работы в должности Председателя правительства республики в конце 1948 года он был избран первым секретарем Дагестанского обкома партии. На этом посту он показал свое исключительное трудолюбие, глубокие знания, высокую эрудицию, государственный подход к решению крупных проблем практической, экономической и социальной жизни республики.

Работая над докладом на пленуме обкома или на собрании партийно-хозяйственного актива, Абдурахман Даниялович не ограничивался изучением данных статуправления или справок отделов обкома партии. Он выезжал в районы и города, на предприятия и колхозы, встречался с людьми, глубоко изучал обстановку и вносил на обсуждение пленума или актива вопрос, актуальный исключительно для данного момента. Это был один из главных методов работы Абдурахмана. Мы, члены пленума обкома партии, всегда с огромным вниманием слушали его богатые фактическим материалом, содержательные доклады. Это был человек кристально чистый и честный, приветливый, заботливый, принципиальный, который не щадил себя ради блага всего дагестанского народа.

В должности первого секретаря обкома партии Абдурахман Даниялович проработал 20 лет. У меня было много встреч с ним. Каждая такая встреча для меня была школой воспитания и уходил я от него глубоко воодушевленный, с желанием работать еще лучше.

Наша страна высоко оценила его государственную и общественно-политическую деятельность. Он был награжден пятью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, одиннадцатью медалями. Он был достойным сыном своего народа, любил Дагестан и не щадил своих сил ради его блага.

Наши народы с особой теплотой и сердечностью вспоминают светлый образ Абдурахмана Данияловича. Его имя и добрые дела будут вечно жить в благодарной памяти многих поколений дагестанцев.

Д.А. Даидов,
бывший председатель Дагсовпрофа

ВОСПОМИНАНИЯ О ДАНИЯЛОВЕ

Абдурахман Даниялович Даниялов был заботливым и внимательным руководителем. Вся его жизнь была посвящена защите интересов трудового народа, развитию экономики, поднятию авторитета Дагестанской республики среди других регионов Союза. А.Д. Даниялова впервые я увидел в 1942 году на строительстве крупного оборонительного сооружения за Атлыбуюнским перевалом в долине Уллу-сув. Строили противотанковый ров.

В 1942 году с наступлением фашистов на Кавказ в Дагестане все трудоспособное население было мобилизовано на строительство оборонительных сооружений. Я был командиром одного из взводов на строительстве этого сооружения. Мне исполнилось тогда 16 лет. В моем подчинении было 25 человек, в основном женщины и несколько мужчин 50-60 лет.

В полдень после обеда мы собрались на беседу – вели разговор о войне. Был жаркий летний день и как раз в это время на одну из активнейших наших женщин Пирзанат Лабатханову напала змея, что вызвало страшный переполох. И мы не заметили, как подъехала к нам легковая машина. Подошли трое красивых мужчин, одетых в закрытые костюмы “сталинки”. Двоих я узнал сразу – это были секретарь Буйнакского РК партии, и председатель райисполкома. Они и сообщили, что с ними приехал тов. Даниялов, чтобы посмотреть, как идет строительство оборонительных сооружений.

Он с пониманием, спросил как мы устроены, как с питанием и т.д. и пожелал нам быстрее завершения этого важного оборонительного объекта. Люди остались очень довольны таким вниманием к ним и к их работе.

Затем я несколько раз в 1945-1952 годах видел и слушал его прекрасные глубоко содержательные выступления на республиканских совещаниях и съездах учителей в период моей работы на ниве просвещения в Буйнакском и Карабудахкентском районах.

Близкое знакомство с Абдурахманом Данияловичем состоялось у меня, когда он в феврале 1953 года, после беседы в правительстве и орготделе обкома, пригласил меня к себе в кабинет для знакомства. Вопрос стоял о моем выдвижении на должность председателя Карабудахкентского райисполкома. После нескольких вопросов о работе и семье Абдурахман Даниялович спросил прямо: - Ну как, справитесь с этой работой? Я ответил, что постараюсь оправдать Ваше доверие. Он сказал, - Вы молодой человек, энергия и знания есть, мы ждем от Вас конкретных результатов в подъеме экономики в районе. Он особо подчеркнул, что Карабудахкентский район имеет большие возможности в увеличении производства зерна и продуктов животноводства. Конечно, такой деловой и доверительный разговор воодушевил меня, и я, не считаясь ни с чем, работал днем и ночью, чтобы оправдать это доверие.

1953 год для сельского хозяйства был годом тяжелым. По всей республике была невиданная засуха. Особенно тяжелое положение было в хозяйствах Карабудахкентского района, где почти все зерновые размещались на богаре. В результате полностью погибли озимые, выгорели все сенокосы и пастбища.

Вопрос стоял остро, как завершить год, готовиться к зиме и спасти поголовье скота.

И здесь нам помог Абдурахман Даниялович.

Он знал хорошо обстановку в республике, особенно в плоскостной и предгорной зоне, предложил нам организовать большие мобильные бригады в каждом хозяйстве и выехать с ними для заготовки кормов в Калмыцкую степь.

Он сообщил, что договорился с руководством Российской Федерации и Калмыцкой республики о выделении Дагестану для заготовки кормов достаточных площадей. В Калмыкии в тот год был небывалый травостой в связи с выходом моря из своих берегов и затоплением осенью и весной большой территории Калмыкии.

Нашему району было выделено 5 тыс. га сенокосов. И мы заготовили более 15 тыс. тонн прекрасного сена и этим спасли основное поголовье скота района.

В этом я видел большую заботу и огромное внимание Абдурахмана Данияловича как руководителя республики к труженикам, к развитию экономики Дагестана.

А.Д. Даниялов был руководителем жестким, требовательным, в то же время очень объективным. После сильной засухи весной и летом 1953 года зима 1953/54 года оказалась еще страшнее. Она была холодная, снежная и очень тяжелая для зимовки скота. Осенью по указанию обкома партии и лично А.Д. Даниялова мы впервые в истории Карабудахкентского района перебросили часть поголовья скота (в основном овцепоголовье) в район старого Уланхола Калмыцкой республики, где уже были заготовлены корма, и этим спасли без особых потерь овцепоголовье колхозов и совхозов.

Но республика подверглась серьезному испытанию. Из-за нерасторопности отдельных руководителей районов и по вине Министерства сельского хозяйства республики Дагестан в ту зиму потерял более миллиона поголовья мелкого рогатого скота. Экономике республики был нанесен огромный ущерб.

Весной 1954 года для разбора обстановки в животноводстве в республику приехала большая комиссия из Москвы – из Министерства Госконтроля и Прокуратуры Союза ССР. Итоги проверки в мае обсуждали на бюро обкома партии.

Из-за непринятия должных и необходимых мер по спасению поголовья и за допущение больших потерь скота решением бюро обкома КПСС были сняты с работы министр сельского хозяйства республики, два его заместителя, 10 первых секретарей райкомов партии и 10 председателей райисполкомов. Отдельные из них были исключены из партии. Конечно, это было небывалое явление в истории партийной организации республики. Несмотря на то, что решение было очень суровое, но объективное, коммунисты Дагестана, все трудящиеся республики в этом решении прежде всего видели требовательность и принципиальность со стороны обкома партии и лично со стороны его первого секретаря А.Д. Даниялова, так как речь шла о судьбе республики.

А.Д. Даниялов был всесторонне развитым человеком, непревзойденным хозяйственником, отлично знал экономику республики, много ездил по городам и районам, колхозам и совхозам, по промышлен-

ным предприятиям. Он вложил много труда в развитие индустрии Дагестана, в строительство промышленных предприятий, других строительных объектов. Он, как никто другой, владел обстановкой не только в городах и районах, но и конкретно изучал и вникал в экономику промышленных предприятий, колхозов и совхозов.

После окончания ВПШ я работал в обкоме КПСС. Однажды, это было в феврале 1960 года, он приглашает меня и говорит, что меня рекомендуют председателем колхоза им.Орджоникидзе в своем родном селе – Нижнее Казанище, что, мол это требование руководства Буйнакского района. Я знал обстановку в этом хозяйстве. Там колхоз практически был развален. Оказывается, А. Даниялов еще лучше, чем я, знал обстановку в этом колхозе и в этом селе. Он говорит, что там хозяйство из-за неправильного и неумелого подбора кадров полностью развалено. В колхозе и селении необходимо навести порядок, поднять дисциплину, прекратить мелкое воровство, растаскивание имущества колхоза. Этот колхоз практически приравнивается по своей мощи ко многим районам республики. Нельзя допустить развала этого хозяйства. Там прекрасные земельные угодья, развито животноводство, и Вам надо поехать и поднять это хозяйство. Я отказался, ссылаясь на семейные дела, здоровье и другие обстоятельства. Я очень не хотел туда ехать и категорично заявил ему об этом.

Он также категорично отверг мои доводы и сказал, что он меня достаточно изучил, знает мои способности, что должен поехать и навести там порядок. Если не поеду, исключат из партии и снимут с работы. “Идите, - сказал он наконец, - думайте и решайте, через неделю придете на бюро обкома”.

Я попытался через отдельных членов бюро обкома воздействовать на Даниялова, чтобы он отменил свое решение. Но все члены бюро как один заявили, что это бесполезно, что он никогда не отменит свое решение. Вам лучше поехать и не портить свою карьеру.

Ровно через неделю я был приглашен на бюро обкома, и без лишних слов, как Даниялов привык вести бюро обкома, сообщил, что есть предложение: в целях укрепления руководства колхоза им. Орджоникидзе Буйнакского района послать туда т. Д.А. Даидова и рекомендовать его общему собранию колхозников на должность председателя колхоза. Члены бюро обкома единогласно проголосовали,

и я в тот же день вечером был избран председателем этого крупного хозяйства.

Откровенно говоря, особого желания работать там у меня не было – и у меня закралась некоторая обида на Абдурахмана Данияловича, так как после работы в должности председателя райисполкома и окончания высшей партийной школы он послал меня работать в колхоз.

Ночью не спал, думал как вести себя дальше. В три часа ночи пришел в контору и при свете керосиновой лампы делал себе заметки, кого вызвать и с кем и о чем говорить. И вдруг около четырех часов ночи (13 февраля 1960 года) резкий телефонный звонок. Поднимаю трубку. Дежурная телефонистка из Буйнакска сообщает, что меня спрашивает тов. Даниялов.

Я был чрезвычайно удивлен: почему, думаю, и ему не спится. Он громким голосом спрашивает: “Это Вы, Даид?” – “Да, Абдурахман Даниялович, это – я”. Он мне: “Как прекрасно, что я в это время нашел Вас в конторе”. Затем спросил о собрании колхозников. После требовательным голосом сообщил, что они меня послали поднять это хозяйство.

- Прими все меры для того, чтобы колхоз встал на ноги. Если в твоей работе будут какие-либо трудности, сразу ко мне, мой кабинет для тебя всегда открыт. Понял!

- Большое спасибо, Абдурахман Даниялович, - сказал я, - постараюсь стать настоящим председателем колхоза.

-Вот и хорошо, договорились, - сказал он и положил трубку.

Должен признаться, этот ночной звонок сделал меня настоящим председателем колхоза, и изменил к нему мое отношение.

Мы прежде всего навели порядок в кадрах, подняли дисциплину труда, установили жесткий контроль за сохранностью колхозной собственности и продукции. Абдурахман Даниялович за время моей работы председателем колхоза дважды приезжал к нам проверять новую технологию выращивания кукурузы на больших площадях.

Через год колхоз им. Орджоникидзе был одним из лучших колхозов и был занесен на доску Почета республики.

Через два года Абдурахман Даниялович приглашает меня в свой кабинет и сообщает, что есть мнение перевести меня в райком первым секретарем. Нынешнего первого секретаря райкома Ш.И. Шихсаидова решено назначить на должность секретаря обкома. В колхо-

зе, по его мнению, дела идут неплохо и пора теперь браться за район, и что кандидатуру мою поддерживает и тов. Ш.И. Шихсаидов.

Я просил оставить меня на месте председателем колхоза. Я объяснил, что мы только-только навели порядок, колхозники меня уважают и поддерживают, у нас большие планы по дальнейшему развитию этого хозяйства, и они будут против моего ухода. А на должность первого секретаря райкома Вы найдете много желающих.

- Желających там работать нам не надо, обком партии знает и решает без объяснений, куда кого назначить. Так что подготовьте себе замену и беритесь за дела района, - был ответ.

Так я стал первым секретарем Буйнакского РК партии, где проработал около 15 лет. А.Д. Даниялов часто приезжал в район, изучал обстановку, всячески помогал, вникал в дела колхозов и совхозов, советовал больше обращать внимание на решение социальных задач в районе, на строительство школ, больниц, клубов и других объектов соцкультбыта.

Особенно часто стал приезжать в район Абдурахман Даниялович во время строительства Чиркейской ГЭС. Это было крупное уникальное гидроэнергетическое строительство, которое должно было в корне изменить экономику республики, условия жизни дагестанцев – принести им свет и достаток.

Однако строительство этого важнейшего для Дагестана, да и не только для Дагестана, но и всего Северного Кавказа объекта, было связано со сложностями переселения одного из крупных населенных пунктов республики – селения Чиркей, в котором проживало около 10 тыс. человек. Чиркейцы категорически отказались переселиться, уйти с насиженных мест. Абдурахман Даниялович неоднократно собирал народ на собрания и выступал перед ними, вел убедительные беседы на годеекане среди аксакалов, доказывая и разъясняя необходимость переселения, в том, что им будет оказана со стороны правительства возможная помощь, что строительство ГЭС необходимо и затопление селения Чиркей неизбежно.

Народ, конечно, проявлял недовольство, и это особенно усугублялось тем, что некоторые фанатики твердили, что Аллах не даст затопить нашу мечеть, могилы наших предков и т.д. Тогда Адурахман Даниялович переходил на аварский язык, а он знал почти все дагес-

танские языки, и разъяснял им на своем родном языке. Все же, должен это особо подчеркнуть, что только с помощью А.Д. Даниялова и более прогрессивной части населения Чиркея, нам удалось переселить их на новое место, в так называемый “Берцин-авлак”. Теперь на этом месте раскинулся и расширяет свои границы прекрасный и богатый поселок со всеми условиями для жизни населения.

А.Д. Даниялов был большим государственным деятелем, талантливым руководителем, великолепным оратором. Эти высокие качества А.Д. Даниялова мы – молодые руководители районов и городов ощущали повседневно. После войны в 1950-1960 годах в Дагестане происходили большие перемены. Народ работал с большим энтузиазмом, строились и преображались наши города, ускоренными темпами возводились промышленные предприятия, укреплялось экономическое положение колхозов и совхозов, они оснащались новой техникой, что давало возможность поднять урожайность полей и продуктивность животноводства.

В этом мы видели большую заслугу обкома партии во главе с Абдурахманом Данияловичем Данияловым. Он умело подбирал кадры, строго контролировал их работу, всячески помогал им, а нерадивых и некомпетентных руководителей, которые не справлялись и не умели работать, строго наказывал. Он был руководителем жестким, требовательным, но вместе с тем объективным, он был от природы талантливым человеком, на примере которого воспитывались молодые кадры республики. В период его работы в республике часто проходили большие форумы – собрания переводчиков, активы, пленумы и другие массовые мероприятия.

На всех этих мероприятиях всегда выступал Абдурахман Даниялович. Особенно мы ждали его заключительных выступлений, где он без бумаж, свободно и очень толково, невзирая на заслуги и авторитет, критиковал отстающих, нерадивых и все негативные явления в республике.

Он самокритично относился и к своим недостаткам и ошибкам. Вспоминается пленум обкома КПСС, который проходил в июле 1953 года в здании Даггосуниверситета на ул. М. Горького, где рассматривался вопрос о Берии.

На пленуме присутствовали заведующий отделом ЦК КПСС и двое инструкторов ЦК. Из их выступлений было видно, что в близких

связях с Берия обвинялись А.Д. Даниялов и министр внутренних дел Дагестана Маркарьян. О связях Даниялова с Берия говорили и отдельные члены бюро, недовольные работой Даниялова как первого секретаря обкома партии.

А.Д.Даниялов с присущей ему прямоотой и мужеством, вполне открыто рассказал о своих встречах с Берия как с членом Политбюро для решения вопросов, связанных с республикой, и полностью отвел от себя все обвинения о якобы личных и дружественных отношениях с ним; рассказал участникам пленума о близких связях с Берия министра внутренних дел Маркарьяна.

Члены пленума полностью поддержали Абдурахмана Данияловича, а Маркарьян был обвинен и вскоре арестован органами Советской власти. Затем он был расстрелян. И на этом пленуме члены республиканского актива еще раз воочию убедились, каким талантом оратора обладает Абдурахман Даниялович.

Абдурахман Даниялович будучи руководителем республики: вначале Председателем Совета Министров Дагестана, а затем первым секретарем обкома партии, на протяжении всех лет был депутатом Верховного Совета СССР. Избирался членом Президиума Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС. Он был видным государственным деятелем. Его заслуги были по достоинству оценены Советским государством. Мы – дагестанцы, и не имеем права забывать о нем и должны отдать дань уважения его большим заслугам, направленным на защиту жизненных интересов трудящихся республики и на дальнейшее процветание нашего любимого Дагестана.

М. Гаджиев,
бывший первый секретарь
Буйнакского горкома партии

instituteofhistory.ru

ДОСТОЙНЫЙ СЫН СВОЕГО НАРОДА

Имя Абдурахмана Данияловича Даниялова широко известно не только в Дагестане, но и за его пределами. Память о себе он оставил в серд-

цах дагестанцев глубокую, вечную. С полной уверенностью могу сказать, что любой человек, которому довелось встретиться с Абдурахманом Данияловичем, всегда оставался под обаянием его личности.

А мне посчастливилось в общей сложности 13 лет работать первым секретарем Ахвахского, а затем Буйнакского РК и ГК КПСС под руководством Дагестанского обкома КПСС, возглавляемого Абдурахманом Данияловичем Данияловым. За эти годы, как и многие другие, я прошел хорошую школу партийной работы, получал незабываемые жизненные уроки. Он, как никто другой, умел организовать работу, мобилизовать паргработников, видел в каждом из них как положительное, так и отрицательное.

Я это говорю не потому, что пользовался большими привилегиями, напротив, я больше всех, пожалуй, подвергался критике и личным замечаниям. Но у меня никогда не появлялась мысль, что меня незаслуженно ругают или критикуют.

Какие же личные впечатления у меня остались об Абдурахмане Данияловиче Даниялове? Прежде всего, можно выделить любовь, настоящую любовь к народу, людям труда. Он был истинным интернационалистом и этим завоевал любовь и уважение всех народов Дагестана. За кажущейся строгостью скрывалось умение выслушать до конца человека и строго, объективно, по-партийному решить вопрос. Скромность, честность, правдивость, знание дела, политическая культура и эрудиция, особый подход к каждому, умение посоветоваться, выслушать мнение других – эти качества являлись неотъемлемой частью характера Абдурахмана Данияловича.

Работая с 1943 года по 1969 год на комсомольской, советской и партийной работе, встречаться с Абдурахманом Данияловичем приходилось не однажды. Впервые мне довелось его увидеть и услышать в 1943 году на пленуме Дагестанского обкома ВЛКСМ, где в трудные годы войны обсуждался вопрос о школах. Мне запомнилась его яркая критическая речь, с которой он выступил на пленуме. С тех пор у меня осталось чувство глубокого уважения к нему, как к человеку и государственному деятелю, для меня он стал авторитетом, эталоном подражания.

Служебных встреч было много. Он принимал участие в работе Ахвахской районной партийной конференции, выступал, побывал в ряде населенных пунктов, состоялись душевные беседы с колхозниками, сельской интеллигенцией, с активом.

Абдурахман Даниялович не любил лицемерие, ложь. Он сам знал дело и требовал этого от нас. Зная о том, что он не любит, когда в разгар сельскохозяйственных работ секретари просиживают рабочие дни в кабинетах, мы привыкли рано вставать, поздно ложиться, бывать в хозяйствах, знать дело.

Встречи с Данияловым всегда бывали поучительными, деловыми, результативными. Первая не служебная встреча с Абдурахманом Данияловичем, как с первым секретарем обкома партии, у меня состоялась в 1967 году в его доме. В марте 1967 года в Буйнакск приехал командующий Северо-Кавказским военным округом, дважды Герой Советского Союза, генерал армии И.А. Плиев. Посоветовавшись с членами бюро горкома партии, решили организовать для прославленного героя гражданской и Великой Отечественной войн достойную встречу. После ознакомления с городом, встречи с тружениками, из-за ограниченности во времени Исса Александрович Плиев поспешил возвратиться в Махачкалу, предупредив об этом по телефону Абдурахмана Данияловича. Мы с председателем Буйнакского горисполкома Хановым поехали провожать его до Атлыбуйонского перевала.

На перевале мы уговорили Плиева отведать шашлык “по-буйнакски”, изготовленный мастером-поваром СССР Ахмедом Иллаевым. Он согласился и за трапезой, нахваливая то шашлык, то автора шашлыка Иллаева, то красоту природы, начал рассказывать нам эпизод за эпизодом из своей жизни, связанные с гражданской и Великой Отечественной войнами.

Рассказы И.А. Плиева отвлекли нас на 1,5-2 часа, а в Махачкале А.Д. Даниялов ждал в недоумении, что же случилось. Наконец мы приехали и сразу подъехали к обкому КПСС. И.А. Плиев попросил меня показать кабинет А.Д. Даниялова. Обком партии тогда размещался в старом здании по улице Маркова. Мы поднялись на второй этаж, я показал на дверь кабинета первого секретаря обкома КПСС Даниялова и хотел уйти. Но И.А. Плиев меня забрал с собой. Вот тут мне досталось основательно от Абдурахмана Данияловича. Но меня “спас” И.А. Плиев. Абдурахман Даниялович пригласил И.А. Плиева домой, забрал и меня.

Впервые я оказался дома у Абдурахмана Данияловича. Они вдвоем с Хадижой Муртазалиевной спешно накрывали на стол. Мне раньше казалось, накрывать стол, расставлять тарелки – занятие не муж-

ское, и я отказывался у себя дома от этих дел. Но когда увидел, что первый секретарь обкома партии так активно помогает жене, стал помогать у себя дома тоже. Выпив по чашке чаю, мы поехали провожать И.А. Плиева в аэропорт.

С тех пор наши отношения стали близкими, дружба наша продолжалась и после того, как Абдурахман Даниялович был освобожден от должности первого секретаря обкома партии в связи с избранием его Председателем Президиума Верховного Совета ДАССР, и после ухода на пенсию. До последних дней его жизни я почти каждую неделю приходил к нему.

Говоря о коллегиальности в работе, не могу не вспомнить такой факт. Абдурахмана Данияловича Даниялова как крупного государственного и общественного деятеля, дальновидного руководителя, умелого организатора и дипломата знают все дагестанцы, однако не всем известны его личные качества, такие как скромность, мужество, гостеприимство. Не могу не вспомнить и о таком эпизоде. Касаясь вопроса о его мужестве, хочу привести такой пример. Однажды на рыбалке в Аграханском заливе произошел такой случай. В глубине залива мы рыбачили с баркаса, на котором присутствовал и рыбачил его внук Шамиль (Абдурахман Даниялович очень любил детей и внуков и всегда брал с собой на отдых). Абдурахман Даниялович кидал спиннинг с крыши каюты. Рыбачивший на корме баркаса его внук Шамиль в мгновение оказался в воде. Увидев тонувшего внука, А. Даниялов в брезентовом костюме и бахилах с крыши каюты прыгнул в воду и вытащил внука. Все мы, присутствовавшие при этом, переволновались, перепугались, но Абдурахман Даниялович нас успокоил и в целом рыбалка была удачной, в том смысле, что после всего этого его внук Шамиль вытащил на спиннинг сома весом 12,5 кг.

Скромность – присущая внутренняя черта характера А. Даниялова. Мы, люди его поколения, всегда могли его встретить идущего домой по ул. Маркова пешком и без охраны.

Не могу утаить от читателя и такой эпизод. В 1966 году на празднование 100-летия города Буйнакск во главе с Абдурахманом Данияловичем приехали все члены бюро. На торжественном собрании в здании театра в своем докладе я несколько хвалебных слов сказал в адрес Даниялова. На следующий день меня вызвали на бюро обкома

КПСС и объявили выговор за то, якобы, что я возвысил А.Д. Даниялова в ранг Мао Дзедун. Никакие просчеты не проходили мимо внимания Абдурахмана Даниялова.

Мы с директором Буйнакского агрегатного завода Закарияевым повезли в обком КПСС действующую модель первой продукции завода (вакуумный насос). Хотели зайти прямо к Абдурахману Данияловичу. Но он нас встретил у дверей и отправил ко второму секретарю обкома КПСС П.Б. Короткову, сказав: “Покажите сперва Павлу Васильевичу, строительство этого завода – его заслуга. Мы пошли к Павлу Васильевичу, а уже от него все зашли к Абдурахману Данияловичу.

Абдурахман Даниялович до последних дней жизни работал в Институте востоковедения Академии наук СССР. Он готовил к изданию книги о Махаче Дахадаеве, о женщинах Дагестана и о Шамиле. Но коварная болезнь вырвала его из жизни, и ему не удалось осуществить все свои замыслы.

Читателю будет небезынтересно узнать как могло случиться, что Абдурахман Даниялович, мечтавший написать книгу о Шамиле, издал в начале 50-х годов брошюру “О реакционной сущности движения мюридизма и Шамиля в Дагестане”. Такой вопрос я задал ему однажды, когда мы поехали на рыбалку. Тут уместно вспомнить и о том, что Абдурахман Даниялович был заядлым рыбаком, отличным охотником и свободное от трудной работы время стремился проводить на воздухе. Вот что он мне ответил: “После одного из очередных пленумов ЦК КПСС меня пригласили Г.М. Маленков и А.И. Микоян и предложили опубликовать статью о реакционной сущности движения Шамиля, ссылаясь на то, что такая брошюра секретаря ЦК компартии Азербайджана уже вышла. На это я ответил, что не располагаю достаточным материалом и не смогу написать. Тогда они (Маленков и Микоян) сказали: “Надо зайти к И.В. Сталину – это его указание”. К Сталину я не пошел, приехал в Дагестан и выпустил брошюру. Таковы причины, побудившие и вынудившие написать статью о реакционной сущности движения Шамиля в Дагестане, которая была воспринята народом Дагестана неодобрительно.

Как и у всего дагестанского народа, в моей памяти глубоко и навечно осталась светлая память об Абдурахмане Данияловиче, человеке, который отдал все свои силы, ум, способности без остатка на благо Дагестана.

М.М. Яхьяев,
бывший первый секретарь
Гергебильского райкома КПСС

НЕПРЕРЕКАЕМЫЙ АВТОРИТЕТ

Мне долгое время пришлось работать под руководством глубоко уважаемого не только в Дагестане, но и далеко за его пределами человека – Абдурахмана Данияловича Даниялова.

Об Абдурахмане Данияловиче много слышал еще в свои детские годы в период Великой Отечественной войны и уже юношей после нее. Как сейчас помню, особенно упорно говорили о том, что он спас народы Дагестана от выселения. Чтобы не допустить такой беды, как свидетельствуют очевидцы старшего поколения, он сам лично выезжал в селения, где были уклоняющиеся от призыва в армию в военные годы. Встречался с ними, выступал на сходах перед их односельчанами. И люди понимали его. Вместе с призывниками немало шло добровольцев на фронт.

Непосредственно общаться с Абдурахманом Данияловичем мне посчастливилось в годы, когда я работал первым секретарем Гергебильского райкома комсомола. Тогда эта должность входила в номенклатуру бюро обкома КПСС и мы всегда встречались на заседаниях. Должен сказать, что комсомольских работников он очень уважал и ценил. Возможно, потому что он сам начал свой трудовой путь на комсомольской работе.

Хорошо помню, как он принимал секретарей райкомов и горкомов комсомола. Встречался с ними, как правило, всегда после пленумов обкома комсомола. Вел душевный, доверительный разговор, ставя перед вожаками молодежи Дагестана конкретные, жизненно важные задачи.

Наша первая беседа с Абдурахманом Данияловичем состоялась в сентябре 1959 года, когда я работал первым секретарем Гергебильского райкома комсомола. Проходила она наедине. Меня рекомендовали на должность второго секретаря Гергебильского райкома партии. Говорил он непринужденно, спокойно. Поинтересовался, что совершенно естественно, откуда я родом. Услышав, что это селение Гоцо,

затерявшееся среди множества таких же небольших в горном краю, заметил, что, наверное, там не только все друг друга знают, но и много близких родственников. И вот здесь какое-то внутреннее чувство подсказало мне, к чему клонится разговор. Я, поразмыслив несколько секунд, тоже спокойно, как на уроке истории, отметил, что это родина Нажмудина Гоцинского. Он, мудрый политик, по тону моего ответа все понял и, не подавая вида, что речь зашла об истории, легко перешел на другую тему.

Ему захотелось узнать, что меня привлекало и привлекает в жизни больше всего.

– Приложить свои руки было негде, кроме как в овцеводстве, – ответил ему. Поэтому уже мальчишкой-подростком, во время войны, чабил. Потом учеба. Одинокая чабанская жизнь, – сделал упор на это, – вызвала потребность общаться. Поэтому старался быть как можно больше в кругу людей. Постоянно делал все возможное, чтобы не замыкаться в себе. Продолжая рассказ, подчеркивал, что во встречах находил огромное удовлетворение. И вообще всегда стремился к тому, чтобы радость, хорошее расположение духа никогда не покидали меня.

Моим ответом, как мне показалось, Абдурахман Даниялович остался доволен и, видимо, поэтому перевел разговор в другое – деловое русло.

Стали говорить о положении дел в районе, комсомольско-молодежных коллективах... В конце беседы он крепко пожал мне руку и твердо сказал: “Действуй по-комсомольски энергично, и тогда все будет в порядке”. Вспоминаю, как после нашего довольно долгого разговора лицо Абдурахмана Данияловича постепенно стало светиться улыбкой, хотя мне вначале казалось, что такое отношение с его стороны невозможно. Но по молодости ошибся. Да, только теперь в полной мере осознаю, что это был человек действительно с Большой буквы.

И вот сейчас, по прошествии многих лет, оглядываясь и зримо представляя тот пройденный, по-человечески прекрасный и, если сказать правду, довольно часто усыпанный розами путь, можно утвердительно, несмотря ни на что, сказать: да, действительно, Абдурахман Даниялович был всегда и во всем неизменно предельно объективным на своем столь высоком служебном посту. Это проявлялось и в по-

вседневной жизни. Подтверждение тому – то, что, решая те или иные вопросы, он, как свидетельствуют многочисленные очевидцы, с открытыми душой и сердцем относился к каждому, кто обращался к нему по любому “большому” вопросу, независимо от того, на каком языке тот говорил.

Его вне всякого сомнения можно назвать врожденным интернационалистом, ибо он был одинаково внимателен к нуждам и заботам всех народов, населяющих Дагестан, ко всему происходящему в республике, но особо относился к русскому народу. Выросший и получивший путевку в жизнь при Советской власти с помощью русского народа, он никогда не забывал об этом. Всегда с благодарностью относился к проживающим в Дагестане представителям русской национальности и проявлял о них особую заботу.

В своих многочисленных докладах, выступлениях, статьях он всегда и многократно подчеркивал особую роль России, русской культуры, высококвалифицированных специалистов для ранее отсталого многонационального Дагестана. Осмысливая источники социально-культурного развития многонациональных народов республики, Абдурахман Даниялович считал, что ни одна область политической, экономической или духовной жизни общества не может быть и не должна рассматриваться в отрыве от русской культуры, от реальной и бескорыстной помощи русских специалистов.

Абдурахман Даниялович утверждал, что прогрессивная роль передовой русской культуры в обновлении духовной жизни народов Дагестана имеет исторически объективный характер. Она наглядно выражается в непосредственной помощи со стороны высококвалифицированных специалистов самых разных профессий, главным образом, русских. Подтверждение тому – процесс создания и становления новых предприятий, их оснащения уникальной современной техникой, проектирование и строительство многих крупных промышленных комплексов, освоение гидроэнергетических богатств, создание крупных строительных организаций и многих других объектов, имевших решающее значение для поднятия экономики и культуры Дагестана.

На особую роль специалистов, приехавших в республику из глубины России, чтобы поднять культуру и образование, Абдурахман Даниялович всегда делал главный акцент, а в своих выступлениях

обращал первостепенное внимание. Особенно заметно проявлялась и была заметна эта роль в послевоенный период.

Немало было населенных пунктов, где в школах все учителя, за исключением учителя по родному языку, были русские, главным образом девушки, выпускницы вузов Москвы, Горького, Ленинграда, Свердловска и многих других городов России. Все они приехали тогда по зову партии и комсомола. Хотя им приходилось проживать в не совсем комфортных условиях, они не роптали, работали добросовестно, отдавая себя целиком и полностью обучению и воспитанию подрастающего поколения. Они находили в себе силы и направляли их на то, чтобы внести как можно более весомый вклад в формирование современной культуры в горном ауле.

Приезжие пользовались большим уважением сельчан. Были окружены повседневной заботой и вниманием со стороны партийных, советских органов, комсомольских организаций, руководителей колхозов и совхозов, а в городах – промышленных предприятий и организаций. Для приезжающих специалистов строились жилые дома, колхозы и совхозы обеспечивали их продуктами питания по низким ценам, в магазинах для них устраивались специальные уголки, где можно было приобрести все, что нужно для стола и прочие промышленные товары.

Огромную помощь республика получила от России для экономического и социального развития. Ведь ни для кого не является секретом, что именно под влиянием русской культуры стала с каждым годом все более активно формироваться интеллигенция непосредственно из коренных народностей Дагестана – научная, творческая, художественная. Значительно выросла плеяда национальных кадров в сферах народного образования, здравоохранения, науки, культуры, литературы, искусства и в других областях народного хозяйства республики.

Среди других руководителей Абдурахман Даниялович заметно выделялся одной очень важной отличительной чертой: по своему характеру он был предельно чуток и внимателен к людям. Естественно, это заставляло его строго следить за тем, насколько тепло и радушно относятся местные жители к приезжим специалистам, как о них заботятся. Того же требовал от руководителей всех уровней республики,

городов и районов. А если со стороны местных жителей проявлялись факты неуважительного отношения к приезжим специалистам, особенно русским, то не только к нарушителям, а и к тем, кто попустился этому, принимались самые жесткие меры воздействия, это действовало отрезвляюще и на потенциальных нарушителей.

И все же случались срывы. Вот характерный пример. В конце 1959 года в одном из селений Левашинского района произошло чрезвычайное происшествие. Была обесчещена русская учительница. Этот факт стал предметом обсуждения на бюро ЦК КПСС по РСФСР. Итогом его стало постановление “О фактах издевательства над учительницей Левашинского района Дагестанской АССР”. Сразу же состоялся пленум Дагестанского обкома КПСС, который, определил задачи областной партийной организации в области дальнейшего улучшения работы по коммунистическому воспитанию трудящихся.

Тогда я работал вторым секретарем Гергебильского райкома КПСС, и мне довелось принимать участие на этом пленуме. В очень содержательном докладе, приведя массу подобного рода и других фактов, Абдурахман Даниялович дал им острую принципиальную и самокритичную оценку. Он здесь же зачитал постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР об имевшем место недостойном случае в Левашинском районе и о своем в связи с этим наказании.

Читая сейчас, спустя 40 лет, сделанный тогда на пленуме доклад, удивляешься, как строго в те времена подходили к нарушениям социалистической законности, аморальным поступкам, особенно по отношению к приезжим специалистам. На пленуме был дан подробный глубокий анализ положению не только в Левашинском районе, но и в целом по республике. Резкой критике подвергались многие, но особенно досталось руководителям министерств просвещения, культуры, торговли, охраны общественного порядка, прокуратуры, Дагпотребсоюза, обкома комсомола и их органам на местах, ряда районов и городов республики.

Выступившие на пленуме секретарь обкома КПСС по идеологическим вопросам Р. Эльдарова, а также руководители районов и городов подвергли резкой критике министров культуры И.Губаханову, местной промышленности У. Атаеву и многих руководителей министерств и ведомств, которые не уделяют должного внимания подго-

товке кадров из женской среды. Первый секретарь обкома комсомола Ш. Шихсаидов, признавая свою вину и вину комсомольской организации в случившемся, подверг резкой критике секретарей отдельных райкомов КПСС, мало уделяющих внимание подрастающему молодому поколению. Особенно досталось первому секретарю Гумбетовского райкома партии М. Шахбанову за то, что с его стороны не было никакой реакции на такой вопиющий факт: директор Аргванийской средней школы дважды женился на учащих-подростках. Секретарь обкома комсомола настоятельно предложил освободить от должности первого секретаря райкома КПСС и привлечь его к строгой партийной ответственности.

Случай, происшедший в Левашинском районе, был как гром среди ясного неба, а выяснение причин его вскрыло неблагоприятную обстановку и в других районах. Вот почему были приняты очень строгие постановления ЦК и бюро ЦК КПСС по РСФСР, а также пленума Дагестанского обкома партии. В них конкретно указывались меры наказания за аморальное поведение. Эти решения обсуждались в партийных организациях всех уровней – от райкомов до первичных и цеховых партийных организаций. От занимаемых должностей освободили около 40 ответственных работников, а непосредственных виновников привлекли к уголовной ответственности.

В докладе первого секретаря обкома КПСС и в выступлениях участников пленума проводилась масса и других фактов правонарушений в республике. Приводя в своем выступлении как один из многих примеров кражу револьвера в Табасаранском районном отделе милиции, Абдурахман Даниялович обратился к министру охраны общественного порядка республики (тогда так называлось Министерство внутренних дел) генералу В. Разуванову и сказал, что в сложившейся ситуации назвать Министерство органом по охране общественного порядка никак нельзя, так как в нем полнейшая распушенность. Разве можно при таком положении навести порядок в республике, если у вас в органах его нет? Был строго наказан первый секретарь райкома КПСС М. Алибалаев, получили взыскания и были освобождены от занимаемых должностей начальник милиции и другие ответственные работники, отвечающие за хранение оружия по долгу своей службы.

Если сопоставить реакцию на преступления в те далекие годы и в настоящее время, то что могут сказать люди старшего поколения, отдавшие всю свою сознательную жизнь борьбе с нечистью ради благополучия в республике, поднятия ее экономики и улучшения благосостояния народов Дагестана? Они в состоянии только справедливо возмущаться и переживать.

Откровенные и принципиальные обсуждения, принятие жестких мер в отношении нарушений и их покровителей вызвали у народа одобрение и полную поддержку. И как результат, выросло уважение и доверие не только к руководству республики, а и лично к Абдурахману Данияловичу Даниялову.

Он очень внимательно и с большим уважением относился к уставкам и решениям вышестоящих органов, но особенно строго соблюдал законы. Требовал, чтобы, в первую очередь, неукоснительно выполняли их руководители республиканских ведомств, городов и районов. Все это и сделало его авторитет непререкаемым в республике. Поэтому он, как выдающаяся личность своего времени, вошел в историю не только Дагестана, а всего Советского Союза.

После учебы в Высшей партийной школе с августа 1964 года, мне пришлось работать инструктором обкома партии.

И вот здесь, столкнувшись непосредственно с Абдурахманом Данияловичем, убедился уже лично сам, а не с чьих-то слов, что он действительно незаурядный человек. Это можно было видеть воочию всегда, особенно при общении его с людьми. Он вел себя просто и скромно и этим заметно выделялся среди других руководителей.

Те, кто в ту бытность работал в системе партийных органов, постоянно ощущал на себе благотворное влияние своего руководителя. А сейчас они с благодарностью к нему вспоминают те дни. Достаточно основательно запомнилось время после снятия с должности первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Почти сразу же после его освобождения началось разукрупнение, а вместе с ним и укомплектование кадрами вновь создаваемых районов. Естественно, что почти все молодые инструкторы обкома партии стремились попасть на руководящую работу. И, конечно, многие, если даже не все, не миновали беседы с самим главным. С кем теперь из тех товарищей не поговори, ничего, кроме добрых и теплых слов, о “главном” не услышишь.

Состоялась встреча с Первым и у меня. А суть в том, что в беседе с заведующими отделами обкома партии я не изъявил желания поехать в район. И все же меня, как и других, пригласили зайти к Абдурахману Данияловичу, но уже потому, что отказался. Мне намекнули, чтобы изложил ему причину, почему не решаюсь на такой шаг.

Что меня поразило, он без всякой предвзятости, не повышая тона, спокойно спросил, почему отказываюсь от должности первого секретаря Гергемильского райкома партии. Но при этом обронил такую фразу: “Смотри, мол, как все рвутся, а ты что, хуже других?” Особых мотивов для отказа у меня по сути не было. Ответ был прост: еще молод. А первым секретарем быть очень ответственно. Я же на партийной работе всего один год. Поэтому понимаю и чувствую ответственность.

Выслушав меня, Абдурахман Даниялович спросил, какие районы за мною закреплены. После того, как назвал Тляратинский, Цунтинский, Гунибский и Чародинский, он сразу же, как говорят, не дав передохнуть, поинтересовался, сравниваю ли я с ними Гергемильский район. Ответив положительно, я заметил, что условия в Гергемильском, бесспорно, лучше, поэтому перспективы для подъема экономики более благоприятны – работу организовать легче.

И вот здесь Абдурахман Даниялович, немного помолчав, пристально, но совершенно спокойно и довольно дружелюбно, посмотрел на меня, а затем тоном, не терпящим возражений, с присущей ему откровенностью сказал, что бюро обкома партии считает меня для этой работы вполне подготовленным. Езжай и, засучив рукава, начинай трудиться.

После такого напутствия ничего другого не оставалось, как сказать слова признательности за оказанное столь высокое доверие. Но беседа на этом, к моему удивлению, не завершилась. Пришлось отвечать еще на вопросы, которые, на мой взгляд, были не совсем простыми. Естественно, что Первого интересовало, как отнесутся к назначению в районе. В небольшом селении Гоцо, на моей родине, видимо, будут довольны, что их земляк пользуется авторитетом у власти. А вот как в других селах?

Моим ответом было: поддержат. Другого не дано. Ведь более десяти лет работал в районе, и почти все жители знают меня. В поддер-

жке со стороны коммунистов и трудящихся не сомневаюсь. И тут же слышу: “А сможешь ли сплотить актив вокруг себя?” Должен сказать, что этот вопрос стал для меня уроком, и я не забывал его никогда на протяжении всех последующих лет моей работы на руководящих должностях. Так мне, в совсем молодые годы, было оказано обкомом партии и его первым секретарем огромное доверие.

Сейчас, осмысливая то, что произошло тогда, тверд в своем убеждении, что такие смелые и уверенные шаги в кадровой политике имели большое значение, оказывали благотворное влияние на нас, молодых, только начинающих большую жизнь секретарей райкомов партии. Не скрою, с первого же дня стремился так построить работу, чтобы не только актив, но и все трудящиеся понимали, что прилагаемые мною усилия для достижения поставленной цели направляются по правильному пути. Это было очень важно и имело глубокий смысл, потому что складывавшаяся в таком случае обстановка зависела от меня самого и принятых мною решений.

В своей работе откинул все показное. Старался как можно откровеннее и проще вести себя во встречах с людьми, быть самим собой. Первые шаги показали, что успех придет действительно только в том случае, когда сам будешь утверждать личный пример порядочности и честности, не на словах, а на деле. А это значило, прежде всего, что никогда не надо обещать людям то, что выполнить невозможно. Но, если уже пообещал, разбейся, но выполни. И еще, чтобы тебя понимали, надо чаще встречаться с людьми и разговаривать с ними честно и откровенно.

В этой, довольно продолжительной беседе Абдурахман Даниялович затронул также вопрос о многочисленных жалобах и заявлениях на первых секретарей горкомов и райкомов партии. Сделал он это, безусловно, с одной доброй целью, чтобы предостеречь от такого нежелательного проявления, потому что, к сожалению, еще встречались факты, когда партийные руководители допускают злоупотребления, высказал, кстати, очень важное пожелание, касающееся особого отношения к жалобам. Надо иметь в виду, что без боли в сердце, – на этом он делал упор – человек с жалобой не придет. И независимо ни от чего посетителя надо выслушать с большим вниманием и до кон-

ца, а затем, если можешь, просьбу его удовлетворить, а если нет – толком объяснить и убедить его, в чем он не прав.

Особо он предостерег и не раз возвращался в беседе к тому, чтобы с пониманием относиться к делу, не вести себя вызывающе. А вот подхалимов и двурушников надо навсегда избегать. Успех в работе всегда будет обеспечен, если найдешь общий язык с честными тружениками из актива, авторитетными, порядочными молодыми людьми, на которых можно безоглядно опереться. Будь принципиален и объективен во всем и одинаково требователен к каждому. И, заканчивая беседу, подчеркнул, что постоянно надо искать пути развития различных направлений экономики района. Главным должна быть всегда забота об улучшении благосостояния народа. Тогда тебя правильно поймут и будут уважать.

Так я и поступал. Высказанные Абдурахманом Данияловичем напутствия прошли через всю мою трудовую жизнь.

Будучи первым секретарем райкома партии, я нередко встречался с Абдурахманом Данияловичем. Обычно это было связано с тем, что некоторые министерства и ведомства республики тормозили жизненно важные вопросы, от которых зависел рост экономического благосостояния колхозов, совхозов, и в первую очередь, в связи с этим, людей.

Вспоминаю 1966 год. Как-то раз у него на приеме я поднял кажущийся на первый взгляд простым, но имеющий немалое значение для района и села чисто хозяйственный вопрос, кстати, по идее, не требующий для его рассмотрения вмешательства первого секретаря обкома КПСС. Однако, к большому сожалению, решение этого вопроса тормозилось в хозяйственных ведомствах республики. Вот поэтому и пришлось нарушить субординацию. Касалось же это катастрофически тяжелого экономического положения одного из самых больших населенных пунктов района – селения Маали. В нем проживало более двух тысяч человек, и свыше половины трудоспособных из них не работали на производстве. Негде было приложить свои жаждающие труда руки. Вместе с тем работы было непочатый край. Главное богатство лежало под ногами, не осваивались горные склоны. Вначале следовало построить террасы, а затем при помощи механизмов поднимать воду

из реки Аварское Койсу. Таких склонов, пригодных для закладки садов, насчитывалось более 200 гектаров.

В плачевном состоянии находились заброшенные старые сады бессистемной посадки, они требовали реконструкции, но без воды подобную проблему невозможно было решить. А как быть? Обстановка подсказывала, что в местности Карадах – мост надо строить водоносящую станцию и при ее помощи насосами поднимать воду вверх для орошения плодовых насаждений.

Моя просьба и состояла в том, чтобы объединение “Главдагестанводстрой” включило в план своих мероприятий террасирование склонов, строительство водо-насосной станции и оросительной системы. Внимательно выслушав меня, Абдурахман Даниялович высказал удовлетворение тем, что мною поднят такой жизненно важный вопрос. Поскольку по специальности он был инженер-мелиоратор, то, как говорится, с ходу уловил суть проблемы. Сразу же, как бы рассуждая, подсказал, как это сделать. Там же большая высота, поэтому придется строить двухступенчатую насосную станцию. Нельзя, конечно, отрицать того, что все это потребовало бы немалых затрат государства. И все же...

Он тут же пригласил секретаря обкома партии по сельскому хозяйству Шихсаида Исаевича Шихсаидова, вкратце изложил суть проблемы и порекомендовал ему вплотную заняться этим вопросом, взяв его под личный контроль...

Каково было мое удивление, когда буквально через считанные дни в район приехали проектировщики и работа закипела. За сравнительно короткое время (для такого объема работы) были составлены сметы, необходимая документация. Наряду со строительством насосной станции делались террасы. Не верилось глазам своим, когда видел, как все преображалось вокруг. Такое отношение к только что начинающему путь секретарю райкома безмерно радовало меня. Но не скрою, подобных примеров поддержки со стороны Первого как на уровне районов, так и на уровне хозяйств, можно привести немало.

И если сопоставить то, что делалось тогда, с сегодняшним днем, так подобное, мягко говоря, ни с чем не может пойти ни в какое сравнение. Тогда все от мала до велика создавали, а теперь то, что создавалось не одно десятилетие трудом нескольких поколений, сознательно

разрушают, причем те, как ни странно, кто стоит у власти, под видом “реформ”.

Дела заставили вновь посетить Первого. По ходу беседы Абдурахман Даниялович вдруг спрашивает, как мне видятся перспективы дальнейшего развития садоводства в Гергебильском районе. Он помнил о нашей первой встрече и был в курсе всех происходящих дел.

Мой ответ сводился к тому, что надо прежде всего разработать план реконструкции старых, бессистемных насаждений и начать осваивать новые склоны путем строительства террас. Эти общие рассуждения, как видно, не удовлетворили его. Он заинтересовался, на какой год после посадки плодоносит абрикосовое дерево и чем в хозяйствах района обрабатываются сады. Я ему, конечно, ответил, как мог. Но в правильности сказанного не был уверен и глубоко переживал. Дело в том, что мне, зоотехнику по специальности, садоводством пришлось начать заниматься, да и то от случая к случаю, уже будучи секретарем райкома комсомола, поэтому глубокими знаниями по садоводству не обладал.

После этой беседы с помощью специалистов наметили систему агротехнических мероприятий по всем культурам и сроки их проведения. Этот подробный план был всегда перед глазами, на столе. Казалось, простые вопросы. Но это только на первый взгляд. И помнить о них нужно было повседневно.

Теперь, по прошествии стольких лет, стараюсь осмыслить то время и представить себе, почему тогда намного легче решались даже сложные проблемы. Перебрал множество предположений, выделяя из них особенно веские. А когда воссоединил главные мотивы воедино, то оказалось, что они в итоге сходились на одном: люди верили в то, что их свершения изменят жизнь к лучшему.

Красной нитью в этой борьбе за достойное будущее, а оно действительно перешагнуло порог каждого дома, выделялось взаимное доверие друг к другу, что, естественно, крепило сплоченность людей.

Основным нашим “оружием” являлось убеждение. Нелегко, безусловно, было сдвинуть с места укоренившийся за многие годы застойный “порядок” своеволия, который успел пустить свои глубокие корни во всех делах. И все же народ, хотя и медленно, но постепенно стал понимать, что беседы о благе и пути к лучшему не пустые слова.

Он ведь воочию видел, как преобразуется все вокруг и на себе ощущал помощь республики.

Ответом сельчан стал труд. За дело брались “гуртом”, всем селом сообща, и оно спорилось, “горело” в руках. Вроде бы, на первый взгляд, незаметно и не так резко, а показатели по всем позициям экономики начали подниматься вверх. Это, конечно, радовало и вдохновляло, а главное вселяло надежду. Даже не верилось, что в течение 1965-го и 6 месяцев 1966-го годов из района совершенно перестали поступать жалобы и заявления в республиканские органы. Наметившиеся сдвиги в производстве явились главным образом результатом постоянного внимательного отношения Абдурахмана Данияловича к решению стоящих перед районом проблем развития основной отрасли – садоводства. Он присматривался к положению дел на местах и, исходя из обстоятельств, работу, особенно молодых первых секретарей партийных комитетов, направлял по нужному руслу. Если судить по его высказываниям, то в молодых он видел опору и один из основных резервов для выдвижения на более ответственные должности в республике. Он считал, что главное условие развития экономики и социально-культурной сферы – это правильный подбор кадров. Вот почему он постоянно заботился о том, чтобы на руководящие должности рекомендовались компетентные, способные, проявившие себя, причем молодые, энергичные, а также опытные кадры старшего поколения.

Такой подход в подборе и расстановке кадров дал свои плоды. В связи с этим вспоминается состоявшийся в октябре 1966 года пленум Дагестанского обкома КПСС, на котором был обсужден вопрос “О задачах областной партийной организации по выполнению решений XXIII съезда КПСС о подборе, расстановке и воспитании кадров”. В докладе, в частности, в подтверждение сказанного отмечалось: “До недавнего времени Ленинский, Гергебильский, Бабаюртовский районы были отстающими. Оттуда шли многочисленные жалобы колхозников, работников совхозов. Теперь эти районы встали в передовые шеренги борьбы за экономический и культурный подъем республики, произошел коренной перелом в настроениях населения”.

Ничего сверхъестественного в районах не случилось, просто к кадрам отнеслись, как и подобает, чутко. Наряду с этим, подчеркивалось, что ко всем проблемам подошли самокритично. Сказалось и

воспитание у руководителей всех рангов высокого чувства ответственности за порученное дело.

Будет несправедливым обойти молчанием и такой важный в деятельности Абдурахмана Данияловича момент. Он был отменным психологом, очень хорошо разбирался в людях и с полуслова понимал человека. Никогда не отказывал в помощи, кто бы ни обращался к нему. Всегда старался оказать посильное содействие.

В то же время не терпел болтунов – тех, кто много говорит, но палец о палец не ударит, чтобы что-то сделать.

Одним из основных методов изучения и воспитания кадров, на мой взгляд, у него являлось общение с теми, кто возглавляет тот или иной участок работы. Особенно чутко и внимательно он относился к тем, кто заходил, чтобы рассказать о положении дел в городе или районе, поделиться мыслями о планах, путях их выполнения. Обычно задавал собеседнику немало вопросов, стараясь услышать, что мешает в решении проблем, какая конкретно нужна помощь. Одобрял тех, кто кратко и четко, а главное, с пониманием излагал свое суждение о том, как намерен выполнять намеченные планы, просьбы. Не любил, когда пришедший излагал свои взгляды монотонно, без “огонька”, хотя и чувствовалось, что предмет знает неплохо, разбирается даже в его тонкостях. И еще обращало на себя внимание то, что в беседе с любым руководителем, Абдурахман Даниялович сохранял полное спокойствие. Кстати, такое не каждому дано! Лично я на встречах и в беседах с ним всегда черпал очень много поучительного. Это стало для меня уроком на всю жизнь, настоящим университетом.

Начиная с 1956 года, мне пришлось много раз бывать на партийных и комсомольских конференциях, пленумах, собраниях активов, на которых с докладами выступал Абдурахман Даниялович. Меня так же, как и других участников, всегда поражали его высокая эрудиция, грамотность, точность в формулировках, четкость изложения преподаваемого материала. Особенно интересно было слушать его, когда он выступал, не имея текста в руках. Он заметно отличался от окружающих его лиц по высокому статусу занимаемых должностей. Был исключительно внимателен и доступен для простого человека. В беседе сдержан и немногословен. В работе строго требователен как к себе, так и к другим. При решении самых трудных проблем, особенно ког-

да решался вопрос о судьбе номенклатурных кадров, был неотступно принципиален и безупречно объективен. Его всегда выделяли среди всех по таланту и умению предвидеть будущее.

Да и сейчас, спустя много лет, читая книги и статьи Абдурахмана Данияловича, а также его доклады на партийных форумах, задумываясь над его высказываниями и тем, какие по его предложениям ставились задачи, а также принимались решения, еще и еще раз убеждаешься в этом. Это же, наверное, главное для руководителя любого ранга и особенно для Первого в республике.

Осуществление поставленных им задач, его рекомендации создавали условия, которые позволяли значительно улучшить жизненный уровень людей труда. Народ воочию видел высочайшую компетентность руководителя республики, его честность и порядочность в разрешении всех жизненных вопросов. Причем во всем присутствовали нравственная чистота и личная скромность. Он всегда был хозяином своих слов. Вот за все это народ Дагестана не только верил ему, но и почитал его.

Почти все крупные промышленные предприятия в Дагестане были возведены или запроектированы в период, когда он стоял во главе руководства республики. По его инициативе и непосредственном участии было включено в план и запроектировано освоение энергетических богатств русла реки Сулак. Он был горячим поборником превращения Дагестана в цветущий сад, в чем видел немалые перспективы для занятости населения, особенно горского, а также путь повышения зажиточности людей.

Будучи избранным Председателем Президиума Верховного Совета республики, Абдурахман Даниялович продолжал искать пути увеличения продовольственных ресурсов, улучшения жизненного уровня людей. Не только интересным, но и важным в этом плане стал его доклад “О путях эффективного использования орошаемых земель республики” на семинаре первых секретарей райкомов и горкомов КПСС в 1968 году.

Вот один из многих житейских примеров проявления заботы о простом рядовом человеке. Произошло это в 1969 году. Как-то, в один из рабочих дней, у меня в кабинете райкома партии в Гергебиле зазвонил телефон. Поднимаю трубку. Узнаю голос Председателя Президи-

ума Верховного Совета республики Абдурахмана Данияловича, который находится на другом конце провода в Махачкале. Мгновенно пронзила мысль: что могло произойти? В районе вроде бы все в порядке. А он обычно беспокоит только в том случае, если что-то серьезное. И вот после традиционных приветствий, он говорит, что к нему обратился некто Абакар Насрулаев, житель селения Кикунни, с жалобой, что у его семьи отбирают приусадебный участок, который по сути кормит их. В семье семь человек. Жена занимается воспитанием детей. Без приусадебного участка прокормить семью невозможно. А причиной для такого решения руководства совхоза послужило то, что обратившийся перешел работать в Гергебильские электрические сети. По профессии он шофер, а работы по специальности в совхозе нет. И вина здесь не его.

Я старался объяснить Абдурахману Данияловичу, что по положению, если глава семьи уходит из совхоза, то приусадебный участок отбирают. Но он меня убедил, что люди должны независимо ни от чего иметь работу. Если кто-то по специальности работой не обеспечен, семью он все равно обязан прокормить и детей воспитывать. Все должны не только есть, но и одеваться. И Абдурахман Даниялович дал свой совет: разработать порядок, разрешающий людям в тех случаях, когда хозяйство не в состоянии трудоустроить всех, идти трудиться на стороне. В таком случае дисциплина не будет разваливаться, потому что люди пойдут зарабатывать деньги на содержание семьи. А по истечении срока возвратятся в свое родное хозяйство и будут в нем выполнять посильную работу.

После такого обстоятельного разговора мы действительно подумали над этой серьезной проблемой и установили новую, более разумную систему использования трудовых ресурсов.

После ухода на пенсию Абдурахман Даниялович переехал в Москву и работал в Институте востоковедения Академии наук СССР и там защитил докторскую диссертацию.

Когда здоровье его ухудшилось, возвратился в Махачкалу, где жил до последних дней своей жизни. На похоронах было такое количество людей, какого мне никогда, ни до, ни после этого не приходилось видеть. Выдающегося руководителя республики Абдурахмана Даниялова в последний путь провожала вся Республика Дагестан.

instituteofhistory.ru

С.Ш. Гаджиева,
доктор исторических наук,
профессор

ТАЛАНТЛИВЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ И МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Об Абдурахмане Данияловиче я впервые услышала еще в 1928 году. Тогда я училась в Буйнакском педагогическом техникуме им. Борцов революции 1905 года. Студенткой III курса этого же техникума была будущая его супруга Хадижат Дибирова, с которой впоследствии мне довелось близко познакомиться.

В 1929 же году я впервые увидела и услышала А.Д. Даниялова, секретаря обкома комсомола. Он выступал на одном студенческом собрании в Буйнакске. Еще тогда он произвел на меня, думаю и на других, очень приятное впечатление. Лично мне приходилось неоднократно общаться с А.Д. Данияловым, когда он уже занимал высокие государственные и партийные посты – сначала Председателя Совета Народных Комиссаров ДАССР, а затем первого секретаря Дагестанского обкома партии.

Меня всегда удивляла простота и доступность Абдурахмана Данияловича, несмотря на постоянную занятость большими государственными делами, тем более в военные годы.

Вспоминаю свою первую с ним встречу. Я работала тогда инспектором управления школ Народного комиссариата просвещения ДАССР. Предметом постоянного внимания Наркомпроса, в числе других, было внимание и забота о детских домах, о детях фронтовиков, о сиротах. Помню, как однажды зимой по личному поручению А. Даниялова была создана большая бригада из работников Наркомпроса для срочного выезда в районы с целью проверки работы детских домов, а также учета и охвата нуждающихся в срочной помощи и обеспечении их всем необходимым.

С этой целью в сентябре 1943 года, я поехала в Дахадаевский район. Прибыв в Уркарах, тут же направилась в райком партии. Первого секретаря райкома А.И. Ибрагимова не оказалось на месте (он почти всю зиму проводил на кутане, принимал все меры к обеспече-

нию сохранности поголовья скота в суровых зимних условиях), меня принял второй секретарь А.М. Алиев, который тут же собрал работников аппарата и обсудил вопрос о том, кто в какие селения должен ехать, чтобы решить эту задачу как можно быстрее и лучше.

Я помню двух детей-сирот, оставшихся на попечении старой бабушки в сел. Бускри. Они были почти без одежды, в одних старых куртках и штанах из овчины. Нужно было срочно помочь детям. Прежде всего необходимо было найти в Уркарахе или в другом селении подходящее помещение под детдом. Нашли старое заброшенное здание в Уркарахе. Трудно было его отремонтировать. Но нашлось немало энтузиастов, которые безвозмездно взялись за этот труд. Необходимо было также обеспечить новый детдом всем необходимым для его нормального функционирования: оборудованием, одеждой и питанием для детей. Ни район, ни Наркомпрос эту задачу сразу не в силах были решить, не хватало фондов. Вот тогда я решила, обойдя ряд инстанций, обратиться непосредственно к А.Д. Даниялову. Предварительно я подготовила подробную докладную записку о проделанной в районе работе для открытия детдома и пошла на прием. Меня приняли без всяких проволочек и препятствий. Абдурахман Даниялович выслушал меня внимательно, как я почувствовала, одобрил проделанную работу. Он взял мою докладную записку и наложил резолюцию, требующую срочного решения вопросов. И действительно, были приняты неотложные меры, и детдом в Уркарахе открыли.

По поручению Абдурахмана Данияловича все ребята из Уркарахского интерната впоследствии были переведены в более благоустроенные городские интернаты (Буйнакск и Дербент).

Особо хочется отметить его заботу о подготовке женских кадров высшей и средней квалификации. Скажу, что мое общение с А.Д. Данияловым продолжалось и после того, как я перешла на работу в Дагестанский государственный женский педагогический институт в качестве ректора. Это был сложный период реорганизации института из учительского в педагогический для женщин республики. Естественно, на этом этапе возникло много сложных проблем, связанных и с расширением материальной базы, и с укомплектованием высококвалифицированными преподавательскими кадрами,

решать которые всегда помогал мне областной комитет партии и прежде всего А.Д. Даниялов.

Был такой случай. У некоторых ответственных работников города Махачкалы, прежде всего горисполкома, сложилось тогда мнение о необходимости перевода женского пединститута в Дербент, якобы в связи с отсутствием условий для его нормального функционирования в столице республики. Хотели избавиться от забот по расширению его материальной базы, обеспечению квартирами приглашаемых преподавателей и т.д. и мне вновь пришлось обратиться в обком партии, к А.Д. Даниялову. Когда я изложила суть вопроса, А.Д. Даниялов не только поддержал мое мнение, но и обещал мне в этом вопросе помочь.

“Женский институт, – подчеркнул секретарь обкома партии, – нужен нам именно в столице и не только для подготовки из горянок квалифицированных кадров, но и для того, чтобы эти девушки-горянки приобщались к образу жизни и культуре большого города”. Вспоминается и другая встреча с А.Д. Данияловым, когда решался вопрос о размещении института в благоустроенном учебном корпусе. В то время учебный корпус и общежитие находились в одном небольшом двухэтажном здании по ул. 26 Бакинских комиссаров, 116 (сейчас ул. М. Ярагского). (Ныне там функционирует музыкальная школа №2). Это отрицательно сказывалось как на учебном процессе, так и на бытовых условиях. Вопрос о новом корпусе решался очень долго, и тогда я обратилась в обком партии с просьбой помочь в передаче здания под общежитие. А.Д. Даниялов не только поддержал идею, но и сразу собрал людей, от которых конкретно зависело решение. Благодаря такому оперативному вмешательству обкома в лице А.Д. Даниялова, вопрос был решен в течение одной недели, и студентки были размещены в новом корпусе, а прежнее здание отведено под учебный корпус. А.Д. Даниялов неоднократно посещал институт, заходил в комнаты девушек, беседовал с ними, отвечал на их вопросы.

Многим горянкам из высокогорных районов и другим остро нуждающимся девушкам после его посещения через Совет Министров оказывалась материальная помощь. Он интересовался также отдыхом студенток и преподавателей. Помнится, как он приходил в наш институт на новогодний вечер, на выпускной вечер и т.д. Он беседовал с

преподавателями, принимал во внимание их просьбы и сам подсказывал решение, давал советы. Он всегда предупреждал, чтобы мы следили за тем, чтобы прием в институт был равномерным из всех районов, призывал особое внимание обращать на девушек из высокогорных районов.

Руководитель партийной организации Дагестана сам хорошо разбирался в вопросах просвещения, бывал в курсе наших дел и нередко нам приходилось испытывать на себе силу его острой, но справедливой критики. Критика А.Д. Даниялова была всегда острой, деловой, но доброжелательной, не оскорбительной. Если он и делал замечания, отчитывал, как принято говорить, то за дело и только на пользу дела.

Большой вклад внес А.Д. Даниялов и в изучение истории, археологии и этнографии Дагестана. Вместе с известным советским ученым М.О. Косвенном, возглавлявшим многие годы сектор народов Кавказа Института этнографии АН СССР, и Х. Хашаевым, являвшимся тогда заместителем председателя президиума Дагестанского филиала АН СССР, он редактировал первый коллективный труд "Народы Дагестана". И здесь, как и всегда, А.Д. Даниялов проявил себя как большой знаток жизни горцев, как замечательный организатор науки в Дагестане.

Каким-то образом Абдурахман Даниялович узнал о защите мною докторской диссертации в Москве. Тогда я жила по ул. М.Бронной, 18. 5 марта 1963 года в день защиты я получила поздравительную телеграмму от Абдурахмана и его жены Хадижат. О том, как он узнал мой адрес, для меня до сих пор остается загадкой.

Свидетельством его научного подвига является и то, что уже в солидном возрасте, после ухода на пенсию, он защитил и кандидатскую (1969 г.) и докторскую (1976) диссертации, а также его работа старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, которым в то время руководил академик Е.М.Примаков.

Его перу принадлежат около 10 монографий, десятки научных статей по истории Дагестана, внесших большой вклад в отечественную науку.

Все, кто приезжал в 40-60-е годы из центра с научно-исследовательскими целями, всегда пользовались его поддержкой, советами и,

думаю, на всю жизнь сохранили память о нем, как о замечательном человеке, прекрасном руководителе.

Под руководством А.Д. Даниялова было всегда приятно работать, получать от него добрые советы. Это был высококультурный и мудрый партийный и советский руководитель республики.

К.И. Абуков,

доктор филологических наук,

профессор

ОН ЖИЛ И РАБОТАЛ НА СОВЕСТЬ

В августе 1965 года меня, главного редактора литературно-художественных передач дагестанского телевидения, несколько месяцев тому назад по инициативе Гаджи Гамзатовича Гамзатова (тогдашнего председателя Комитета по телевидению и радиовещанию) переведенного из Хасавюрта в Махачкалу, неожиданно пригласили в отдел пропаганды и агитации областного комитета партии. Через полчаса я уже был в кабинете первого секретаря обкома КПСС А.Д. Даниялова.

"Боевой штаб дагестанских большевиков", как в те годы выражался Камиль Султанов, располагался на улице Маркова, в уютном двухэтажном здании, в котором ныне размещено Министерство сельского хозяйства и продовольствия. Кабинет А.Д. Даниялова показался мне огромным и совершенно неуютным для работы: не было ни кондиционеров, ни вентиляторов, кажется, даже оконных занавесок. Он сидел в глубине кабинета за массивным столом, обложенным бумагами. Не было также привычного приставного столика, ни лишних стульев, поразило и другое: его пиджак висел на ручке сейфа...

Абдурахман Даниялович поднялся навстречу, указал рукой на кресло. Когда Первый снял показавшиеся мне массивными роговые очки, я на себе почувствовал его цепкий и одновременно доброжелательный взгляд.

- Ты, наверное, догадываешься, по какому поводу мы тебя пригласили? – начал Абдурахман Даниялович и, видимо, поняв мою смущенность, продолжил:

- Мы тебе поручаем ответственный участок, - сказал Абдурахман Даниялович. - Газеты, издательства, вопросы культуры, творческие связи... Знаем, что опыта партийной работы не имеешь. Тебе придется работать с многоопытными, знающими свое дело товарищами, среди которых есть люди известные в республике, да и всей стране. Но это не значит, что ты не должен работать. Надо будет подтянуться, вырасти... Не торопись, не лезь на рожон. Ты не должен создавать проблемы для обкома, а способствовать их разрешению... Читал твои статьи. Грамотные, но надо бы посмелее и как-то шире по постановке вопросов...

После короткой паузы добавил:

- Порядки у нас строгие. Творческих людей не чурайся, но не забывай, что где бы ни находился, будешь представлять областной комитет партии. Это обязывает.

И вдруг спросил:

- С кем из писателей дружишь?

Я замешкался и ответил:

- Меня недавно приняли в Союз.

Так и было.

- Знаю, - сказал Абдурахман Даниялович и добавил:

- Твой авторитет партийного работника будет зависеть от творческого авторитета. Но не злоупотребляй служебным положением и не спеши издаваться. Возможностей теперь у тебя будет больше, но и контроля не меньше...

Первым поручением, исходящим от А.Д.Даниялова, была подготовка приветственной телеграммы, связанной с вручением М.А.Шолохову Нобелевской премии. Я поначалу растерялся, но чуть позже догадался просмотреть, что и как пишут по этому поводу центральные газеты. Пошел в парткабинет. Просидел там час-полтора, там же вчерне набросал текст. Вернулся и понял, что уже спрашивали. Срочно отпечатав на машинке написанное, поднялся к Абдурахману Данияловичу. На его вопросительный взгляд признался, где был и почему задержался.

Текст он немного подсократил и число поздравляющих расширил фамилиями тогдашних Председателя Президиума Верховного Совета Г.-К. Алиева и Председателя Совета Министров ДАССР

М.-С.И.Умаханова. И неожиданно для меня тут же позвонил в финхозотдел:

- Для нового замзавотделом пропаганды и агитации выпишите периодику в полном объеме... По его перечню.

И положив трубку, сказал мне:

- Ты должен не только иметь под рукой, но и внимательно прочитывать центральную прессу и ориентироваться по ней в своей работе...

Так я и делал, по крайней мере – старался делать.

Абдурахман Даниялович вместе с супругой Хадижат Муртазалиевой (доброй и умной женщиной) посещал театры. Вероятно, поэтому приходили и другие руководители. После спектакля прямо в фойе складывался непосредственный обмен мнениями с участием актеров-исполнителей ролей.

Абдурахман Даниялович, конечно же, сознавал, что его присутствие определенным образом сковывает. И сам же неожиданной фразой подталкивал к разговору – шуткой, вопросом или комплиментом в чей-то адрес. Бывало и так, что он приходил за кулисы поздравлял труппу с успешной премьерой.

С театрами связей не терял и я, хотя мое участие в их деятельности вряд ли играло особую роль. Но однажды ... На субботу-воскресенье я поехал в Хасавюрт, к родителям. В понедельник в десять позвонил Абдурахман Даниялович. Я поднялся к нему, нечего не подозревая.

- Ну, как спектакль? Как прошла премьера? – спросил он.

Я понял: речь шла о премьере в Русском театре, кажется, по пьесе М.Горького “Фальшивая монета”, которая прошла именно в минувшие выходные дни.

- Я был на сдаче. Худсовет принял единогласно ... Были и замечания, - ответил я.

- Быть на сдаче – твой служебный долг, - сказал Абдурахман Даниялович. – Мы должны смотреть спектакли вместе со зрителями, когда труппа играет на зрителя, а не на худсовет. Каждая премьера для театра – экзамен. И мы должны болеть за коллектив, сопереживать вместе с ним. Наше присутствие, конечно же, не прибавит им таланта, но внимание – уже доброе настроение...

Абдурахман Даниялович снял очки – так он делал в тех случаях, когда менял тон разговора.

- Ты думаешь, что творят только писатели, улыбнулся он. На обсуждение книги бы пошел, да и тост произнес...

После этой беседы вместе со специалистами Минкультуры стал выезжать на спектакли Аварского, Лезгинского и Лакского театров соответственно в Буйнакск, Дербент и Кумух, где в те годы они жили и творили.

А.Д.Даниялов по-доброму и с большим понимаем следил за развитием дагестанской литературы, чутко угадывал за конкретным фактом тенденцию и возможные ее последствия на судьбах национальных культур. В его подходах к литературе, как я понимал тогда, главенствовал принцип правдивого отражения истории и нравов народов Дагестана, - без приукрашивания, идеализации, с одной стороны, и без архаизации и примитивизации – с другой. И эту правду, убеждал Абдурахман Даниялович, могут воссоздать не только члены Союза писателей СССР, но и, так называемые, “бывалые люди”, и живущие на отшибе самородки. Зная поименно и по произведениям всех писателей-профессионалов Дагестана и откликаясь на их просьбы и нужды, Абдурахман Даниялович проявлял трогательную заботу о тех, кто подавал голоса “со стороны”. Помниться, как он привлек мое внимание на рукопись Марьям Ибрагимовой “Звенел булат”. Рукопись была увесистой, кажется, в шестьсот с чем-то страниц. Я стал читать ее с явной неохотой, более того – с предубеждением. По ходу углубления в текст, сам того не замечая – увлекся. Такое бывает! Меня поразило и другое – рукопись романа была испещрена карандашными пометками и записями Абдурахмана Данияловича!

Именно А.Д.Даниялов оказал содействие обсуждению и изданию книги Сфибубы Сфиева “Пароль - “Седой Каспий”.

К Абдурахману Данияловичу можно было пойти с сомнениями, предложениями. Запомнился такой случай. Абдул-Вагаб Сулейманов – большой кумыкский поэт, а тогда и директор Кумыкского театра – перевел трагедию В.Скотта “Магомет”. В театре, понятно, замешкались: мол, что скажут в обкоме. Рукопись прочитал и я. Меня трагедия по-настоящему взволновала, более того – показалась весьма актуальной. Но я – не обком! Как быть? Взять на себя ответственность, признаюсь, я не отважился. После недельных колебаний все же с рукописью зашел к Абдурахману Данияловичу. Он очень заинтересо-

вался исторической основой трагедии, мотивами ее создания, авторской концепцией, главное – в каком ключе показан Пророк и т.д. Разговорной кумыкской речью он владел хорошо, но рукопись мне вернул и попросил занести текст на русском языке, с которого осуществлен перевод, что я и сделал. Буквально через несколько дней А.Д.Даниялов сам позвонил Абдул-Вагабу и мы оба оказались у Первого.

Абдурахман Даниялович тепло говорил с поэтом, сказал, что следит за работой Кумыкского театра, спросил об актерам, о том, как проходят гастроли в районах, поинтересовался, над чем он работает в настоящее время и т.д. Меня удивила и проницательность А.Д.Даниялова.

- Театр, конечно же, отвлекает тебя от письменного стола, может, и нервов стоит немалых, - сказал Первый, обращаясь к Абдул-Вагабу. – Ну что поделаешь, без таких авторитетных фигур коллективам не выжить. Искусство плохо финансируется. Тебя знают, тебе не откажут. Потерпи немного.

А по поводу трагедии решили так: ввиду того, что Пророк в ней выведен в качестве личности, насильно внедрившего ислам, посоветоваться, подумать... Чтобы не оскорбить чувство верующих мусульман. Абдул-Вагаб согласился с мнением Даниялова, более того, сказал, что то же самое беспокоит и его самого.

Читали, обсуждали и в конце концов коллектив театра не решился с “таким” пророком идти в народ, особенно – в аулы.

В 1965-1967 годах в дагестанской прозе произошло нечто подобное горообразованию – появились повести, и по содержанию, и по стилиевой манере выходящие за пределы традиционных представлений. На страницах “Дагестанской правды” появились запальчивые статьи о новом явлении, - теперь уже ясно, что складывался по сути новый тип прозы – заговорила и центральная литературная пресса.

В обкоме партии созрела идея как-то выработать мнение о возникших разногласиях, коллективно подумать о столь неожиданно складывающейся творческой ситуации. Суждения расходились и в самом партийном аппарате: обсудить на заседании бюро обкома КПСС и, как водилось, “дать партийную оценку”, созвать конференцию писателей или же развернуть дискуссию на расширенном

заседании правления СП Дагестана с докладом Камиля Султанова или Ахеда Агаева?

Какую бы форму обсуждения они предпочли, нужна была традиционная в подобных случаях “обстоятельная справка”. Справка, которая, кстати, была написана в духе газетно-журнальной статьи, была составлена мною.

Абдурахман Даниялович прочитал, ничего мне не сказал и лишь через пару дней я узнал, что с моим “сочинением” ознакамливаются члены бюро обкома КПСС, затем этот “документ”, кажется, побывал и в Комитете по печати, и в секторе ИИЯЛ.

После ознакомления со справкой, возникли соображения: вынести вопрос на бюро или же созвать собрание творческих работников республики, на котором с докладом выступит сам А. Д. Даниялов.

Искренне признаюсь, не знаю личное ли это было мнение Абдурахмана Данияловича или же коллективное решение, но все обернулось по-другому: созвать рабочее совещание в зале заседания обкома партии с участием актива писательской организации, руководителей творческих союзов, прессы и доклад поручить К. Абукову – литературному критику и замзавотделом обкома.

Я впервые тогда увидел, что на совещаниях подают кофе. Абдурахман Даниялович зашел в зал до начала совещания, поздоровался со всеми. Никакой скованности не чувствовалось – улыбки, рукопожатия.

Абдурахман Даниялович за несколько минут до начала поздравил меня к себе и сказал:

- Не увлекайся, не затягивай. Дадим возможность высказаться самим писателям.

Сокращать на ходу, конечно же, было не легко, но кажется, я не утомил присутствующих и был сдержан в эмоциях.

Развернулось обсуждение. Сидели, кажется, часа два. Говорили спокойно, без выпадов и обид. На совещании никакого решения принято не было.

Обо всем этом я пишу потому, что, кажется, тогда кое у кого возникло ложное представление, будто совещание было созвано, чтобы “проработать” Ахмедхана Абу-Бакара. Никаких “персональных дел” не было. Говорили скорее всего о так называемых тенденциях, о проблемах издания и т.д. Для ясности добавлю: никакого давления на

меня со стороны руководства тоже не было. Текст доклада, к сожалению, у меня не сохранился. Говорят, будто имеется в бывшем партархиве.

Свое личное мнение о повести А. Абу-Бакара, я высказал в печати. Может, оно кое-кого не устраивало. Ну что поделаешь? История литературы полна случаев, когда даже великие писатели, художники, мыслители, композиторы пережили разночтение, разнотолкувание, разнооценки современников. И, кажется, из этого не делали драмы...

И несколько, так называемых, “бытовых эпизодов”. Помню субботник по закладке ныне разросшегося парка 50-летия Октября. Было пасмурное осеннее утро. Работа началась – рыли воронки, подводили черенки. Вдруг откуда-то появился Абдурахман Даниялович – в желтой куртке, с внуком. Он ловко, уверенно орудовал лопатой, с благоговением опускал черенок в воронку, пристраивал, разрыхлял пальцами грунт, осторожно подливал воду, шутил. Мне Абдурахман Даниялович тогда показался каким-то по-домашнему уютным человеком, который открыт и для общения, и для дружбы, и для вот такого коллективного труда под открытым небом. Я понял и другое – люди были его стихией.

Пошел мелкий дождь, кое-кто шутками-остротами намекал: можно бы и уйти, хотя бы “согреться” не помешало.

Мне казалось, что Абдурахман Даниялович не слышит их. Может, так и было, ибо он вдруг выпрямился, взглянул на небо и произнес:

- Хорошее знамение – закладка парка под дождь.

Я даже помню деревья, которые посадил А. Д. Даниялов – тогда первый секретарь Дагестанского обкома партии, член ЦК КПСС и член Президиума Верховного Совета СССР, известный всей стране человек. Почему бы не назвать этот парк именем А. Д. Даниялова?..

Мой младший брат полюбил девушку из нашего же села. Чувства были серьезные и вопрос встал о женитьбе. Вначале я лично пошел к ее брату. Он и не отказал, и не дал согласия. Впоследствии пришлось подключить таких уважаемых людей, как Аткай, Абдул-Вагаб Сулейманов, Изамит Асеков, однако взаимопонимания не было достигнуто.

В одну из ночей брат привез возлюбленную в Махачкалу, ко мне в нашу семью. Жила она у нас больше месяца. Надо же было и свадьбу сыграть! И тут тоже возникли сложности – та сторона выдвинула ультиматум – не позволять никаких торжеств! Я поделился своими тревогами с некоторыми секретарями обкома КПСС, заведующими отделами и не нашел поддержки – они рекомендовали “не осложнять”. Я решил пойти со своей болью к Абдурахману Данияловичу. Он знал ее брата и выразил удивление столь необычному поведению. Мне же сказал примерно следующее:

- Свадьбу надо сыграть обязательно. Разве можно омрачать счастье молодых? Да и о достоинстве их надо подумать.

И в конце разговора добавил:

- Передай ее брату через кого сочтешь удобным, что я недоволен его поступком.

Свадьбу сыграли. Разговор с Данияловым я не передал никому по сей день. Оба рода сошлись и живем душа в душу. Я благодарен Абдурахману Данияловичу за понимание и моральную поддержку. Главное даже не во мне и не в том конкретном факте, а в том, что к Первому можно было обратиться по всем наболевшим вопросам и для него не было чужих дел, чужих волнений.

Абдурахмана Данияловича я узнал по-настоящему, вероятно, после его ухода со всех должностей, когда он на какое-то время переехал в Москву. Тогда я заканчивал Академию общественных наук при ЦК КПСС и жил в общежитии на Садовом кольце. Абдурахман Даниялович, член ЦК КПСС, занимал просторную комнату с прихожей на шестом этаже. Я бывал у них (с ним жила и супруга Хадижат Муртазалиевна) часто, просиживали вечера напролет. Говорили о разном. Мне запомнилось, что Абдурахман Даниялович ни о ком плохого не говорил. Книг было у него много – во все стены, книги домашние, поддержанные, все в закладках. Поражала его память, обширность знаний, он был подтянут и аккуратен.

Однажды я засиделся в Центральном доме литераторов и вернулся где-то в десять вечера, моя супруга Атикат оказалась у Данияловых.

- Ну что? – сказал мне Абдурахман Даниялович. – Окончил Академию, стал кандидатом наук и на радостях загулял. Жена должна

дождаться до полуночи?.. Мы ее не дадим в обиду. В гости ходить надо с ней...

Другой раз Абдурахман Даниялович хорошенько проучил меня. Я вернулся навеселе, но Атикат дома не было. Я спустился к Данияловым.

- Нет ее у нас, - сказал Даниялов строго, с хмурым лицом. – Мы видели, вечером куда-то она уходила, вся какая-то сияющая, нарядная... И правильно, чего она будет сумерничать одна? Стало мне неловко за себя – и за выпитое, и за поздний визит – встал, извинился, пошел к двери.

- Атикат, выходи, - улыбнулся Абдурахман Даниялович и моя супруга вынырнула из-за книжного шкафа. – Он больше не станет опаздывать... – пригрозил он мне пальцем.

Абдурахман Даниялович любил шутки и умел шутить – деликатно, с достоинством.

Пережил ли Даниялов одиночество? В какой-то степени, конечно же, да. Но Абдурахман Даниялович напряженно и самоуглубленно работал над монографией об особенностях строительства социализма в Дагестане, которая, кажется, стала основой успешно защищенной им докторской диссертации.

Известно, что не все действующие и бывшие руководители подготовлены к научно-исследовательской работе и, естественно, нуждаются в помощи. Но я могу засвидетельствовать, что над монографией А.Д.Даниялов работал сам. Я выполнял его заявки через библиотеку Академии и заносил книги к нему домой, а некоторое время - и в больницу ЦК КПСС на улице Грановского. Я видел его рукописи, кое-что вычитывал и с машинки – все было его, свое!

А.Д.Даниялов работал ритмично, с утра и до обеда. После – читал, прогуливался. Его часто навещал Шахрутдин Магомедович Шамхалов, дружеские отношения поддерживали Роза Басировна Эльдарова и Дибир Магомедович Магомедов.

Абдурахман Даниялович не сторонился людей, но и не навязывался в друзья, не поучал, не обременял воспоминаниями. На вопросы отвечал сдержанно, без эмоциональной окраски.

И два последних эпизода. Кажется, в году семьдесят девятом ныне покойный Омар-Гаджи Шахтаманов предложил мне навестить Абду-

рахмана Данияловича. Как сегодня помню, было пасмурное утро. Я работал тогда в Союзе писателей, на улице Буйнакского, а Данияловы жили на Маркова – близко, почти рядышком. Но я все же не решился вот так, просто зайти к почтенному человеку. Но был и какой-то праздник. Словом, зашли. Принял Абдурахман Даниялович нас радушно. Он был в пижаме, но минут через пять-десять удалился от стола и предстал перед нами в костюме и галстуке. Хадижат Муртазалиевна поставила на стол коньяк и яблоки, принесли рюмки.

Абдурахман Даниялович улыбнулся и сказал:

- Хадижат, дай ребятам емкость посуше. Им надо восстановить разрушенное вчера здоровье.

Хадижат Муртазалиевна принесла фрукты. Абдурахман Даниялович как хозяин сам разлил коньяк и произнес тост за наши семьи и за творческие успехи.

Затем состоялась непринужденная беседа. Абдурахман Даниялович высоко отозвался о книге Р.Гамзатова “Мой Дагестан” и сказал:

- Надо бы ему завершить и третью книгу, не допускать слишком большой паузы.

Похвалил О.-Г.Шахтаманова за эссе о Чанке, изданное на русском языке. Мне же порекомендовал, помимо рецензий и тематических статей, заняться обзором текущей литературы и напомнил о Белинском.

В годы учебы в Москве я подружился с Юсупом – средним сыном Абдурахмана Данияловича и моим ровесником, кинорежиссером и драматургом. Он жил недалеко от меня, на Смоленской набережной. Жили они небогато, но уютно. Рая, супруга Юсула, была спокойной и гостеприимной хозяйкой, до сих пор помню вкус ее беляшей. Несколько раз я застал у сына Абдурахмана Данияловича. Каким он был дедушкой! Внука Шахри, внук Шамиль не сходили с колен деда.

В дни моей защиты кандидатской диссертации Абдурахмана Данияловича в Москве не было. Но по приезде он зашел к нам с прекрасным букетом для Атикат, меня же обнял, похлопал по спине.

- Только не надо останавливаться на этом. Все надо делать в молодости. Годы летят, как снежинки, и тают незаметно.

По сей день храню сувениры Абдурахмана Данияловича, преподнесенные в тот день – галстук и запонки...

Помню и такой знаменательный вечер. В Москве была весна. Дибир Магомедович Магомедов пригласил Абдурахмана Данияловича и меня на ужин в кафе на Калининском проспекте. Сидели часа два. Молодежь ликовала в танцах. И Абдурахман Даниялович, как бы про себя, вдруг произнес:

- Оказывается, и такая жизнь есть...

Может, вспоминал свое сиротское детство и аскетическую комсомольскую молодость.

А.Д.Даниялов пил мало, но поддерживал застолье, и при этом оставался внимательным и мудрым слушателем.

В тот вечер он был печален и задумчив. Тогда к моему давнему чувству уважения и восхищения прибавилось и новое чувство – сыновье. То же самое чувство я питаю теперь уже к памяти этого великого человека.

Желая предостеречь прославленного драматурга от надвигающегося скандала, один из приятелей Бернарда Шоу сказал ему:

- О Вас идет дурная слава. Подумайте...

- Ну что же? Это вовсе неплохо, - ответил остро слов. – Дурная слава – тоже слава...

Да, о людях говорят по-разному: и хулят нещадно, и возносят до небес. Но словно пыль от ретивых коней, в закоулках десятилетий и калейдоскопе событий слава – каким бы эпитетом она ни была подкреплена – в конце концов оседает. Бернард Шоу, вероятно, знал это, и, как Пушкин, к хуле и хвале оставался равнодушным.

Абдурахман Даниялович не был равнодушным человеком. Он был отзывчив, деятелен, конкретен, видимо, и столь же раним. Но личная слава его не волновала. А.Д.Даниялов имел безупречный авторитет в Дагестане, на всем Кавказе, в ЦК КПСС и т.д. Его любили, ему доверяли. Абдурахман Даниялович жил и работал не на славу, а на совесть.

А слава его растет без него самого, как и бывает у подлинно больших личностей, настоящих руководителей...

В.Г. Гаджиев,
доктор исторических наук,
профессор

“ЕСТЬ ИМЕНА И ЕСТЬ ТАКИЕ ДАТЫ, ОНИ НЕТЛЕННОЙ СУЩНОСТИ ПОЛНЫ”

Мы обозначили ниже публикуемый материал строкой из поэзии А.Т.Твардовского не только потому, что признанный лидер многоязычного Дагестана хорошо знал и любил творчество великого поэта современности и был к нему близок, а главным образом потому, что имя незабвенного Абдурахмана Данияловича “нетленной сущности полно”. Вот почему говорить и писать о А.Д.Даниялове нужно много. Он, как известно, родился в высокогорном аварском селении Ругуджа Гунибского района в крестьянской семье. Очень рано осиротел и еще неизвестно, какая жизнь была бы уготована ему судьбой, если бы в середине 20-х годов, в крайне тяжелое во всех отношениях время, он не был бы определен добрыми людьми в детский дом сел. Чох, а затем, в 1923 году переведен в Буйнакский интернат горцев.

Позже, вспоминая о безотрадном своем детстве, А.Д.Даниялов писал: “Я по далеким детским впечатлениям и сейчас, точно наяву представляю себе эти старинные холодные бедняцкие куриные сакли, в которых кизяк тлеет в середине комнаты на камнях, дым тянется в закопченную дыру в низко нависшем кривом потолке, а по вечерам тревожно потрескивают лучинки, выхватывая желтыми бликами обычные приметы бедности и горя”.

В пору обучения он во многом отличался от своих сверстников. Преподаватели-наставники обратили внимание на его прилежное поведение, на трудолюбие и целеустремленность, на умение слушать и прислушиваться к мнению старших. Окончив с отличием педтехникум, некоторое время он работал в комсомоле. Но юноша всем своим естеством рвался к учебе. В 1930 году его заветная мечта исполнилась, он сумел поступить в Московский институт инженеров водного хозяйства, в 1935 году окончил его с отличием и с рекомендацией в аспирантуру. Однако продолжить учебу ему не было суждено. Правительством Дагестана, из-за крайней нужды в квалифицированных кад-

рах, он был затребован в Дагестан. Здесь он работал наркомом земледелия. Председателем Совета Народных Комиссаров, первым секретарем обкома партии и, наконец, некоторое время Председателем Президиума Верховного Совета республики. А затем свою деятельность он продолжил старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Такovy самые основные вехи политической биографии Абдурахмана Данияловича. Но если хотя бы вкратце написать все, что свершено им за время трудовой деятельности, не хватит и объемной книги.

Не могу сказать, что я был близок к Абдурахману Данияловичу, но начиная с середины 1956 года, в течение ряда лет мне посчастливилось иметь возможность встречаться и общаться с ним. Если попытаться оживить, так сказать, образ Абдурахмана Данияловича, то он предстает перед нами как глубоко вдумчивый, цельный и многогранный политик, талантливый ученый, публицист, прекрасный мемуарист, человек большой эрудиции, редкого дарования, ясной мысли, оригинального суждения, удивительного трудолюбия и трудоспособности. Он прекрасно владел пером, в совершенстве обладал ораторским искусством, отличался уникальным художественным вкусом. Был изумительным собеседником, любящим умную шутку и юмор, хорошую песню и музыку. И в то же время был человеком принципиальным, цепким и надежным товарищем. Не терпел бездельников, лентяев, хвастунов, необязательных и ненадежных людей, а краснобаев остерегался.

Абдурахман Даниялович жил довольно в сложное и в то же время, как признают объективные социологи, беспрецедентное в истории время духовного и делового взлета огромной массы населения великой страны.

Абдурахман Даниялович был не только активным участником этого мощного процесса, но и руководителем его в таком сложном во всех отношениях регионе, каким, безусловно, является Дагестан. Многие годы он руководил экономическим и культурным возрождением Страны гор.

Хотя жизнь выдающихся людей, как известно, принадлежит современникам, то и последующие поколения должны знать их уроки и добродетели, достойные подражания и восхищения. А чтобы это свер-

шилось, необходимо глубокое изучение, объективный и всесторонний показ жизнедеятельности этих личностей, которые оставили заметный след в истории наших народов. Давно пора подготовить и издать специальную работу, посвященную светлой памяти, незабвенного Абдурахмана Данияловича.

* * *

Говорят, что «человеческая жизнь – это серия встреч и не встреч». Если посмотреть через призму этого, давно принятого в литературе выражения, оценивая те немногочисленные встречи и беседы, обсуждения актуальных вопросов с Абдурахманом Данияловичем, могу со всей откровенностью сказать, что в моей памяти они оставили глубокий след, как яркое и доброе воспоминание. Именно об этих своих встречах я и намерен поведать читателям. Особенно, как это чаще всего бывает, памятна мне первая встреча с А.Д.Данияловым. Она состоялась где-то в начале осени 1956 года. В то время я работал научным сотрудником Института истории, языка и литературы Дагфиллиала АН СССР – единственного на Северном Кавказе академического учреждения, кстати сказать в организации которого велика была роль Абдурахмана Данияловича (полагаю, что этот сюжет в будущей книге заслуживает быть освещенным особо во всех деталях и подробностях). Что же касается НИИЯЛ, в то время это был небольшой, но сплоченный научный коллектив, численность которого не превышала и 30 человек, состоящий в основном из молодых сотрудников - кандидатов наук или готовящихся защитить свои квалификационные труды, довольно честолюбивых в лучшем смысле этого слова заряженных на новые подвиги молодых и перспективных ученых.

Как-то в наш институт позвонил помощник первого секретаря обкома А.Н.Данилов и сообщил, что со мной намерен встретиться Абдурахман Даниялович и спросил, когда бы я мог прийти на это свидание? Встречу мы назначили на 13 часов следующего дня. Естественно, я был удивлен и самим обращением, и формой обращения. Самым серьезным образом я задумался над тем, “что день грядущий мне готовит”. Когда в назначенное время я явился на прием, меня здесь ждал еще один сюрприз. Не успел я приоткрыть дверь, как увидел

стоящего у порога своего кабинета широко улыбающегося Абдурахмана Данияловича. Он протянул мне руку, мягко взял меня под руку и подвел к одному из двух приставных кожаных кресел стоявших перед широким рабочим столом первого секретаря, посадил меня в одно из этих кресел, а сам сел напротив. Не ожидавший такой встречи, я был очень удивлен. Но хозяин кабинета так умело повел разговор, что вскоре как-то совсем незаметно сама по себе прошла возникшая внезапно скованность. И вскоре я почувствовал себя вполне спокойно. Тем временем наша беседа приобрела, можно сказать, даже дружеский характер. С его слов я узнал, что мой собеседник хорошо знаком и поддерживал отношения с моими учителями по МГУ, профессорами С.В. Юшковым, Г.А. Кокиевым, С.К. Бушуевым, Е.М. Шиллингом и др. Все это еще в большей степени взбудрило меня. Он заинтересованно спрашивал, а я совершенно спокойно, как равному, с возможными подробностями отвечал ему. В завершении беседы он спросил меня о ближайших моих научных планах. А провожал меня до дверей кабинета Абдурахман Даниялович добро улыбаясь, и, остановившись, сказал: “Я намерен и впредь с вами общаться. Я надеюсь, что вы не откажете мне в консультациях. Как вы на это смотрите?” Я, естественно, согласился. Выйдя из кабинета, еще долго не мог освободиться от впечатления, которое Абдурахман Даниялович произвел на меня. Более всего меня удивило и запомнилось на всю оставшуюся жизнь его манера и культура приема посетителей, умение мастерски втягивать своего собеседника в непринужденную беседу. Позже я узнал, что он так принимает всех своих посетителей. И все же должен сказать, что Абдурахман Даниялович по-особенному чутко и отзывчиво относился к научным работникам, литераторам, артистам да и, пожалуй, ко всем работникам культуры и искусства. К сказанному могу добавить, что именно под влиянием первого секретаря в аппарате обкома партии установились особые доброжелательные отношения к деятелям науки и культуры. Достаточно сказать, что сам А.Д. Даниялов по первому же звонку помощнику или его секретарю готов был принять посетителя. И такой порядок в те годы утвердился в аппарате не только первого, но и других секретарей, без всяких проволочек принимавших в том числе и молодых ученых. К сожалению, в так называемые застойные времена такой распорядок был позабыт.

Помнится, в середине лета 1956 года в ИИЯЛ велась деятельная подготовка к проведению свободной дискуссии по проблеме истории народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX века.

Были написаны и отправлены в центральный исторический журнал статьи директора института ИИЯЛ Г.-А.Д. Даниялова и автора этих строк. Это было время, когда журналом “Вопросы истории” руководила академик А.М. Панкратова.

И ближе к осени в этом журнале была опубликована статья А.М. Пикмана “О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами”. Кстати сказать, выход этой статьи и послужил поводом к очередной моей встрече с Абдурахманом Данияловичем. Идя навстречу с ним, я был уверен, что речь пойдет о моей статье. Я и думать не мог, что А.Д. Даниялов успел ознакомиться со статьей А.М. Пикмана. А беседа наша пошла именно о его статье. Я рассказал, что автора знаю по истфаку МГУ и что ныне он преподает историю в одной из московских школ. Затем мы подробно проанализировали его статью. Меня очень удивила оценка ее Абдурахманом Данияловичем. Отметив достоинство статьи, мой собеседник указал, что в ней допущена некая однобокость и не все выдвинутые положения в достаточной мере аргументированы. Заканчивая беседу, я рискнул спросить его мнение о моей статье. Он ответил вопросом на вопрос: “Почему в своей статье Вы обошли мою статью 1950 года?” “Я указал на выше упомянутое мнение главного редактора А.М.Панкратовой, которая прямо мне сказала “подвергать критике действующего члена ЦК КПСС в журнале “Вопросы истории” не удобно да и не приятно”. Он, как мне помнится, прищурился и сказал “Как знать?”. Забегая несколько вперед, скажу, что замечания Абдурахмана Данияловича, о которых шла речь в кабинете первого секретаря, значительно позже нашли адекватное отражение в работах профессоров Н.А. Смирнова, А.В. Фадеева и других ведущих кавказоведов страны.

Шло время, наш институт в основном завершил подготовку к сессии. Были определены докладчики: Г.-А.Д. Даниялов, Х.-М.О.Хашаев, В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов.

Оргкомитет конференции имел намерение включить в программу научной сессии доклад “о географии движения”, но, к сожалению,

нам тогда не удалось найти докладчика. Я нисколько не погрешу против истины, если откровенно скажу, что не все дагестановеды нашего института, да и республики в целом в то время еще занимали позицию осторожного выживания: “как бы чего не вышло”.

В октябре 1956 года в Махачкале собрался форум кавказоведов, в котором приняли участие профессора Л.М.Иванов, А.В.Фадеев (Москва), академик АН Азербайджана профессор А.С.Сумбатзаде (Баку), проф. М.С.Тотоев (Владикавказ), М.Г.Аутлев (Майкоп), У.Улыгов (Нальчик) и многие другие.

На сессии приняли участие не только научная общественность Махачкалы, но и интеллигенция почти всех 42 районов Дагестана и представители всех республик и краев Кавказа. На конференции не присутствовал А.Д. Даниялов, и другие первые лица республики. Надо полагать, что они не пришли на форум с той только целью, чтобы не помешать свободе дискуссий.

На научной сессии были заслушаны четыре доклада на следующие темы: Г.-А.Д. Даниялов “К вопросу о социальной базе и характере движения горцев под руководством Шамиля”; Х.-М.О.Хашаев “Движущие силы мюридизма в Дагестане”; В.Г.Гаджиев “Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе”; Х.Х. Рамазанов “Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX века” и в развернувшейся затем дискуссии приняли участие более 30 участников форума.

Дискуссия завершилась принятием итогового документа, который самым решительным образом отверг антинаучную версию утвердившуюся в кавказоведении после 1950 года. По материалам научной сессии бюро Дагестанского обкома партии приняло специальное решение “Об итогах обсуждения вопроса о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля”. В постановлении было указано, что научная сессия Дагестанского филиала Академии наук СССР и проведенная Институтом истории Академии СССР Всесоюзное совещание историков признали неправильной оценку движения горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля как реакционного и инспирированного извне. В результате широкой дискуссии и обсуждения было установлено, что по своему социально-политическому содержанию борьба горцев была антиколониальной и справедливой

борьбой. “Бюро обкома КПСС, говорилось далее в постановлении, одобрило выводы научной сессии Дагестанского филиала АН СССР “О характере движения горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля ” и отменила принятое в 1950 году обкомом решение “Об извращениях в освещении движения мюридизма и Шамиля”. Не приходится сомневаться, что в данном случае в принятии этого постановления решающая роль принадлежала Абдурахману Данияловичу. К этому необходимо только добавить, что это был очень мужественный шаг, особенно если вспомнить, в какой обстановке это решение принималось.

В ноябре 1956 года, как бы в продолжение Махачкалинской сессии, Институт истории АН СССР официально известил заинтересованные научные учреждения и лиц, желающих принять участие в проведении всеобщей дискуссии “О борьбе горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля”. Из Дагестана, как и ожидалось, к поездке подготовилась довольно большая делегация. Перед самым отъездом в Москву отъезжающих принял А.Д. Даниялов. В своей напутственной речи он обратил внимание участников форума, на то, чтобы в выступлениях сессии они не допускали резкости в адрес оппонентов, держались подобающе, корректно. Справедливости ради следует также подчеркнуть, что проницательный А.Д. Даниялов был принципиальным противником политизации, а тем более идеализации какого-либо исторического события. Он был убежден, что извлечь из исторических явлений необходимые для жизни уроки можно лишь благодаря глубокому и всесторонне-объективному изучению событий прошлого. Ибо только историческое сознание, полученное из объективных знаний прошлого, “дает обществу, им обладающему, тот глазомер положения, то чутье минуты, которые предохраняют его как от косности, так и от торопливости” (Ключевский). Вот почему он сугубо критически относился ко всем изучаемым трудам, анализировал каждое его положение и, не взирая на свои личные отношения к автору, оценивал их. Мы же уже упоминали критическое суждение Абдурахмана Данияловича о статье А.М. Пикмана. Чтобы читатель имел представление о его подходе приведем еще один пример. В 1959 году Абдурахман Даниялович, касаясь прошедших в Махачкале и в Москве научных сессий, высоко оценил их значение для развития отече-

ственной истории и преодоления допущенных искажений в этом важном во всех отношениях вопросе. Но не прошел мимо и суждений отдельных ученых. Он обратил внимание дагестановедов на неточность сформулированного в “Очерках истории Дагестана” (1957) суждения о том, что в основе действий Шамиля лежит идея равенства, идея освобождения большинства из-под ига меньшинства, что “все три имама выступали за социальное и научно обоснованное освобождение”.

Отдавая должное организаторскому и полководческому таланту, личной храбрости, принципиальности и последовательности Шамиля, он подчеркивал, что вместе с тем, было бы неправильным идеализировать борьбу горцев и не видеть в этом движении разных социальных потоков. В тех исторических условиях, писал он, не могло быть и речи о постановке вопроса, а тем более решения “такой социальной проблемы, каким является, как ликвидация социального неравенства в условиях феодализма”. И он советовал историкам республики продолжать работу по более глубокому изучению истории народно-освободительного движения горцев Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Заостряя на этом внимание ученых, он подчеркивал, что “при этом надо учесть, что, очищая историю движения Шамиля от антинародного и антиисторического толкования, мы не имеем в виду эту борьбу превратить в знамя, мы далеки от мысли идеализации личности Шамиля”.

В самом начале 1960 года Институт ИЯЛ Дагфилиала АН СССР получил из редакции журнала “Вопросы истории” текст статьи “К вопросу о характере движения горских народов Северного Кавказа в первой половине XIX века (к итогам дискуссии)”. В сопроводительном письме редакция извещала о том, что статья эта подлежит публичному осуждению, предлагала принять в этой дискуссии участие. Однако подготовиться к серьезному диспуту у нас не оставалось времени. И мы, заместитель председателя ДагФАНа и автор этих строк, были командированы в столицу. Внимательно прочитав в поезде текст статьи, мы пришли к непреложному выводу, что так называемая итоговая статья, как бы сказать помягче, не отражала реальную картину происходившего на форуме. Не говоря ни о чем, статья не объективно излагала происходившее на конференциях, дискуссии: одни сужде-

ния подвергались критике, о других говорилось скороговоркой. Коротче говоря, ясно чувствовалось, что составитель или даже составители слишком уж перестарались. Можно с уверенностью сказать, что статья такого характера не могла быть подготовлена в то время, когда редакцию журнала возглавляла академик А.М.Панкратова и ее первый заместитель Э.Н.Бурджалав. А в 1960 году главным редактором был генерал-майор, профессор Найда, специалист по истории революционного движения в царском флоте. Первая же встреча убедила, что он к истории Кавказа имеет довольно отдаленное отношение, а события, происходившие на Кавказе в первой половине XIX века, мало интересовали его, он всецело поддерживал точку зрения авторов «итоговой статьи». Было ясно, что никакого объективного обсуждения нам не приходилось ждать. Почувствовав непримиримость главного редактора, Х.-М.О. Хашаев сказал, что в настоящее время и в многоязычном Дагестане полным ходом идет подготовка к празднику 40-летия образования ДАССР и издание «итоговой статьи» в ведущем историческом журнале в республике будет воспринято как возврат к недавно господствующей в кавказоведении антинаучной версии. И предложил повременить с его изданием, а тем временем подготовить с участием всех заинтересованных кавказоведов настоящую «итоговую статью». Генерал был неумолим и назначил обсуждение статьи на 13 часов следующего дня. Мало того, тут же добавил, что обсуждение начнется ровно в 13.00, независимо будем мы участвовать или нет. Понятно, что для нас ничего утешительного день грядущий не обещал. Поздно вечером нам удалось встретиться с находящимся в это время в командировке А.Д. Данияловым в его номере в гостинице «Москва», где, когда мы пришли, присутствовал и Председатель правительства Дагестана М.-С.И.Умаханов. Абдурахман Даниялович по своему обыкновению, встретил нас подчеркнуто доброжелательно, угостил чаем и внимательно выслушал всех. Пока мы чаевничали, Абдурахман Даниялович с неподдельным интересом ознакомился со статьей, на время задумался и, как бы рассуждая вслух, сказал надо будет встретиться с главным редактором. В завершение он обещал в назначенное время приехать на обсуждение. Естественно, об этом мы и сообщили профессору Найде, а сами остались в редакции ждать. И вот приближалось время начала заседания. В это время к главному

редактору позвонил секретарь ЦК КПСС по идеологии Н.А.Мухидинов и предложил не будировать вопрос о Шамиле и повременить с изданием статьи до лучших времен. Позже мы узнали, что у секретаря ЦК побывал А.Д.Даниялов и сумел убедить его в том, что редакция выбрала для открытия новой дискуссии не самое лучшее время. Тогда же, если мне память не изменяет, Абдурахману Данияловичу было предложено выступить со специальной статьей о характере движения горцев под предводительством Шамиля.

Весной того же года, мне удалось побывать на публичной лекции А.Д. Даниялова в Москве в ВПШ при ЦК КПСС «О борьбе горцев Дагестана и Чечни под предводительством Шамиля». Когда заведующий кафедрой истории СССР профессор Дацюк предоставил слово Абдурахману Данияловичу, до отказа заполненный актов зал встретил лектора громом аплодисментов. Лекцию, которая продолжалась более двух часов, Абдурахман Даниялович прочитал, можно сказать, с блеском. И в заключение стоило Абдурахману Данияловичу только произнести, что он готов ответить на возникшие у слушателей зала вопросы, как сразу же аудитория зашевелилась. Слушатели заинтересованно задали большое количество вопросов лектору, а он с присущей ему манерой конкретно и довольно подробно отвечал на все вопросы. Причем разброс поднимаемых тем, казалось, затрагивал все аспекты сложнейшей проблемы. Председательствующий попытался было ограничить вопросы, но этого ему не удалось. Слушатели своим поведением показали, что они за продолжение встречи, а лектор охотно на это согласился. И такое повторялось несколько раз.

Не могу точно сказать, сколько времени длился этот диалог лектора со слушателями, но не ошибусь, если скажу, что он затянулся на довольно продолжительное время, в два-три раза большее, чем обычная публичная лекция. И когда председательствующему все же удалось завершить эту встречу, лектор не успел сойти с кафедры, как слушатели вновь окружили Абдурахмана Данияловича и снова развернулись дебаты, задавались вопросы и давались аргументированные ответы лектора. Должен сказать, что слушатели задавали вопросы не только по теме прослушанной лекции, но и по истории народов Кавказа, народных движений в Средней Азии и Казахстана. И Абдурахман Даниялович удачно отвечал на довольно сложные историчес-

кие вопросы любознательных слушателей. Вышеупомянутый помощник первого секретаря, когда мы встретились взглядами, патетически произнес: “Это настоящий триумф”. И с ним нельзя было не согласиться.

Как подчеркивалось выше, Абдурахман Даниялович был прекрасным собеседником. Говорил он неторопливо мягким и приятным баритоном, речь свою он строил по всем правилам русского литературного языка. В лексиконе его отсутствовали всякого рода слова-сорняки. Он избегал также набивших оскомину штампов. Сложнейшие проблемы умел он раскрывать кратко и доступно. Образны и точны были его многочисленные характеристики и оценки. Слушать Абдурахмана Данияловича было одно удовольствие.

Припоминаю, как-то директор издательства «Восточная литература» Академии наук СССР О.К.Дреер и я были на приеме у А.Д.Даниялова. После окончания беседы первый из нас пожелал посмотреть строящуюся Чиркейскую ГЭС. А.Д.Даниялов вызвал кого-то из аппарата обкома и попросил подготовить машину для поездки в Чиркей. За считанное время машина была готова и мы пошли к ней, но не успели так сказать расположиться в “Волге”, как из здания обкома вышел Абдурахман Даниялович и, улыбаясь, сказал: “Я очень устал и, если вы не против, я тоже поеду с вами” и сел в машину. По дороге разговор наш незаметно перешел на бывших ответственных работников, репрессированных в 30-е годы (тогда только-только разворачивался процесс реабилитации). Кстати сказать, и сам Абдурахман Даниялович сыграл довольно заметную роль в реабилитации этих невинно пострадавших людей. Наш собеседник хорошо знал многих из них и с присущей ему пронизательностью давал объективную оценку их деятельности. Но при этом как-то по-особенному оценил деятельность Ю.Шовкринского и К.Мамедбекова. “И откровенно говоря, сказал он, - больше всего мне жаль их. Они были очень способные и деятельные работники и, конечно, сумели бы сделать многое для республики». Позже эту же мысль удалось мне прочесть в печатном тексте автора, где сказано, что “завотделом пропаганды обкома работал Ю. Шовкринский, лекциями которого восхищался я в Буйнакске. Какой же это был жизнелюб, как он отличался от некоторых других ответственных работников. Он со всей решительностью выс-

тупал против проводимой в те годы языковой политики, критиковал линию на тюркский язык”. Очень жаль, что он подвергся незаконным репрессиям в 1937 году, и жизнь его так рано оборвалась. Много пользы мог он принести развитию культуры и искусства в Дагестане.

Кстати сказать, Абдурахман Даниялович, будучи первым секретарем обкома партии, много сделал не только для реабилитации репрессированных лиц, но и оказывал возможную помощь их семьям. При личном участии Абдурахмана Данияловича получили квартиры, а также кое-какое конфискованное при аресте имущество. Примером в этом плане является забота, проявленная им в отношении к семье погибшего в лагере Ю.Н.Шовкринского. Как только покойный был реабилитирован, первый секретарь пригласил из селения его семью, выдел им квартиру, устроил детей на работу. И каждый раз, когда я встречался с Абдурахманом Данияловичем, он спрашивал о семье и, когда я уходил от него, просил передать привет и свои извинения за то, что ему не удалось лично побывать у Екатерины Измайловны. Я подумал, что Абдурахман Даниялович позабыл, как звали жену покойного Ю.Н.Шовкринского, когда он однажды сказал, что ее зовут Кистаман. Он широко улыбнулся и сказал, что так шутливо называл свою супругу незабвенный Юсуф. Был и такой случай. Однажды Абдурахман Даниялович спросил меня, как поживают Шовкринские и не нуждаются ли в его помощи? Вспомнил я тогда, что Кистаман говорила, если бы не стеснялась, обратилась бы к Абдурахману Данияловичу, чтобы он помог ей в установлении телефона. Он решительно подошел к столу и что-то записал в настольный блокнот. Когда я зашел к ней в следующий раз, на столе красовался блестящий, черного цвета телефонный аппарат. Обратив внимание на мой взгляд, она сказала, что таков наш Абдурахман.

Формы исследовательской работы исторических изысканий многообразны. Часть ученых известны, как создатели обобщающих трудов, такие как В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский - в России, А.-К.Бакиханов, Ш.Б.Ноғмов, Г.Э.Алкадари и др.

- на Кавказе. Другие источники предпочитают заниматься изучением отдельных важных проблем путем монографических работ и написанием исследовательских статей, третьи ведут неумолимые поисковые работы в архивохранилищах, обследуют музейный и частные коллекции, составляют документальные публикации.

Понятно, что А.Д. Даниялов достиг крупных научных успехов. Занимая ответственный пост, он не имел никакой возможности все свое время отдавать изыскательской работе. Но с полным основанием можно сказать, что история была любимым предметом, с которым он не расставался. И при малейшей возможности штудировал документальные публикации, многотомные труды. Благодаря самоотверженной кропотливой работе Абдурахман Даниялович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, написал обобщающее сочинение “Советский Дагестан” (М., 1960 г.), монографическое сочинение “Расцвет экономики и культуры народов Дагестана” (Махачкала, 1961 г.), “Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг.» (М., 1975 г.), ряд исследовательских статей.

В 1966 году была опубликована статья А.Д.Даниялова “О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля”, написанная, если мне не изменяет память, года за два до его издания. Первоначально ее планировали издать в теоретическом органе ЦК партии в журнале “Коммунист”. Абдурахман Даниялович полагал, что возможно, она станет как бы итоговой статьей и поэтому упорно трудился над ней, с особым усердием и требовательностью провел необходимую редакторскую работу. И как стало известно, редакция “Коммуниста” охотно согласилась поместить ее на страницах своего журнала. И как сообщил при встрече мне лично сотрудник журнала В.И.Куликов, она прошла все этапы, была зафиксирована всеми секретарями ЦК КПСС, в том числе и М.А.Сусловым, но в самый последний момент, по неизвестной причине, статья была передана для публикаций в журнал “Вопросы истории”, где она вышла. В ней, хотя и в очень сжатой форме, но довольно емко освещен весь ход многолетней борьбы от начала до конца. Автор сумел обоснованно выделить три этапа развития движения и в каждой из них четко и ясно раскрыть глубокие социально-политические причины, побудившие горцев подняться на вооруженную борьбу. Дана условная характеристи-

ка участникам движения и самому предводителю горцев. Значительное место занимала история социально-экономического и культурного развития Дагестана в XX веке. Этой большой и важной проблеме посвящены следующие исследования: пять глав, начиная с периода второй половины XIX века и до 1960 года в труде “Советский Дагестан” (М., 1960 г.), “Расцвет экономики и культуры народов Дагестана” (Махачкала, 1961 г.), «Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг. Узловые проблемы» (М., 1975 г.).

Перу Абдурахмана Данияловича принадлежал и целый ряд других научных и публицистических работ: “Семилетка Дагестана и задачи интеллигенции” (Махачкала, 1959), “Думы о Стране гор” (М., 1967 г.). Известен А.Д. Даниялов и как талантливый мемуарист. Написал воспоминания о Сулеймане Стальском, Эффенди Капиеве и о своем жизненном пути.

С большим интересом читаются его статьи, в которых он дает высокую оценку трудам ученых республики – это о действительном члене Академии наук Азербайджана члене-корреспонденте АН СССР Х.И.Амирханове, о профессорах Х.-М.О.Хашаеве, Р.М.Магомедове, С.Ш.Гаджиевой, члене-корреспонденте Академии наук Азербайджана А.Г.Алиеве и многих других.

instituteofhistory.ru

А.Ю. Гаджиев,
бывший первый секретарь
Дагестанского обкома ВЛКСМ

О НЕЗАУРЯДНОЙ И СИЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

В бытность первым секретарем Махачкалинского горкома и Дагестанского обкома комсомола мне посчастливилось общаться и работать под руководством Абдурахмана Данияловича Даниялова, вошедшего в историю не только Дагестана и Северного Кавказа, но и Советского Союза. Сам факт, что А.Д.Даниялов выдержал свое высокое политическое испытание при сталинском, хрущевском и брежневском режимах, свидетельствует о незаурядной личности и высоких качествах первого секретаря Дагестанского обкома партии.

А.Д.Даниялов вошел в историю Дагестана, как крупный политический деятель, без которого трудно представить эпоху, в которой жил и боролся этот выдающийся человек, талантливейший государственный, общественный деятель и крупный ученый. Я не ошибусь, если скажу, что невозможно представить себе современный Дагестан без Даниялова, как невозможно представить себе историческое прошлое Дагестана без Шамиля.

Современники А.Д. Даниялова и сегодня говорят: “Не было и нет равного ему руководителя”. Работать с Абдурахманом Данияловичем мне и другим его ближайшим сподвижникам было весьма интересно и довольно трудно. Требовательность как к себе, так и к подчиненным мобилизовывала работников на полную отдачу сил и энергии. Его не устраивало работать просто хорошо, он требовал работать самоотверженно и на благо народа.

А.Д.Даниялов обладал природным даром оратора, аналитическим умом, уникальной памятью, политическим чутьем, способностью прогнозировать будущее. Он был истинным интернационалистом, человеком богатой внутренней культуры, примерным семьянином и заботливым отцом.

У Абдурахмана Данияловича было много планов, но до конца реализовать их он не успел. К сожалению, не все зависело от него самого, на то были объективные и субъективные причины. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР не всегда поддерживали Дагестан, подчеркивали постоянно, что война не дошла до Дагестана, так что можно еще потерпеть. Следует заметить, что А.Д.Даниялов отдал Дагестану все силы и энергию, свой прекрасный опыт организатора и руководителя.

Люди, работавшие бок о бок с Данияловым, знали и знают его деловые и личные качества, его заслуги и неудачи. Например, бывший Председатель Совета Министров ДАССР М.М.Меджидов, ныне покойный, как-то за шахматной доской в присутствии профессора Расула Магомедовича Магомедова, бывшего заведующего орготделом обкома Нурмагомеда Гаджиевича Кичиева и бывшего секретаря обкома ВЛКСМ Мухтара Алиевича Азизова, обращаясь ко мне, сказал: “Абдулатип, подскажи руководству обкома и правительства, что Абдурахман Даниялов заслужил установки памятника лишь за то, что

он, рискуя жизнью, спас Дагестан от выселения”. Далее он говорил, как Абдурахман Даниялов без сопровождения поехал один, чтобы легализовать банду, орудовавшую в лесах Цумадинского района. Он также отметил, несправедливо называть именем А.Даниялова самый короткий переулок в Махачкале, на котором расположены всего 4 здания.

Мне, довелось работать в качестве первого секретаря обкома комсомола под руководством А.Д.Даниялова более четырех лет. Эти годы были для меня великой школой, которая дала заряд на все последующие годы, которой живу и сегодня.

Абдурахман Даниялович на заседаниях пленумов, активов и бюро внимательно выслушивал выступления ораторов и, как правило, поддерживал новые, свежие мысли и критиковал непроверенные, неправильные высказывания. Свои ораторские способности он всегда демонстрировал в заключительном слове, которое длилось, как правило, минут 40-45.

А.Д.Даниялов всегда поддерживал интересные инициативы обкома комсомола. Например, чтобы пригласить на республиканский фестиваль молодежи и студентов 1965 года летчика-космонавта Андриана Николаевича Николаева, нужно было письмо в ЦК ВЛКСМ за подписью только первого секретаря обкома партии. Он поддержал нас. Или другой случай, на строительстве Чиркейской ГЭС дела шли туго, не хватало специалистов, квалифицированных рабочих рук, поэтому обкому комсомола нужна была поддержка со стороны обкома партии – ходатайствовать перед ЦК ВЛКСМ, чтобы строительство Чиркейской ГЭС включили в список всесоюзных комсомольско-молодежных ударных строек. В результате ЦК ВЛКСМ включил наш объект в число ударных строек, и А.Д.Даниялов сам заложил в 1967 году капсулу с комсомольским значком под первый куб бетона будущей уникальной арки.

В 1964 году на пленуме обкома комсомола А.Д.Даниялов в своем докладе поставил ряд вопросов, в том числе вопрос о развитии конного спорта в республике. А для реализации этого решения Абдурахман Даниялович поручил контролировать проектирование, финансирование и строительство теперь уже существующего ипподрома в

Махачкале бывшим тогда первому секретарю обкома комсомола А.Ю.Гаджиеву, министру сельского хозяйства М.Ш.Абуеву и секретарю обкома партии Ш.И.Шихсаидову. Он дал указание, чтобы каждый рабочий день мы начинали не с кабинета, а со стройки ипподрома, и еженедельно докладывали лично ему о ходе строительства. Конечно, это было непростое дело, мне лично много доставалось за темы строительства.

А.Д.Даниялов читал почти все, что выходило в республике. Он по возможности приглашал автора и имел с ним беседу, в результате тот всегда уходил довольный объективной оценкой и добрыми пожеланиями.

Когда я был министром культуры, многие пожилые творческие работники сетовали, что после А.Д.Даниялова руководители республики и города перестали посещать спектакли, выставки и другие культурные мероприятия. Он лично знал многих актеров, музыкантов, художников, композиторов.

Еще будучи студентом университета, наши преподаватели - специалисты русского языка и литературы, истории, посещавшие первого секретаря по своим проблемам при беседе поражались грамотностью и лаконичностью речи Абдурахмана Данияловича. Мне часто приходилось присутствовать на встрече с первыми секретарями обкомов, крайкомов Северного Кавказа, и среди них Даниялов выделялся как аксакал, оратор, дипломат и философ.

А.Д.Даниялов не рекомендовал брать на комсомольскую работу специалистов по математике, химии, биологии. Он нам говорил, что комсомол должен помогать в подготовке молодежи для продолжения учебы в технических вузах, призванных выпускать специалистов для поднятия промышленности и строительства в республике.

А.Д.Даниялова интересовало все. Однажды поздно вечером он позвонил ко мне домой и спросил: "Кто этот мальчик из Чародинского района, который пел? Это же Робертино наш, возьми его под личный контроль". Действительно, это был ученик 5 класса из с. Талух Магомедрасул Магомедов, сын известного певца Талухуса Магомеда, который умер. Мать мальчика вышла замуж, и он воспитывался у бабушки. Выполняя волю Абдурахмана Данияловича и личную симпатию к этому мальчику, я через Министерство просвещения забрал

его из Чароды и устроил в Махачкалинскую школу-интернат. Мы оберегали его, помогали материально, но нет-нет некоторые земляки-чародинцы тайно забирали мальчика, заставляя его петь. Таким образом, они сломали ему голос. Правда, Магомедрасул и сейчас поет хорошо, но это уже не то, чего мы ожидали.

А.Д.Даниялов заслуживает того, чтобы о нем написали не одну книгу, так как есть, что о нем писать. Необходимо изучать опыт его работы как руководителя многонационального Дагестана.

Назрела также необходимость создать документальный фильм, чтобы показать стиль и методы его работы.

Г. Магомедов,
бывший первый секретарь
Советского райкома партии

ЧЕЛОВЕК И РУКОВОДИТЕЛЬ

Время неумолимо отсчитывает минуты, часы, годы. Люди рождаются, взрослеют, открывают для себя подлинный мир, искренне полагая, что это надолго, навсегда... В молодости все клетки организма восстают против мысли о бренности жизни: умрут все, но не я - вот подсознательное ощущение юного существа, не обремененного тяжким грузом проблем и забот. Молодость щедро тратит драгоценное время, часто убивает его бесцельно, и лишь с возрастом наступают тоскливое прозрение и появляется ощущение, что может пройти мимо. Немногим, увы, дано с "младых ногтей" осознать назначение Человека, мало кто озарен божественным светом истины и наделен внутренней потребностью самосовершенствования. Но коли душа не обойдена божьей искрой, то никакие превратности судьбы не могут погасить огонь, зажженный в человеческом сердце, наоборот - житейские бури лишь сильнее раздувают пламя страстного служения высшей цели: сделать мир хоть немного лучше, чем он был для тебя. Таких людей называют пассионариями, они со временем начинают излучать сияние собственной души, высвечивая из тьмы времен лица

окружающих. Так, Пушкин озарил своим сиянием Анну Керн, о которой вряд ли мы узнали бы, не окажись она волей судьбы рядом с великим поэтом. Ее земное совершенство пробудило в нем неземную страсть, душа поэта вспыхнула протуберанцем стихотворения. И этот всплеск внутреннего огня навечно запечатлел в памяти благодарного человечества обожествленный образ красивой женщины...

Однако не зря гласит народная мудрость: нет пророка в своем отечестве. Грустную сию истину я часто вспоминаю, думая о годах совместной работы с пассионарием Дагестана - Абдурахманом Данияловым, человеком незаурядным во всех отношениях, человеком, которому Бог дал так много, что хватило бы на сотню простых смертных. Этот человек сохранился в моей памяти как яркий вдохновляющий пример ума и сердца, европейского лоска и горской страстности, широчайшей эрудиции и высочайшей нравственности, государственного мышления и дагестанского патриотизма... Думая и вспоминая о нем, я захлебываюсь в эпитетах и начинаю злиться: все получается в превосходной степени, а потому не очень похоже на правду - не земной человек, а прямо божество какое-то. Но в этом виноват не Абдурахман Даниялович (светлая ему память), это я со своим пристрастным к нему отношением поделаться ничего не могу: таким он вошел в мою душу, таким Даниялова я запомнил. Наверное, не следует мне, пожилому уже человеку, предаваться юношеским восторгам, поэтому попробую опуститься на землю и объективно рассказать все, что помню об этом замечательном сыне Дагестана, которым мы все вправе гордиться и которого, увы понемногу забываем, не умея оценивать то, что он сделал для своего народа.

Впервые я встретился с Данияловым в 1948 году. Тогда я работал вторым секретарем Тляратинского райкома партии, был молод (28 лет), полон энергии и страстного желания принести пользу Дагестану. Позади были фронтовые ранения и все тяготы боевой жизни, впереди - надежды на светлое будущее. И вдруг меня вызвали в обком партии, не объясняя зачем. Говоря откровенно, по дороге в Махачкалу я перебрал в собственной памяти все грехи, совершенные за последние десять лет, и не нашел ничего такого, из-за чего могли пригласить на беседу в обком. Оставалось набраться терпения и не показывать своего волнения.

В обкоме меня принял заведомо партийных органов Д.М.Магомедов и, не объясняя причин приглашения, повел в кабинет первого секретаря. Велико было мое волнение, но виду я, кажется, не подал. И вот мы у Даниялова - в просторном, светлом, очень скромно обставленном кабинете. Абдурахман Даниялович встал из-за стола, вышел навстречу, крепко пожал мне руку и, как истинный горец, стал обстоятельно расспрашивать о здоровье, о семье, о близких. Этот выше среднего роста крепкий человек с открытым лицом, которое с первого взгляда свидетельствовало о мощной воле и большой проницательности, произвел на меня чрезвычайно благоприятное впечатление, и лишь через некоторое время я осознал, что тревожное внутреннее напряжение, с которым я вошел в кабинет, бесследно исчезло. Было ощущение встречи с хорошо знакомым, близким человеком, и я уже не думал о причинах вызова к первому секретарю. После моего краткого рассказа о положении дел в районе Абдурахман Даниялович, очень внимательно слушавший меня и ни разу не перебивший мою мысль, сказал: "Гаджи, мне нравится, как ты держишься. Ведь волнуешься, наверное, хочешь узнать, ради чего тебя вызвали в такую даль? Так вот, у нас в обкоме сложилось мнение, что ты перспективный молодой работник с хорошими организаторскими способностями и большим потенциалом, и мы хотим выдвинуть тебя на должность первого секретаря Андалалского райкома партии. Мы понимаем, что ты еще молод, но ты прошел войну, а на войне люди быстро взрослеют. Кроме того, ты успел поработать и в комсомоле, и в прокуратуре, и в партийных органах. Поэтому, взвесив все обстоятельства, предлагаем тебе эту ответственную работу и надеемся, что ты оправдаешь доверие своих товарищей по партии".

От неожиданности у меня на какое-то время перехватило дыхание, и я просто не знал, что сказать. Абдурахман Даниялович тепло улыбнулся и пришел мне на помощь: "Что, удивил я тебя? А ты, наверное по дороге все свои грехи перебрал!" Он засмеялся очень искренним, заразительным смехом, и я сразу почувствовал себя свободно и непринужденно. Было очень приятно чувствовать, что этот волевой, умный человек расположен к тебе, что он тебе верит и рассчитывает на тебя. Но согласиться сразу на такое предложение показалось мне верхом безответственности, и я рассыпаясь в благо-

дарностях, стал отнекиваться, ссылаясь на молодость, незнание жизни и т.п. Абдурахман Даниялович терпеливо выслушал и сказал: “Гаджи, это делает тебе честь, и я тем более настаиваю теперь на согласии. Но я хорошо понимаю твои чувства и хочу предложить вот что: поезжай-ка ты домой, посоветуйся с отцом, хорошо все взвесь и дай нам ответ через пару дней. А транспортом мы тебе поможем, чтобы ускорить дело”.

После сказанных слов меня захлестнула теплая волна благодарности к этому необыкновенно проницательному человеку - ведь я как раз хотел попросить у него пару дней, чтобы посоветоваться с отцом. Тут же были решены проблемы с машиной, и я с нескрываемым чувством гордости поехал в родной Телетль на обкомовском “газике”.

Отец внимательно выслушал меня и сказал: “Абдурахмана люди знают как человека умного и глубоко порядочного, плохого он тебе не посоветует и не пожелает. Мне трудно судить о твоих успехах в партийных делах, но если он хорошо оценивает, наверное, так оно и есть. Я думаю, что надо сделать так, как предлагает Абдурахман, но прежде ты должен дать мне твердое слово: никогда не злоупотреблять властью, не обижать людей и не искать выгоды для себя. Если со временем вообразишь, что ты выше людей и будешь думать о том, как с помощью данной тебе власти устраивать собственные дела, ты обязательно плохо кончишь”. Я твердо пообещал отцу никогда не злоупотреблять оказанным мне доверием, и, окрыленный его поддержкой, вернулся в Махачкалу.

Когда я рассказал Абдурахману Данияловичу о своем разговоре с отцом, он посветлел лицом и сказал: “Видишь, Гаджи, какой у тебя замечательный отец. Ты должен им гордиться и никогда не делать ничего такого, что могло бы вызвать у него чувство стыда. И вообще, имей в виду, что горцы - очень гордые и правильные люди, они не терпят несправедливости и двойной морали. Поэтому в своей будущей работе ты должен руководствоваться железным правилом: власти существуют для блага народа, а не наоборот. Надо уважать простых людей, никогда не позволять с ними барского тона и не задевать достоинства человека. Чем проще, доступнее руководитель, тем выше его авторитет”. Этот совет я запомнил на всю жизнь и старался следовать ему во всех жизненных ситуациях.

Работая первым секретарем Андалалского райкома партии, я постоянно ощущал заботливое внимание Абдурахмана Данияловича, его искреннее желание поддержать меня в трудных ситуациях, стремление помочь в осуществлении задуманных планов. В первый раз он приехал в Андалал (ныне Ножай-Юрт ЧРИ) через два месяца после моего избрания первым секретарем райкома. В тот день я поехал в переселенческий колхоз Новый Чиркей, чтобы на месте посмотреть, как идут дела с осенней стрижкой овец. Каково было мое удивление, когда в полдень на ферме появился Абдурахман Даниялович, - один, без всяких “сопровождающих лиц”. Он тепло поздоровался за руку со всеми, начав с рядовых чабанов. Оказывается, он приехал в райцентр и, узнав, что я поехал в колхоз, направился туда же. Расспросив всех о житие-бытие, Абдурахман Даниялович со свойственным ему истинным (не показным!) демократизмом снял пиджак, засучил рукава и вместе со всеми принялся стричь овец, по ходу дела беседуя о планах на будущее, о проблемах и заботах колхозников. Стриг он уверенно, чувствовалось, что делает это не впервые. Я почувствовал неловкость от того, что сам не сообразил включиться в общую работу, но я, честно говоря, стричь овец не умел. Его же поведение было естественным, он искренне хотел оказать посильную помощь стригалям. Была красота, какая-то внутренняя гармония в происходящем, и все почувствовали это...

Вскоре после первого посещения Андалала Абдурахман Даниялович по просьбе нашего райкома оказал неоценимую помощь в прокладке новой дороги от райцентра до Хасавюрта. Существующая дорога на протяжении примерно 15 км проходила прямо по руслу своенравной речушки Ямансу, которая из тоненького ручейка в период дождей превращалась в грозный поток. По этой причине довольно часто район оставался без связи с внешним миром. Учитывая нашу ситуацию, Даниялов поручил Дорожному управлению ДАССР найти средства и решить проблему, несмотря на все финансовые трудности. Благодаря его настойчивости и пониманию со стороны начальника Доруправления Джамалутдина Магомедовича Магомедова в короткое время была построена асфальтированная дорога, связавшая Хасавюрт с Андалалским и Ритлябским районами.

Еще один случай, свидетельствующий о человечности и доброте Абдурахмана Данияловича, произошел во время его первого пребывания в Андалале. Закончив все дела, побеседовав с активом района, Абдурахман Даниялович обратился ко мне: “Мне неудобно уезжать отсюда, не побывав в вашем детском доме. Давай заглянем туда. Только, пожалуйста, не предупреждай никого, а то устроят нам потемкинскую деревню”.

Мы тут же, распрощавшись с районными активистами, отправились с ним в детский дом, расположенный на выезде из Андалала в сторону Махачкалы. К моему приятному удивлению, детдом оказался ухожен, чист, дети хорошо одеты, на кухне уже был готов довольно вкусный обед. Абдурахман Даниялович обошел все помещения, поговорил с ребятами, погладил малышей по голове и обратился к собравшимся в кабинете директора сотрудникам: “Дорогие мои, я очень вас прошу, не забывайте, что вы для этих детей - и отцы, и матери. Детская душа жаждет человеческого тепла, оно для ребенка важнее, чем одежда и пища. Не жалейте для них ласки, любите их, как своих собственных детей, это ваш долг и обязанность”. А мне он сказал: “Я прошу тебя обязательно раз в месяц заходить сюда. Помогай этим несчастным детям всем, чем можешь”.

Нас всех глубоко тронули его слова, и я с того дня держал под пристальным контролем положение дел в детдоме. И вообще, после общения с ним я понял, что нельзя ничего откладывать на потом, все нужно контролировать, быть в курсе всех дел, работу свою четко планировать. Очень скоро сказались плоды системной работы: в мае 1951 года по представлению А.Д. Даниялова я был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В начале августа 1952 года мне позвонили из обкома партии и предложили приехать для беседы по кадровым вопросам. На сей раз меня не интриговали, а прямо сказали, что речь идет о моем переводе на работу в другой район.

Прибыв в Махачкалу, я зашел к заведующему орготделом обкома А. Чезрову, который тут же провел меня в кабинет А.Д. Даниялова. После теплых взаимных приветствий Абдурахман Даниялович сообщил, что они обсудили в Секретариате вопрос о моем переводе в один их крупных и экономически развитых горных районов респуб-

лики - Гунибский. Он отметил, что эта работа может дать мне многое, поскольку в районе сильный партийно-хозяйственный актив, много интеллигенции, есть крупные, известные на всю республику хозяйства. Наконец, он обратил внимание на то, что сам он является выходцем из этого района, хорошо знает психологию гунибцев и готов активно помогать мне в работе. После этого он попросил меня дать согласие на перевод.

Я, долго не думая, согласился, потому что верил всему, что он мне сказал, и твердо знал, что в трудную минуту Абдурахман Даниялович окажется рядом, поддержит советом и делом. Он поблагодарил за согласие и сказал: “В Гунибе народ хороший законопослушный и достаточно образованный. Ты не пожалей что согласился. Советую тебе с первых дней заняться выявлением резервов, которых в районе немало. Я думаю, лучше всего начать с увеличения посевных площадей, заняться разведением садов. Следует более рационально использовать земли на кутанах. Начни с бесед с председателями колхозов, они многое подскажут. Будут трудности - звони, помогу”.

Его советы сказались как нельзя кстати. Поговорив на новом месте работы с опытными председателями колхозов, я обнаружил, что есть возможность вовлечь в оборот десятки гектаров такой дефицитной в горах земли. Была проведена системная инвентаризация всех колхозных земель, и уже через год площадь посевных увеличилась на 50 гектаров, были заложены новые сады, интенсивнее стали использоваться кутанные земли. Дела в районе явно пошли в гору. Абдурахман Даниялович часто звонил, подбадривал, давал советы. Иногда, несмотря на большую занятость, приезжал, встречался с людьми, очень тепло со всеми общался, старался помочь в личных делах. В один из приездов мы с ним имели долгий и очень откровенный разговор, за сиделись допоздна, и он сказал мне: “Я вижу, Гаджи, ты на правильном пути. Главное - умеешь уважать чужое достоинство. А это для горцев - самое главное. Смотри, не загордись, я тебя похвалил за дело, чтобы ты понимал, что мы своих партийных секретарей всегда держим в поле зрения. Нельзя людей только ругать, даже если они это заслуживают. Каждый человек подсознательно ждет от окружающих понимания и моральной поддержки, иначе со временем могут руки опуститься: работай - не работай, все равно никто не оценит... Так

нельзя. Нужно видеть хорошее в человеке. Не следует скупиться на теплые слова, если чувствуешь что люди искренне стараются, не хитрят и не увиливают от трудностей. И еще - надо уметь прощать”.

Я был очень благодарен Абдурахману Данияловичу за эти слова, они прямо-таки окрылили меня. В общении с людьми я часто вспоминал их, они мне помогли в разное время наладить теплые, почти дружеские отношения, даже с не очень приятными, на первый взгляд, людьми.

Абдурахман Даниялович был блестящим оратором. Слушая его, я постоянно ловил себя на том, что все это я уже ощущал внутри себя, где-то на уровне подсознания, но вот он сумел мне так ярко и четко сформулировать мои же мысли. Его доклады на партийных форумах отличались железной логикой, последовательностью изложения и завершенностью мыслей. Наконец, они излучали ту неуловимую и необъяснимую магию слова, которая захватывала слушателей и держала их в мире авторской мысли, унося на ее крыльях далеко-далеко... Его речь диалектически сочетала холодную рассудочность и чеканность логических форм с необычайной эмоциональностью и образностью изложения. Абдурахман Даниялович, безусловно, был по-настоящему высокообразованным интеллектуалом, его эрудиция порой просто поражала меня, появилось даже мистическое чувство, что он знает абсолютно все. В то же время, эту мощь интеллекта он использовал так, чтобы не подавлять собеседника, никогда не блистал он книжными и, тем более, иностранными словами. Речь его была краткой, четкой, мысли - ясными, последовательными, форма их изложения - поистине блистательной и завораживающей.

Работая в Гунибе, я проникся искренним, глубоким уважением к его людям. В районе была какая-то особая атмосфера человеческой доброжелательности, а главное - явственно ощущалось мощное влияние местной интеллигенции на дела района. Дух уважения к интеллекту, стремление к знаниям, культ просвещенной личности - все это было в Гунибе, в котором еще в прошлом веке жили люди широко образованные, интеллигентные. В одном только Чохе до революции было более 40 офицеров царской армии, среди них - несколько полковников. И я постепенно начал понимать, что не на голом месте возник феномен высокоинтеллектуального Даниялова. Эта земля, сам воздух этих краев были наполнены особым ароматом уважения к

мыслительной деятельности. Здесь вырос Абдурахман Даниялович, здесь он впитал стремление к совершенствованию ума и души. Он был истинным сыном этих легендарных мест, где каждый камень - история, каждый старик на годекане - мыслитель и философ.

В сентябре 1956 года в очередной раз вызвали в обком по кадровым вопросам. На сей раз Абдурахман Даниялович предложил мне перейти на работу в Кахибский, позже Советский, ныне Шамильский район, поскольку наступило время ротации кадров. Он долго беседовал со мной и сказал, кроме прочего, что после Гуниба я смогу принести много пользы району, откуда я родом. “Ты получил в Гунибе, на мой взгляд, хорошую закалку и интеллектуальную накачку. Согласись, что в Гунибе уровень просвещения людей повыше, чем в Кахибе. Твой человеческий долг - перенести туда все то, чему ты научился в Гунибе”, - сказал он на прощание, получив мое согласие.

Абдурахман Даниялович, как всегда был прав. Я и сам не раз с горечью думал о том, что мой родной район в силу его удаленности и труднодоступности отстал и в экономическом развитии, и в подготовке кадров, и в обустройстве быта горцев. Переехав в Кахиб, я с ужасом обнаружил, что во всем районе всего 36 человек с высшим образованием. В самом Кахибе не было водопровода, воду набирали кувшинами из единственного источника, и к нему всегда стояла очередь женщин. Пришлось принимать экстренные меры. Решил начать с подготовки кадров, потому что понимал, что без них не будет принципиального прорыва.

Приехав в Махачкалу, зашел к Абдурахману Данияловичу, чтобы поделиться с ним своими проблемами. Рассказал обо всем и попросил помочь в подготовке кадров, особенно женских. Он тут же связался с ректорами вузов и попросил их оказать содействие в приеме абитуриентов из нашего района. Уже через год около 300 молодых людей поступили в вузы республики. Среди них было и несколько десятков девушек. Так он решил важнейшую для района проблему, и сегодня несколько тысяч специалистов - выходцев из нашего района работают по всей стране, среди них - десятки докторов и кандидатов наук. Основу этого кадрового благополучия заложил он - Абдурахман Даниялович.

Потом была долгая борьба за перенос райцентра из Кахиба, куда вела ужасная дорога с постоянными камнепадами после дождей. У

республики не было финансовых средств для официального переноса райцентра, поэтому речи не могло быть о постановлении правительства и т.п. Между тем, каждый год на кахибской дороге погибали люди, сам Кахиб географически расположен не в центре района, а на отшибе, и всем приходилось добираться туда, преодолевая 12 - километровый тяжкий подъем на высоту 2000 метров.

После очередного разговора на эту тему Абдурахман Даниялович сказал мне: “В жизни не всегда удается соблюдать букву закона или инструкции, поскольку они часто несовершенны. В таких случаях нужно руководствоваться высшими интересами дела и подчинять свои действия не созданному человеком несовершенному документу, а принципиальным представлениям о добре и зле. Подумай, как можно организовывать постепенный перевод различных районных организаций в Хебда с тем, чтобы поставить всех перед фактом. Но делать это надо с умом без демонстраций и лишних жестов. Я готов взять на себя часть проблем, но прошу не подставлять меня”. Горячо поблагодарив Абдурахмана Данияловича, я немедленно принялся за дело. За один день я договорился со многими республиканскими организациями о выделении средств и материалов для строительства ведомственных подразделений в урочище Хебда - будущем новом районном центре. Вернувшись в район, собрал актив и поставил задачу - каждый день организовывать по графику субботники на строительстве объектов нового райцентра.

Энтузиазм людей может свернуть горы. Уже через год на берегу Аварского Койсу вырос целый поселок, а еще через полгода, в июле 1960 года, состоялся официальный перевод районного центра из Кахиба в Советское - так мы называли новое село. Сейчас оно называется Хебда, насчитывает 2,5 тысячи жителей, утопает в садах и является одним из самых благоустроенных райцентров в горах Дагестана. И в том, что на месте раскаленного солнцем пустынного урочища на карте республики вырос перспективный райцентр - заслуга Абдурахмана Данияловича.

Я твердо помнил обещание, данное Даниялову, - внедрить в быт моих земляков все то, чему я научился в Гунибе. А таких новшеств было много, начиная от домашнего консервирования фруктов и кончая новой планировки жилых домов. Постепенно быт нового райцен-

тра становился все более и более цивилизованным, и нынешний гость Хебды, проходя по тенистой, асфальтированной главной улице, видя добротные дома, чистоту и опрятность дворов, никогда не подумает, что когда-то это был иссушенный солнцем голый южный склон отрога Богосского хребта, где не росло ни одно деревце, где не было ничего, кроме домика дорожного мастера. И это опять-таки заслуга Абдурахмана Даниялова.

Его добрые дела можно перечислять и перечислять, им нет конца, ибо эта кипучая натура была нацелена на созидание, на то, чтобы сделать мир лучше, чем он был до него. Таковы все пассионарии, таков был и незабвенный Абдурахман Даниялович Даниялов - великий в своей простоте и доступности человек, умный и дальновидный руководитель, носитель добра и света.

А.М.Аджиев,

доктор сельскохозяйственных наук,
профессор

ДОСТОЙНЫЙ ДАГЕСТАНЕЦ

Нет сомнения в том, что тысячелетиями честь, достоинство, мудрость и слава Дагестана и его народов создавались умом, талантом, совестью, трудолюбием и мужеством его славных сынов и дочерей.

Среди плеяды политических и государственных деятелей Советского Дагестана одно из самых видных мест по праву принадлежит Абдурахману Данияловичу Даниялову. Он воистину был достойным дагестанцем и сыграл решающую роль в судьбах наших народов и в становлении Дагестана просвещенной и социально-ориентированной, аграрно-промышленной республикой, занимавшей в свое время подбаюющее ему среди районов Российской Федерации и Северного Кавказа.

Мне очень повезло в жизни, что с юношеских лет пришлось общаться и работать с такими выдающимися дагестанцами, как А. Дания-

лов, М.-С. Умаханов, Ш. Шамхалов, Ш. Шихсаидов, М. Абуев, Г.-К. Алиев, А. Султанахмедов, Ш. Исмаилов, А. Манташев, Ф. Кисриев, Р. Алимханов и многими другими замечательными земляками.

Абдурахман Даниялов был кумиром молодежи республики 50-70-х годов XX века. Моя первая деловая встреча с ним состоялась весной 1960 года в городе Хасавюрте на республиканском совещании кукурузоводов в качестве главного агронома колхоза "Красный партизан" Хасавюртовского района. Это были весьма бурные времена хрущевских реформ, когда по всему Союзу в волевом порядке насаждалась кукуруза, а взамен вполне оправдавшей себя травопольной системе - пропашную систему земледелия. Его содержательное, научно обоснованное и взвешенное выступление понравилось нам - молодым специалистам и всем участникам совещания. В президиуме совещания сидели министры, передовики производства и руководители района. В обсуждении доклада пришлось выступить и мне, так как к тому времени у нас в колхозе сформировались передовые кукурузоводческие звенья - Н. Абдулгаджиевой, А. Мантуровой и др. и было о чем говорить.

В заключительном слове А. Даниялов похвалил мое выступление и после совещания изъявил желание поехать в колхоз, чтобы на месте ознакомиться с делами хозяйства. Будучи непосредственно на кукурузных плантациях, мы обстоятельно поговорили о наших технологиях и опыте работы. Причем он вникал в подробности агротехники, технологических схем, показывая при этом свои широкие знания в области сельского хозяйства. К вечеру собрали людей-кукурузоводов, он поблагодарил их за хорошую работу, проявил максимум внимания и ответил на конкретные вопросы. После я узнал, что Абдурахман Даниялов успешно закончил в свое время гидромелиоративный факультет Московского института инженеров водного хозяйства, где впоследствии я проходил аспирантуру. В военные и послевоенные годы, будучи Председателем Совнаркома республики, а затем и первым секретарем обкома партии А. Даниялов основную ставку в своей деятельности делал на научно-техническую интеллигенцию и специалистов развивающейся промышленности и сельского хозяйства.

Среди многих других руководителей он заметно выделялся природным талантом, высокой партийностью, постоянным самообразованием и самосовершенствованием. Он стал признанным лидером коммунистов и трудящихся Дагестана. По долгу службы, работая председателем колхоза, директором совхоза, вторым и первым секретарем Хасавюртовского райкома КПСС, мне приходилось часто встречаться с Абдурахманом Данияловичем. Я всегда чувствовал большую ответственность перед встречей с ним, так он всегда был в курсе новостей агропромышленного комплекса. Впоследствии, работая в Институте востоковедения в Москве, он успешно защитил докторскую диссертацию.

В те годы руководители республики часто выезжали в районы. Лично знали передовиков производства, специалистов, прославленных механизаторов и животноводов. И было очень приятно, когда совершенно неожиданно на поле встретишь первого секретаря обкома, Председателя Совмина и других руководителей республики и даже страны. Это прибавляло энергии, энтузиазма, веру в то, что твой труд нужен народу и государству, и, самое главное, он по достоинству оценивался.

А. Д. Даниялов часто встречался с интеллигенцией и специалистами народного хозяйства, выступал перед ними, замечал перспективных людей и способствовал их интеллектуальному и служебному росту. Я помню случай, когда он хотел выдвинуть меня на солидную республиканскую должность, еще будучи молодым специалистом и руководителем колхоза, но я выбрал учебу в Москве. Он подумал и согласился с этим. Моего старшего брата в возрасте 28 лет он рекомендовал министром финансов республики, но ему помешало его ближайшее окружение, которое использовало его авторитет в своих корыстных целях.

Абдурахман Даниялович внес большой вклад в развитие экономики республики, ее научно-технического и кадрового потенциала. Обо всем сказать в маленькой статье невозможно. Но обойти и не заметить его решающей роли в развитии гидроэнергетики республики, виноградарства и плодоводства, виноделия и консервной промышленности нельзя и несправедливо.

В 60-е годы, по инициативе Абдурахмана Даниялова, развернулась в республике колоссальная работа под девизом - «Превратим Дагестан в цветущий сад». Было очень много сделано в этом плане. Ныне так называемые демократы критикуют тот период нашей жизни. Но я хочу сказать, что 1960-1980 годы были годами огромного созидания и процветания нашей республики, да и нашей страны. Народы Дагестана своим самоотверженным трудом превратили нашу республику на самом деле в цветущий сад.

В результате проведенной титанической работы партийно-советских органов, министерств и ведомств, руководителей и специалистов хозяйств в Дагестане были заложены десятки тысяч садов и виноградников, построены десятки консервных и винодельческих заводов, которые в те годы выпускали конкурентоспособную продукцию.

Дагестан стабильно занимал первое место в Российской Федерации по производству винограда, плодов и по выработке винодельческой и консервной промышленности. Наши высококачественные вина и коньяки, соки из черешни, персика и абрикоса занимали достойное место на внутренних рынках страны и за рубежом. Тем «болтунам», которые ругают достижения тех лет, стоит призадуматься и осмыслить, во что они превратили нашу великую страну, которая имела высокий авторитет во всем мире. Да! Были ошибки, просчеты, трагические периоды в нашей новейшей истории, но мы были на правильном пути. Нас, то есть социалистическую идею, загубили застой и коррупция в высших эшелонах власти. В конце 80-х годов и в особенности в 90-е годы в высшее партийное и государственное руководство партии и страны хлынула безликая и бездарная публика, которая довела нашу великую страну – СССР – до развала.

А.Д.Даниялов, партийные и советские кадры той эпохи были настоящими созидателями и строителями нормальной жизни для народа. Я знаю маститых секретарей райкомов и обкома, тех истинно революционных лет, которые не имели второго и третьего нормального костюма, не говоря уже об особняках и др. излишествах. Я, тогда еще молодой человек, встречался с такими случаями, когда после смерти больших руководителей не находились собственные средства для их нормальных похорон. Некоторые из них презирали роскошь,

другие стеснялись народа, а были и такие, которые просто боялись их иметь, потому что ни в те времена, ни в нынешнее время без жульничества заиметь богатства и роскошь невозможно. Высокая ответственность перед народом и жесткая партийная дисциплина не допускала мародерства и обкрадывания государства. Некоторые современные «водители» демократов, даже прямые крупные взятки называют подарками от трудящихся.

Сегодня, как обычно бывает по истечении времени, А.Д.Даниялова критикуют за некоторые перегибы в кадровой политике и в частности в переселении горцев на плоскость. Во-первых, заметим, что переселение горцев на плоскость началось еще при руководстве Н.Самурского и Д.Коркмасова, далее продолжено более активно в период руководства А.Даниялова, М.-С.Умаханова и продолжается стихийно и ныне. Первоначально оно было вполне разумным и оправданным социальным мероприятием, направленным на рациональное использование трудовых и земельных ресурсов республики, согласно постановлению Советского правительства и ЦК партии и неоднократных решений местных советских и партийных органов.

В последующем мы увлеклись переселением народов, оголили горы и допустили перенаселение на плоскости. Так что в этом большом социально-экономическом акте нельзя упрекать только одного лидера. Ныне каждый человек имеет право жить там, где он хочет на территории республики и Российской Федерации.

Для дальнейшей стабилизации социально-экономической обстановки в республике надо, во-первых, все сделать для выравнивания условий жизни народа, как на плоскости, так и в горной части республики. Люди сами разберутся, где им лучше жить. Во-вторых, следует незамедлительно создать законодательные основы квотирования социально-экономических и политических интересов тех коренных народов, оказавшихся в национальном меньшинстве на исконных землях в результате миграционных процессов.

В заключение, хочется сказать, что воспитание на жизненном примере таких руководителей, как Абдурахман Даниялович Даниялов и других знаменитых земляков нашего подрастающего поколения – наша глубоко патриотическая задача.

А. Вербенко,
бывший заместитель председателя
Совнархоза

КОММУНИСТ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ

Дагестан - единственная республика в Советском Союзе, названная по географическому, а не по национальному признаку. И это не удивительно. По какой национальности давать название, если на сравнительно небольшой территории живет немногим более полутора миллиона человек, представляющих более тридцати народностей. Достаточно сказать, что сегодня литература в Дагестане издается на десяти языках.

Неоценима роль партийной организации Дагестана и лично А.Д. Даниялова в интернациональном сплочении Дагестана. Именно Дагестан является самой многонациональной республикой не только в Российской Федерации, но и в бывшем СССР. Для того, чтобы достичь современного уровня национальных отношений, потребовались десятилетия.

Огромную, неоценимую работу на протяжении четверти века на посту Председателя Совнаркома и первого секретаря Дагестанского обкома КПСС проводил по интернациональному воспитанию народов Дагестана А.Д. Даниялов.

В наши дни, как никогда остро, стоит проблема национальных и межнациональных отношений. В ряде регионов нашей страны имели место антиобщественные проявления, носившие националистическую окраску. Предпринимаются даже попытки выдвинуть требования о пересмотре существующих национально-государственных и национально-административных границ.

Причины этих явлений не в последнюю очередь связаны с серьезной запущенностью работы по интернациональному воспитанию масс. На этом фоне необходимо подчеркнуть, что именно в традициях партийной организации Дагестана и ее руководителей присутствовало острое чувство ответственности за решение межнациональных

проблем и интернациональное воспитание трудящихся масс в такой многонациональной республике.

А.Д. Даниялов являлся не только видным организатором, но и ученым. Доктор исторических наук А.Д. Даниялов опубликовал работы по истории тех преобразований, которые произвел социализм на дагестанской земле и которые происходили при его личном участии. Вынося в заголовок слово интернационалист, мне хотелось бы подчеркнуть, что А.Д. Даниялов уже в далекие шестидесятые годы, защищая кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, в первом случае назвал свою работу: "Осуществление ленинской национальной политики в Дагестане" и во втором – "Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане". Из ряда опубликованных работ А.Д. Даниялова виден широкий охват исследуемых проблем, глубокая личная осведомленность, высокая ответственность, нетерпимость к искажению исторической правды.

Более трех десятилетий близко зная Абдурахмана Данияловича, хотел бы сказать несколько слов о его личных человеческих качествах. Его отличала удивительная способность: он всегда точно определял, за что следует взяться, чтобы все дело вытянуть, при этом не разбрасывался, вел интенсивно два-три вопроса, считая, что остальными должны заниматься другие. Абдурахман Даниялович поражал оптимизмом, компетентностью при решении даже самых сложных вопросов, обладал тактом и уважением к людям. Абдурахман Даниялович был обязательным и разносторонне эрудированным человеком, о нем можно сказать, что он был жизнераспространяющим человеком. Когда он чему-то радовался, то эту радость всех призывал с собой делить.

К детям и внукам он относился с удивительной нежностью, а к супруге просто по-рыцарски. Он был осторожен в выборе друзей, но уж если с кем-либо подружился, то надолго, навсегда. Этот в высшей степени твердый, необычайно энергичный человек в отношении к людям был мягок, деликатен и благороден.

Таким я знал и таким остался для меня коммунист и интернационалист, дорогой друг Абдурахман Даниялов.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И УЧЕНЫЙ

Абдурахман Даниялов – крупный политический и государственный деятель периода Советской власти, занимал высшие посты в Дагестане более 30 лет, а из них почти 20 лет руководил республикой, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР. Одно это говорит о том, что он принимал непосредственное участие в формировании и осуществлении государственной политики одной из самых крупных держав мира его времени.

Но для меня А.Д. Даниялов, помимо всего этого, ученый и организатор сети научных учреждений и Дагестанского филиала АН СССР, сумевший в тяжелые для них времена отстоять их. Он был очень близок к научным кругам, радовался успехам коллективов и отдельных ученых, поддерживал их. Стоило кому-либо стать доктором наук, он письменно поздравлял его. Многие ученые, по его инициативе, были награждены орденами, стали заслуженными деятелями науки, хотя это было несравненно труднее в то время, нежели сегодня.

Не будучи профессионалом-историком, А.Д. Даниялов пристально следил за развитием исторической науки. Как известно, после Великой Отечественной войны были пересмотрены подходы к историческому прошлому. В Дагестане особенно остро это проявлялось в оценке движения горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-30-е годы XIX века. Первой попыткой пересмотреть характер и движущие силы его явилось выступление Х.Г.Аджамяна в Институте истории СССР в 1947 году. Когда попытка была отвергнута и провалилась, в 1950 году М. Багиров, который пользовался доверием И. Сталина, опубликовал статью в теоретическом журнале ЦК КПСС “Большевик”, извращавшую сущность национально-освободительной борьбы горцев.

Задолго до этой публикации М. Багиров пытался склонить на свою сторону А. Даниялова. При личной встрече с Абдурахманом Данияловым он утверждал, что существующая оценка движения “буржуаз-

ная, следовательно неверная”, “нет мне дела до вашего Шамиля” и т.д. Когда “уломать” сопротивление Даниялова не удалось, Абдурахман Даниялович был вызван на прием к Г.М. Маленкову и получил от него указание проводить линию М. Багирова в Дагестане, выступить в печати с соответствующей статьей.

Нетрудно себе представить, как могли сложиться обстоятельства, откажись А.Д. Даниялов поддерживать заранее продуманные взгляды двух членов Политбюро, причем действовавшие по прямому указанию И. В. Сталина.

Пожалуй, с этого времени А.Д. Даниялов государственную и партийную работу сочетает с углубленным изучением исторической науки. Известны его статьи в “Дагестанской правде” и журнале “Вопросы истории”: “Об извращениях в освещении мюридизма и Шамиля”, его же доклад в июле 1950 года на собрании партийного актива Махачкалы “Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля».

Лишь после XX съезда КПСС А.Д. Даниялов смог публично высказать свою личную позицию по народно-освободительному движению горцев под руководством Шамиля. Он считал это своим долгом. В 1958 году была проведена научная конференция, где движение охарактеризовалось как антиколониальное и народно-освободительное, была осуждена и опровергнута навязанная сверху версия о том, что оно было инспирировано извне, а Шамиль являлся ставленником султанской Турции и Англии. В организации научной сессии и выработке ее рекомендаций А.Д. Даниялов сыграл решающую роль и до конца своих дней собирал и изучал материалы о народно-освободительном движении горцев Дагестана.

В 1966 году им была издана работа под названием “О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля”. По назначению и содержанию она коренным образом отличалась от его работы, опубликованной им в начале 50-х годов под давлением сверху. Анализируя причины возникновения движения горцев и отвергая тезис об инспирированности его извне, Абдурахман Даниялович показал, что оно было обусловлено тяжелыми социально-экономическими условиями жизни народных масс, все более и более ухудшавшимися по мере укрепления военно-колониального режима в Дагестане.

По поводу этих статей и поныне бытует немало кривотолков: “Тогда так писал, а потом совершенно противоположное утверждал”. Что можно сказать о них? А разве кому-либо удалось закрыть рот сплетнику! Одно совершенно ясно: А.Д. Даниялов не был похож на того, кто сбежал с поля боя, спасая собственную шкуру. Сплетники – невоспитанный народ, радующиеся чужой беде, а сами трусливо уходящие в кусты. Свое хамство у них принято срывать на других.

Руководя республикой, А.Д. Даниялов находил время одновременно сотрудничать с видными учеными Дагестанского филиала АН СССР. Особенно плодотворными были его научные связи с профессором Х.-М.О.Хашаевым. В 1955 году А. Даниялов, совместно с М.О. Косвен и Х.-М.О. Хашаевым, редактировал книгу “Народы Дагестана”, написал к ней вводную статью. Главная идея труда – забота о единстве и сотрудничестве народов Дагестана. Дружба народов Страны гор, их братское сотрудничество для него являлось первейшей, и он делал все для ее достижения. Уходя с поста главы республики, А.Д.Даниялов подчеркивал это, считал главным достижением, итогом своей государственной деятельности.

На самом деле, сравнивая национальные отношения того времени и нынешнего этапа нашего развития, убеждаешься в том, что А.Д.Даниялов выступал по праву в качестве общепризнанного руководителя Дагестана, а не какого-либо отдельного народа или клана. Пожалуй, он единственный по сей день, для которого чужда была клановая политика. Практика показывает, что клановая политика пагубна для Дагестана.

Еще до прихода на высшую руководящую работу Абдурахман Даниялович проводил активную научную работу. Первые его труды были посвящены сельскому хозяйству республики: “Колхозный аул в годы Великой Отечественной войны” (1946 г.), “Мичуринская биологическая наука и очередные задачи развития сельского хозяйства Дагестана” (1948 г.). Многие мысли, высказанные в этих работах, актуальны и сегодня, когда важнейшая отрасль погибает на наших глазах. В 60-е годы вышли в свет его книги “Рассвет экономики и культуры народов Дагестана”, “Думы о Стране гор. Записки секретаря обкома”.

Однако целиком науке он посвятил себя после ухода с поста первого секретаря Дагестанского обкома КПСС. Успешно защитив кан-

дидатскую диссертацию в 1969 году на тему “Осуществление ленинской национальной политики в Дагестане”, в начале 70-х годов А.Д. Даниялов работал в Дагестанском филиале АН СССР, где я впервые и познакомился с ним. Я в это время был секретарем партийной организации Института ИЯЛ. Через кого-то он меня разыскал, чтобы встать на партийный учет. Вскоре А.Д.Даниялов уехал в Москву, где работал старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР.

Через пять лет, в 1974 году, он защитил докторскую диссертацию на тему: “Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане”. В следующем году в издательстве “Наука” была выпущена его монография “Строительство социализма в Дагестане 1928-1940 гг. Узловые проблемы”, куда и вошли основные положения диссертационной работы Абдурахмана Данияловича.

В 60-е годы дагестанские ученые опубликовали ряд работ, посвященных строительству социализма в нашей республике. В работе А.Д.Даниялова также дается национальное возрождение Дагестана, но делается это путем существенного уточнения ряда положений, содержавшихся в трудах его предшественников.

В последние годы жизни А.Д. Даниялов, как мне помнится, много трудился над материалами по написанию книги о выдающемся деятеле периода гражданской войны Махаче Дахадаеве. Он высоко ценил его, считал своим долгом написать о нем книгу. Мы вместе с видным историком и организатором науки Х.-М.О. Хашаевым давно работали над этим. Из общения с Х.-М.О. Хашаевым я знал, что А.Д. Даниялов, еще будучи первым секретарем обкома КПСС, живо интересовался этой проблемой, нашей работой.

Дело в том, что в 60-70-е годы вокруг некоторых дагестанских революционеров, особенно вокруг имени М.Дахадаева, была организована настоящая травля: распространялись клеветнические слухи, нелегальные листовки, писали в ЦК КПСС, обвиняя Дахадаева “во всех грехах”, в национализме, меньшевизме, демократизме, мелкобуржуазности, во многочисленных ошибках, требовали переименования Махачкалы, улиц и т.д., и т.п. Все здоровые силы Дагестана встали тогда на защиту имени М. Дахадаева.

В ходе встреч с Х.-М.О. Хашаевым было решено приступить к сбору архивных и других материалов о Дахадаеве, подготовить сборник документов и издать его. С этой целью мне пришлось “перевернуть горы” материалов в архивохранилищах Ленинграда, Москвы, Краснодара, Армавира, Тбилиси, Баку, конечно же Махачкалы. В итоге был подготовлен первый вариант объемистого сборника о жизни и деятельности Махача Дахадаева. В целях подготовки работы к изданию сборник был разделен на две части: материал до 1917 года комментировать и подготовить к изданию должен был автор этих строк, вторая часть была поручена другому человеку, имя которого я отказываюсь называть здесь. Дело в том, что после болезни и ухода из жизни Х.-М.О. Хашаева он отказался вернуть тот материал. По этой причине сборник так и не был издан тогда.

По поводу этого сборника в 1975 году, по инициативе А.Д.Даниялова, мы встретились с ним в его доме. Из состоявшегося разговора я понял, что Абдурахман Даниялович с самого начала следил за нашей работой. Впервые Даниялова я видел в домашней обстановке. Для меня, как и для других, он был недостижимой величиной, куда взобраться простому смертному невозможно. А тут меня принимает у себя историческая личность, разговаривает со мной, как равный с равным, угощает обедом, предлагает чувствовать себя, как дома, показывает, как он живет. Тут не было даже намека на роскошь, кругом книги и книги, чистота и порядок.

За считанные минуты у меня прошла скованность, и мы приступили к обсуждению интересовавшей нас научной проблемы. Он сказал: “Я давно интересуюсь жизнью и деятельностью М.Дахадаева, У.Буйнакского, Д.Коркмасова, С.Габиева, А.Тахо-Годи и других революционеров. О них писать у меня нет сил и здоровья. Но Махач Дахадаев из-за меня очень “пострадал”. Нападки на него начались из-за меня. Мой долг – объективно написать о нем, показать, кем он был для Дагестана на самом деле. Я знаю, вместе с Хашаевым, ты занимался этим вопросом. Если возможно, покажи мне этот материал”. Он показал то, что у него накопилось.

Хотя этот материал я собирал годами, был очень мне дорог, на другой день передал его Абдурахману Данияловичу. Я рассказал ему историю сборника. При мне он полистал его, сказал, что многое, что

в нем имеется, ему незнакомо. Он поблагодарил меня. Со своей стороны я пожелал ему творческого успеха. Должен сказать, что я без сожаления расстался с этим материалом, зная, что Абдурахман Даниялович напишет о Махаче Дахадаеве хорошую книгу.

Прошло некоторое время: Абдурахман Даниялович позвонил мне и сказал, что хочет встретиться со мной. Мы встретились у него дома и договорились, что я подключаюсь к этой работе: решили издать сборник. Он мне вернул материал о Махаче Дахадаеве, обсудили характер и объем работы. После по поводу этого сборника мы встречались неоднократно, обсуждали его.

На одной из таких встреч присутствовал ученый Института востоковедения: решено было, что я приеду в Москву и договорюсь об условиях издания упомянутого сборника. Вскоре такая поездка состоялась: директор издательства “Восточная литература” выдвинул одно условие: сборник о Махаче Дахадаеве будет издан, если я привезу ходатайство Дагестанского обкома КПСС.

Это известие озадачило Абдурахмана Данияловича, но обещал “достать” такое ходатайство В конце 1977 года я позвонил ему, сообщил, что еду в Москву для повышения квалификации и мог бы лично проследить за изданием нашего общего труда. В ответ Абдурахман Даниялович едва заметно улыбнулся и сообщил, что нынешнее руководство обкома не желает давать ходатайство об издании его. Он посоветовал мне не разочаровываться, сказал, что времена меняются, попросил разыскать Мельчина и взять у него копию воспоминаний Д.Коркмасова. Когда через 6 месяцев я вернулся, прямо с вокзала зашел к нему, застал его в постели. Я передал ему воспоминания Коркмасова и лекарство...

Наверное, у каждого из нас бывают в жизни минуты, воспоминания о которых мы храним, как сокровище, до конца своих дней. Эти минуты, эти эпизоды жизни выступают четко, ясно, словно освещены огнем, среди других воспоминаний, скопившихся за долгие годы. Таковыми я считаю свои встречи, беседы с замечательным сыном Дагестана, государственным деятелем и ученым Абдурахманом Данияловичем Данияловым, который до последней минуты жизни думал о своем народе, о его героях. Будем же надеяться, что его последний труд дойдет до читателя.

У.Шапиева,

заслуженный работник культуры Республики Дагестан и России, лауреат Государственной премии Республики Дагестан

МУЖЕСТВО И ЧЕСТЬ - БЕССМЕРТНЫ

Когда из жизни уходят близкие люди, родственники свою потерю выражают душевными словами. Выражая свое отношение к славному сыну страны гор Абдурахману Данияловичу Даниялову, мне не хочется свое мнение о нем выразить услышанными или прочитанными словами.

Мне не посчастливилось ощутить внимание, поддержку, соприкосновение, теплоту рук родного отца. По словам матери, он был не только внешне привлекательным, но и по характеру мужественным, добрым и отзывчивым человеком. Это он доказывал и повседневной жизнью, это он доказал и как активный участник Аякакинских сражений с чужеземными захватчиками во время гражданской войны. Поэтому в мужской половине больше всего ценю, прежде всего, мужество, честь и благородство.

В областном комитете партии, где первым секретарем обкома работала Абдурахман Даниялович, я работала недолго, жить с ним по соседству не приходилось. По окончании учительского института, когда меня утверждали на бюро обкома партии на должность инструктора отдела пропаганды и агитации, я увидела его впервые на близком расстоянии. Тогда мне не исполнилось еще двадцати лет. Я по внешнему виду больше походила на ученицу средней школы, чем на будущего партийного работника. Потому, наверное, один из членов бюро поинтересовался моим возрастом и, усомнившись, спросил: "Справится она на партийной работе, ведь она должна иметь дело со взрослыми людьми. "Тогда Абдурахман Даниялович полушутя, полусерьезно ответил обиходными словами: "Молодым у нас везде дорога, а старикам везде у нас почет, – и добавил – научим". В те годы женским кадрам уделяли большое внимание, и как молодого коммуниста меня привлекли на партийную работу.

Рабочий кабинет Абдурахмана Данияловича находился на том же этаже, где я работала, но я его видела лишь на официальных мероп-

приятиях. Считая неприличным часто попадаться на глаза начальству, прямых встреч избегала.

Когда в республике открыли филиал Института марксизма-ленинизма, из сектора печати обкома партии меня перевели в филиал в качестве научного сотрудника. Работники филиала в основном занимались переводами и редактированием на родных языках научных трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. И с этой работой мне пришлось расстаться в связи с переводом моего супруга в Андалалский район в качестве первого секретаря райкома партии.

Тогдашнее мое положение я сравниваю, как будто меня из благополучной квартиры спустили в подвал. Мы жили в небольшом домишке, окруженном одним бурьяном. Будучи заведующей отделом народного образования райисполкома, мне приходилось по незнакомым дорогам, не зная местного языка, пешком ходить по горным селам, чтобы ознакомиться с работой школ.

Когда в первый раз Абдурахман Даниялович приехал в район проездом в Ритлябский район, хоть провалился сквозь землю, я не знала, куда его посадить и чем его угостить. Увидев наши бытовые условия, сразу понял мое состояние и, прощаясь, выразился: "Не переживай, все уладится". Спустя год-два, когда он повторно приехал в район, он задержался во дворе, прежде чем зайти в комнату. Стал с удивлением и сдержанной улыбкой смотреть вокруг дома. В небольшом бассейне плавали маленькие пушистые комочки – утята – размером с кулак. Где-то прохаживала квочка, увлекая за собой своих маленьких цыплят. Кругом были ухоженные грядки овощей, зелени, клумбы с цветами. Оторвав взгляд от всего увиденного, он подошел ко мне ближе и спросил: "Кто навел такой порядок во дворе дома?" Я протянула свои руки, усыпанные мозолями. Не отрывая глаз от моих рук, он сочувственно произнес: "Если бы я не увидел своими глазами, то не поверил бы, что ты на такое способна, ты ведь педагог..." Я ему ответила: "Да, по профессии я педагог, но кем бы я ни была, во мне крестьянская кровь. Это мое хобби - возиться с землей. Чем ездить за продуктами на попутной машине на Хасавюртовский рынок, предпочла создать у себя натуральное хозяйство". Он меня тут же спросил: "Разве в район не привозят продукты?". "Наверное привозят, но секретарь не позволяет нам подходить к дверям торговых точек."

“Да, да, я этому поверю. Хотя трудновато вам, может быть, это и хорошо” - заключил он этот разговор, похвалив меня и назвав молодчиной.

Слава богу, как и до него работавшие в районе секретари райкома партии, без взыскания и прозвища, оберегая свою честь, мужу удалось уехать из района. Его отправили на учебу в Сталинградскую четырехгодичную высшую партийную школу, а мне пришлось перебраться в Махачкала.

Живя в районе очень скромно, мы не располагали никакими запасами, надо было мне сразу же трудоустроиться. Мои прежние рабочие места не пустовали, пришлось постучаться в партийный дом, чтобы помогли найти работу. Тогда заведующим орготдела обкома партии, работал земляк моего мужа, я к нему и обратилась, возлагая на него надежду. Но мои неоднократные посещения, кроме одних обещаний, результатов не дали. Время шло, разочарованная его пустыми обещаниями, я записалась на прием к Абдурахману Данияловичу. В тот день желающих попасть к нему оказалось немало, жду приема, заняв очередь. Сердце в груди стучало как у пойманной птицы, преодолеть волнение была не в силах. Когда подошла моя очередь, я зашла в кабинет первого секретаря обкома партии и, чтобы хоть немного унять свое волнение, стала у двери. Слышу вежливый голос: “Проходите, почему вы стоите?” Вокруг все затуманилось от слез, куда же идти и как идти. Вдруг рука коснулась моего плеча, он спрашивает: “Что с вами, почему вы так расстроены? Или вам плохо, помощь нужна?” Когда около себя увидела встревоженного Абдурахмана Данияловича, мне стало совестно за свою слабость. Он меня повел к своему рабочему столу, по-отечески озабоченно спросил: “Говорите, что с вами случилось? Я вас считал волевой и упорной, до сих пор помню ваши мозолистые руки”.

“Извините, Абдурахман Даниялович, бездушное отношение ко мне и мое безысходное материальное положение, вывели меня из строя”. У меня трое малолетних детей, надо же их кормить. Я никогда не думала, что в партийном аппарате могут занимать высокое положение бездушные болтуны и обещалкины. В чем же моя вина, что, оставив город и любимую работу ради семьи, поехала в район? Вернувшись оттуда, уже третий месяц не могу устроиться на работу. Я думала, если человек соблюдает трудовую дисциплину и справляется

со своими обязанностями, то ему открыта зеленая дорога. Оказывается, я ошиблась. Чтобы женщине быть на виду, другие качества нужны. Или она должна быть легкого поведения, или должна иметь поддержку”. Не то от удивления, не то от неожиданного моего разговора у Абдурахмана Данияловича, брови поползли вверх и он на какое-то время изучающим взглядом смотрел на меня, а потом сказал: “Ваше мнение о везучих легкомысленных женщинах я не одобряю, а насчет поддержки я с вами согласен. Поддержать тоже надо не кого попало, а стоящих людей. Вам надо было, не потратив столько времени на пустые хождения, сразу обратиться ко мне”. Он тут же предложил мне три варианта работы, чтобы я выбрала из них один: должность главного редактора радиовещания на даргинском языке, заместителя главного редактора областной газеты на даргинском языке и должность редактора вновь открывающегося женского журнала. Я сразу остановилась на последней должности, заранее зная оперативность первых двух работ, имея малолетних детей мне было бы нелегко справиться с ними.

После моего выбора Абдурахман Даниялович сразу протянул руку к телефонной трубке и сказал, чтобы подготовили проект постановления на очередное бюро обкома партии для утверждения моей кандидатуры на должность редактора женского журнала даргинского выпуска. По разговору Абдурахмана Данияловича я поняла, что на эту должность кандидатура подобрана и на ее утверждение на бюро подготовлен проект постановления. Тогда Даниялов у него спросил: “Вами подготовленный товарищ где-нибудь работает? Услышав положительный ответ, он ему сказал: “Пусть тогда она, где работает, там и продолжает работать. А вы подготовьте новый проект постановления на бюро, утвердить редактором журнала даргинского выпуска Шапиеву. Она а моей характеристике не нуждается. Вы ее не хуже меня знаете”. Таким образом, Абдурахман Даниялович мой судьбоносный вопрос разрешил за десять-пятнадцать минут. Окрыленная доверием и проявленной обо мне заботой, я оказалась в коридоре и слышу в свой адрес мужской голос: “Вах, в кабинет хакима заходила, как скомканный ежик, а оттуда вылетела, как птица, что он вам крылья что ли подарил?”

“Да, да Вы не ошиблись. Не зря же сказано: “Слово лечит человека и слово калечит его”. Он мне подарил крылья доверия.

Чтобы оправдать доверие и преодолеть указанную дорогу с бесконечными спусками и подъемами, требовалась не только физическая сила, но воля и терпение. Я считаю себя счастливой, что смогла оправдать оказанное мне доверие и найти свое место в жизни.

Были у меня и мимолетные встречи с Абдурахманом Данияловичем, которые произвели на меня неизгладимое впечатление. Во время XX съезда партии, мы с мужем оказались в Москве и остановились в гостинице “Москва”. Когда однажды мы спускались по лестнице к выходу, делегаты съезда дагестанской партийной организации во главе с Абдурахманом Данияловичем поднимались по лестнице вверх. У всех был озабоченный, взволнованный, расстроенный вид. По-другому и не могло быть. На кого мы молились все годы и считали отцом народов, очернили на съезде. Одних его соратников зачислили в антипартийную группу, других посчитали примкнувшими к ним. В каком бы душевном настроении не оказался Абдурахман Даниялович, мимо нас не прошел. После того, как он поговорил с моим мужем на своем аварском языке, обратился с вопросом ко мне: “А ты что делаешь здесь?” Я, повернув голову в сторону мужа, ответила: “Я примкнула к нему”. Быстро уловив смысл моих слов, хотя на душе было невесело, он засмеялся. Прощаясь с нами, он сказал, если возникнет необходимость, чтобы мы обратились к нему и назвал нам номер своей гостиничной комнаты. Удивительная натура. Для него не было ни маленьких, ни больших, ни чужих, ни своих. Всегда был готов проявить отцовскую заботу о тех, кто нуждался в ней.

В утренние часы, перед началом рабочего дня, когда я шла на работу в сторону Пушкинской улицы, иной раз на тротуаре возле городского парка, я встречалась с Абдурахманом Данияловичем. Он ходил на работу пешком, а его телохранители шли сзади на расстоянии. Я с гордостью смотрела на его подтянутый, собранный вид, сосредоточенный взгляд. Поздоровавшись, когда он проходил мимо, у меня бывало такое душевное состояние, будто он зарядил меня бодростью, добротой, деловитостью, физической силой, трудовым настроением. Мне хотелось делать возможное и невозможное, чтобы оправдать его доверие, оберегать подаренные им крылья доверия и с их помощью дольше летать и подняться выше.

На мусульманском Востоке, когда человек уходит из жизни, для успокоения души говорят: “Аллах дал нам его на определенный срок.

Аллах и забрал его.” Нам тоже, что остается кроме как придерживаться их мнения. Аллах дал для дагестанского народа в самый трудный период их жизни Абдурахмана Данияловича и Аллах забрал его. Народ дает точную оценку человеку, когда его уже нет. В памяти народа Абдурахман Даниялович остался как талантливый, заботливый руководитель, преданный своему делу, честный, добропорядочный человек.

Я присутствовала на похоронах Абдурахмана Данияловича. Увидев его местожительство и то, что имелось в нем, я задала себе вопрос: “Хоть один раз подумал ли он о своем личном благополучии?” Не было у него, как у ныне жиреющих за счет народа господ, возведенных дворцов с саунами, ни иномарок, ни валютного накопления. Он был создан Аллахом для защиты и благополучия других. Мужество и честь бессмертны. Он остался в памяти людей как образец чести и совести, как умный наставник.

Я часто бываю в “Наземном царстве” на окраине города. Побывав на могиле сына, не могу не подойти к могилам мною уважаемых и любимых людей. Как же их там много стало, особенно в последние годы. Кругом тишина. Изредка окликаются птицы. Подхожу и к памятнику Абдурахмана Данияловича. В нем удачно отражены скульптором его гордая, мужественная натура и сосредоточенный взгляд. Но в меня как при жизни во время встреч памятник не вселяет бодрость, уверенность в будущее и человеколюбие, а наводит на горькие размышления: “Как же мы жили при нем и тогдашнем строе! А как мы живем сегодня и что с нами сделали?..”

instituteofhistory.ru

Т.К. Муслимов,
бывший секретарь

Чародинского райкома партии

ЛИЧНОСТЬ ЯРКАЯ И ПРОСТАЯ

Абдурахман Даниялович Даниялов оставил яркий след в памяти старших поколений дагестанцев. Мои воспоминания, может быть, раскроют читателям некоторые штрихи к его портрету как человека и

партийного деятеля. С тех пор, как я стал воспринимать, о чем говорят вокруг (это начало 40-х годов), в мою память вошла народная молва, как об исключительном человеке, о Совнаркоме Даниялове. Иначе его не называли. Затем в годы учебы в школе и вузе в начале 50-х годов, я все больше убеждался что авторитет его личности в народе был велик.

Первая моя встреча с ним состоялась в сентябре 1961 года, когда первый секретарь обкома КПСС приехал в наш Чародинский район для проведения районной партийной конференции. Перед этим у нас сменился первый секретарь райкома КПСС и председатель райисполкома. Ими стали, окончившие в Москве высшую партийную школу, Абдулгалим Абдуллаев и Мусагаджи Саламов. Приезд на конференцию первого секретаря мы объяснили его желанием поближе познакомиться с новыми руководителями и обстановкой в районе.

Новый первый секретарь райкома рекомендовал меня, работавшего заведующим организационным отделом райкома партии, на должность второго секретаря райкома. Ожидалась беседа с Абдурахманом Данияловичем. Обычно выдвигаемые товарищи приглашались в обком КПСС. А. Абдуллаев мне передал, что Абдурахман Даниялович сказал от нас людей не вызывать в Махачкалу, поскольку он сам едет в район. Естественно, я очень волновался, как школьник, который должен сдать экзамен. Познакомившись, он сказал: “Вы выдвигаетесь на большую партийную должность. Надо упорно работать над собой. Желаю успехов. Будем надеяться на пленуме коммунисты нас поддержат”. В качестве второго секретаря я стал принимать участие на пленумах и других мероприятиях обкома КПСС. Первым делом участники перед началом мероприятия интересовались, примет ли участие Абдурахман Даниялович.

Помню первый пленум, в котором мне пришлось принять участие. Заседание проходило в здании совпартшколы (ныне здание филологического факультета ДГУ). Зал был неполный. К концу пленума он был битком набит. С заключительным словом выступил Абдурахман Даниялович. Он был блестящий оратор. В ходе обсуждения я слушал внимательно, говорили о положительных моментах и недостатках в работе. Только с выступлением Даниялова я понял всю глубину важности вопроса. Он обрисовал перспективы развития промышленности республики, обратил внимание на данные состава рабочих, ска-

зал, что значительная доля в их составе приглашенные, тогда как республика страдает избыточностью трудовых ресурсов. Особо обратил внимание, что количество и качество подготовки профессиональных кадров – это будущее нашей республики, ее промышленности, жизненного уровня дагестанцев. После этого подверг анализу работу профтехучилищ, состояние быта учащихся. Называл тех, кто допускает упущения.

Я поинтересовался, откуда появилась публика в конце пленума. Мне объяснили, кто имеет возможность, старается попасть на заключительное слово Даниялова. Его заключения всегда интереснее докладов. Доклады пишут другие, а заключение его личное творчество. В данном случае пришли послушать преподаватели и слушатели совпартшколы. В дальнейшем я убедился, самое интересное на партийных форумах были его заключения.

Вскоре в 1962 году произошло укрупнение районов. В начале были созданы единые органы управления объединенных районов. Первого секретаря нашего райкома А. Абдуллаева назначили начальником управления Гунибского и Чародинского районов. Первым секретарем нашего райкома рекомендовали меня. Мне было 28 лет, по образованию учитель. Райком руководил всеми сферами жизни, главное из которых было сельское хозяйство. У нас было 12 колхозов. Председатели были как на подбор, даже по физическим данным. По деловым качествам многие из них (З.Шарипов, И.Садулаев, Микаил Магомедов, Шарапудин Магомедов) пользовались известностью в республике. Они были ведущими фигурами в партийном активе района. Меня, прежде всего, волновали будущие взаимоотношения с ними. Когда меня пригласили на традиционное собеседование перед пленумом райкома к Даниялову, он сказал: “Новое ваше выдвижение состоялось очень скоро. У нас очень авторитетный и деловой председательский корпус. Вам важно будет наладить взаимоотношение с ним”. Спросил, есть ли у меня к нему вопросы. Их у меня не было. Пожелав успехов, отпустил меня. Меня поразило, как хорошо он представляет ситуацию в районе, какие у меня могут быть трудности.

Вскоре, в 1962 году состоялось объединение Чародинского и Гунибского районов. В декабре проводилась объединительная партийная конференция, меня избрали заместителем секретаря Гунибского парткома. В Гуниб часто приезжали руководители республики с раз-

личными делегациями. Однажды вместе с А.Т.Твардовским, грузинским поэтом Карло Каладзе и Расулом Гамзатовым приехал А.Д. Даниялов. На завтраке Карло Каладзе очень резко и без конца критиковал Н.С. Хрущева, который добился выноса тела Сталина из Мавзолея. Даниялов воздерживался от вмешательства в разговор. Ему, как первому секретарю, было неловко выслушивать все это. Он решил как-то мягко защитить Хрущева. Сказал, что есть у Хрущева и положительные стороны, например, он доступен. К Сталину невозможно было попасть без его приглашения. К Хрущеву можно записаться на прием и первого секретаря обкома он обязательно примет. На это Каладзе среагировал: да, конечно, с дураками легче разговаривать. Диалог закончился общим смехом.

Абдурахман Даниялович любил юмор, сам говорил очень афористично.

Рассказывали о таком эпизоде на заседании бюро обкома КПСС. Разбирали апелляцию женщины, работавшей председателем сельсовета. Она просила снять с нее партийный выговор, объявленный ей за то, что сделала сыновьям обрезание. После доклада, А.Д. Даниялов обратился к заявительнице, есть ли у нее дополнения к заявлению. Та сказала есть: прошу членов бюро, за исключением Вороновского и Пономарева (это были второй секретарь обкома и редактор “Дагправды”) заглянуть себе в штаны. Даниялов тут же внес предложение отменить решение райкома об объявлении ей выговора.

В 1956 году после окончания высшей партийной школы я был утвержден инструктором обкома КПСС. Инструкторам редко приходилось непосредственно встречаться с первым секретарем обкома. По одному из закрепленных за мною райкомов партии я обобщил практику обсуждения вопросов на бюро райкома партии. Картина выявилась неудовлетворительная, обсуждались одни и те же вопросы, тексты решений повторялись, что свидетельствовало о плохом их выполнении. Я предложил обсудить вопрос на бюро обкома КПСС. Встретив меня в коридоре, Абдурахман Даниялович сказал: “Я прочитал твою справку. Вопрос актуальный. Думаю будет достаточно ознакомить с ним первого секретаря райкома. Пригласите его и подробно обсудите”.

Как-то наша компания друзей отдыхала на горе Тарки-Тау в районе дачи обкома КПСС. К вечеру на дачу приехал Абдурахман Даниялович. Мы пригласили его присоединиться к нам. Через некоторое время началось вечернее пение лесных птиц. Мы слушали зачарованно. Абдурахман Даниялович сказал: “Это еще не тот концерт по сравнению с тем, что бывает утром на рассвете. В годы войны часто приходилось работать ночи напролет. Чтобы освежиться перед новым рабочим днем к рассвету я приезжал сюда, чтобы послушать этот концерт. Вы знаете, усталость проходила и силы восстанавливались.

Я знаю много больше о Даниялове, как о государственном и партийном деятеле. Много слышал о нем личных мнений разных людей. Обобщая мнение о нем, можно сказать: люди им восхищались. Эпизоды, связанные со мной, думаю свидетельствуют об отсутствии у него обычной тогда аппаратной щепетильности и уважительном отношении к людям.

Ф.И. Потапов,

бывший секретарь Буйнакского
горкома партии

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

В 1953 году я работал заведующим орготделом Махачкалинского горкома партии. Работали тогда и вечерами. Как-то поздно вечером в конце февраля звонит мне заворготделом Дагобкома партии Асадула Магомедович Чеэров и просит сейчас же зайти к нему. Я тут же поднялся к нему на второй этаж (а горком размещался на первом этаже этого же здания) и попросил объяснить причину столь срочного вызова. Не объясняя ничего, он говорит: “Пошли к Даниялову”.

Я, честно говоря, опешил. Встреча первого секретаря обкома партии с работниками такого ранга, как я, - явление редкое. Идя по коридору к кабинету Первого, я прикидывал себе причину вызова и не находил за собой ничего того, что могло бы послужить поводом к такого рода визиту в поздний час. А было 23 часа.

В кабинете, помимо Абдурахмана Данияловича, оказался инструктор ЦК партии. Абдурахман Даниялович спрашивает у Чеэрова: “Ты ему говорил зачем пригласил?” - “Нет”, - отвечает тот. Тогда, обращаясь ко мне, Абдурахман Даниялович говорит, что есть мнение направить Вас работать в г. Буйнакск на должность председателя горисполкома. Когда я стал отказываться, мотивируя, что не знаю города и людей, что эта работа мне незнакома, он таким отеческим тоном сказал, что это дело наживное, научись, не боги горшки лепят и добавил: “Иди, до утра подумай, а утром скажешь свое мнение, но учти, что дело это нужное, а инструктор ЦК добавил, что тем более, что отец у тебя когда-то работал председателем сельсовета, вот и продолжишь по наследству дело отца”.

Так у меня состоялась первая встреча с Абдурахманом Данияловичем, но встреча, которая запомнилась мне на всю жизнь. Его тон, его внимание к человеку, его душевность и сила убедительности покорила и не позволяла сказать нет.

Потом мне пришлось много раз встречаться с Данияловым, слушать его доклады на пленумах, активах и конференциях, выступления на бюро. Каждый его доклад - это целый научный труд. Глубокий анализ состояния дел, программа действий на новый период, положительная оценка тем, кто заслужил, резкая и всегда объективная и справедливая критика недостатков и конкретных лиц допустивших их, конкретные, глубоко продуманные пути исправления.

Для нас, особенно молодых секретарей райкомов и горкомов партии да и всего партийного актива, эти доклады были школой познаний, учили нас, как надо работать, оценивать обстановку и решать по-данияловски все вопросы. Это была академия. Он для нас был учителем, старшим товарищем, образцом поведения и отношения к делу. Он был очень требователен и строг, но в то же время внимателен и заботлив. Несмотря на то, что он нередко поругивал нас, но это всегда было справедливо и по делу. Не только мы, близко работающие, глубоко уважали и любили его, но его глубоко уважал и любил весь партактив, весь дагестанский народ, разве лишь кроме тех, кому не по душе была Советская власть, да разгильдяев. Мы, секретари, частенько обменивались мнениями и были единогласны в оценке.

Абдурахман Даниялович был человеком большого ума, твердого характера, всесторонне развитый и высококультурный человек, глубокий аналитик и непревзойденный практик. Его научные труды и плодотворная практическая деятельность являются свидетельством тому.

Он - человек большого государственного масштаба, убежденный интернационалист и великий патриот своей Родины. По-моему, это неоспоримо.

Помню, когда в 1956 году, после разоблачения культа личности И.В. Сталина, развернулась кампания по сносу памятников и убирацию со всех общественных мест его портретов, ко мне в Буйнакск (в то время я уже работал первым секретарем горкома партии) заехали Абдурахман Даниялович с инспектором ЦК партии Зодионченко (сподвижник Н.С. Хрущева по работе на Украине). Заехали они без предупреждения - по пути в горные районы.

...Открылась дверь кабинета и в дверях показались: впереди Зодионченко, а за ним Абдурахман Даниялович. Только зашли они в кабинет, как вдруг Зодионченко остановился и дальше не пошел. Я встал из-за стола и иду к ним навстречу. Вдруг Зодионченко, не здороваясь, разразился гневным криком: “Даниялов, мы куда с тобой попали. В кабинет секретаря горкома партии или в музей по выставке портретов великих вождей?” (иронически). И ко мне: “Почему не убрали портрет Сталина? По всей стране убирают, а здесь нашелся умник, он уже политики партии не понимает. Как такие секретари могут руководить городом?” А у меня в кабинете на стене висел великолепный портрет И.В. Сталина во весь рост в форме генералиссимуса. Не давая сказать ни слова ни мне, ни Даниялову, он продолжал в том же духе еще минуты 2-3, а потом резко бросил: “Убрать!” Стараясь как можно спокойнее, я ответил: “Товарищ Зодионченко, я такого решения ЦК партии не читал и не видел, а как прочту, сразу же уберу”. “Убрать!” - снова грозно проговорил он и больше, не говоря ни слова, вышел из кабинета, будто вся цель его визита заключалась в ревизии, убраны ли портреты И.В. Сталина.

Абдурахман Даниялович немного задержался и говорит: “Федор Иванович, убери, а то будут неприятности. На обратном пути заедем, чтобы портрета не было”. Я ответил: “Абдурахман Даниялович, я не

уберу, ведь в самом деле, решения ЦК по этому поводу нет, а по собственной воле убирать душа не лежит и разум не позволяет, а потом, в обкоме партии в коридоре тоже висит портрет И.И. Сталина, по пути в орготдел..." "Не может быть, - говорит он, - позвони Колесникову (это был второй секретарь обкома) и скажи, чтобы убрали. Передай о состоявшемся здесь разговоре". Они уехали, а я тут же позвонил Колесникову и сообщил о поручении Даниялова.

Портрет И.В. Сталина я не убрал и стал ждать разгона и сурового наказания. Прошло несколько дней, нас пригласил к себе А.Д. Даниялов по какому-то вопросу. Когда все разошлись, он попросил меня остаться и спросил: "Портрет убрал?" Я отвечаю: "Нет". Он ничего не сказал, только как-то пристально, по-отечески посмотрел на меня и сказал: "Иди!" Окольными путями я узнал, что у него был неприятный разговор с Зодионченко, который требовал наказать меня, но Абдурахман Даниялович защитил меня, взяв удар на себя. Вот таков был весь Абдурахман Даниялович!

В 1960-1963 годах я работал председателем Махачкалинского горисполкома и хорошо помню, когда Даниялов, несмотря на всю свою занятость, находил время заниматься городскими делами, вникать во все вопросы городского хозяйства. Его интересовало в городе все: строительство жилья, реконструкция парка им. С.Стальского, ход работы которого он контролировал лично, подготовка пляжа к сезону, строительство путепровода через железную дорогу у первого рынка, отсутствие которого сдерживало движение транспорта, благоустройство дорог, улиц и парков, работа системы водоснабжения и канализационного хозяйства и многое другое. Произошла задержка со строительством путепровода, он тут же делает звонок бывшему министру путей сообщения Бещеву и дело сдвинулось.

Произошла задержка с выделением материальных ресурсов на реконструкцию сквера Сулеймана Стальского, Абдурахман Даниялович делает поручение тогдашнему председателю Госплана ДАССР Езнаеву и вопрос немедленно решается. Четко, оперативно, действительно решались большие и малые вопросы. Поручение, контроль, доклад о сделанном, проверка сделанного. Четко, целеустремленно, по-деловому. Строгий спрос за исполнение поручений и тут же необходи-

мая помощь. Но бездельников и демагогов он не терпел и за нерадивость сильно спрашивал. И, если уж он что-то сказал, обязательно будет сделано. С ним легко работалось. Это был необыкновенный руководитель.

А в быту он был прост и доступен, внимателен и заботлив. Помню такой случай, который характеризует его как человека большой и доброй души.

Как-то мы с приятелем, заместителем отдела сельского хозяйства (в те годы) В.И. Гололобовым, были на рыбалке на Аграхановском заливе. На базе охотничье-рыболовного общества "Кут" лодки, чтобы выйти в залив на открытые плесы, у егерей не оказалось. Тогда один из егерей предложил воспользоваться катером Абдурахмана Данияловича, стоящим у причала, заявив уверенно, что его в этот воскресный день не будет. Ранним утром нас отбуксировали в залив километра за полтора от берега, пообещав приехать за нами часам к 14-15. Прошло 3-4 часа и в самый разгар клева мы услышали гул моторной лодки и увидели, как она на бешеной скорости мчится к нам. Егерь кричит нам, чтобы мы побыстрее собирали удочки, приехал Абдурахман Даниялович. Мы сразу почувствовали себя неуютно на чужом катере.

Когда подошли к причалу, там на берегу увидели прохаживающего Даниялова. Нам было неудобно и стыдно, что заставили его ждать. Сошли на берег, подошли к нему, поздоровались и стали извиняться. Но вместо ожидаемой взбучки мы встретили дружеское рукопожатие. Затем он стал спрашивать, как клев, какую приманку лучше использовать, на каких плесах лучше останавливаться, на какую глубину устанавливать поплавок и т.д., и т.п., то есть обо всем, что касается рыбалки. Пригласил нас поехать с ним на катере. Мы встретили не большого и важного начальника, а милого, доброго человека, прекрасного собеседника и знающего рыбака. Простой доступный и обаятельный человек. И кто бы мог подумать, что это первый секретарь обкома, большой государственный человек. Таков был Абдурахман Даниялович Даниялов. Таким он мне запомнился на всю жизнь.

У.М. Гимбатова,
ветеран партии и труда,
г. Буйнакск

ЕГО НАЗЫВАЛИ ГОРНЫМ ОРЛОМ

Судьба подарила мне счастье встречаться со многими замечательными людьми своего времени. Каждый из них – Личность, о каждом можно написать книгу. Особое место среди них занимают мои встречи с верным сыном Дагестана Абдурахманом Данияловым, с этим удивительным человеком.

Я знала Абдурахмана Данияловича с 1951 года, с самого начала моей работы в партийных органах. Этот человек был олицетворением физического и духовного совершенства.

1957 год. В Махачкале проходила областная партконференция, где я, тогда завженотделом Левашинского райкома, была делегатом. Доклад Даниялова. Это был не только документ, вобравший в себя все насущные проблемы республики, но и образец ораторского искусства: он часами мог говорить без бумажки, ни разу не повторяясь, и слушать его было одно удовольствие.

После конференции Даниялов с инспектором ЦК партии Колосовым и мной поехал в Леваши. Проезжая через село Урма, он остановил машину и вместе с Колосовым зашел в несколько домов. Это надо было видеть: как внимательно он слушал людей, как расспрашивал о жизни. Нищета, убогость жилищ произвели на него удручающее впечатление, он понимал, какую колоссальную энергию и труд надо приложить, чтобы вытащить людей из бедности, грязи и бескультурия.

В 1962 году, после окончания Высшей партийной школы, я снова встретилась с ним.

Это был период, когда по всей стране шло укрупнение колхозов. Даниялов предложил мне возглавить колхоз в моем родном селе. На мои возражения о том, что я женщина, что могу не справиться, он ответил: “Кого же я пошлю, Умахайбат, в колхоз, названный именем Гимбатова Магомед, если не его дочь?”

Эти слова придали мне решительности, и я стала председателем колхоза сел. Урма. Моему колхозу Абдурахман Даниялович оказал большую помощь: мы получили все необходимое - комбайны, тракторы, даже персональный “газик”. Колхозу очень нужны были прикутаные земли для выпаса скота. В тот день, когда был подписан документ, передающий нашему колхозу кутан Сарису, он пошутил: “А ты упорная: выставляешь тебя в дверь – ты появляешься в окне”.

Говорили, что Сталин называл его горным орлом. Может, это было сказано Сталиным, может, кем-то другим, но слова эти – высокая оценка жизни и деятельности человека, который жил для своего народа и оставил в сердце этого народа гордость за него.

Р.И. Джамбулатова,
зам. Председателя Комитета РД
по архивам

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ ПО ПРИЗВАНИЮ, НАСТОЯЩИЙ ГОРЕЦ ПО НАТУРЕ

Я низко склоняю голову перед памятью Абдурахмана Данияловича. Это не эмоции, а поздняя благодарность человеку, очень много сделавшему для дагестанского народа и Дагестана. В судьбе многих людей он оставил добрый след. Не исключение и члены нашей семьи: отец Иса, брат Шихсаид, муж Магомед. В их росте и становлении как руководящих работников республики он сыграл неоценимую роль. Он был человеком высокой культуры, всегда корректен с людьми, очень внимателен к ним. Растил их, как садовник выращивает цветы, лелеял, направлял, подсказывал. Если работник его аппарата с пониманием относился к работе, умел воспринимать критику, дорога ему была открыта дальше.

Мне, к сожалению, не пришлось работать с Абдурахманом Данияловичем. Однако я много лег работала в архиве Дагестанского обкома партии, знакома со всеми его докладами, начиная с конца 30-х годов, личными документами и могу дать хотя бы схематический портрет

выдающегося сына дагестанского народа, доброго и душевного человека ученого и патриота Абдурахмана Данияловича Даниялова.

Село Ругуджа Андалалского участка Гунибского округа в 1937 - 1944 годах было районным центром. Оно славилось прекрасными людьми. Это Анхил Марин, не терпящая лжи, вольнодумная поэтесса, боровшаяся за справедливость, воспевавшая свободу, и смело бросившая вызов обществу. В эту же эпоху в Ругуджа жил и другой талантливый человек: музыкант, певец, поэт, атлетически сложенный, стройный красавец Эльдарилав. Его жизнь закончилась трагически. Бесценные произведения этих двух талантливых людей ушли в прошлое, оставив после себя лишь отдельные кусочки, которые передаются из поколения в поколение.

В конце августа 1908 года в разгар жатвы в этом же селении у Данияла и Марин родился первенец, которому дали имя Абдурахман. Когда Абдурахману исполнилось шесть лет его отдали в мектеб к Хапизу – дедушке по матери, который занимался воспитанием и учебой внука. Дед Хапиз был полностью слепым, но очень хорошо знал суры Корана. Это восхищало маленького Абдурахмана. В течение одного года мальчик выучил наизусть Коран.

В девятилетнем возрасте Абдурахман потерял отца. В семье он остался старшим, были еще младшие брат и сестра. Огромная ответственность за их судьбы легла на его еще не окрепшие плечи. Это был 1917-й год - время больших и сложных перемен по всей стране, и в частности в нашей республике. Детей взял на воспитание дедушка со стороны отца – Амирхамза. Гражданская война, голод, разруха и лишения 1918 –1920 годов принесли много страданий и дагестанскому народу.

В 1919 году умер и Амирхамза. В своих воспоминаниях Абдурахман Даниялович пишет: “Все, что было у нас из живности, либо продали, либо зарезали, и в наступившем 1920 году мы все трое жили почти на одном толокне и то не в достатке. К весне 1921 года мы стали голодать и превратились в дистрофиков, голодная смерть стала неминуемой перспективой”.

Молодая Советская власть в первую очередь проявила заботу о детях-сиротах. Впервые в Дагестане в селении Чох в одном из конфискованных домов богача Мамалава был открыт детский дом, и

все дети Данияловых были определены в этот дом на полное государственное обеспечение. Их одели, обули и досыта накормили. Абдурахман здесь почувствовал заботу бывших красных партизан Муртазали Сагитила и Шарап-Хаджи Давуда - воспитателей детского дома - о себе и всех детях, независимо от их национальной принадлежности.

В 1922 году Чохский детдом перебазировался в окружной центр Гунибского округа село Гуниб. В то время в крепости Гуниб дислоцировалась воинская часть под командованием русского офицера Никитина, к которому горцы относились с большим уважением. Он, в свою очередь, старался соблюдать обычаи и традиции горцев, внимательно относился к населению Гуниба, особенно к детям. Ежедневно на центральной площади Гуниба проходили строевые занятия красноармейцев, вызывавшие большой интерес жителей, особенно детей из детского дома. Они часами наблюдали за красноармейцами и вскоре сами стали маршировать, а командиром “строевых занятий” был Абдурахман, который не совсем правильно отдавал команды по-русски. Никитин решил помочь их занятиям и выделил красноармейца, который разъяснял ребятам значение подаваемых команд, учил произносить русские слова. Вскоре дети научились всему и с большим удовольствием проводили свои занятия.

В начале 1923 года Наркомпрос ДАССР командировал в Гуниб инспектора Саида Омарова для отбора детей в Буйнакский интернат горцев. Уже весной того же года Абдурахман со своим младшим братом Гаджи-Али и еще несколькими ребятами на военном фургоне в сопровождении красноармейца из воинской части, выделенного Никитиным, были доставлены в Буйнакск.

Проучившись в интернате год, Абдурахман продолжал учебу в педагогическом училище. Летом учащиеся разъезжались на летние каникулы, а Абдурахман оставался в интернате, чтобы заниматься русским языком.

Тогда в центре города, на главной площади, возвышалась красивая церковь, а чуть выше стояло здание первого Дагестанского педагогического училища, напротив которого располагался интернат горцев. К сожалению, этих зданий сейчас в Буйнакске нет. Церковь, как и многие другие культовые сооружения, была снесена в период так на-

зываемой антирелигиозной пятилетки и функционирования “Общества безбожников”.

У Абдурахмана было излюбленное место в сквере около церкви, куда он отправлялся с учебником русского языка. Однажды там его заметил Эффенди Капиев и взял шефство над мальчиком, которое продолжалось очень долго. Здесь же Абдурахман познакомился и с будущим Героем Советского Союза Магомедом Гаджиевым.

В этом же году он вступил в комсомол, перестал молиться, хотя, как пишет сам Абдурахман, “еще был далек от материалистического миропонимания блаженства рая и мучения ада. Временный характер жизни на земле и вечность бытия на том свете, “предопределенность судьбы каждого еще крепко занимали мой внутренний мир, хотя над какими-то догмами я уже начинал думать”.

Обучаясь в Буйнакском педагогическом техникуме, Абдурахман знакомится с произведениями классиков литературы: Тургенева, Гончарова, Толстова, Пушкина, Лермонтова. Особо увлекается общественными дисциплинами, любил комсомольскую работу. В 19 лет он был принят кандидатом в члены партии, а в апреле 1928 года избран в состав Буйнакского райкома комсомола. В мае 1928 года Абдурахман Даниялов окончил педагогический техникум и получил свидетельство за № 639 о присвоении квалификации “преподавателя школ I степени и соответствующих групп школ-семилеток”. Свидетельство это хранится в нашем краеведческом музее.

Обком ВЛКСМ направил Абдурахмана в распоряжение Гунибского окружкома партии, где его утвердили секретарем. Это были годы перехода крестьян к коллективной форме ведения хозяйства, преобразования мелких крестьянских хозяйств в крупные коллективы исключительно на добровольной основе. Решать эти задачи в условиях Дагестана было сложно. Комсомол выступал активным помощником партии, хотя и допускались ошибки и промахи. В Дагестане не была завершена аграрная революция. Абдурахману Данияловичу, только что окончившему техникум, решать многие вопросы удавалось с трудом. Ему помогали студенты-дагестанцы, возвращавшиеся на летние каникулы из Москвы, в частности, студенты Института Красной професуры – Юсуп Шовкринский и Абдурахман Кадиев, которые выступали на многолюдных площадях г. Буйнакска.

Впоследствии Абдурахман писал: “Каждая встреча с Юсупом Шовкринским пробуждала стремление больше знать, быть похожим на него, т.е. уметь также говорить по-русски, знать основы ленинизма, быть полезным партии и трудовому народу”.

Годы работы Абдурахмана Данияловича секретарем Гунибского окружкома партии (1928-1929) были годами становления его как общественно-политического деятеля. Большое влияние оказали на него секретарь окружкома ВКП(б) Магомед Гитинов из Хунзаха, впоследствии первый заместитель председателя Правительства Дагестана, председатель окружного исполкома Магомед Абашилов из Согратля, председатель Рабоче-крестьянской инспекции Магомед Мутаев из Мереба. Все три Магомеда в свое время с оружием в руках боролись за Советскую власть в Дагестане. Их характеризовали беспредельная преданность партии и государству, стремление отстаивать интересы народа, общительность, отзывчивость, умение говорить просто и доходчиво, выслушать других.

Работа в окружкоме партии совпала с компанией по упразднению округов (1928) и организации районов. Соответственно создавались партийные, комсомольские и советские районные органы, а для этого нужно было ездить по всем бывшим округам, теперь это были Гунибский, Гергебильский, Кахибский, Чародинский и Тлярятинский районы. Абдурахман уже тогда не был просто кабинетным работником, считал необходимым успеть везде. Глубокие ущелья, бездорожье, отвесные скалы не пугали его. Он добирался до пункта назначения как мог: где верхом на лошади, где пешком, иногда приходилось добираться, разгребая руками снег.

Весной 1929 года Абдурахмана Данияловича избирают членом пленума и заведующим агитационно-пропагандистским отделом Дагестанского обкома ВЛКСМ. За годы работы в обкоме ВЛКСМ ему часто приходилось встречаться с такими выдающимися людьми республики, как Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, Ю. Шовкринский, М. Далгат и др.

Летом 1930 года Абдурахману, наконец, удалось получить согласие родителей своей любимой Хадижи на женитьбу. Одним из условий было обещание А.Д. Даниялова получить высшее образование в одном из столичных вузов. Такая возможность вскоре

представилась, и в числе парттысячников от Московской партийной организации он был зачислен на факультет гидротехнического строительства Московского института инженеров водного хозяйства.

Москва дала Абдурахману очень много. Пять лет напряженной учебы здесь не прошли даром. У него появилась возможность ознакомиться со всемирной культурой, пополнить свои знания в крупнейших и специализированных библиотеках, слушать лекции выдающихся ученых по избранной специальности. Он был одним из лучших студентов института: избирался секретарем факультетской ячейки ВКП(б), членом бюро вузовской парторганизации, председателем профкома института, ответственным редактором многотиражной газеты. За хорошую учебу неоднократно награждался грамотами, ценными подарками: отрезом на костюм, денежными премиями, путевками в санаторий и дома отдыха.

Получив диплом инженера-гидростроителя, в 1936 году Абдурахман Даниялович возвращается в родной Дагестан и его назначают помощником главного инженера Управления водного хозяйства Наркомата земледелия ДАССР. Знания, полученные в Москве, позволили ему в корне изменить отношение руководства республики к строительству водохозяйственных объектов.

По его предложению впервые при Наркомате был организован специальный отдел ирригации водоснабжения горных районов республики. Вновь созданный отдел доверили Абдурахману Данияловичу. На этом участке работы он показал себя вдумчивым специалистом, его предложения были вескими и зрелыми. Двухлетняя работа на этом посту не осталась незамеченной.

В феврале 1937 года Абдурахман Даниялов был назначен народным комиссаром земледелия республики. Здесь проявился его яркий талант организатора и руководителя. Сразу же была выдвинута идея о необходимости укрепления горных районов, выделения колхозам этих районов пастбищ на плоскости и организация прикутанских хозяйств. Решение этого вопроса значительно подняло доходность колхозов горных районов, укрепились их материальная база, улучшилась жизнь колхозников.

Настоящая перестройка сельского хозяйства, особенно в области животноводства, началась именно в период работы Абдурахмана Данияловича на посту наркома земледелия ДАССР. Все, что он задумал, не оставалось на бумаге, а претворялось в жизнь. По его инициативе была проведена широкая метизация скота, и, как результат, получено резкое увеличение поголовья, настрига шерсти и других показателей.

В 1939 году Абдурахман Даниялович был утвержден заведующим сельскохозяйственным отделом, а вскоре и секретарем обкома партии, курировавшим сельское хозяйство. И на этих высоких должностях Абдурахман Даниялов проявил яркий талант организатора. Принимаемые в этот период решения обкома партии способствовали дальнейшему развитию не только сельского хозяйства, но и промышленности по переработке его продукции. В эти годы обком принимает экстренные меры по устранению недостатков в работе наркоматов и райисполкомов, партийных, советских и хозяйственных органов, повышению их организаторской роли и ответственности в хозяйственной жизни республики, в деле проведения в жизнь решений центральных органов партии и правительства.

Было у Абдурахмана Данияловича свое личное мнение по поводу репрессий в республике 1937-1938 годов. С определенным риском для себя он выступил против исключения из партии Д.Шанавазова, Х.Ибрагимова, А.Алиева, Р.Гаджиева и других.

Аресты руководителей республики, сведение личных счетов, смещение с постов – все превращалось в разгром и истребление кадров, интеллигенции в республике. На одном из бюро обкома партии рассматривался вопрос о наркоме здравоохранения республики Кумаритове. Абдурахман Даниялович, почувствовав предвзятость обвинений, проголосовал против исключения наркома из партии, таким образом он выполнил свой долг коммуниста и остался чист перед собственной совестью. Избежать ареста Кумаритову не удалось, но из-за отсутствия доказательств вины, он был оправдан судом. То же самое произошло и при рассмотрении персонального дела Магомед Гитинова, работавшего тогда (октябрь 1937 г.) первым заместителем Председателя правительства ДАССР. На заседании бюро обкома партии Абдурахман Даниялович выступил в его защиту, назвав его честным и кристально чистым коммунистом:

“Гитинов такой же буржуазный националист, как я – китайский император”, - сказал он. Однако М.Сорокин, работавший тогда вторым секретарем обкома партии оборвал его: “Мне надоело с тобой цацкаться, не смей больше на бюро против мнения большинства выступать”. Сам Абдурахман Даниялович чудом избежал ареста. Все эти факты он подтвердил в своем выступлении на IV пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) от 7 января 1939 года вскоре после разоблачения и ареста наркома внутренних дел В.Г.Ломоносова: “...Я не буду говорить, я тоже член бюро и член бюро старого состава, я не буду определять сам свою вину, я согласен с товарищами, что не только беспечность, но и беспечность, смешанная с определенной боязнью, по существу была проявлена, хотя по ряду вопросов (товарищи знают) тоже оставался в единственном числе при решении вопроса на бюро...” Несмотря на все попытки защитить своего наставника и большого друга Магомеда Гитинова Даниялову не удалось. 15 декабря 1939 году его приговорили к 15 годам лишения свободы, потом этот срок был заменен на 10 лет. В 1947 году М. Гитинов был освобожден, однако вскоре его снова арестовали. Лишь в 1954 году был амнистирован, а через год умер.

В январе 1940 года А.А. Даниялова назначают Председателем Совнаркома Дагестанской АССР. Все эти должности были связаны с работой агропромышленного комплекса республики, руководить которыми нельзя было сидя в кабине. Он постоянно находился в разъездах. Совещания и активы проводились на выезде. Постоянно встречался с заведующими районными земельными отделами, председателями колхозов, бригадирами, заведующими фермами, доярками - передовиками сельского хозяйства.

Пожалуй, не было ни одного района республики, куда бы ни ступала нога Абдурахмана Данияловича. Это пыльные, почти разбитые непроходимые, особенно после дождя, дороги Бабаюртовского района, засушливые поля Дербентского, Карабудахкентского и Каякентского районов, труднопроходимые тропы высокогорья.

Тяжелая ноша легла на плечи А.Даниялова в годы Великой Отечественной войны. Будучи главой Правительства ДАССР, он развернул огромную работу по возведению оборонительных сооружений, по приему и размещению на территории республики эвакуированно-

го населения, промышленных предприятий, учебных заведений, сельскохозяйственных животных.

12 августа 1942 года в г. Орджоникидзе состоялся митинг народов Северного Кавказа, где выступил Абдурахман Даниялович. Он уверил присутствующих в преданности дагестанцев Советской власти, готовности защищать ее от посягательств фашистских орд. Он осуждал трусость и предательство. Для борьбы с антиобщественными явлениями в соответствии с постановлением Махачкалинского комитета обороны 27 октября 1941 года были организованы истребительные отряды.

В сентябре 1942 года ЦК ВКП(б) в Дагестан был направлен первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б) Азиз Мамедкеримович Алиев из Азербайджана. Абдурахман Даниялович глубоко уважал Азиза Мамедкеримовича за его прекрасное отношение к дагестанскому народу, за то, что он полностью опирался на местный актив, доверял ему и воспитывал, создавая в организации атмосферу сплоченности, дружбы, творчества. Вместе с Алиевым из Азербайджана приехали еще 16 коммунистов. Впоследствии они оставили Дагестан – одни по своей воле, другие – вынужденно. В воспоминаниях Абдурахмана Данияловича по этому поводу сказано: “В том, что такая группа работников в 1942 году была переброшена в Дагестан, как это выяснилось впоследствии, у Багирова, оказывается, были далеко идущие цели, мы об этом не подозревали, в том числе и Азиз Алиев».

С начала 1942 года в Дагестан частенько наведывался член Военсовета Закавказского фронта Багиров – для ознакомления с дислоцированной на линии Буйнакск - Кизилюрт Азербайджанской дивизией (416).

В 1943 году после Тегеранской конференции глав государств антигитлеровской коалиции Багиров при встрече передал мне разговор со Сталиным при проследовании поезда по территории Дагестана. Описав трудности, которые испытывал Дагестан, Багиров высказал мысль о передаче или присоединении республики к Азербайджану. И.В. Сталин спросил: “А как отнесутся дагестанцы к такому предложению?” Багиров ответил: “По-моему, неплохо”. Однако слух о намерениях азербайджанского руководства быстро распространился среди актива и особенно после переброски большой группы активистов

дагестанского и недагестанского происхождения на руководящую работу из Баку в Дагестан.

В этот же год приехал в Дагестан начальник Ленинградской школы подплава контр-адмирал Скрыганов (школа была эвакуирована в Махачкалу). Обсуждая проблемы республики, он обратился к Абдурахману Данияловичу: “Ты ориентируйся не на юг, а на север – на Москву”. И когда позднее Абдурахман Даниялович обсуждал вопрос присоединения Дагестана к Азербайджану, он резко отрицательно отнесся к постановке Багировым такого вопроса.

С самого начала и до конца войны А. Даниялов вел переписку с фронтовиками, заботился об их семьях, создал фонд помощи семьям фронтовиков.

Как заместитель председателя Махачкалинского комитета обороны и член Военного совета 44-й армии вместе с Азизом Алиевым, Адильгереем Тахтаровым выезжал в воинские части, беседовал с бойцами, вручал им подарки. Старшему поколению, участникам Великой Отечественной войны, хорошо известны его яркие выступления на антифашистском митинге народов Кавказа в Орджоникидзе (ныне Владикавказ) 12 августа 1942 года и 29 августа того же года в Махачкале. Он разоблачал реакционную политику руководителей германского вермахта, направленную на уничтожение народов, населяющих Кавказ. По его инициативе город Махачкала был превращен в неприступную крепость.

Самым тяжелым временем Отечественной войны для Дагестана и для А. Даниялова были дни, когда враг непосредственно приблизился к границам республики, когда по постановлению союзного Правительства в феврале-марте 1944 года народы Северного Кавказа выселились со своих родных мест. Многие руководители нашей республики впоследствии отмечали, что дагестанские народы остались невыселенными, только благодаря секретарю Дагестанского обкома партии Азизу Алиеву и председателю Совнаркома Абдурахману Даниялову.

А. Даниялов увидел в Алиеве большого интернационалиста, видного политического деятеля.

А. Даниялов приложил много усилий к освоению территорий упраздненной Чечено-Ингушской республики в условиях, когда свирепствовали малярия и тиф. Для руководителя республики очень важно

было, чтобы эти земли не пустовали. В результате его неоднократных обращений в союзное и федеральное правительства Дагестан получил помощь продовольствием, семенами, медикаментами и др.

С 1944 года в республике наметился значительный рост промышленного производства, увеличение продукции сельского хозяйства, за что ДАССР в декабре было присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны СССР. Вторично Красное знамя республике было присуждено в апреле 1943 года, теперь уже за достижения в области животноводства.

После войны Абдурахманом Данияловичем была проведена огромная работа по переводу промышленных предприятий Дагестана с выпуска военной продукции на выпуск товаров народного потребления. Были реконструированы и модернизированы заводы им. М. Гаджиева и им. Слепнева в Махачкале, завод “Дагестанские огни”, кирпичный в Хасавюрте. Быстрыми темпами развивалась нефтяная промышленность, были открыты месторождения в Избербаше, здесь началось строительство объектов жилья и соцкультбыта.

В конце 1948 года первый секретарь Дагобкома партии Азиз Магомедович Алиев был отозван в ЦК на годичные курсы руководящих работников. Первым секретарем обкома партии был утвержден А. Д. Даниялов. На пленуме обкома партии, состоявшемся 3 декабря 1948 года, Азиз Алиев так характеризовал А. Даниялова: “Первые три года нашей совместной работы проходили в суровые времена Великой Отечественной войны, когда враг рвался к Дагестану и к Бакинской нефти...”

Последние три года проходили в условиях послевоенного мирного строительства, когда усилия партийной организации и всех трудящихся были направлены на выполнение и перевыполнение плана послевоенной четвертой пятилетки... Товарищ Даниялов на протяжении восьми лет возглавлял правительство нашей республики. Работа Даниялова в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы неоднократно получала высокую оценку нашей партии, правительства, и нет сомнения, что он полностью обеспечит руководство областной организацией. «В ответном слове Абдурахман Даниялович поблагодарил ЦК ВКП(б), областной комитет партии за оказанное ему доверие, выразил надежду, что все его действия на посту первого сек-

ретаря обкома партии “найдут поддержку и понимание со стороны пленума, бюро и актива партийной организации, на которую он рассчитывает и не пожалеет сил, чтобы оправдать это доверие партии”.

Годы работы Абдурахмана Данияловича на посту первого секретаря Дагестанского обкома партии были для него самыми тяжелыми, но в то же время и самыми плодотворными. Были решены многие вопросы переселения горцев Дагестана на равнину с выделением земельных участков и строительством целых поселков в местах переселения. Много пришлось работать А.Даниялову по вопросу оценки движения горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством имама Шамиля, а также после принятия известного постановления ЦК КПСС (1956 г). “О преодолении культа личности Сталина и его последствий”. Напряженно работало бюро обкома партии под председательством А.Даниялова в эти годы. Одними из первых были реабилитированы те, кто с ним работал в 30-е годы К.Мамедбеков, М.Далгат, Н.Самурский, Д.Саидов, М.Гитинов, Ю.Шовкринский, И.Алиев, Ю.Кабукаев и др.

В 1957 году были восстановлены права чеченского и ингушского народов в воссоздании своей государственности, связанные с их реабилитацией. Абдурахману Данияловичу удалось решить многие проблемы, связанные с расселением чеченского народа, высланного с территории Дагестана и возвращаемого в эти годы. Однако эти сложные вопросы до конца решить ему не удалось, и они до сих пор являются камнем преткновения.

А. Даниялов внес большой вклад в развитие народного образования республики. По его инициативе был заново создан Дагестанский госпединститут. За подписью А.Даниялова ему были переданы здания школы № 6 и корпус на проспекте Кирова (ныне Гамидова).

В 1966 году республика отмечала 100-летие со дня основания г.Буйнакск. Абдурахман Даниялович на юбилейных торжествах родного для него города отмечал, что трудящиеся Буйнакск добились больших успехов в промышленности, науке, культуре, образовании, в строительстве жилья и объектов соцкультбыта. Подчеркнул немалую заслугу в этом руководителей города Ш.И. Шихсаидова, М.М. Гаджиева и других.

В 1967 году в ЦК партии, в региональных партийных организациях развернулась настоящая борьба за власть и начались перемеще-

ния кадров. А. Даниялов решил уйти с поста первого секретаря обкома партии. Первым секретарем стал М.-С.И. Умаханов, а А.Д. Даниялов был утвержден в должности Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР, где проработал до сентября 1970 года, после чего перешел на научную работу в Москве.

Состоялась встреча нашей матери Солтанат, коммуниста с большим партийным стажем с Абдурахманом Данияловичем, которую она запомнила на всю жизнь и о которой часто рассказывала родным и близким.

В начале 60-х годов А. Даниялов рекомендовал моего незабвенного брата Шихсаида на должность первого секретаря объединенного тогда Буйнакского горкома и райкома партии. Узнав об этом, мама решила предотвратить переезд своего сына, работавшего тогда в Махачкале, в Буйнакск, аргументируя тем, что Шихсаид слишком молод, да и в своем районе много родных, друзей и знакомых, просьб будет много, отказать он никому не сможет, а люди могут его подвести. Решила оградить своего сына от неприятностей и пошла к Даниялову домой с просьбой не направлять сына в Буйнакск.

Абдурахман Даниялович выслушал ее и, нежно обняв за плечи, сказал матери: “Не беспокойся, Солтанат. Я буду внимательно следить за ним, помогать ему и доверься мне”. Потом добавил: “Первый раз ко мне обратилась мать с просьбой не выдвигать на руководящую работу своего сына”.

По рассказам покойного брата Шихсаида, и у него был интересный разговор с Абдурахманом Данияловичем. Будучи первым секретарем Буйнакского горкома и райкома партии, Шихсаид постоянно находился в разъездах по району, посещал заводы и фабрики, собирал материал о знатных людях районов и городов. В свободное от работы время писал очерки, печатался в республиканской и районной прессе. Однажды после совещания А.Даниялов задержал Шихсаида и, раскладывая перед ним вырезки из газет, спросил: “Ты знаешь, что это такое? Это твои статьи о знатных людях. Я тебя направил в район на партийную или журналистскую работу?” “И на ту, и на другую. Это один из моих методов поощрения людей”, - ответил Шихсаид. Оба рассмеялись, и на этом разговор закончился.

После ухода на пенсию Абдурахман Даниялович занялся наукой. К этому времени им был опубликован ряд трудов по аграрным вопросам, строительству социализма в Дагестане, такие как: “Колхозный аул Дагестана в годы Великой Отечественной войны” (1946), “Очередные задачи в области развития сельского хозяйства ДАССР” (1948), “Мичуринская биологическая наука и очередные задачи развития сельского хозяйства Дагестана” (1949), “Советский Дагестан” (1960), “Расцвет экономики и культуры народов Дагестана” (1961), “О движении горцев Дагестана и Чечни” (1966), “Думы о Стране гор” (Записки секретаря обкома) (1967).

В 1969 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Осуществление ленинской национальной политики в Дагестане”. С 1971 года перешел на работу старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, где опубликовал солидную монографию “Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг. Узловые проблемы” (1975). В 1974 году в Москве состоялась защита докторской диссертации на тему: “Строительство социализма и развитие национальных отношений в Дагестане (опыт перехода к социализму ранее отсталых народов и развития национальных отношений). На примерах Дагестанской АССР”. Доктора исторических наук Г.Ф. Ким, А.Ф. Смирнов, Б.О. Кашкаев – официальные оппоненты - дали высокую оценку диссертации, а совет единогласно проголосовал за присуждение А.Д. Даниялову ученой степени доктора исторических наук.

В последние годы А.Д. Даниялов задумал написать книгу о Кавказской войне и о Махаче Дахадаеве. В 1991 году были изданы его яркие мемуары, так и не завершённые, доведённые лишь до 1948 года.

В 1978 году Абдурахману Данияловичу исполнилось 70 лет. К сожалению, юбилей человека, отдавшего все для республики, прошёл незамеченным. А вот в Институте востоковедения АН СССР, где работал, достойно чествовали юбиляра. Был издан приказ по Институту о премировании А.Д. Даниялова месячным окладом, вручен памятный адрес, подписанный тогдашним директором Института академиком Евгением Максимовичем Примаковым и всеми сотрудниками, с которыми он работал. В памятном адресе А. Даниялов характе-

ризовался как выдающийся партийный и советский работник, учёный, большой интернационалист и настоящий горец.

Была в жизни Абдурахмана Данияловича и классическая любовь к первой красавице Буйнакскса Хадиже. Это был “неравный” брак между “бездомным ругуджинцем” и девушкой из зажиточной семьи с. Чох, где выдача девушки замуж за выходца из другого аула считалась недопустимой. Судьба преподнесла им иногда безвыходные тупики, временные трудности, но верность и чувство большой, взаимной любви помогли преодолеть все тяготы жизни. Хадижа подарила Абдурахману дочь Забиду, ныне кандидат медицинских наук, и трех сыновей: старший – Митхат – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Медицинской Академии, средний – Юсуп – известный драматург и кинорежиссер и младший – Махач – доктор исторических наук, автор ряда работ по истории Дагестана, к сожалению, рано ушедший от нас в мир иной.

О прекрасной любви, об уважении к жене, к семье и детям говорят нижеприведенные отрывки из двух писем Абдурахмана к Хадиже из Москвы.

“Конечно, дорогая Хадижа, давно бы пора нам быть вместе и коротать дни старости, пора бы и мне жить немного для семьи и для себя. К сожалению, и сегодня жизнь моя – это сплошные заботы, переживания и ответственность и больше всего за пределами семьи. Я надеялся, что, уйдя на пенсию, сумею компенсировать все это для тебя, детей, внучат и себя. До сих пор это мне не удалось. Я не жалею о пройденном, я на каждом шагу ощущаю благодарность дагестанцев, и не только их. Думаю, что оставшиеся немногие годы целиком отдам семье, вместе будем воспитывать внуков, помогать детям и думать о здоровье.

Москва, 17 декабря 1974 г.”

Отрывок из второго письма.

“Поставив всю свою жизнь на алтарь Отечества, делая все, чтобы радость, счастье и достаток были достоянием каждой семьи, чтобы молодежь республики выдвигала из своей среды яркие таланты, честных, воспитанных людей, я не сумел привить эти качества своим детям. Полагая, что примера отца достаточно для того, чтобы дети выросли честными, волевыми, трудолюби-

выми и скромными, я мало учил их и не был требовательным в свое время, зато теперь приходится переживать. Я не хочу сказать, что наши дети хуже других, наоборот, каждый из них в чем-то лучше. И все же я не чувствую удовлетворения – они должны были быть безупречными, они должны были быть едины, должны были быть вместе...

*Москва. Центральная клиническая больница.
8 августа 1979 г.”*

Письма эти звучат как бы завещанием не только своим детям, но и всем нам, дагестанцам.

Путь, пройденный Дагестаном, когда у руля республики был Абдурахман Даниялович – это путь многочисленных преобразований, достижений в области промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, образования и искусства, путь превращения Дагестана в высокоразвитую аграрно-индустриальную республику.

А.Д.Даниялов достойно представлял Дагестан как внутри страны, так и за ее пределами. Он вошел во Всемирную энциклопедию как руководитель государства, бессменно руководивший более 30 лет.

Он был большим патриотом своей республики. Под его руководством в Дагестане простроены целые города, рабочие поселки, промышленные предприятия, заводы, фабрики, электростанции, проспекты Махачкалы. Родина высоко оценила заслуги Абдурахмана Данияловича. Он был награжден пятью орденами Ленина (1943, 1944, 1950, 1958, 1965), орденом Отечественной войны 1 степени (1945), орденом Трудового Красного Знамени (1968), многими медалями и Почетными грамотами. Неоднократно, начиная с 1937 года, избирался членом бюро обкома партии, депутатом Верховного Совета ДАССР, кандидатом, потом членом ЦК КПСС (1956-1966 гг.), депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР.

К сожалению, республика еще должным образом не оценила его роль во всех достижениях Дагестана в период его деятельности, ни разу на высоком уровне не отмечались юбилейные даты его жизни, лишь небольшая улица в Махачкале названа его именем. Он заслуживает большего. При нынешних финансовых трудностях страны и республики проведение больших мероприятий и сам Абдурах-

ман бы не одобрил. Но настанет и такое время, когда республика воздаст должное своему великому сыну, интернационалисту и патриоту своей Родины.

А.Р. Исмаилов,

ведущий научный сотрудник Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А. Таго-Годи, доктор исторических наук, профессор

АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Более 90 лет тому назад в одном из красивейших уголков горного Дагестана в семье Данияловых родился мальчик, которому было суждено сыграть огромную роль в судьбе народов многонационального Дагестана. Родители назвали мальчика Абдурахманом.

Я не ровесник Абдурахману, не одноклассник, я появился на свет, когда он окончил Московский институт инженеров водного хозяйства.

В возрасте 12 лет в 1946 году я увидел его впервые в сел. Левашинского района. Нас, учащихся 7 класса Кутишинской неполной средней школы взяли в районный центр на встречу с кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР, Председателем СНК ДАССР Абдурахманом Данияловым и тогдашним первым секретарем ЦК ВЛКСМ Николаем Михайловым.

До приезда в Левашинский район они побывали в Гунибе, и, видимо, на обратном пути в Махачкалу была намечена встреча с трудящимися нашего района. Было зимнее время. Как сегодня помню, Абдурахман Даниялович был в светлом полушубке и на нём была серая каракулевая папаха.

Позже, в 1967 году, будучи аспирантом в Москве, возвращаясь домой в Махачкалу, я оказался в одном вагоне с Абдурахманом Данияловым в нашем фирменном поезде Москва - Махачкала. В нашей беседе с ним я попросил его посодействовать в издании моей брошюры “Дагестан – республика сплошной грамотности”. Он сказал, что-

бы я зашел к нему, если потребуется его вмешательство. Но по этому вопросу мне больше не пришлось его беспокоить, так как работа оказалась в плане Дагестанского книжного издательства, и она была издана в срок. Возможно, что Абдурахман Даниялович попросил, чтобы ее включили в план издательства, выяснять я этого не стал.

В сентябре 1979 года (тогда А.Д. Даниялов работал в Москве старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР) по поручению Специализированного Совета Московского государственного историко-архивного института, я обратился к Абдурахману Данияловичу с просьбой дать его согласие выступить в качестве официального оппонента при защите моей диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему: "Осуществление Советами Дагестана культурно-воспитательной функции в ходе строительства социализма, его упрочения и развития (1921-1961 гг.)". Он выразил согласие быть официальным оппонентом, правда, добавил, что "если ему позволит здоровье" (в те годы, 1979-1980 гг., Абдурахман Даниялович чувствовал себя не совсем здоровым).

В январе 1980 года он специально приехал в Москву на защиту моей докторской диссертации и принял самое активное участие от начала до конца, сделал прекрасное выступление, дал высокую оценку моей работе, присутствующие в зале стоя аплодисментами приветствовали оратора. Защита диссертации состоялась 31 января 1980 года.

Мне бы хотелось здесь привести небольшую выдержку из его выступления при защите.

Отметив актуальность исследованной проблемы, ее новизну и значимость А.Д. Даниялов сказал: "На фоне широкого освещения деятельности Советов в диссертации дается анализ зарождения и развития национальной по форме и социалистической по содержанию литературы и искусства Дагестана. Эти важные стороны деятельности дореволюционных прогрессивных организаций и их органов печати (Социалистическая группа, Агитпросветбюро, "Замана", "Танг-Чолпан", "Лудильщик", "Заря Дагестана"), выступления в этих органах печати Махача Дахадаева, Саида Габиева, Д.Коркмасова и других... Научно-практическое значение диссертации, помимо фактического, извлеченного из многих источников и научного их обобщения, заключается в том, что она без лакировки показывает путь, который

прошел Дагестан от патриархальщины к расцвету социалистической культуры, развитой экономике. На этом пути были и ошибки и промахи. Идущие за нами должны их избегать...

Думается, что диссертация выиграла бы, если бы в ней было уделено больше внимания освещению роли комсомола в ликвидации неграмотности, развитию физкультуры и спорта...

Среди мероприятий Советов в годы Великой Отечественной войны следовало бы отметить создание истребительных батальонов, партизанских отрядов, сбор средств на строительство танковой колонны "Шамиль", эскадрилей боевых самолетов, бронепоездов, формирование кавалерийского эскадрона, стрелковых дивизий, помощь эвакогоспиталям и многое другое".

Конечно же, при издании книги пожелания и рекомендации Абдурахмана Данияловича были максимально учтены. Вышедшая в 1985 году в издательстве Ростовского-на-Дону государственного педагогического института книга "Культурная революция в Дагестане: исторический опыт и современные проблемы" стала учебным пособием по спецкурсу для студентов исторических факультетов вузов Северного Кавказа.

В апреле 1980 года я посетил Абдурахмана Данияловича в Махачкале и сообщил ему радостную весть об утверждении Высшей Аттестационной Комиссией при Совете Министров СССР решение Специализированного Совета МГИИ о присвоении мне ученой степени доктора исторических наук. Абдурахман Даниялович очень обрадовался и вручил мне на память позолоченные запонки и такой же зажим к галстуку, которые я храню как ценную реликвию и память о глубокоуважаемом человеке.

Абдурахман Даниялович Даниялов был крупным государственным и общественным деятелем, взявшим на себя большую ответственность, занимая высокие должности в республике и являясь членом Военного совета 44-й армии в годы войны.

Люди старшего поколения, наверное, помнят антифашистский митинг народов Северного Кавказа 13 августа 1942 года в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), когда враг стоял у ворот Дагестана.

Над могилой героев, над прахом отцов и братьев, погибших в борьбе за власть Советов в годы гражданской войны от имени дагес-

танского народа Председатель Совнаркома ДАССР Абдурахман Даниялов обратился ко всем народам Кавказа: “Гордые и отважные сыны Кавказа! – говорил он. Вы потомки тех, кто своей неустранимостью и стойкостью духа изумили весь мир, кто честь ценил дороже жизни, кто бранное поле предпочитал мягкому ложу. На вас и сейчас с надеждой взирают народы всего мира”. По словам очевидцев, митинг проходил под немецкой бомбежкой.

И действительно. На всех фронтах Великой Отечественной войны бок о бок со всеми представителями многонациональной страны воины-дагестанцы совершали ратные подвиги, беспощадно били врага, и он был остановлен у стен границ Дагестана.

За большой вклад в укрепление обороноспособности республики, за достигнутые успехи в развитии сельского хозяйства, республике дважды присуждалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона. В этом была и немалая заслуга А.Д.Даниялова.

Вскоре после окончания войны, в декабре 1948 года, Абдурахман Даниялович был избран на высокую должность первого секретаря Дагестанского обкома партии, который проработал на этой должности до ноября 1967 года.

Именно в эти годы проявился яркий талант организатора и руководителя республики. Был завершен переход предприятий, выпускающих оборонную продукцию, на мирную; построены целые города, фабрики, заводы, электростанции, развернуто большое жилищное строительство, особенно в крупных городах.

Государственную и общественную деятельность Абдурахман Даниялов сочетал с научной работой. В 1960 году в Москве в издательстве “Советская Россия” вышла его книга “Советский Дагестан”, в которой автор знакомит читателя с историей народов многонационального Дагестана, героической борьбой трудящихся за победу Советской власти.

Абдурахман Даниялович много внимания уделял вопросам экономики и культуры республики, месту Дагестана в Российской Федерации и СССР. Многие научные работники извлекали из этой книги интересный материал о жизни и людях этой удивительной и своеобразной республики в условиях народной власти.

Большой интерес представляет книга Абдурахмана Даниялова “Строительство социализма в Дагестане”, вышедшая в издательстве Академии наук СССР в 1975 году. В ней автор обобщил опубликованные источники, архивные материалы и, основываясь на богатом опыте, осветил узловые проблемы социально-экономического и культурного развития республики за первые 20 лет Советской власти: индустриализация, преобразования в сельском хозяйстве, осуществление широкой по размаху и гигантской по масштабам культурной революции, раскрыл сложные процессы языкового строительства, повышения материального и культурного уровня трудящихся горцев Дагестана.

А.Д.Даниялов занимал самые высокие должности в течение 30 лет (1-й секретарь обкома партии в течение 20 лет, Председатель Совнаркома – 8 лет, Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР – 3 года). Он был большим патриотом своей республики, любил Дагестан, его многонациональный и гостеприимный народ. Родина высоко оценила его заслуги перед партией и государством.

М.Ш. Шамхалов,
бывший редактор аварской
республиканской газеты

Я ПОМНЮ ЕГО ТАКИМ

Люди, которым доводилось встречаться с А. Данияловым, думаю, никогда не забудут этого умного, доброго и внимательного человека. Я, например, после каждой беседы с ним уходил обогащенным, сбросившим тяжелый груз проблем. Я не говорю о том, что он очень хорошо знал республику, ее экономику (без этого он просто не смог бы работать), скажу о том, что он очень хорошо знал людей, умел разбираться в них, что делало его умелым руководителем.

Я думаю, что могу достаточно объективно судить об этих качествах – в период пребывания Абдурахмана Данияловича на посту первого секретаря обкома партии я работал сначала ответственным сек-

ретарем, а затем редактором аварской газеты. По долгу службы мне приходилось бывать практически на каждом заседании бюро обкома партии, часто встречаться и беседовать с Абдурахманом Данияловичем. О некоторых из этих встреч, в ходе которых наиболее ярко, на мой взгляд, проявились его черты руководителя и человека, я и хочу рассказать.

* * *

Каждый раз, приезжая в Москву, Абдурахман Даниялович встречался с дагестанцами – слушателями Высшей партийной школы. После одной из таких встреч он пригласил меня к себе в гостиницу и сказал, что решено назначить меня редактором газеты. “Сможешь ли ты в ближайшее время приступить к работе, а учебу продолжить заочно?” – спросил он.

Я ответил, что учеба и так дается мне не очень легко, а если еще ее и совместить с работой редактора, то диплома мне не видать. Даниялов немного подумал, потом, улыбнувшись, сказал: “Видимо, ты прав. Лучше делать одно дело, но делать хорошо. Мы торопимся потому, что в аварской газете в последнее время появляется все больше и больше грубых ошибок. Ну ладно, заканчивай учебу и подумай о том, как сделать газету лучше”

И я стал думать. Читая различные областные газеты, заносил в большой блокнот записи о положительном опыте, интересные рубрики, оригинальные способы подачи материала.

Оказалось, однако, что эта работа была в общем-то бесполезной. Вернувшись в Махачкалу, я в первые же дни понял, что сделать ничего не смогу. Дело в том, что ко времени моего приезда, от знакомой мне газеты остались “рожки да ножки”: – не было в ней прежних отделов, ушли творческие работники, И все это потому, что наша газета перешла на так называемый дубляж. Теперь мы практически не писали материалов и не разрабатывали новых тем. Вся работа заключалась в том, чтобы переводить на аварский язык готовые статьи и заметки. Аварская газета по существу умерла, став лишь бледной тенью “Дагестанской правды”.

Окончательно убедившись в том, что сделать ничего невозможно, я решил написать об этом в обком партии. Но прежде сообщил об этом своему более опытному коллеге.

Тот, узнав о чем идет речь, удивленно посмотрел на меня: “Чего тебе не хватает? Ответственности никакой, зарплата идет. Живи и радуйся. А напишешь - неприятностей не оберешься – дело в том, что идея дубляжа – это личная идея Даниялова. Кстати, поддержанная в ЦК. Так что сиди, не высовывайся. И это не только мое мнение – так думают редакторы и остальных газет”.

Так я письмо в обком и не написал. А через некоторое время меня вызвал Даниялов. Переступая порог его кабинета, я уже был готов к нагоню – в отделе обкома партии меня предупредили, что разговор будет серьезный, Абдурахман Даниялович газетой недоволен.

Вопреки ожиданиям, он встретил меня приветливо. “Ну, как дела? – спросил, улыбаясь. – Как тебе коллектив”. “Какой там коллектив, – грустно ответил я, – заместитель, ответсекретарь и три переводчика. Вот и вся армия. При такой бедности, хоть голову о стенку разбей, дела не улучшишь”

А он снова улыбается: “Если ничего нельзя исправить, зачем мы тебя тогда редактором назначили? Помни, читатель ждет интересных, новых материалов. В том числе и из горных районов. А в последних трех номерах всего одна информация оттуда”.

“Все закономерно, – отвечаю я, – по-другому и не будет. Мы получаем макет и все материалы из главной редакции, в течение дня переводим их (о качестве, естественно, и речи нет, лишь бы в срок уложиться) и после этого продолжаем называться газетой...”

“Что, не нравится дубляж? – на этот раз Абдурахман Даниялович был серьезен. – Знаю, знаю, передавали мне, что ты готов восстать против дублирования. Может быть, эти мысли и мешают тебе правильно организовать работу? Кстати, объясни мне, чем тебе подобная организация дел не нравится? Читатели на родном языке получают достаточно полную информацию о жизни страны, республики. Вместо трех раз в неделю газета выходит пять...”

“Пятиразовая газета, – ответил я, – это конечно, великое дело. Но лишь в том случае, если газета самостоятельная. А при дубляже... Да чего там говорить, тираж с 40 до 7 тысяч упал, вместо 10-12 тысяч

писем как раньше, теперь и до 700 в год не дотягиваем. Причем 99% этих писем идет в архив”.

– А как обстоят дела у других редакторов?

– Точно так же.

– А почему тогда они молчат? Почему ни слова не говорят мне Сулейманов, Вагабов и Керимов?

Во-первых, привыкли, во-вторых, не хотят лишних забот и ответственности, ну, а в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, убеждены, что идея дуближа принадлежит лично вам. А какой руководитель любит менять свои решения?

– По-твоему, – улыбнулся Абдурахман Даниялович, – кресло гарантирует человека от ошибок? Талант руководителя заключается не только в том, чтобы одни правильные решения принимать (это невозможно), но и в том, чтобы, когда надо, собственные ошибки признавать и исправлять. Кстати, идея дуближа – это и не совсем моя идея. Первыми начали дублировать русскоязычные газеты наши соседи – Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария и другие. Во время одной из бесед в секретариате ЦК Поспелов предложил мне подумать об их опыте. Я и подумал. Правда, уверен был, что наши газеты станут более интересными и содержательными. А вышло не совсем так. Видимо, додумал я не до конца... Вот что, иди и готовь на мое имя подробную справку. Будем восстанавливать утраченное.

Вскоре на одном из заседаний бюро был обсужден вопрос о дуближе. Мнения разделились: некоторые говорили, что, отменив дуближ, мы выставим себя перед ЦК в невыгодном свете – сегодня, мол, требуем одного, завтра – другого. Было решено дать в распоряжение национальных редакций половину четвертой полосы – для публикации местной информации и произведений художественной литературы.

Вскоре после этого Абдурахман Даниялович, будучи в Москве, поставил этот вопрос перед ЦК. Позднее он рассказал, что в Центральном Комитете сказали: “Что вы играете с этим дуближем? Если не подходит дуближ – ликвидируйте”. Обкому было разрешено предложить редакторам самим выбирать, какие газеты им нужны: трех – или пятиразовые. Я выбрал пятиразовую газету, остальные – трех. О чем, кстати, вскоре начал сожалеть.

Прошло немного времени, завершились подготовительные хлопоты, и в начале 1957 года после долгого перерыва в Дагестане вновь стали выходить самостоятельные национальные газеты...

* * *

Однажды я выступил на заседании бюро обкома партии с критикой в адрес Гумбетовского райкома партии (это было вскоре после XXII съезда КПСС). Выступление мое было резким, а порою и просто грубым. Я сам понимал это, и потому, когда Абдурахман Даниялович подозвал меня после заседания, подумал, что он хочет отругать за тон. Оказалось, что я ошибся, о выступлении моем он и не упомянул. Едва я подошел к нему, он ошарашил меня вопросом: “Ты баголалец или аварец?”

“А разве баголалцы – не аварцы” – удивленно спросил я? – Мне всю жизнь казалось: что Аваристан и начинается с баголалских снежных гор”.

Даниялов довольно рассмеялся. Я понял, что ответ ему понравился. “Правильно говоришь, – сказал он, – а то я думал, что ты заодно с Абдуллой Магомаевым. Он пытается доказать, что ни баголалцы, ни чамалалцы ничего общего с аварцами не имеют. Вот прочитай”. И он протянул мне напечатанное на машинке письмо Магомаева в адрес обкома партии.

Главная мысль этого письма заключалась в том, что баголалцы и чамалалцы имеют свои родные языки, и поэтому изучать аварский язык, не являющийся для них родным, неразумно. Вместо него Абдулла предлагал изучать в школах какой-нибудь иностранный язык.

– Может быть, опубликуем это письмо в газете? – предложил я. – Подготовим грамотный комментарий...

– Нет, остановил меня Даниялов, – не надо. Раз обратился в обком, в обкоме ему и ответим. Я просто хотел, чтобы и ты был в курсе.

В тот же день я встретился с Абдуллой. Мы долго спорили с ним, но переубедить его я не смог. Никаких доводов слушать он не хотел, лишь повторял раз за разом, что если у народа есть свой родной язык, другой ему родным не станет.

Через несколько дней в кабинете Даниялова состоялось обсуждение письма. Были приглашены профессора Х.-М. Хашаев, Ш.Микаи-

лов, другие ученые. Первому слово предоставили мне. “Абдулла прав, – начал я, – у чамалалцев и баголалцев действительно есть свои языки. И жители нескольких селений вполне могут с их помощью общаться друг с другом. Но стоит тому же баголалцу покинуть родное селение – как он тут же “немеет” – никто его речь не поймет. Ты сам, Абдулла, работал секретарем райкома. На каком языке ты говорил с людьми в баголалских и чамалалских аулах? Разве не на аварском? А на каком языке читает весь Дагестан поэму “Мавлид” чамалалца Рото-Магомы? Разве не на аварском? На каком языке слагал стихи Газияв-Дибир Гаджиев? На каком языке, наконец, поют песни и пишут письма родным баголалцы и чамалалцы? Да все на том же родном аварском. И неужели после этого, Абдулла, ты будешь доказывать нам, что ты не аварец?”

Под дружный общий смех присутствующих слово взял Ш.Микаилов. “В письме Магомаева есть некоторые верные мысли, – сказал он, – в частности, он прав, когда говорит о трудностях, которые испытывают учащиеся начальных классов баголалских школ, изучая аварский язык. Но трудности эти – временные. Доказано, что выпускники баголалских и чамалалских школ в итоге владеют аварским языком значительно лучше, чем их сверстники, для которых аварский язык является родным. На своем тиндинском языке ты говоришь лишь у себя дома. Переступая порог, ты переходишь на аварский, свой второй родной язык. Думаю, не очень умно исключать себя из исторически сложившейся народности потому только, что есть у тебя свой домашний язык, который никогда не был и не может стать твоим рабочим языком”.

“Аварская народность, – продолжал разговор Хашаев, – состоит из разных обществ – баголалского, чамалалского, годатлинского, ахвахского, андалалского и многих других. У них есть различия в языке, это несомненно, но это не мешает им оставаться аварцами. Историю не перепишешь. Плечом к плечу воевали они против Надир-шаха, во главе с Шамилем сражались против царских колонизаторов, боролись за Советскую власть...”

С заключительным словом выступил Даниялов.

“Мне кажется, – сказал он, – что товарищ Магомаев понял всю несостоятельность своих доводов. В истории нашей были и плохие, и

хорошие времена. Но народы наши и беды, и радости встречали плечом к плечу. Вместе воевали, вместе работали. Гордились не своей обособленностью, а своим родством. Так было всегда, и сегодня глупо отказываться от своей родни.

В письме Магомаева говорится о плохом преподавании родного и русского языков. Мы обратим на это серьезное внимание. Но хочу спросить у него самого: что он сделал для улучшения положения дел в школах, работая долгие годы первым секретарем райкома. Да ничего. Говорить легко, а вот когда до дел доходит...

Пока существует единый аварский народ, мы будем говорить с ним на его родном аварском языке. Товарищ Магомаев, у вас есть что добавить?” – заключил он.

Абдулла молча взял свое письмо со стола.

* * *

И еще одна беседа с А.Д. Данияловым запомнилась мне. Я должен был участвовать в Кахибской районной партийной конференции. Выехал из Махачкалы пораньше, но не добрался даже до Буйнакса – забарахлила и стала редакционная машина. Я проклинал поломку, из-за которой рисковал на конференцию попросту не попасть. Вдруг послышался визг тормозов. Я оглянулся и увидел, что из остановленной машины выходит Абдурахман Даниялович.

– Тоже мне, нашел на чем ехать в высокогорный район, – сказал он, – даже если бы не сломалась, до Кахиба добрался бы только после конференции. Садись к нам, подвезем.

Оказалось, Даниялов ехал на конференцию в Тлярату вместе с инспектором ЦК КПСС Колосовым. “Самый упрямый редактор областной газеты”, – представил он меня. “Если упрямство не глупое, в нем ничего плохого нет”, – улыбнулся Колосов и начал расспрашивать меня о взаимоотношениях редакции и обкома. Так за разговором мы и добрались до Кахиба. Я остался, а Колосов и Даниялов поехали дальше. Прощаясь, Абдурахман Даниялович задержал мою руку.

– Слушай, – сказал он, – сегодня в университете проходит научная сессия. Обсуждают вопрос о Шамиле. Ты позвони домой, узнай у

жены, о чем там говорили. А на обратном пути расскажешь мне. Домой без нас не уезжай, мы за тобой заскочим.

И вот мы снова в дороге. Колосов, довольный тем, что побывал в высокогорном районе, слегка возбужден, говорит, не умолкая. Он то удивляется, что Абдурахман Даниялович знает в лицо весь районный актив, вплоть до заведующих фермами, то начинает интересоваться постановкой в республике кадрового вопроса. Потом вновь обращается к прошедшей конференции.

– Мне кажется, – произносит он, – что второй и третий секретари слабоваты. А район тяжелый, первому, ох, как нелегко будет.

– Ничего, – ответил Даниялов, – он у нас энергичный, молодой. Потянет. А если что, мы ему поможем.

– Это хорошо, что ты так уверен в своих кадрах, – говорит Колосов, – А я вот часто в людях ошибался.

– А кто не ошибается? Разве только покойники. Я одного человека силком в Дагестан тащил, уверен был, что он республике нужен. Рекомендовал его председателем Совмина. И что же: и сам работу завалил, и мне не давал работать. Забросал все инстанции жалобами, группировки какие-то создал. Пришлось мне признаться, что ошибся я в человеке. – Даниялов в сердцах махнул рукой.

Было видно, что разговор этот его не очень занимал, мысли его были далеко. Я понял, что он ждет моего рассказа о сессии. Только я подумал об этом, как прозвучал вопрос:

– Ну, не удалось дозвониться домой?

Я подробно сообщил о разговоре с женой, закончив свой рассказ горькой шуткой одного из участников сессии: “Один Даниялов убил Шамиля, другой воскресил его”.

– Что ж, я знал, что так будут говорить, – грустно сказал Даниялов. – Все правильно.

– Кстати, – вмешался в разговор Колосов, — убей бог, не понимаю, как ты мог выступить против Шамиля. Уж кто-кто, а ты-то хорошо понимал, что Шамиль для Дагестана является чуть ли не вторым пророком.

Долго молчал Даниялов. Не один крутой поворот мы взяли, прежде чем он сказал:

– Я скорее голову под топор был готов положить. Но обстоятельства... – он снова надолго замолчал.

Молчали и мы с Колосовым, понимая, что молчание это вскоре прервется – слишком уж тяжелым оно было.

– Однажды во время очередного пленума ЦК меня пригласил на ужин Багиров. Сказал, что будет и Берия. Но тот почему-то не пришел. Так и отужинали без него. Говорили мы о каких-то пустяках до тех пор, пока не принесли десерт. Тут Багиров вдруг нахмурился и сказал: “Знаешь, Абдурахман, а ведь Шамиль до сих пор воюет против нас”. Заметив недоумение на моем лице, он добавил: “Да-да, не против царизма, а против нас, большевиков”. Я понял, что это предисловие, и приготовился слушать. А он стал говорить о том, что наши враги за границей поднимают на щит Шамиля как великого патриота и полководца. В Стамбуле даже памятник ему устанавливать собираются. “Я считаю, – сказал Багиров, – что это удар по нашей ленинско-сталинской национальной политике. Нам с тобой надо окончательно похоронить Шамиля, доказав народу, что этот фанатик принес ему больше вреда, чем пользы”.

Я стал возражать, доказывая, что всякая наша попытка переписать историю заранее обречена на провал. Но Багиров перебил: “Ты не забывай, что история эта буржуазная, а следовательно, неверная. И мы должны, нет, просто обязаны поправить ее, представить с позиции марксизма”.

На этом и закончился наш разговор. А месяца через три в журнале “Большевик” появилась статья Багирова о Шамиле. Я, естественно, понял, что это предисловие, главное слово будет впереди. Не зря ведь Багиров пригласил меня на тот ужин. Я не ошибся. Прошло немного времени, и меня вызвал к себе Маленков. “Товарищ Даниялов, – сказал он, – надо поддержать товарища Багирова. Ведь вы читали его статью в “Большевике”.

Я начал отказываться, просить, чтобы меня освободили от этого поручения, дали его другому. Но Маленков властно посмотрел мне прямо в глаза и раздельно сказал: “Мы даем это задание вам не потому, что некому поддержать товарища Багирова. Людей, готовых это сделать, достаточно. А ЦК хочет, чтобы поддержали его именно вы”.

“Но ведь поддержать Багирова – это значит пойти против исторической правды”, – выдвинул я свой главный довод. Но Маленков отмахнулся: “Оставь, бывают времена, когда история подчиняется политике. Азербайджанские историки собрали богатый материал. Во времени мы Вас не ограничиваем, но, естественно, чем раньше Вы закончите работу, тем лучше”.

Ничего не ответил я Маленкову и несколько месяцев потом ходил, придавленный тяжестью этого разговора, но он на этом, как оказалось, не закончился. После сессии Верховного Совета Маленков снова вызвал меня. На этот раз вместе с ним в кабинете был Берия.

“Ну как, товарищ Даниялов, начал работу?” – спросил меня хозяин кабинета. Я попытался что-то сказать в свое оправдание, но он перебил меня: “Этот вопрос уже согласован с товарищем Сталиным. Вам ясно?” А Берия добавил: “Надо, Абдурахман, надо поддержать товарища Багирова. Не зря, уверяю тебя, он поднял этот вопрос”.

Тут Даниялов махнул рукой и замолчал.

– Да-а-а, – протянул Колосов, – ситуация была сложнейшая.

Он понял, в какое безвыходное положение попал Абдурахман Даниялович.

instituteofhistory.ru

С ГОРЯЧИМ СЕРДЦЕМ...

Каждого, кто родился в Дагестане, называли сыном гор. Республика эта издревле славится своими долгожителями. Председателю Президиума Верховного Совета ДАССР Абдурахману Данияловичу Даниялову “всего” шестьдесят. В краю, где он родился, вырос, все, стар и млад, его знают и уважают. И еще дагестанцы знают, что Даниялов из тех людей, которые стареют за день, если в этот день им не удастся сделать ни одного доброго дела людям.

Все к этому давно привыкли, как привыкли видеть его дверь всегда открытой настежь – будь то рабочий кабинет президента респуб-

лики, или дом, стоящий на одной из тихих тенистых, типично махачкалинских улиц. Сын гор, он был обречен, как и тысячи его соплеменников, на бедность, на нищету. Но пришла революция и подняла к новой жизни миллионы людей. В их числе был и Даниялов. Его воспитали народ, Советская власть, комсомол и партия. Они дали ему образование, сделали крупным государственным и общественно-политическим деятелем.

В Дагестан Советская власть пришла и утвердилась позже, чем в любой другой уголок Российской Федерации. Не просто было поднять его из бедности, нищеты, средневековой отсталости и привести к богатству и процветанию. И в том, что это произошло есть доля труда Даниялова. Мы перевернем несколько страничек биографии Абдурахмана Данияловича Даниялова, страничек его комсомольской юности.

... Ругуджа – село, как село, каких немало приютилось на кручах дагестанских гор. Из семисот семей их семья была такой же бедной, как и большинство. Дети видели своего единственного кормильца отца, доброго, сильного и справедливого лишь по вечерам, когда он обесиленный возвращался домой и принимался за скудную еду. Его руки всегда пахли землей, потому что отец был пахарем, как и его отец и его дед. Его руки никогда не знали покоя, обрабатывая скудный клочок каменистой, жадной на урожай земли. Там от зари до зари он гнул спину, мечтая о том дне, когда увидит, наконец, детей сытыми и одетыми. Но такой день так для него и не пришел...

Отец Абдурахмана умер в 1916 году, оставив двум сыновьям и дочери долги, да недостроенную саклю. Но он не смог унести с собой мечту о счастливой жизни. Мечта отца стала мечтой его детей. Она ходила вместе с ними на заработки куска хлеба в сакли богатых, она помогала им сносить голод, согревала их в зимнюю стужу.

В июне 1920 года Данияловы (дети) были определены в детский дом села Чох, где получили еду, одежду, кров и самое главное – будущее. В детдоме Абдурахман был душой всех ребят, везде и всюду их защищал, не давал их обижать. А детдомовцы уважали его как самого сильного и смелого мальчика.

В детдоме их было ровно сто мальчишек и девчонок с одной судьбой и одной дорогой. И совершенно естественно, что шагать им хоте-

лось под флагом своего командира. А он – 15-летний, организовывал походы, игры, марши по улицам изумленного села, водил дружбу с самим комбатом Никитиным и его красноармейцами, от которых первым в детдоме научился говорить по-русски.

В комсомол вступил Абдурахман Даниялов в 1923 году, в Буйнакске, куда его перевели в только что открывшийся интернат для детей-горцев. Он появился в интернате во всем военном: сапогах, гимнастерке, шинели, буденовке, подаренных красноармейцами. Выправкой, дисциплиной, сознательностью Абдурахман и впрямь был похож на бойцов – своих первых шефов. Если к этому добавить его общительность, доброту и справедливость, нетрудно понять, почему выбор пал именно на Даниялова, когда ребята выбирали своего командира (интернат был военизированного типа). Это и стало первым комсомольским поручением юноши. Потом его избрали членом бюро ячейки и председателем исполнительного бюро (по типу профкома).

Бурно, как и подобало для тех лет, началась комсомольская юность Абдурахмана Даниялова. Он, вечно неутомимый, всегда был в центре событий, всегда на переднем крае борьбы за новую жизнь дагестанской молодежи, каких бы сфер она ни касалась. Став студентом Буйнакского педагогического техникума Абдурахман вел парней и девчат на субботники и культштурмы села, на борьбу с неграмотностью и пережитками прошлого. Под его началом ребята киркой и лопатой строили в горах знаменитый Гунибский “балкон” и другие дороги, сеяли и снимали урожаи, ремонтировали жилища стариков и вдов.

Уже тогда, в те юные годы, служение людям стало для него смыслом жизни, его характером. Ему везло и на друзей. Одним из них был Эффенди Капиев, известный впоследствии дагестанский писатель и переводчик. Именно Капиеву Даниялов обязан своей любовью к книгам, этим незаменимым помощникам и друзьям в жизни.

В 1928 году, когда его избирали членом Буйнакского окружкома комсомола, а чуть позже инструктором, он вступил в Коммунистическую партию. Теперь дорога бывшего детдомовца, которому только что исполнилось 20 лет, снова лежала в Гуниб. Он ехал туда уже секретарем райкома комсомола. Через 2 года Даниялова избирают членом бюро и заведующим отделом обкома ВЛКСМ.

Даниялов учил молодежь и не переставал учиться сам. А у кого учиться ему было? В Гунибе он встретил человека, с которого делал впоследствии и свою жизнь. Это был секретарь райкома партии Магомед Гитинов, бывший красный партизан, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, человек, ставший для Даниялова эталоном в работе и личной жизни. У Гитинова комсомольский секретарь учился трудолюбию и принципиальности, преданности порученному делу, умению работать с людьми, жить их интересами, короче говоря, всем тем качествам, которыми должен обладать руководитель коллектива, райкома, города, республики.

... Это случилось на торжественном заседании, посвященном годовщине Октября. В зале собрались аварцы и русские. Заседание открыли на аварском языке. Даниялов потребовал слова. Он заговорил по-русски. “В этом зале, – сказал Даниялов, – рядом сидят наши русские братья. Они приехали в Гуниб помогать нам строить новую жизнь. И мы не имеем права об этом забывать ни на минуту”.

Это было первое публичное выступление Даниялова по национальному вопросу. Будь то частная беседа с людьми, трибуна республиканского съезда или выступление в печати, Даниялов всегда подчеркивал, что основа основ, залог успехов более чем тридцати дагестанских народов в сплочении, от которого зависит его настоящее и будущее.

И опять новая работа. Даниялова назначили начальником Главного управления социального воспитания Наркомпроса республики и председателем Центральной вербовочной комиссии. Дагестанская республика нуждалась в специалистах. И, наверное, по сей день многие горцы, которых Даниялов уговорил тогда пойти учиться, обязаны ему своим настоящим. Даниялов и сам рвался на учебу. И он вскоре засел за парту, поступив в Московский институт инженеров водного хозяйства. И в вузе он остался вожаком молодежи – был председателем профкома, секретарем факультетского партбюро, редактировал студенческую многотиражку.

После вуза его ждала аспирантура, однако отозвал обком партии. Республике нужны были руководители с его талантом, размахом, смелостью, прозорливостью, умением работать с людьми.

1936-1937 годы – Даниялов – начальник отдела ирригации и водоснабжения горных районов Управления водного хозяйства Наркомзема Дагестанской АССР;

1937-1939 годы - нарком земледелия ДАССР;

1939-1940 годы - секретарь Дагестанского обкома ВКП(б);

1940-1948 годы - Председатель Совнаркома Дагестана.

ЦК ВКП(б), Советское правительство доверяли ему самые ответственные участки работы. Его всегда посылали туда, где трудно, туда, где надо было начинать чуть ли не с нуля. И он всегда оправдывал это высокое доверие.

В 1948 году Абдурахмана Данияловича избрали первым секретарем обкома партии. На этом посту он проработал почти двадцать лет. Один срок уже говорит о том, как он трудился. И недаром грудь его украшает множество наград, в том числе и пять орденов Ленина.

... Совсем недавно дагестанцы отмечали 60-летие (это было в августе 1968 года. Статья была написана тогда, и опубликована в журнале “Комсомольская жизнь”) своего президента республики. В его честь было много приветствий, много поздравлений и адресов. Его заслуги отметили партия и правительство еще одним орденом – Трудового Красного Знамени. Это было большое торжество.

...И вот я в кабинете Председателя Президиума Верховного Совета Дагестана в назначенное время. Мы долго беседовали с Абдурахманом Данияловичем Данияловым. Этот седеющий, крепкий, коренастый человек весь преобразался, когда вспоминал свои юные годы, своих друзей, доживших и не доживших до этого дня, вспоминал своих наставников, учителей и всех тех, кто помог ему сегодня повторить свой трудный путь, он сделал бы это, не задумываясь ни на минуту. Только на этот раз Даниялов, как он выразился, повторил бы его “с большой отдачей и пользой для людей, без тех издержек, которые, чего говорить, были...”

Перед тем как распрощаться, я задал свой последний вопрос: “Какими вы хотите видеть молодежь шестидесятых годов?” Абдурахман Даниялович на минуту задумался, а потом начал: “Когда отец начинает строить свою саклю, он думает о том, что в этом доме будет жить не только он, но и его сыновья, внуки, правнуки и последующие поколения его рода. Дело это трудное – ведь строить надо, вгрызаясь в

гранит. Но горец, зная, что это нужное, доброе дело, не пожалеет сил, стараясь сделать саклю покрепче, понадежней, способной выдержать любые ветры и бури. Вот этим, как мне кажется, и должна жить нынешняя молодежь: строить свое будущее для себя и последующих поколений. Но для этого надо быть человеком энергичным, смелее ввергаться в жизнь, быть инициативным и самостоятельным. И еще, все непременно надо делать с горячим сердцем”.

Ж.Абдурахманов

ВЕЛИКИЙ И ПРОСТОЙ

В 1956 году, вернувшись из ГДР со службы в Советской Армии, в родное село Магар Чародинского района, я нашел свою мать тяжело больной. Она не смогла даже поднять руку, чтобы приветствовать меня. На следующий день я пошел в райцентр к главврачу Абдулле Тахнаеву и попросил уложить мать в больницу. Он о ее состоянии знал, считал ее безнадежной и отказал в моей просьбе.

Я пошел на прием ко второму секретарю Чародинского райкома партии Жамалат Шейховой. Изложил ей свою просьбу. Она тут же позвонила главврачу и потребовала, чтобы он был у нее через 10 минут с больничной скорой помощью.

Действительно, не прошло и 10 минут Тахнаев был у секретаря. Она ему сказала: мать этого солдата жена погибшего фронтовика. Он ее единственный сын. Сейчас же поезжайте вместе с ним, привезите больную и положите в больницу. Мать уложили в больницу, главврач относился к ней внимательно. Так заботились в те годы работники райкомов партии о нуждающихся. Это был результат правильного подбора кадров работавшим тогда долгое время первым секретарем Дагестанского обкома КПСС Абдурахманом Данияловичем Данияловым.

Через 3 дня Тахнаев дал путевку и направил меня с матерью в Каякентскую грязевую больницу. Главврач Гаджи Булачович (фамилию не помню) отказал принять мать в больницу, сказал: она уже в Чароде умерла, а ты привез ее сюда.

Оказавшись в такой неприятной ситуации, я решил поехать в Махачкалу в надежде встретить там кого-либо из руководителей нашего района. Подошел к зданию обкома КПСС и Верховного Совета. Время было раннее. На машине подъехали два человека. Я спросил у стоявшего у дверей милиционера, кто они. Он сказал, что это первый секретарь обкома КПСС Даниялов и другой работник обкома КПСС. И он тут подошел к нам. Поздоровался и спросил милиционера, какая проблема у солдата. Я несколько растерялся. Это заметил Даниялов. Он положил мне руку на плечо и сказал: “Изложите спокойно, как и положено солдату, свой вопрос, расскажите откуда, как дома”.

Я как есть сказал, что отец погиб на фронте, мать тяжело больна, в Каякенте отказывают положить ее в больницу.

- В Дагестане нет семьи, которая не пострадала от войны, - сказал Абдурахман Даниялович.

Обращаясь ко мне, он сказал: “Ты не переживай, завтра в Каякент едет комиссия Минздрава, я поручу, чтобы мать положили в больницу”. Записал ее фамилию, добавил: “Купи матери от меня подарок” и протянул мне сто рублей.

Словами не передать, как я был рад и воодушевлен. Приехал к матери, рассказал ей, как удачно все сложилось.

На следующий день прибыла комиссия. Мать положили в больницу. Видимо, имея в виду поручение Даниялова, ее лечили целый год, хотя срок путевки был только 20 дней. Главврач, выразив удовлетворение, что мать вышла из тяжелого состояния, сказал: “Приезжайте через два года, приму и без путевки. Мать избавилась от тяжелой формы бруцеллеза и прожила до 1981 года.

У Даниялова не было дворцов, шикарных дач, вооруженной охраны с кавалькадами автомобилей. Он приезжал в районы и села Дагестана один с шофером. Встречался с людьми, заботился о семьях фронтовиков и инвалидах, выступал на собраниях и конференциях, ставил местных руководителей на правильный путь.

Мне приходилось видеть его и впоследствии. Он был красив от природы, прекрасный оратор. Пользовался громадным авторитетом в народе.

Помните бы обо всем этом нынешним руководителям Дагестана.

II

РАЗДЕЛ

ВОСПОМИНАНИЯ АБДУРАХМАНА ДАНИЯЛОВИЧА ДАНИЯЛОВА

После долгих лет колебаний, под воздействием уговоров родных и близких, друзей и товарищей, я пришел к выводу о необходимости описать свой жизненный путь, своей рукой оставить память потомству.

Отказываясь в прошлом от такой идеи, я считал что моя жизнь похожа на жизнь миллионов советских людей, поднятых из трущоб темноты и невежества. Описать свою жизнь - значит сделать экскурс в бурные, сложные события гражданской войны в горах Дагестана, в голодные двадцатые годы, когда сотни мне подобных сохранили жизнь благодаря Советской власти, вспомнить первый организованный в горах детский дом, интернат горцев в Буйнакске, 1-й Дагестанский педагогический техникум, в котором получил образование, стал комсомольцем, а затем коммунистом. Что касается последующего, я в меру своих сил и способностей без остатка отдавался выполнению возложенных на меня ответственных задач, вместе со страной переживал этапы ее пути - индустриализацию, коллективизацию, Великую Отечественную войну и послевоенное восстановление разрушенного народного хозяйства.

Я родился в селении Ругуджа (Ругжаб). Это один из самых населенных пунктов во всем Дагестане расположился в 9 км от широко известного своими красотами, чудесным климатом, чистыми родниками, историческим прошлым и прекрасным настоящим Гуниба. До середины XVII века Ругуджа входила в состав Андалалского вольного общества, и жители селения составляли значительную часть вооруженной силы общества. Разгром Надир-шаха под селением Обох считается одним из выдающихся подвигов жителей Андалалского вольного общества в целом. Детально не изучена роль общества в борьбе с арабами, в период утверждения ислама в Дагестане. Однако история принятия и утверждения исламской религии среди жителей Ругуджи показывает, что в ту эпоху не все селения были объединены в едином обществе. Подтверждением этому является обычай враждебного взмахивания саблей жителями Чоха в сторону Ругуджи. Этот

обычай был введен арабскими завоевателями и строго исполнялся даже несколько лет после установления Советской власти. На этой почве между жителями двух соседних аулов существовала скрытая рознь, чтобы не сказать вражда.

Нет подробных исследований истории поведения жителей Ругуджи и в период войны горцев под водительством имама Шамиля.

Известны два эпизода.

В начале развертывания военных действий против самодержавия Шамиль ликвидировал, выражаясь термином второй мировой войны, «пятую колонну». Вслед за истреблением аварских ханов, являвшихся опорой царизма, были казнены 84 феодала в селениях, населенными аварцами. Среди них был и феодал из Ругуджи Султанилав.

К началу XIX века сохранился огромный двухэтажный каменный дом Султанилава с большим, вымощенным каменными плитами, двором. Дом был как бы продолжением большой общеаульской мечети (в селении в каждом квартале была и своя мечеть).

Из наследников Султанилава к началу нашего века сохранилась семья Султановых, в каком родстве с феодалами они были, неизвестно, можно только предположить, что они - правнуки. Они остались без родителей, занимали указанный выше дом.

Второй эпизод относится к концу войны. В 1859 году Шамиль и около 400 наиболее преданных ему мюридов перебираются в Гуниб. Есть свидетельство, что ругуджинцы встретили обоз и потребовали «харзина» - золота из казны имама. Не знаю, что они получили, но поступили они скверно, так же плохо, как и те, которые указали тропу на Гуниб войскам фельдмаршала Барятинского.

Что означает название селения «Ругуджа» и когда оно образовалось, неизвестно. Одно является бесспорным: в какой-то период в целях обеспечения коллективной самообороны состоялось сселение жителей более чем 15 населенных пунктов и образование единого селения Ругуджа.

По каким соображениям было выбрано место расположения села, недостаточно ясно, но то, что соображения безопасности и использование в этих целях естественных топографических условий были главными, не вызывает сомнения. В период образования селения было учтено желание тухумов (родов) расположиться компактно, это вид-

но из того, что члены одного тухума занимали территорию аула по квартально, такое деление населения аула в основном сохраняется и в наши дни. До революции строжайше оберегалась «чистота» тухумов, часто они враждовали между собой, известны случаи многочисленных драк и резни между тухумами; можно сказать, что все атрибуты феодально-патриархального быта в Ругудже были наиболее ярко выражены и соблюдались скрупулезно.

Природные условия Ругуджи были, пожалуй, наиболее благоприятными среди аулов всего нагорного Дагестана: многочисленные пахотные участки, обширные летние пастбища позволяли ругуджинцам в изобилии иметь продукты питания, тысячные стада крупного рогатого скота. Больше того, основными предметами торговли и обмена здесь были пшеница, ячмень, топленое масло и брынза (нису), излишки которых накапливались в немногочисленных зажиточных семьях. Обширные летние пастбища, составлявшие общенародное достояние, позволяли ругуджинцам не только иметь много личного скота, но и на договорных началах брать на содержание в летний период коров из соседних аулов.

Удивительное дело: будучи суровыми, драчливыми и даже высокомерными, ругуджинские мужчины, молодежь брали на себя обязанности дояров, которые считались унижительными и позорными для мужчин в других аулах. Произвище «акабечь» (дояр) с тех пор закрепилось за ругуджинцами, хотя теперь в совхозе внедрено машинное доение, и мужчины не занимаются этим делом.

Ругуджа известна была в прошлом не только и не столько вышперечисленным. Из среды жителей аула вышли знаменитые поэты, ученые, музыканты, танцоры. Среди них первое место занимает поэтесса самоучка Анхил-Марин. Родом из беднейшей семьи, она рано распознала лживость, несправедливость существующего строя, смело бросила вызов муллам, воспевала свободу. В рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР я видел тетрадь с текстами некоторых песен поэтессы. За песни о свободе, за изобличение обмана, насилия и произвола властей начальник Гунибского округа Хуриш-Магома приказал собрать сход общества и привести Анхил-Марин. Он и староста общества, мулла и кадий стали уговаривать ее, чтобы она пере-

стала сочинять и распевать «вольнодумные песни». Когда Марин наотрез отказалась выполнить эти требования, наиб - начальник округа приказал привязать ее к надгробному памятнику, зашить ей губы, а затем, обращаясь к ней, крикнул: «Пой теперь, сколько хочешь». И каково же было удивление собравшихся, когда Марин усилием воли разорвала нити и мощным голосом запела свою любимую песню. Вот подстрочный перевод этой песни: «Беда состояла и в том, что Марин происходила из батраков, не принадлежала ни к какому тухуму, у нее не было отца, брата и родственников, кроме матери, в ауле же не нашлось человека, который поднял голос протеста против насилия».

Между прочим, аналогичная история в Ругудже повторилась и в годы гражданской войны.

Как известно, в установлении Советской власти в Дагестане большую помощь оказал отряд красногвардейцев, прибывший из Астрахани. После освобождения крепости Гуниб там были размещены красноармейские части, а в окружающих аулах небольшие группы бойцов. В сел. Ругуджа был размещен взвод красноармейцев-татар. Я помню их по татарским (так говорили взрослые) песням.

Осенью 1918 года на аул напала банда Гоцинского. Красноармейцы, отстреливаясь, отходили в сторону Гуниба. Сопровождал отходящих бойцов Исмаил Абдулаев, получивший у сельчан прозвище «Какой». Был он высокого роста, крепкого телосложения, очень смуглый, происходил из единственной семьи «кабашилал», ни земли, ни живности у этой семьи не было, жили они на заработки Исмаила и обменом «бузы» на продукты питания. Исмаил долго работал в Темир-Хан-Шуре, в аул он возвратился вожаком бедноты, рьяным сторонником Советской власти, пропагандировал среди населения идеи большевиков. Между Гунибом и Ругуджой бандиты устроили засаду, красноармейцы были убиты, а Исмаила привели в аул. Один из главарей банды (помню, называли его Абакар-Гаджи) в присутствии толпы ругуджинцев и бандитов снял с Исмаила сапоги и надел на себя, публично оскорбляя его, затем отправил его в штаб Гоцинского, на самом деле в километрах десяти от аула Исмаила убили. И здесь среди ругуджинцев не нашлось человека, который бы заступился за Исмаила.

Мы говорили об исторических личностях из селения Ругуджа и первой назвали поэтессу Анхил-Марин, схематически обрисовав ее трагическую жизнь.

Не менее трагически сложилась жизнь другого талантливого поэта из Ругуджи Эльдарилава. Он жил в ту же эпоху, что и Анхил-Марин. Выходец из бедной крестьянской семьи, Эльдарилав, по преданиям, был могучего телосложения, атлет, красавец, поэт, музыкант и певец. Благодаря этим качествам он попал в нукеры Гунибского наиба - жителя сел. Чох. Звали его Наиб-Умар. По дошедшим до нас сведениям, дочь Наиб-Умара влюбилась в Эльдарилава, который ответил ей взаимностью. Это стало достоянием гласности в Гунибе, Чохе и во всей округе, было воспринято как большой позор и родителями, и молодежью аула Чох. Они решили отомстить дерзкому ругуджинцу.

Пригласили Эльдарилава на свадьбу дочери и решили отравить. На свадьбе Эльдарилав пел, танцевал, веселил молодежь и не давал повода говорить о себе плохо, хотя и чувствовал, что не с добрыми целями ему оказывают почести на свадьбе Наиб-Умара. Его угощали напитками с отравой, мимикой любимая давала понять Эльдарилаву, что его поят отравленным вином, но он продолжал принимать угощения. Сам Эльдарилав в предсмертной песне именно так воспроизводит эту историю.

Описывая эпизоды из жизни выходцев из аула Ругуджа, я думаю о том, сколько бесценных творений поэтов, музыкантов и других талантливых горцев исчезло бесследно потому, что некому было их записывать, не было письменности, и то, что до нас дошло, является подтверждением высокой степени развития памяти горцев.

Население Ругуджи резко разделялось на 4 социальные группы: середняки - самая многочисленная группа; бедняки; батраки; кулаки.

Духовенство являло собой внушительную силу, хотя в его составе и были выходцы из всех 4-х социальных групп, в том числе и бедняки.

По характеру ругуджинцы отличались завистливостью и драчливостью, междоусобицы главным образом возникали на почве ссор

между женщинами. В подавляющем большинстве население не умело рационально использовать землю и богатые дары природы. Ремесла были слабо развиты.

Нажмутдин Гоцинский - выходец из богатой семьи аула Гоцо Хунзахского района, сын бывшего начальника, ученый-арабист - вздумал воспользоваться крушением самодержавия в России в своих корыстных интересах. К моменту революции он имел награбленное отцом, преумноженное эксплуатацией горцев многотысячное стадо овец, много лошадей, крупного скота, обширные пастбища, сенокосы. Естественно, он не желал расставаться с этим богатством. Спекулируя на популярности имени Шамиля, «имам» на англо-турецкие деньги и оружие меньшевистской Грузии организовал мятеж в горах Аварии. Гоцинский на 45-й день после кровавой расправы над красноармейским взводом в ауле лично прибыл в Ругуджу и остановился у Алибекил Магома, дом которого находился около годекана в центре аула. После его приезда бандиты сделали попытку занять аул, но сумели продержаться одну ночь, а наутро были выбиты партизанами.

В этом ауле в семье Даниалава и Марин в 1908 году в период жатвы зерновых родился первенец, которому дали имя Абдурахман. Моя тетя говорила, что родился я в поле, указывала и участок пашни. Когда я об этом рассказал матери, она с большой обидой заметила: «Теленок, что ли ты, чтобы в поле родиться?». Я не стал доискиваться истины. Отец мой был вторым сыном в семье крестьянина-середняка Амирхамзы, а мать - четвертой дочерью Хализа - слепого крестьянина-бедняка, который наизусть знал Коран, обучал детей его чтению, отличался незаурядной слуховой памятью.

Шести лет меня определили в мектеб. В течение одного сезона я успешно окончил мектеб, научился хорошо читать Коран и молитвы, которые читаются при исполнении намаза. Ни одного слова Корана и молитв мы не понимали, читали механически. На этом мое образование закончилось, и я был подготовлен к тому, чтобы пять раз в день молиться, читать молитвы, держать уразу. Я исполнял обряды вплоть до вступления в 1923 году в комсомол.

Тяжело пережил я смерть бабушки Чакар. Видимо, у всех внучат есть кто-то, кого выделяет детский разум. В моей памяти Чакар

сохранилась как исключительно нежная, красивая, обаятельная и любимая.

Вскоре, в молодом возрасте, умер отец, оставив на руках матери троих детей.

Через четыре года после смерти отца выдали замуж мать, и дедушка Амирхамза переселился в наш недостроенный отцовский дом и стал нас воспитывать. Он был очень крутого характера человек, поссорился с братом матери, который выдал ее замуж за человека другого тухума и имеющего взрослых детей. Это было в 1919 году. Вскоре умер и дедушка, и мы трое - я, брат и сестра остались одни. Все, что было у нас из живности, либо продали, либо зарезали в наступившем голодном 1920 году, мы все трое жили почти на одном толокне и то не вдосталь. К весне 1921 года мы стали голодать и превратились в дистрофиков, голодная смерть была неминуемой перспективой. И в это время молодая, еще не окрепшая в горах Советская власть открыла в ауле Чох детский дом. Вначале я и брат, а потом и сестренка, были взяты в этот детский дом, и это круто изменило нашу жизнь.

Хочу привести еще кое-что из детских воспоминаний.

Теперь мне из истории известно, кем был Узун-гаджи. Но в 1918 году, когда все мужское население аула Ругуджа вышло встречать его с кавалерийским отрядом, я ничего о нем не знал. Было утро, когда мауш (чауш) громким голосом созвал народ для встречи «святого поборника религии» Узун-Гаджи. Народ повалил толпами, кто-то устанавливал на месте порядок - людей построили вдоль от дороги, по которой должен был последовать отряд. Вскоре у въезда в аул показалось голубое знамя, затем верховые, которые пели зикру. Узун-Гаджи ехал медленно, с каждым здоровался за руку. Оказавшись, как и многие дети, среди толпы, горя желанием хоть взглянуть на святого, я бежал вслед за ним сзади шеренги.

Узун заметил меня, приостановил лошадь и сказал: «Дайте-ка, пожму руку этому маленькому брату по религии». Нагнулся и протянул руку, а мужчины в шеренге подняли меня, и он пожал мою руку. Узун-Гаджи в ауле не остановился, проследовал в Чечню, там поднял народ на войну против белоказачества, образовал свое государство - эмират. В годы гражданской войны в Дагестане вместе с Гоцинским воевал против большевиков. «Узун» - слово кумыкское, означает -

длинный, высокий. Кто и почему дал такое имя низкорослому, щупленькому выходцу из аула Салта, не знаю.

Детские годы, когда отец был жив, мы проводили больше по хуторам. Дело в том, что наш дом в ауле (каким образом, я не знаю) оказался в центре квартала тухума «Чаласулар». Отец его продал и купил развалюху в районе Малга Хуна. Отец так и не успел построить дом - была одна кладовая и одна большая комната с земляным полом. Зимой мы проводили на хуторе Комиб, где находился добротный двухэтажный каменный дом. Здесь первый этаж предназначался для скота, наверху жилая комната и сарай для сена. На хутор ежедневно приходили из аула женщины для ухода за скотом, кормили его сеном, мякиной, утром и вечером доили коров, водили скот на водопой.

Под вечер все возвращались в аул, а мы и несколько других семей оставались на хуторе. Во второй половине весны, в строго установленные числа, перегоняли скот с зимних на летние стоянки. Мы в основном кочевали в Глутла-гаариб (подскальная равнина). Как много приятных детских воспоминаний оставили у меня месяцы, проведенные здесь!

Предоставленные самим себе на целый день, так как родители уходили на работу - на прополку, сенокос, заготовку дров на зиму, ремонт и строительство помещений в ауле или на хуторе, мы бегали по скалам, поднимались на вершины окружающих гор, ходили собирать ягоды, грибы, дрались, мирились, играли в мяч, строили мельницы, лепили фигурки. Сколько было талантливых и способных детей, дарования которых угасли в тесных рамках хуторской жизни.

И вот из комнаты с земляным полом, которая отапливалась в редких случаях, мы очутились в просторных помещениях реквизированного дома богача контрреволюционера из Чоха - Мамалава.

Нас одели, обули, кормили три раза в день. Впервые за многие годы нас кормили мясом, пшеничным хлебом, мы узнали, что такое чай, мыло, полотенце, простыни и нательное белье. Нас окружили заботой и вниманием, которых мы не имели даже при жизни родителей. Бывшие партизаны Чоха - Муртазали Сагитил, Шарап Хаджи Давуд и другие - ежедневно посещали детдом, оберегали детей от сыновей кулаков, бывших офицеров, которых натравляли на детдомцев их родители. И все это взамен холодной, голодной, полубат-

рацкой, сиротской жизни в своем ауле под непрерывные упреки родственников.

Образно говоря, из ада мы попали в рай. Я чувствовал себя всю жизнь в неоплаченном долгу перед русским народом, чей героизм и самопожертвование привели к Великой Октябрьской революции, перед Коммунистической партией и великим Лениным, которые сделали добытую свободу и счастье русского народа достоянием всех бывших национальных окраин царской России. Чувство глубокой благодарности я сохраняю до конца своей жизни к партизанам и ко всему талантливому, высокоорганизованному, трудолюбивому населению аула Чох за ласку и теплоту, которыми мы были окружены в детдоме. С укреплением Советской власти в горах в 1922 году детдом из аула Чох был перебазирован в окружной центр Гуниб.

Директором детдома в Чохе и несколько месяцев в Гунибе была Патимат Малекова, женщина своенравная, получившая гимназическое образование, свое дело знала хорошо, однако своему сыну прощала его издевательства над воспитанниками детдома. Ее заменил Шуршил-Магома - молодой человек из Ругуджи. Он мало походил на воспитателя, сам был малограмотным. Затем директорствовал Цурмилов из Шулани, который дело знал, был грамотен, но детьми занимался мало.

Цурмилова на посту директора детдома заменил Гаджи Шахназаров. Это был высококультурный, не по-горски нежный, скромный, чуткий человек.

В Гунибе, хотя это и были тяжелые для молодой Советской республики голодные годы, детдом обеспечивали всем необходимым для сытного, качественного питания. Одеты и обуты мы были добротно.

Надо сожалеть только об одном: все три года в детском доме дети мало чему учились, кто-то знал аджам, а большинство детей были неграмотными. В Гунибе была дислоцирована воинская часть. Я до сих пор помню командира Никитина, высокого, голубоглазого блондина, человека в высшей степени обаятельного, простого. Каждый день у красноармейцев были строевые занятия на площади Гуниба, и мы, детдомовцы, часами смотрели на них. Через три-четыре месяца мы начали копировать эти занятия, и я, хотя и не был по возрасту старшим, оказался командиром детдомовской дружины. Не понимая

смысла, я по-русски произносил первые выученные слова «Шагом арш, направо, налево, кругом» и приучал воспитанников повторять действия красноармейцев. Это было смешно и забавно, и Никитин пришел к нам на помощь - выделил специального товарища, который взял шефство над детдомом, научил меня более или менее правильно произносить слова команды, объяснил значение этих слов. Вскоре нам позволили принимать участие в демонстрациях. До сих пор с улыбкой вспоминаю один конфуз. Как-то в день праздника детдомовцы после митинга маршировали по площади, шли мы вслед за красноармейцами. Командуя детской дружиной, я взял под козырек и шел впереди детдомовцев, не оглядываясь, стараясь не отставать от впереди идущих. Когда я уже подходил к импровизированной трибуне, на которой стояло окружное начальство, раздался хохот, и многочисленная толпа начала хлопать в ладоши, посматривая на меня, оборачиваясь назад. Каково же было мне, когда я увидел, что гонясь за красноармейцами, оставил воспитанников на 200-300 метров позади себя.

Пребывание в Гунибе, общение с красноармейцами помогло мне выучить азы русского языка и буквы алфавита. Однако и здесь не обошлось без конфуза. В начале 1923 года в Гуниб приехал инспектор Наркомпроса Саид Омаров отобрать переростков детдома для интерната горцев в Буйнакске. Директор школы, рекомендуя среди нескольких детей и меня, сказал: «Даниялов умеет говорить по-русски, знает алфавит». Тогда С. Омаров пригласил меня к доске и говорит: «Напиши свое имя». Я взял мел и написал: «Аабдурахман». Когда указали на ошибки, я смутился, а директор покраснел.

Весной 1923 года я, брат, братья Султановы, Патимат Мусаева и еще несколько человек попрощались с Гунибом и на военном фургоне в сопровождении выделенным Никитиным красноармейца поехали в город Буйнакск в интернат горцев, а Патимат Мусаеву определили в интернат горянок.

Где-то я об этом говорил и писал. Летом 1924 года, когда все учащиеся разъехались по домам, я остался в интернате и все лето ходил в скверик церкви, с учебником русского языка, с тетрадью и даже с чернильницей и ручкой.

Э. Капиев как-то обратил на меня внимание и, взяв шефство над мной, в огромной степени помог мне овладеть русским языком. На-

равне с детьми бывших красных партизан и выходцев из батраков и бедняков, в техникуме учились дети бывших чиновников, богачей, тогда еще здравствовавших и живших в городе - Махачилоры, Мавраевы, Саидовы и др. Большими группами были представлены казикумухцы, коркмаскалинцы, и в то же время мало было аварцев, еще меньше лезгин и кумыков.

Наряду с такими подготовленными учениками, как Эффенди Капиев, Магомед Гаджиев (будущий Герой Советского Союза), которые свободно владели русским языком (обучение шло на русском языке), или бывшими учениками медресе, которые хорошо знали основы преподаваемых предметов, здесь были дети красных партизан (дети Шамхала Салихова Ахвахского) и детдомовцы, которые почти не знали русского языка и не имели никакой подготовки.

Если иметь в виду, что родители богатых учеников из городов нанимали для домашней подготовки репетиторов для детей, то станет понятным разрыв в успеваемости и конфронтация между учащимися.

В техникуме случались и потасовки на национальной почве, были недоразумения между представителями отдельных округов, даже аулов.

Учителя были в основном местные и приезжие русские, которые в прошлом работали в гимназии, хорошо знали свое дело, честно и добросовестно выполняли свой долг. Работали учителями и представители местных национальностей.

Доброжелательностью к учащимся, желанием прийти на помощь отстающим отличалось большинство преподавателей. Особо запомнились мне Сергей Филиппович Тарасевич, Шамшурина, Абдурахман Гусейнович Исаев, Хайрула Гаджиев. Были среди преподавателей и бывший член контрреволюционного Дагестанского Милли комитета М. К. Дибиров, монархист Тихомиров.

Из директоров техникума запомнился М. М. Губаханов, болезненный, худощавый, аккуратный, знающий свое дело чиркеевец.

В техникуме, как и в интернате, большинство учащихся жили в общежитии, им обеспечивали трехразовое питание, одевали и обували. Не помню, по какой причине одну зиму я провел без пальто, тяжело заболел. Когда отвечал на уроке или разговаривал с товарищами,

вдруг голос мой обрывался, во время ходьбы внезапно отказывали ноги. Зима прошла в таком состоянии.

На лето я нанялся на работу в геодезический отряд техника Бондаренко в качестве режальщика. Жили мы в селе Капчулгай, и каждый день в течение лета в знойной Атлыбуюнской степи я ходил от зари до зари с лейкой, прикладываясь к лужам, чтобы утолить жажду.

Наступила зима, и болезнь моя не повторилась. Не знаю, чему приписать выздоровление - жгучим лучам солнца или воде, которая сильно отдавала вкусом и запахом полыни.

В техникуме как-то сама по себе складывалась дружба между ребятами разных национальностей. В числе моих друзей, помимо аварцев - Хадиса Магомедова из Салта, Мисрибека Идрисова из Карата, Камиля Малачиханова из Ашильга, были даргинец Магарам Омаров из Сергокалинского района, Халит., кумык из Н. Казанища, Ханали Таймуразов из Лакского района.

М. Омаров подсказал мне мысль о необходимости вступить в комсомол, объяснил, что это за организация. С мая 1923 года я стал членом РКСМ и с тех пор перестал молиться богу, хотя еще был далек от материалистического миропонимания. Блаженства рая и мучения ада, временный характер жизни на земле и вечность бытия на том свете, predeterminedность судьбы каждого и прочее еще занимали мой внутренний мир, хотя над какими-то догмами я уже начинал думать.

В 1925 году я поехал на каникулы в свой аул к старшему брату отца Муртазали. Его два сына были старше меня, один из них, Мурсали, был женат, а для младшего Ибрагима достраивался дом. Мои каникулы превратились в тяжелый изнурительный труд: я таскал воду для раствора, подавал камень и раствор, хотя в это время Ибрагим гулял на свадьбах. Я был обозлен и однажды, когда среди взрослых возник разговор о predeterminedности судьбы, я вмешался и высказал то, о чем думал: «Мой отец был честным, трудолюбивым, искренне верующим в бога мусульманином. Он аккуратно исполнял все предписания религии, выполнял 5 молитв в сутки, постился, не курил и не пил, к людям был добрым. Почему судьба определила ему такую короткую, а нам, его детям, столь тяжелую беспризорную жизнь, тогда как многие аульчане, ведущие порочную жизнь, здравствуют, а наши

сверстники гуляют по свадьбам, пьют, богу не молятся». Дядя обозвал меня мунафиком, а другие не нашли, что ответить.

В техникуме учебный процесс был организован на русском языке, и ученики, кто хорошо, кто плохо, между собой разговаривали на нем. И вдруг учебный 1926 году начался с перевода преподавания на турецкий язык. Историю этого вопроса я описал в книге «Строительство социализма в Дагестане (Узловые проблемы)». Тогда в техникуме была довольно внушительная протурецкая группа в лице бывших муталимов, возглавляемых М.К.Дибировым, М.Темирхановым, Асланбековым и другими преподавателями. Перевод учебного процесса на турецкий язык им был на руку. В качестве учителей были приглашены несколько человек из Турции и Азербайджана, получивших образование в Турции: М.Салманов, М.Темирханов, Эдхем Фейзи, Шамчи, Максуд и др., имена которых я забыл. Большинство учащихся горцев протестовало против перевода преподавания с русского на турецкий язык, но безуспешно, и мы начали осваивать обществоведение, географию, литературу и другие предметы на турецком языке, много приходилось зубрить.

Тогда мы еще не знали политической подоплеки перевода преподавания с русского на турецкий, но значительная часть учащихся горцев (аварцы, даргинцы) внутренне не принимали новый язык, недружелюбно относились к приглашенным преподавателям, подсознательно отдавая предпочтение русскому блоку. Мы были далеки еще от понимания значения русского языка, как средства приобщения горцев к передовой русской и мировой культуре, как орудия строительства социализма.

Приглашенные преподаватели чувствовали неприязненное отношение части учащихся к ним, и часто даже случайный, непреднамеренный поступок возводился в невероятную степень, ему придавалась политическая окраска. Запомнился такой случай. В техникуме до вечернего отбоя в 10 часов дежурили по очереди преподаватели, они следили за соблюдением внутреннего распорядка, посещали аудитории, иногда помогали в подготовке уроков на завтра, отвечали на вопросы. Учащиеся не все вечерние часы отводили учебе, иногда озорничали, бегали, боролись, рассказывали сказки, а бывало ругались и дрались.

В одно из дежурств приезжего преподавателя обществоведения Шамчи, которого учащиеся больше всех не любили за его манеру держаться и плохое преподавание (он не знал своего предмета), двое учащихся Абуев и Шейхов играли между собой, и один из них выбежал из аудитории, а другой как следует вытер с доски влажной тряпкой мел и встал за дверью, чтобы кинуть тряпку в приятеля, когда тот вбежит. Вместо товарища по игре дверь открыл дежуривший учитель Шамчи, в лицо которого полетела тряпка. Что творилось! Шамчи поднял на ноги не только администрацию и общественность техникума, но и райком партии, райисполком и квалифицировал действие учащегося как преднамеренные, направленные на подрыв авторитета преподавателя обществоведения.

Много усилий приложило руководство техникума и общественные организации, чтобы доказать случайный характер поступка учащегося и оставить его учиться.

Уверен в том, что если бы не был проведен этот неоправданный эксперимент с тюрским языком, основы знаний учащихся были бы куда прочнее и намного шире, не пришлось бы так много тратить энергии при прохождении курса в вузе.

В техникуме мнегодились поначалу механически усвоенные, а впоследствии и осознанные навыки и терминология строевых занятий красноармейцев в Гунибе. На демонстрациях, походах учащихся я был командиром, а к 1927 году оказался во главе исполбюро учащихся.

В техникуме учился я неплохо, хотя и не отличался особыми способностями. Любил много читать. В библиотеке гимназии я был постоянным клиентом, перечитал классиков русской литературы: Тургенева, Гончарова, Толстого, Пушкина, Лермонтова и др. Увлекался общественными дисциплинами, начинал играть в музыкальном кружке на скрипке. Нравилась мне и комсомольская и другая общественная работа. Подтверждением является тот факт, что в 19 лет я был принят кандидатом в члены партии, в апреле 1928 года еще до выпуска из техникума был избран в состав Буйнакского райкома комсомола и до осени работал инструктором. Работа эта мне нравилась, а пребывание в городе было связано и с другой причиной: полюбил я девушку, и она ответила взаимностью. Мне не хотелось отлучаться из города, в

котором проживала Хадижа, теперь уже мать четверых детей, тогда первая красавица техникума.

История этой любви заслуживает внимания, должна быть достоянием по крайней мере моих десяти внучек. Хорошо, что эта история не кончилась трагически, но мучения любви «неравной» мы глотнули сполна, особенно Хадижа: ее била мать, истязали родственники, таскали за косы, к горлу приставляли кинжал, требуя отказаться от бездомного ругуджинца. Она вынесла все пытки, но осталась верной любви. Осложнения наших отношений были обусловлены многими причинами, среди которых главными являлись:

1. До революции было великим позором, после революции до 60-х годов - недопустимой, а в 70-е годы нежелательной выдача замуж за выходца из другого аула. Браки производились или заключались внутри тухума, в пределах аула.

2. Социальное происхождение и имущественное положение родителей лежали в основе и играли определенную роль в решении вопроса женить или не женить сына, выдать девушку за того или иного юношу. Внутренний мир, внешность, а тем более любовь почти не играли роли.

3. Многие решали взаимоотношения родственников, количество родственников жениха и невесты - сколько их, в том числе мужского пола, каковы они - богатые, бедные, лентяи, воры, жулики, злые или трудолюбивые, честные и добрые.

4. Личные взаимоотношения родителей той или другой стороны и т. д.

Все эти традиционные условия бракосочетания были против нашего союза.

Жители аулов Чох и Ругуджа, хотя и входили исторически в одно «вольное андалальское общество», не раз выступали совместно против проникавших в горы завоевателей (Надир-шах), имели нормальные торгово-экономические связи, проживали недалеко друг от друга, но особым дружелюбием их отношения не отличались. В то время как ругуджинцы обладали обширными площадями пашни, сенокосов, пастбищ, чохцы жили лучше: торговля, овцеводство, наличие большого числа чиновников, офицерских чинов резко отличали аул от остальных, порождали у чохцев чувство своего превосходства над все-

ми другими. Ругуджинцы и жители соседних аулов отвечали на это пренебрежительным отношением, осуждали меркантильность чохцев.

Моя возлюбленная происходила из знатной семьи. Ее отец был известен как «доктор Муртазали». Окончив в Тбилиси фельдшерскую школу, он долгие годы лечил больных в Казикумухском, Гунибском округах, а после революции в городе Буйнакске.

Мать ее была дочерью купца первой гильдии, состояние которого в предреволюционные годы промотал один из сыновей - Захид.

В техникуме в те годы из Ругуджи учился я один, в то время как почти половина аварцев была из Чоха.

Хотя я и происходил из крупного тухума аула, но был круглой сиротой, за душой ни гроша, да еще из Ругуджи. Какой позор, стыд и срам для семьи, рода и Чоха в целом, что Хадижа избрала беспризорника - детдомовца! Ведь к ней сватались и сын Мавраева - капиталиста из Чоха, и Хераманов - инженер из лакцев, да мало ли хороших ребят! Как она смеет предпочитать этого голодранца?! Так, примерно, начались наши отношения, а кончилось дело свадьбой в 1930 году, и живем мы уже 49 лет вместе. Умерли уже ее отец и мать, которые заменили мне родителей.

12 июня 1928 года я получил свидетельство № 639 об окончании 1-го Дагестанского педагогического техникума, в котором «признан достойным квалификации преподавателя школы 1-й степени и соответствующих групп школ семилеток».

Свидетельство напечатано на русском и турецком языках, подписано Гаджиевым, Аб. Гусейновым и др.

Однако работать преподавателем в школах мне почти не пришлось. Осенью того же года я был откомандирован обкомом ВЛКСМ в распоряжении моего родного Гунибского окружкома партии и утвержден секретарем обкома ВЛКСМ. 1928 год был очень сложным в жизни Дагестанской партийной организации, она приступила к решению трудной социально-экономической и политической задачи - переходу крестьян к коллективному ведению сельского хозяйства и подготовке условий для ликвидации кулачества в аулах. XV съезд ВКП (б) (2-19 декабря 1927 г.) дал исчерпывающие директивы об объединении и преобразовании мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы, поставив эту задачу как «первоочередную и ос-

новную задачу партии в деревни». Съезд «категорически указывал на необходимость проведения разъяснительной и пропагандистской работы среди крестьян и строгое соблюдение добровольности вступления в те или иные формы объединения»

Для Дагестана проведение в жизнь этой директивы осложнялось рядом специфических условий:

1. К началу 1928 года не было завершено восстановление разрушенного в период гражданской войны сельского хозяйства.

Посевная площадь в 1926 году составляла 46,7% от довоенной площади, крупного рогатого скота было 86%, овец и коз - 69%.

2. Сельское хозяйство было крайне отсталым, экстенсивным, соха, молотильные доски были основными орудиями производства, животноводство было малопродуктивным.

3. На крайне низком уровне было классовое самосознание масс, особенно в горах, превалировало тухумное (родовое), сильно было влияние религии и догм шариата, развито было куначество.

4. Очень мало было коммунистов и комсомольцев, еще меньше мало-мальски подготовленных кадров.

5. Малоземелье, разбросанные далеко по хуторам пахотные участки крестьян, состоящие из 5-10 клочков на одно хозяйство, затрудняли их обработку.

Решать задачи коллективизации в Дагестане пришлось не только с учетом изложенных условий. Надо было учитывать особенности плоскости, предгорья и гор, внутри этих зон пришлось выработать дифференцированный подход к ряду аулов. Комсомол выступал в решении задач коллективизации активнейшим помощником партии, хотя и в его работе были ошибки и промахи. К этому надо добавить и то, что в республике не были решены еще многие задачи социалистической революции, которые были давно решены в центральных областях России и других республиках: организационная структура управления на местах не была сформирована полностью, продолжала действовать старая структура округов, одно время существовали кантоны, как и в Швейцарии.

Не была завершена аграрная революция - пашни, сенокосы, скот оставались в личной собственности крестьян в исторически сложив-

шихся размерах и количествах, даже земли мечетей, национализированные лишь в 1927 году, не были розданы батракам и беднякам.

Хотя я уже имел среднее образование, был членом партии, понимал, что революция уничтожила строй эксплуататоров, но еще не представлял, каким образом практически осуществить реформы в горах. Правда, не меньше, а больше, чем в техникуме на неосвоенном турецком языке, знания в области общественных наук я и другие могли получить из публичных лекций, которые практиковались в Буйнакске в летний период, когда туда возвращались студенты из Москвы, а в частности из Красной профессуры.

Помню скверик Армянской церкви на центральной улице города, ряды скамеек, поломанных стульев, импровизированную кафедру - трибуну, с которой выступали лекторы. Там выступали многие, русские и дагестанцы, местные и приезжие. Особенно популярны были выступления двух дагестанцев-студентов - Юсупа Шовкринского и Абдурахмана Кадиева. Должен признаться, что эти товарищи оказали очень большое влияние на мое формирование как работника, они пробудили во мне непоколебимое желание готовить себя для служения народу Дагестана. Каждая встреча с Ю.Шовкринским пробуждала стремление больше знать, быть похожим на него, т. е. уметь также говорить по-русски, знать ленинизм, быть полезным партии и трудовому народу.

Став первым секретарем Гунибского окружка ВЛКСМ, я с большим рвением включился в работу по мобилизации комсомола и молодежи для решения поставленных задач. Их было много. Нетронутыми оставались эксплуататорские элементы, члены банды Гоцинского. Батраки и бедняки, не получив в результате революции материальных благ (пашню, скот), оставались в известной мере зависимыми от кулаков и религиозных элементов. Хотя открыто действующих враждебных групп и организаций не было, подрывные подстрекательские действия против Советской власти, ее мероприятий имели место. Почти поголовно неграмотное население находилось под сильным влиянием веками установившихся традиций, норм и привычек и сложно, медленно, с оглядкой приобщались к новой жизни.

Даже такие мероприятия, как раздача вакуфных земель батракам и беднякам в ряде мест срывались, люди отказывались получать зем-

ли мечети. В руководящих органах аула - сельских советах, комитетах бедноты, комсомольских ячейках подчас орудовали выходцы из социально чуждой среды и, как могли, вредили Советской власти. К примеру, государство выделяло кредиты, ссуды для оказания помощи селу, их не выдавали батракам и беднякам, а распределяли между руководящими работниками села и зажиточными крестьянами, а иногда и кулаками.

В Гунибе в то время (1928-1930 гг.) секретарем окружкома ВКП(б) работал Магомед Гитинов из Хунзаха, председателем исполкома Магомед Абашилов из Согратля, председателем РКИ Магомед Мутаев из Мегеба. Все три Магомеда с оружием в руках боролись за Советскую власть, а Гитинов был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Будучи очень разными по характеру и уровню политической и технической грамотности, эти товарищи работали спаянно, не зная нередкой тогда грызни и склок. Все три Магомеда способствовали моему формированию как коммуниста, работника.

Особо большую роль в моей жизни сыграл М.Гитинов. Обаятельный, в высшей степени скромный, общительный, энергичный, отзывчивый и настойчивый в работе - он был для меня олицетворением идеального коммуниста, деятеля партии, беспредельно преданного ее интересам и способный отстаивать их.

Его предупредительная вежливость, манера говорить доходчиво, с улыбкой о самых сложных делах и вещах снискали Магомеду глубокое уважение товарищей по работе и окружающих. Я не помню ни одного случая его грубого обращения с людьми, ни разу он не потерял контроль над собой при самых острых спорах на бюро окружкома или на собраниях. Он умел спокойно и внимательно выслушать мнение товарищей, учитывал их предложения.

Теперь, спустя 50 лет, я смело могу сказать, что Магомед Гитинов был деятелем ленинского типа, и я благодарен судьбе, что она, хотя и ненадолго, свела меня с ним на заре моей общественно-политической деятельности.

Весной 1929 года я был переведен на работу в обком ВЛКСМ в Махачкалу. Второй раз мы встретились с Гитиновым через 7 лет - он был заместителем Председателя Совнаркома ДАССР, а я закончил Московский институт инженеров водного хозяйства и через год после возвращения в Дагестан был утвержден наркомом земледелия

ДАССР. Работу в окружкоме комсомола пришлось начать с его упразднения и организации райкомов. Гунибский округ был разделен на Гунибский, Гергебильский, Кахибский (ныне Советский), Чародинский, Тляратинский районы.

Помню свою поездку в Тлярату для оформления райкома комсомола. Дело было поздней осенью, в горах лежал снег. Мне было известно, что дорога в Тлярату плохая, об этом предупредил меня М. Гитинов. Выехал я вместе с Х.Омаровым, который был рекомендован обкомом в секретари райкома комсомола. Он был жителем Тляраты, работал в окружкоме комсомола в Гунибе. Ехали верхом на лошадях. Километров в 20-ти от Тляраты мы потеряли дорогу, не видно было, где она, куда направить лошадей. Глубокое ущелье, внизу река, отвесная скала впереди. Омаров слез с лошади и начал сгребать снег руками, появилась одна, вторая третья, несколько каменных плит, положенных на анкерные колышки, вбитые в скалу. Я также слез с лошади и прошел этот балкон в скале. Такое повторялось несколько раз. После я удивлялся, как люди могли обходиться без дороги, ведь в селениях этого района своего хлеба не бывало, керосин, соль приходилось возить на ишаках и лошадях.

Предание о том, что двое верховых, встретившись на таких участках, должны были решить - кому и на каких условиях лишиться лошади или ишака после поездки в Тлярату, для меня стало анекдотом.

Работали мы вместе с Гитиновым опять недолго. К великому моему сожалению, в 1938 году он не избежал незаконных репрессий. В пятидесятые годы после реабилитации Магомед возвратился в Дагестан, я старался помочь ему позабыть обиды и оскорбления. Он не был обижен на партию, понимал случайный характер событий 1937-1938 годов. Однако был глубоко оскорблен, что ему после всего перенесенного приходилось встречаться с теми, кто издевался над ним.

Магомед Абашилов в противовес Гитинову был довольно сурового характера человек. Бывший партизан, честный коммунист, энергичный работник, он отличался вспыльчивостью, был жестким в борьбе с пороками, недостатками, мог оскорбить человека. Хороший семьянин, красивый, аккуратно одетый Абашилов производил приятное впечатление и внушал к себе уважение молодежи. В тридцатые годы он был назначен зам. начальника РКИ.

Магомед Мутаев из Мегеба, также бывший партизан, был идеалом мужской красоты - высокий рост, смугловатое лицо, большие черные усы. Малограмотный, но требовательный к себе и подчиненным, Мутаев был беспощаден к нарушителям закона, правопорядка и дисциплины. В Гунибе в те годы работала Хадижат Нахибашева - одна из первых горянок-коммунисток, которая сделала много для освобождения горянок от кабалы.

Еще один случай. Райком партии командировал меня и Магомеда Дибирова из Ругуджи в нынешний Чародинский район для проведения организационных мероприятий по кооперированию населения. Дибиров - один из немногих ругуджинцев, который в период нашего существования банды Гоцинского находился в Гунибе и воевал на стороне Советов, был старше меня по возрасту и опыту работы, хорошо знал аулы Тлярош и Гочоб, где нам предстояло работать. Приехав в Тлярош, мы остановились, как потом я узнал, у крупного барановода. Вечером к нам зашел лесничий Карахской лесной дачи Шамсутдин, трапезничал с нами, рассказывал о настроениях крестьян, об активистах и антисоветски настроенных лицах. Потом мы выяснили, что Шамсутдин являлся подкулачником, пьяницей и сведения нам давал ложные - бедняков-активистов называл антисоветчиками, а кулаков и зажиточных - активистами. Обнаружилось это на собрании группы бедноты. Согласно сведениям, полученным от Шамсутдина, мы составили список лиц, рекомендуемых в состав правления товарищества по совместному выпасу скота. Когда огласили список, в котором оказалось больше зажиточных, в том числе один из крупных кулаков Абдурахман, в помещении поднялся шум, раздались возгласы протеста, с одной стороны, и крики одобрения, с другой стороны. В числе наиболее активно поддержавших кандидатуру Абдурахмана был Шамсутдин, который револьвером запугивал колхозников. Собрание было сорвано, но зато в ауле произошло размежевание по признакам не тухумной, а классовой принадлежности, и Шамсутдин был разоблачен. Мы не смогли договориться о составе правления, собрание закончилось безрезультатно. В целом в округе довольно смутно представляли, что такое коллективизация, артель, коммуна. Были предложения об организации женских, комсомольских артелей. Дело дошло до того, что 9 (кажется, такое было число) человек из служащих

Гуниба родом из Чоха решили организовать коммуны, обобществив имущество вплоть до кур, мебели и домашней утвари.

Помню, напротив Гуниба они построили однокомнатные хибарки, на какое-то время перевезли туда семьи и хозяйство. Очень скоро жены коммунаров перессорились и возвратились в Гуниб. Однако название «Коммуна» за этим участком Чохской земли закрепилось, и теперь там сады и огороды, добротные жилые дома, школы и другие культурно-бытовые объекты.

Помню и такое решение бюро окружкома партии, в котором на 1928 год намечался ряд аулов для проведения сплошной коллективизации. Ошибок и промахов было много, однако желание построить жизнь на новых началах было огромное, энергия и энтузиазм били ключом, особенно у коммунистов и комсомольцев. Беда состояла в недостаточной политической грамотности, в неумении применять общие директивы центра к конкретным условиям горных аулов. Спешка, желание не отставать от соседей, а наоборот, быть впереди приводили к серьезным просчетам.

Для характеристики общей атмосферы показателен такой пример. В окружном центре работало много русских, аварцев и небольшое число представителей других народностей Дагестана. Однажды на собрании райцентра возник спор, на каком языке вести собрание. Присутствовавшие аварцы хорошо или плохо знали русский язык, а русские и представители других народностей аварского языка не знали. Помню свой спор с завождем пропаганды окружкома партии Ахмедом Шарапиловым, который настаивал на том, чтобы собрание провести на аварском.

Ахмед был старше меня, сын отцовского кунака, не раз бывал дома у них, пользовался угощением и хорошим настроением всей семьи. Несмотря на это, я выступал против предложения Ахмеда, и собрание прошло на русском языке. Должен сказать, что после этого наши отношения с Ахмедом не стали хуже. В последующем мне приходилось часто встречаться с Ахмедом, он проявил себя с самой хорошей стороны в период Великой Отечественной войны: находясь на руководящей работе, подал заявление и был зачислен политруком добровольческого кавалерийского эскадрона, награжден несколькими орденами и медалями. Очень спокойный, тихий и даже стесни-

тельный Ахмед был настоящим коммунистом, хорошим товарищем, образцовым семьянином.

Наряду с заботами о перестройке жизни аула все острее вставал вопрос о ликвидации неграмотности среди населения. Многие издержки в работе тех лет были обусловлены и малочисленностью образованных работников, слабостью их идейно-политической подготовки и почти поголовной неграмотностью среди населения. Беда была в том, что среди руководящих кадров широкое распространение получил куначеский, приятельский подход к подбору работников, стремление проташить на работу своих родственников, аульчан и личных приятелей.

Имели место непонимание руководящей роли партии, тенденция противопоставить советские органы партийным, особенно на селе. Имели место склоки и дразги даже в областном центре.

Так было с руководством обкома ВЛКСМ. На XI областной конференции полностью было обновлено бюро обкома ВЛКСМ, я был избран членом бюро и утвержден зав. АППО обкома и заместителем секретаря, а секретарем обкома был приглашен Суликан Кафар-заде из Азербайджана, один член бюро - Кропычев был прислан из Москвы. Обновление руководства комсомола республики было вызвано неудовлетворительной работой по мобилизации комсомола и молодежи на борьбу за новую жизнь.

Работа в обкоме комсомола дала мне возможность узнать Дагестан с его многообразием и, что особенно важно, ближе познакомиться с руководящими кадрами республики.

Секретарем обкома ВКП(б) в те годы работал Муравьев, Председателем Совнаркома был Джамалутдин Коркмасов, Председателем ДагЦИКа - Магомед Далгат, председателем РКИ - Ключев. Старые большевики, участники революционного движения еще до октября 1917 года эти товарищи не в одинаковой степени хорошо знали Дагестан и, главное, по-разному относились к оценке специфики республики.

Муравьев был ниже среднего роста, коренастый и курчавый, крепкого телосложения. Старый большевик, очень энергичный, принципиальный, общительный и простой.

Коркмасов - высокообразованный, старый революционер, работал Председателем Совнаркома со дня установления Советской влас-

ти в Дагестане. Особой энергией и инициативой не отличался, был склонен преувеличивать роль специфики Дагестана при проведении политики партии в жизнь.

Магомед Далгат - также старый деятель партии, был малоразговорчив, даже пассивен.

Ключев - худощавый, высокого роста, вел очень активную борьбу со всякого рода нарушениями устава партии, советских законов, партийной этики.

По роду своей работы мне часто приходилось бывать в отделе пропаганды обкома РКП(б) и в Наркомпросе.

Завотделом пропаганды обкома работал тот самый Юсуп Шовкринский, лекциями которого восхищался я в Буйнакске. Какой же это был жизнелюб, как он отличался от некоторых других ответственных работников! Юсуп со всей решительностью выступил против политики в языковом вопросе, вскрыл ошибки обкома партии, раскритиковал линию на тюркский язык, обосновал необходимость и целесообразность усилить роль русского языка в Дагестане. Сын сапожника, сам сапожник, красный партизан, ныне красный профессор, он отлично видел назревшие потребности развития дагестанского аула, решительно пошел против линии, проводимой Коркмасовым и др.

Полагаю, что, отказавшись от «тюркизации» и усилив внимание к изучению русского языка, мы сделали крупный шаг в осуществлении культурной революции в Дагестане. Большая роль в этом принадлежит Юсупу Шовкринскому. Жаль, что он подвергся незаконным репрессиям в 1937 году, и жизнь его оборвалась рано. Много, очень много Юсуп мог принести пользы развитию культуры и искусства в Дагестане.

Не менее добрых слов заслуживает Алибек Тахо-Годи, работавший в те годы наркомом просвещения ДАССР. Можно сказать, что в Дагестане не было более интеллигентного, начитанного и культурного человека. В первые годы Советской власти в Дагестане издавались плакаты с портретами членов правительства. Тахо-Годи в черкеске и папахе производил впечатление могучего богатыря-красавца.

Алибек Тахо-Годи активно участвовал в борьбе за Советскую власть, а после ее установления, вплоть до тридцатых годов, беспрерывно возглавлял Наркомат просвещения. Его перу принадлежат много-

численные научные статьи и фундаментальный труд «Революция и контрреволюция в Дагестане». Тахо-Годи сделал очень много для подготовки кадров, развития школьного образования, ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Тахо-Годи пользовался огромным авторитетом, был любимцем молодежи. Помню, как тяжело перенесла молодежь его освобождение от должности наркомпроса. Он был отозван в Москву и несколько лет работал зам. заведомом ЦК ВКП(б). Мне посчастливилось несколько раз бывать на приеме у наркома, участвовать в совещаниях, которые он проводил. Причастность к деятельности этих и других руководителей Дагестана, работа в обкоме комсомола в те тяжелые тридцатые годы привили мне вкус к общественной работе, породили желание служить партии, дагестанскому народу. Для этого надо было пополнить свои знания.

Перевод преподавания на русский не обошелся без перетряски в руководстве Наркомпроса. Был освобожден Алибек Тахо-Годи и некоторые другие работники, несколько месяцев обязанности наркома исполнял Аюбов, татарин по национальности, человек довольно грубый. В числе освобожденных оказался и начальник Главсоцвоса Саид Омаров, который долгие годы занимал эту должность (о своем первом знакомстве с ним в Гунибском детдоме я писал ранее). Я имел контакты с работниками Наркомпроса, но был далек от готовности работать в этом аппарате. Однако с кадрами было так плохо, что бюро обкома ВКП(б) утвердило меня начальником Главсоцвоса. Должен признаться, я в начале не понимал значение этого слова, хотя и владел довольно сносно русским языком. Мне было крайне неловко идти на замену С. Омарова. Единственное мое преимущество состояло в том, что Саид Омаров был беспартийным. Видимо, были и какие-то недостатки в его работе. В остальном я уступал ему по всем параметрам, походило на то, что посредственный ученик заменил своего учителя.

Одновременно я был утвержден председателем центральной вербовочной комиссии. Задачи этой комиссии мне разъяснили в райкоме партии. Дело в том, что предоставленные дагестанцам льготные места в вузах, техникумах и рабфаках чаще всего занимали дети бывших офицеров, торговцев, чиновников, а также дети кулаков и барановодов.

В Москву, Ленинград, Баку и другие города ехали сыновья городской аристократии, а дети бедняков в учебные заведения ехали неохотно. Задача состояла в том, чтобы вербовать детей бывших партизан, середняков и направлять их на учебу, разъяснять им преимущество продолжения образования, рассказывать о льготах, которые даются при поступлении на учебу, и материальной помощи во время учебы от государства. С другой стороны, необходимо было ограничить доступ выходцам из социальных верхов старого общества к льготным местам в учебных заведениях. А они, подталкиваемые и поддерживаемые материально родителями, проявляли большую настойчивость, чтобы попасть в учебное заведение.

Передо мной была поставлена задача, обязательно заполнить предоставленные Дагестану места, подобрать кандидатуры, в том числе руководящих работников комсомола. Не помню, удалось или нет выполнить эту задачу, но классовую линию при подборе кандидатур мы старались выдержать.

После бурной и интересной работы в комсомоле в Наркомпросе я чувствовал себя не в своей «тарелке». Здесь работали старые учителя, которые учили нас в техникуме - Абдурахман Исаев, Мурза Темирханов, о Саиде Омарове я уже писал. Одновременно у меня самого усилилось желание поехать в Москву для продолжения образования. Я выбрал Академию комвоспитания им. Крупской. Получив согласие Юсупа Шовкринского, я пошел к секретарю обкома партии Муравьеву и попросил разрешить выехать на учебу. Поначалу Муравьев отговаривал меня, высказал намерение взять меня на работу зам. заведомом пропаганды обкома ВКП(б). Каким бы заманчивым это предложение ни было, как бы ни хотелось работать рядом с Юсупом Шовкринским, я убедительно просил освободить меня от работы и отпустить на учебу.

Мое решение продолжить образование было связано с обещанием, данным будущей жене и ее родителям, которые в конце концов позволили нам жениться. Муравьев дал согласие, и 22 июля 1930 года, женившись на Хадижат, я взял ее с собой и поехал в Москву в Академию комвоспитания, а она в Педагогический институт им. Карла Либкнехта.

Моя женитьба после длинной и сложной истории была простой: без свадьбы и формальностей. Отец будущей жены - Муртазали Дибиров, помимо требования продолжить образование, поручил своему товарищу и земляку, доктору Муслиму Нахибашеву провести какое-то медицинское обследование. Помню, Нахибашев и еще человека три вызвали меня в здание Наркомздрава и взяли спинномозговую жидкость. Если бы теперь предложили мне повторить эту операцию, ни за что бы не согласился. Боль была адской, и после я долго мучился поясничной болью. Справка о том, что я здоров, была представлена, я лично поехал в Буйнакск, забрал жену и вернулся в Махачкалу. Здесь я занимал одну комнату в доме, где жили работники обкома партии и комсомола. Они устроили небольшой ужин, и через 15 дней после женитьбы мы поехали на учебу.

В Академию комвоспитания я не попал. Проректором Академии оказался тот самый Аюбов, который работал зам. Наркомпроса в Дагестане и был освобожден за неудовлетворительную работу. Он принял меня более чем холодно, посмотрел направление, документ и, не поднимая головы, сказал: «Ты опоздал, разверстка Дагестана заполнена, прием закончен и места нет». На мой вопрос, как мне быть, ведь я приехал с женой, он ответил, что не надо было заниматься женитьбой, надо было вовремя приехать. Этим и кончилась моя попытка получить высшее образование в Академии.

Хадижа легко устроилась в педагогический институт. Я обратился в Постпредство Дагестана, которое размещалось в здании нынешнего ГУМа. К моему счастью, постпредом оказался Абдурахман Кадиев, чьи лекции я слушал в 1926-1927 годах в Буйнакске. В Постпредстве консультантом работал небольшого роста пожилой человек по фамилии Линник. Он позвонил куда-то и направил меня в Петровск-Разумовское - Институт инженеров водного хозяйства Наркомзема СССР. Здесь меня встретили хорошо и без всяких экзаменов приняли в институт на отделение гидротехнического строительства. Дали комнату в общежитии, назначили стипендию 63 рубля. Хадиже в стипендии отказали.

Сбережений у меня не было, одежда и обувь не были рассчитаны на московские морозы. Мы жили в разных районах - я в Тимирязевке, а она в Разгуляеве. На территории Тимирязевки располагался Инсти-

тут животноводства. Посоветовавшись, мы добились перевода Хадижи в этот институт. Она была зачислена на зоотехнический факультет. Мы оказались в одном районе. Вскоре получили небольшую комнату. Однако жить на 63 рубля стало просто невозможно, и я был почти готов бросить учебу. В этот критический момент жизни я встретил А.И.Муравьева. В Постпредстве Дагестана. На вопрос секретаря обкома, как я устроился и не трудно ли учиться, я откровенно рассказал о тяжелом положении, намерении бросить учебу и вернуться в Дагестан.

А.И.Муравьев отговорил меня и помог в том, чтоб я и жена продолжили учебу, получили высшее образование. Он забрал меня с собой и пошел в ЦК ВКП(б). В ЦК у зам. завотделом Л.И.Киласанидзе, в чьем ведении были учебные заведения, А.И.Муравьев долго и настойчиво просил выделить для меня одно место в счет парттысячники, говорил, что я горец, бывший детдомовец. Киласанидзе твердил одно: «Нет лимита, помочь не могу».

А. И. Муравьев повел меня в Московский комитет партии. Приняла нас очень симпатичная, веселая женщина в летах, с сединой, она, видимо, хорошо знала Муравьева. После изложения просьбы, она обратилась ко мне с вопросами: с какого года я в партии, женат ли и еще что-то. Я ответил, что в партии с 1928 года, а в комсомоле - с 1923 года, женат, и жена в Москве, учится в вузе. К сожалению, я не помню фамилии, не знаю, кем работала эта женщина. С помощью Муравьева тогда она сыграла решающую роль в моей жизни.

В этот день я был оформлен в счет парттысячники из Московской организации. Это означало повышение стипендии до 170 рублей, прикрепление к закрытому распределителю, выделение отдельной просторной комнаты на Соломенной Сторожке, 26-а. Теперь там от бывшего и следа не осталось, стоят высотные дома.

Я поблагодарил А.И.Муравьева обещанием хорошо учиться и быть полезным партии. Я буду до конца жизни признателен той седой женщине с сияющим лицом и коренастому, подвижному, всегда серьезному, но простому и доступному секретарю Дагестанского обкома партии, русскому большевику А.И.Муравьеву.

В моей долгой работе в Дагестане имеется доля их заботы и внимания. Спасибо им, их потомству.

После зачисления в парттысячники других забот кроме учебы не стало, а учиться мне было крайне трудно. Здесь, в Институте инженеров водного хозяйства, я на себе испытал пагубные последствия перевода преподавания в 1-м Дагпедтехникуме на тюркский язык, совершенно недостаточные основы знаний, которые в техникуме давали по математике и др. дисциплинам. Единственное, в чем я не уступал остальным студентам, - общественные дисциплины, в частности, политэкономия. А такие предметы, как сопротивление материалов, гидравлика, черчение и др., давались мне крайне трудно. На помощь пришли профессора и преподаватели, товарищи из группы.

В институте работали, читали лекции и вели группы такие маститые ученые, как Каблуков, Прокофьев, Милович, Подарев, Костяшов, Бюджинс, Тряпишников, Орлов и другие. Все эти представители старой русской интеллигенции, разные по характеру и нравам, в одном были едины: в желании привить студентам любовь к знаниям. Консультации во внеучебные часы, помощь отстающим, кружковая работа, исключительная чуткость были отражением высокой интеллектуальной культуры этих в большинстве своем беспартийных профессоров.

Не менее важную роль в овладении и закреплении знаний играла система внеклассной работы студентов. В институте учились люди разных национальностей, разных возрастных групп, с разным уровнем знаний и, что естественно, с разными способностями и характерами. Леппа и Визайлов из Прибалтики, Мелкумян, Алавидзе, Набиев, Ахундов из Закавказья, Суслопаров, Зильман, Зинчковский из России были уже в летах, некоторые из них члены партии с 20-х годов, пришли сюда с ответственной партийной и советской работы.

Жили в общежитиях, учились в аудиториях и лабораториях, работали на практике и в кружках в атмосфере доброжелательности, дружбы и товарищества, взаимопомощи. Удивительно чутким было отношение со стороны русских и преподавателей к представителям нацменьшинств. Я не помню ни единого дня за 6 с лишним лет пребывания в институте, который был омрачен нетоварищеским отношением ко мне. Конечно, и я отвечал товарищам не меньшей доброжелательностью. Видимо, работа в комсомоле помогла мне находить взаимопонимание с людьми.

Особенно теплые отношения сложились у меня в бригаде. Дело в том, что в институте и в других учебных заведениях практиковалась бригадная система подготовки домашних заданий. Бригады комплектовались таким образом, чтобы в составе каждой были успевающие и слабые студенты, и чтобы первые помогали отстающим. Иногда бригады складывались по признакам личных симпатий, больше по близости местожительства. У бригад был четкий распорядок работы - часы, предмет, кто и что готовит. Образовывались бригады, как правило, из студентов одной группы, а на курсе было несколько групп. В составе нашей бригады было пять человек: три студента, поступившие после демобилизации из армии - Шинкаренко, Семенов, Буренков, одна белоруска - Мария Змушко и я. Все товарищи были коммунистами и старше меня по возрасту. Особенно добрым и нежным характером отличался Семенов, он же был и наиболее способным и грамотным. Высокого роста, богатырского телосложения, он был в высшей степени скромным и тактичным. Забегая вперед, скажу, что по окончании института он работал на строительстве Куйбышевской ГЭС, в шестидесятые годы приезжал к нам, а в 70-е годы я ездил к нему в Казань. К сожалению, он оказался в больнице, и когда я зашел в палату, то не сразу узнал его. От этого богатыря остались кости да бесцветная кожа. Больше я Семенова не видел, но он остался в моей памяти как искренний друг.

О Шинкаренко и Буренкове после института я не имел сведений, а М.Змушко работала в Белоруссии.

Я говорил, что учиться мне было очень трудно, особенно в первые два года. Не одну ночь напролет просидел я над изучением инженерных дисциплин, вычерчиванием строительных конструкций. Бывало, незаметно наступает рассвет, выключаешь электричество и продолжаешь работать при утреннем свете. Помимо членов бригады настоящая братская дружба завязалась у нас с семьей Георгия Николаевича Джапаридзе. Он приехал в Москву, проработав несколько лет техником-мелиоратором, ему были знакомы многие дисциплины, которые мы проходили в институте. Плохо обстояло у него дело с общественными дисциплинами, неважно было и с русским языком. Хорошо и легко решал задачи, чертил аккуратно. Мы делились всем и жили как одна семья. Он и жена Марго были старше нас, оба отличались

истинно кавказским гостеприимством, высокой прирожденной культурой и готовностью прийти на помощь, делить последнее с друзьями. Если употребить известное всем дагестанцам определение, это были люди с большим намусом. В последующем мы поддерживали связь, во время празднования 40-летия Грузинской ССР я побывал в Телави, где обосновалась семья Георгия, гостил у него; его сын Омари поступил в ДГУ и успешно его окончил. Мы с Хадижой сохраняем самые добрые чувства к этой замечательной семье, часто вспоминаем корпус 26-а у Соломенной Сторожки, вкуснейшее лобио с перцем и орехами, иногда сами готовим его.

На третий год пребывания в институте коммунисты отделения гидротехнического строительства избрали меня членом партбюро, и я вел работу среди молодежи. В этом же году студенты вузов и других учебных заведений, обучавшиеся в Москве, избрали меня председателем землячества при Дагпредстве. В это время во всех учебных заведениях Москвы обучалось не менее ста пятидесяти дагестанцев. Среди них были: Муслим Атаев, Хаджи-Мурад Хашаев, Сулейман Сулейманов.

Землячество вело учет студентов, собирало сведения об успеваемости, о материально-бытовом положении, добивалось единовременной помощи нуждающимся через Постпредство. Систематически организовывались собрания, вечера, в большинстве они приурочивались к приезду в Москву ответственных работников республики. Иногда обком партии направлял специального работника, чтобы проинформировать студентов о положении дел в республике, присмотреться к будущим кадрам. Помню одно собрание в 1934 году, на котором присутствовал Нажмутдин Самурский - первый секретарь обкома ВКП(б).

О Самурском я знал немного, а встречался с ним впервые. Из рассказа Абдурахмана Кадиева, который некоторое время был постпредом Дагестана в Москве, и бесед старших товарищей я знал, что Самурский - лезгин, участник гражданской войны, был председателем ДагЦИКа, а в 1934 году был избран секретарем обкома ВКП(б). На этом посту он проявил колоссальную энергию и добился больших успехов в хозяйственном строительстве. На собрании землячества Нажмутдин проинформировал нас о тяжелом положении с кадрами, призвал успешно завершить учебу и возвращаться в Дагестан. На этом

собрании говорил и я о том, что студенты понимали и видели безответственную работу старого руководства обкома ВКП(б), переживали за республику, и что мы одобряем линию на решительное искоренение фактов поверхностной работы руководящих работников, которая разлагающе влияет на кадры всех звеньев. Видимо, мое выступление, с одобрением встреченное собранием, Самурскому понравилось, на следующий день он пригласил меня в Постпредство и подробно расспросил: кто я, откуда и т. д.

Внешне Самурский не производил благоприятного впечатления - невысокого роста, с большим носом, со следами оспы на лице. Он был всегда хмурым и озбоченным, редко можно было видеть его улыбку. Впоследствии, работая в Дагестане, я ближе узнал этого человека, убедился, что внешние впечатления не характеризовали его.

Учеба моя постепенно вошла в нормальное русло, я оказался в ряду успевающих. Студенческая общественность (партком, профком и др.) начали загружать меня работой, а затем оказали мне доверие, вначале избрав в состав, а на следующий год - секретарем партбюро отделения, еще через год - председателем профкома института. Наконец, на последнем курсе я был утвержден ответственным редактором многотиражки института.

В институте, безусловно, были более подготовленные чем я успевающие студенты. Тот факт, что мне оказывали предпочтение, можно объяснить разве только моей общественной активностью. Этим же я объясняю и то, что два года по итогам Всесоюзного соцсоревнования студентов меня награждали грамотами ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Комитета Всесоюзного соревнования высших школ и техникумов при газете «Комсомольская правда». Грамота за 1933/34 учебный год, подписанная председателем Комитета соревнования А. Енукидзе, у меня сохранилась. Другая грамота «За высокие показатели в учебе и активное участие в работе общественных организаций учебного заведения» была присуждена в 1933 году на торжественном заседании президиума Московского областного комитета союза МТС и батрачества, посвященном XVI годовщине Октябрьской революции. Сохранилась у меня одна грамота от Треугольника института, в которой записано: «Треугольник института отмечает Вашу высококачественную работу по учебе, систематическую успеваемость, образцовую общественную работу и дисциплинированность». На протяжении 1933-1935 годов я

был неоднократно отмечен поощрениями: получал денежные вознаграждения, дважды был направлен в санаторий и дом отдыха в Сочи и Крым, получал отрез на костюм. Пользовался я (это не бахвальство) расположением студентов, в свою очередь сам старался быть предельно чутким, внимательным к ним, объективным и честным при выполнении поручений коммунистов и общественности. Профессора и преподаватели, видевшие мою слабую подготовку и отставание в начале учебы и всячески помогавшие в преодолении их, были довольны моими достижениями и еще лучше и душевнее стали относиться ко мне. Все это порождало во мне огромную трудоспособность и желание оправдать доверие.

Полагаю, что в основе этих и последующих успехов моей жизни лежало осознание простых истин жизни, пробудившаяся очень рано (после смерти отца), закрепившаяся в детском доме ответственность за жизнь свою, брата и сестры. Жить надо было, опираясь на свои силы и способности, имущества у нас не было, родственникам было не до нас. Если хочешь жить - учись жизни, присматривайся вокруг, перенимай полезное, не стесняйся, спрашивай и дерзай.

Еще до женитьбы передо мной стоял вопрос - что я дам любимой девушке, увезя ее из родного аула, чем и как скомпенсирую ее мучения и страдания, упреки надменной молодежи за то, что она вышла замуж за беспризорника из Ругуджи, бросив вызов всем. Когда же в 1932 году у нас появился первый ребенок - дочка Забида - ответственность перед семьей намного возросла. В эти годы, хотя я и был членом партии, и мне минуло 24 года, я все еще не поднялся до уровня понимания, кому я обязан своим положением, перед кем должен быть ответственным. Я был благодарен чохским партизанам, которые отняли у богача Мамалава дом и отдали его под детский, оберегали нас от притеснений кулацких детей, кормили, обували, одевали. Признательность к начальнику Гунибского гарнизона Никитину, давшему возможность общаться с красноармейцами, которые помогли мне овладеть русским языком, не покидает меня и теперь. Я писал уже о влиянии на мое формирование Шовкринского, Гитинова, Муравьева и многих других, о своих симпатиях и признательности к ним. Перед ними я в неоплатном долгу. И лишь постепенно, по мере расширения

кругозора, я начал сознавать свой долг и ответственность перед Коммунистической партией и Советским государством.

Прозрение наступило в связи с вопросом: чем я могу ответить на столь щедрое и возрастающее внимание ко мне не отдельных товарищей, а партии и государства. И я ответил упорным трудом по выполнению призывов, лозунгов партии. Я понял, что своей жизнью обязан Великой Октябрьской революции, великому русскому народу, принесшему неисчерпаемые жертвы на алтарь революции и теперь щедро делившимся ее плодами со всеми угнетенными и обездоленными. Я сделался рьяным поборником революционных начинаний Коммунистической партии и Советской власти.

Что касается личных способностей, не могу не сказать о хорошей памяти и трудоспособности. Эти качества в значительной степени определили мои успехи в институте. Признаюсь, что хотя в Дагестан тянуло меня сильно, объяснялось это совсем не тоской по родственникам и родному аулу. Обучаясь в институте, я не терял связи с республикой. Каждый год выезжал на каникулы к родителям жены, которые теперь стали и мне родителями. Через землячество и Постпредство я был в курсе дел в Дагестане. В 1934 году практику проходил на строительстве плотины Гергебильской ГЭС, трамбовал вместе с рабочими бетон в теле плотины. В том же году отпускной месяц провел в совете Гунибской комиссии по чистке партии. Дипломный проект мой также посвящен Дагестану. В протоколе заседания Государственной квалификационной комиссии Гидромелиоративного института от 29.06.35 г. записано: «Подробный, со знанием дела анализ гидрологических, экономических и бытовых условий района проекта позволил дипломнику составить дипломный проект в составе арочной плотины, водозаборного сброса, ГЭС, сифонного и водосливного сброса, организации и механизации работ весьма продуманно, с широким освещением расчетно-конструкторских сторон.

Считать дипломный проект выполненным на «отлично» и присвоить т. Даниялову А. Д. звание инженера-гидротехника.

Председатель - (Замарин), секретарь (Цветкова). 29 июня 1935 г.»

Строительство гидростанции на реке Сулак и ее притоках в середине тридцатых годов было предметом большой заботы и внимания Дагестанского обкома партии. Благодаря инициативе и настойчивой

энергии Нажмутдина Самурского было образовано «Бюро Сулака» при Наркомтяжпроме и приглашены виднейшие авторитеты гидротехники Союза и зарубежья для консультации по гидросооружениям на Сулаке. Н. Самурский хорошо понимал, что для развития любой отрасли народного хозяйства непременным условием является наличие энергоресурсов, и поэтому, не жалея времени, искал пути создания энергобазы в Дагестане. Однако в достижении этой благородной цели были допущены просчеты: все внимание было сосредоточено на необходимости сооружения Чиркейской гидростанции, самой мощной и сложной из каскада. Задним числом, видимо, легче говорить, но никак этот гигант не мог быть сооружен в те годы. Второй просчет состоял в том, что строительство каскада гидростанции начали высоко в горах, вдали от железной дороги и городов, куда должна была поступать энергия. При незначительной мощности (около 7 тыс. кВт) строительство ГЭС в Гергебиле продолжалось около 10 лет, в то время как в пятидесятые годы в два раза быстрее в районе Чирюрта построили ГЭС мощностью 80 тыс. кВт. Эти просчеты являются следствием уровня развития техники того периода, отсутствия технически грамотных кадров. Поэтому было несправедливо приписывать их товарищам, которые отчаянно искали выход из «энергетического кризиса» и нашли его не совсем удачно.

2. 07. 1935 года на заседании Государственной квалификационной комиссии Московского гидромелиоративного института было решение оставить меня в аспирантуре института. Кроме того, за отличные успехи я был премирован фотоаппаратом.

Состояние моего здоровья к концу учебы сильно ухудшилось: нулевая кислотность и каверна в легких требовали соблюдения диеты и усиленного питания, что было невозможно обеспечить на аспирантскую стипендию. Хадижа, окончив зоотехнический институт, получила диплом и не была устроена на работу. Дочка наша воспитывалась в семье родителей Хадижи, и нет-нет до нас доходили вести, что ее в Чохе дети поддразнивают, называя «ругуджинкой». В этой обстановке последовал запрос обкома в Постпредство обо мне. В Постпредстве в это время исполняющим обязанности представителя работал Тиурач Аминов из Ахваха. Он пригласил меня к себе и передал требование Н.Самурского о том, чтобы мы с женой выехали

в Дагестан. Мы обсудили создавшуюся обстановку, посоветовались с друзьями, поговорил я с директором института и секретарем парткома и решил выехать в Дагестан. Оформив годичный академический отпуск, ибо я очень увлекся гидравликой и имел желание продолжить специализацию по этой линии, собрав небогатый скарб в два чемодана, мы выехали в марте 1936 года в Махачкалу в распоряжение Дагнаркомзема.

Остановились мы в семье Магомеда Шарапилова, двоюродного брата Ахмеда Шарапилова, нашего кунака, о котором я писал выше. Сам Магомед работал в 1932-1939 годах вторым секретарем обкома партии, курировал сельское хозяйство, а по прибытии первого секретаря обкома Самурского был освобожден и послан на учебу. Его семья - жена, сын и девочки занимали большую квартиру в «доме правительства» на улице им. Оскара. Нам отвели маленькую комнату, и почти год мы жили там. Родившегося сына Митхата размещали на письменном столе, ибо негде было поставить детскую коляску.

По прибытии в Дагестан я был определен помощником главного инженера Управления водного хозяйства Наркомзема, а Хадижа - зоотехником в отдел животноводства. Наркомом земледелия работал Дибир Саидов, человек простой и доступный, честный, но малоинициативный, его знания в области сельского хозяйства были крайне ограничены, и в аппарате шел по этому поводу тихий ропот. Сравнивали его с предшественником Хандадопием Тагировым, очень энергичным, деловым специалистом. Дибир Саидов принимал меня в каком-то сонном и рассеянном состоянии, и просьбы мои о квартире пропустил мимо ушей.

Мне шел 29-й год, около 10 лет был членом ВКП(б). Начальником Управления водного хозяйства работал Абас Алиев, главным инженером К.И.Киселев. Поначалу они приняли меня с настороженностью, присматривались, когда же узнали, что у меня академический отпуск, и я через год должен возвратиться в Москву для продолжения аспирантской учебы, успокоились, и у нас сложились хорошие взаимоотношения.

Летом 1936 года на реке Терек был сильный паводок, были прорывы дамбы в сторону Бабаюрта и Кизляра. На место прорыва на дрезине выехал Председатель Совнаркома ДАССР Керим Мамедбеков.

По какому-то капризу судьбы, ибо я и до сих пор не знаю причин, от Управления водного хозяйства на дрезине оказался я. Больше никого с нами не было. Я много слышал о Мамедбекове, но встречался впервые. Он провел на меня огромное впечатление исключительно изящным внешним видом: высокий, поджарый, с большими черными глазами, пышной шевелюрой и бородкой, в пенсне на продолговатом лице. Если верно изречение о том, что внешность определенным образом отражает внутренний мир человека, то у Мамедбекова мы могли бы найти убедительное подтверждение этому.

Бывший начальник ГПУ, человек, возглавлявший эти не столь уж нежные органы в сложный период становления и упрочения Советской власти при отчаянном сопротивлении недобитой контрреволюции в Дагестане, Керим был на удивление интеллигентным, добрым, даже ласковым. Впоследствии в роли члена бюро обкома ВКП(б), наркомзема мне посчастливилось общаться, наблюдать и даже ближе узнать Керима, многому научиться у него. Ясность ума, принципиальность и высокая требовательность к себе и к подчиненным сочетались в нем с чуткостью и отзывчивостью. Забегая вперед, скажу, если секретаря обкома боялись, то Мамедбекова любили, уважали, именно по этому принципу открыто и скрыто группировались кадры вокруг этих руководителей в 1927-1928 годах.

По дороге на ст. Шелковская Мамедбеков расспросил меня: кто и что я. В свою очередь я высказал накопившиеся к тому времени мысли о том, что Управление водного хозяйства плохо занимается водными делами в горах, что водоснабжение населенных пунктов вообще вне поля зрения управления и что в большинстве населенных пунктов женщины на спине на далекое расстояние несут воду. Два объекта орошения, которые строятся в горах, являются беспризорными. Керим внимательно выслушал меня, но своих соображений не высказал. На третий-четвертый день после возвращения из поездки на Терек начальник Управления водного хозяйства Абасалиев пригласил меня к себе и дал прочитать письмо из Совнаркома за подписью К.Мамедбекова, в котором было отмечено, что управление не охватывает горные районы руководством, что положение необходимо исправить. Вскоре в составе управления был организован отдел ирригации и водоснабжения гор. Начальником отдела был утвержден я. Этим было

положено начало систематическому изучению возможностей орошения в горах, принимались меры по проведению водопроводов в ряде населенных пунктов.

Тем временем жилищный вопрос мой оставался нерешенным, обращения в обком и личное посещение Самурского были безрезультатными. Не знаю почему, но к Мамедбекову с этим вопросом я не обращался. Мое терпение не могло быть бесконечным - было непонятно такое отношение; обком партии отозвал меня из аспирантуры, два специалиста вынуждены ютиться в чужом углу. После долгого раздумья я написал в редколлегия газеты «Правда» письмо с изложением истории вопроса и с просьбой помочь. Копию этого письма в шестидесятые годы работники архива показали мне. Письмо заканчивалось резкой и заслуженной критикой руководства обкома партии, без указания на личности.

Не знаю, попало или нет в руки Н. Самурского мое письмо, но оно не вызвало ни положительной, ни отрицательной реакции, а ведь в нем было сказано о процветающем подхалимстве, угодничестве в парторганизации. И действительно, организацию лихорадила групповая борьба, которая отрицательно влияла на работу, она калечила кадры, создавала обстановку нервозности, принуждала и приучала кадры к приспособленчеству, шушуканию. В этих условиях и речи не могло быть о критике. В конечном счете групповщина решающим образом стимулировала, создавала благоприятную почву для нарушения законности и репрессий.

Именно в этой обстановке 25.02.1937 года бюро обкома ВКП(б) утвердило меня народным комиссаром земледелия. Бывший нарком и ряд работников аппарата были сняты и арестованы по обвинению «во вредительстве». Не знаю, кому принадлежала инициатива моего выдвижения: К.Мамедбекову или Н.Самурскому, но для меня это было совсем неожиданно и преждевременно: разрушался мой план продолжить учебу в аспирантуре, я совсем не был готов занять такой высокий пост. Доводы мои не были учтены, и 28-летний Даниялов стал наркомом ДАССР.

Меня беспокоили нездоровая обстановка в руководстве республики и крайне сложные задачи, которые стояли перед дагестанским сельским хозяйством. Честолюбивым, эгоистическим стремлениям

Н.Самурского, которые принимали все более вызывающие формы, противостояла группа, примыкавшая к Председателю Совнаркома К.Мамедбекову. Открытого раскола в организации не было, но каждый мало-мальски грамотный человек мог наблюдать и слышать о недобрых отношениях двух руководителей между собой, о стремлении одного из них утвердиться единолично в качестве руководителя республики и скрытое, а иногда и открытое сопротивление другого. К.Мамедбеков был честным, принципиальным, весьма сдержанным и скромным коммунистом. Республику, ее специфику знал достаточно, но не так хорошо, как Н.Самурский. В силу болезненного состояния был менее энергичен. Но тем не менее к нему тянулись многие руководящие работники городов и районов.

Говорили, что Н.Самурский создает себе опору среди лезгин, а К.Мамедбеков среди азербайджанцев и евреев. Лично я тогда, да и теперь не могу утвердительно сказать, что группировка складывалась по национальному признаку. В обстановке назревшей бури 1937-1938 годов к той и другой группе тянулись представители разных национальностей, и особенно люди с сомнительным прошлым, шкурники и карьеристы, которых было немало в Дагестане.

Я понимал, что будучи наркомземом, мне не удастся оставаться нейтральным, учитывая невнимательное отношение к просьбам об устройстве жилищных условий, я питал определенное недовольство Н.Самурским. Я был в те годы достаточно подготовлен, чтобы понимать недопустимость подавления воли товарищей в коллективе одной личностью, и считаю это до сих пор противоестественным и вредным для дела. Определенные симпатии мои были на стороне К.Мамедбекова и главным образом из-за его простоты и скромности.

С другой стороны, я успел, хотя и в общих чертах, ознакомиться с состоянием сельского хозяйства, задачами, которые надо было решать, кадрами, с которыми предстояло работать. Задачи были очень сложными, кадры были крайне слабыми. На 1.01.1936 года колхозами было охвачено около 44 % крестьянских хозяйств, в том числе в горах, где было сосредоточено почти 3/4 населения аулов, лишь 25,7 % хозяйств. Причем в горах и предгорных районах колхозы были животноводческими, а в ряде случаев это были товарище-

ства по совместному выпасу скота. Пашня и сенокосы в колхозах горных районов не были обобществлены.

Провозглашенная как центральная задача по ликвидации аграрной перенаселенности гор земельно-водная реформа по существу была провалена. На всю республику имелось 16 МТС, в которых числилось 700 тракторов. Трудности состояли в полном отсутствии квалифицированных кадров в колхозах и МТС. По существу не был найден и определен сам подход к социалистической перестройке экономики горного аула. В этих условиях и при такой политической атмосфере я принял Наркомзем. Честно говоря, я толком не представлял функции министерства, я не знал, с чего начинать. Я был смущен и таким фактом: зам. наркомзема работал старый коммунист, зоотехник по специальности, начальниками управлений и отделов работали бывшие ответственные работники - Юзбеков (секретарь Хасавюртовского райкома ВКП(б)), Кара Караев (герой партизанской войны), Гашим-заде и др. - люди, за плечами которых большой жизненный опыт, стаж работы на руководящих должностях. И вдруг мне поручают ими руководить.

Кара Караева я знал заочно еще в годы гражданской войны, он был начальником партизанского отряда, награжден орденом Боевого Красного Знамени. Лично же познакомился с ним в 1926 году в бывшем Кахибском районе. Выполнив задание по переписи населенных пунктов на Гидатлинском участке, я возвращался в Гуниб. При спуске от Кахиба к Телетлю встретил верхового в серой папахе, защитного цвета рубахе, с маузером на боку, усатого, крепкого телосложения человека. Я его приветствовал обычным «Салам алейкум». Ответив на приветствие, путник спросил, кто я, откуда и куда направляюсь. Время было позднее для того, чтобы отправиться в далекий путь. Но я был верхом, на боку торчал казенный наган. Незнакомец категорически отговорил меня ехать и взял с собой обратно в Кахиб. По приезде в Кахиб остановились у председателя райисполкома Магомеда Фаталиева, которого я также видел в первый раз. Вот тут-то я узнал, что незнакомец - прославленный в боях с бандами Гоцинского Кара Караев.

Наш хозяин любезно предложил нам хинкал, и за ужином они вспомнили былое, говорили о делах, и я смотрел на них, как зачаро-

ванный. Впервые в жизни я сидел рядом и слушал беседу двух ответственных, заслуженных коммунистов. Позднее я много раз сталкивался с Фаталиевым и всегда расставался с ним с сожалением. В этом человеке сочетались внешняя суровость с нежностью характера. О К. Караеве расскажу позднее.

Не прошло и месяца, как я приступил к работе наркомзема, когда один за другим были арестованы Архипов, Юзбеков, Гашим-заде, а чуть позже и Кара Караев. Всем им предъявлялись стандартные обвинения: вредительство в сельском хозяйстве. Все они были коммунисты, вопрос о партийности нигде не обсуждался, а я об аресте сотрудников узнал на второй или третий день.

Наркомом внутренних дел в эти годы работал Ломоносов, жестокий и упрямый человек. Мне казалось, что он больше симпатизировал К.Мамедбекову, чем Н. Самурскому. Вторым секретарем обкома ВКП(б) работал М. Сорокин, который также больше общался с К.Мамедбековым, ближе других был к Ломоносову. Сельское хозяйство по линии МВД республики опекал Тучин, фамилия которого очень точно соответствовала слишком грузному телосложению. Сказать, что он был врагом Советской власти, я не могу, но что он вместе с Коноровым, Затолокиным творил произвол и беззаконие в отношении кадров в Дагестане, могу сказать с уверенностью.

Они по указанию руководства, а больше по собственной инициативе собирали, а лучше сказать, фабриковали компрометирующий материал на руководящих работников, добивались санкции прокурора (в большинстве случаев после ареста), а затем в тюрьме, применяя незаконные методы, добывали нужные показания от арестованных. Видя эти нарушения социалистической законности, прокурор республики обратился в обком партии, однако не получил поддержки, а Коноров начал стряпать материал на прокурора Х.-М. Хашаева. Помню, после одной стычки с Ломоносовым на тройке Хаджи-Мурат сказал: «Абдурахман, я не могу и не хочу подписывать приговоры к расстрелу невинных граждан, уйду с этой работы». И действительно, Х.-М. Хашаев подал в обком заявление об освобождении от работы, а потом выехал на учебу в Москву.

Секретарем ДагЦИКа работал Е. Мататов - худощавый, с черной шевелюрой, немолодой человек. Он сыграл определенную роль в раз-

дувании пожара, от которого пострадали невинные коммунисты. Меня на пленуме обкома не было - находился в командировке в Москве. На этом пленуме Мататов выдал за платформу буржуазных националистов решение пленума обкома, подписанное всеми присутствовавшими. В решении в довольно резких тонах и формулировках был выражен протест против присоединения Дагестана к Азово-Черноморскому краю; оно было направлено в ЦК РКП. МВД Дагестана арестовало всех дагестанцев, подписавших это решение, разыскав их по всему Союзу ССР.

Сам Мататов тоже попал в лапы Ломоносова, и его заявление при исключении из партии бюро обкома: «Буржуазные националисты на протяжении более 30 лет не могли справиться со мной, посмотрим, что может сделать Ломоносов» выдержало менее суток. Наутро между членами бюро было распространено признание Мататова, что он - враг народа. Такие «признания» были обычными и стандартными, и я лично глубоко сомневался в их правдоподобности. Но об этом позже, вернемся к Наркомзему.

Когда начались аресты сотрудников Наркомзема, я пошел к Н.Самурскому с жалобой, что не с кем работать, что людей забирают и даже не ставят меня в известность и взамен не дают. Я сказал Самурскому: «Видимо, МВД располагает данными о вредительстве тех лиц, кого арестовывает, но я не верю, чтобы Караев был вредителем». Прошло немного времени, Караев был освобожден из тюрьмы, а в сельхозотделе обкома меня познакомили со справкой Тучина, где безапелляционно было написано: «...В Наркомземе продолжают орудовать вредители и Даниялов им потворствует...» Я еще раз пошел в обком к М. Сорокину с жалобой, что в таких условиях невозможно работать, просил помочь кадрами. И эта просьба осталась без результата.

Не помню точно дату, когда в зале ДагЦИКа (ныне музей) прошло собрание актива, присутствовало руководство республики и В. Нажашвили, работавший в Северо-Кавказском крае уполномоченным КК ЦКНК. На этом активе, выступая впервые в качестве наркома, я выложил все, что накопилось, и внес предложение об обобществлении пашни, рабочего скота в горных колхозах. До сих пор помню свою оценку положения в Наркомземе: «Вместо того, чтобы укрепить аппарат проверенными и способными кадрами, обком партии посы-

лает туда проштрафившихся, снятых с работы в районах людей. Вместо боевого органа по руководству сельским хозяйством, Наркомзем превратился в штрафной батальон, во главе с обер-штрафным Саидовым». За точность не ручаюсь, но смысл был такой.

Мое выступление произвело неблагоприятное впечатление. На следующее после актива утро Н. Самурский по телефону примерно так оценил мое выступление: «Ты оторвался от гор, не знаешь психологию горцев. Поезжай в горы, поговори со стариками, изучи положение и потом переговори со мной». Как показала практика, Н. Самурский был во многом прав, видел и мыслил дальше меня. Я точно выполнил его указания, побывал в Лакском, Чародинском, Акушинском районах, побеседовал с работниками райзо, исполкомов и райкомов.

Из всего этого я заключил, что вопрос обобществления пашни в горах не такой простой, как я представлял себе. Однако нельзя было сохранять дальше положение, когда членами колхоза считались и бывшие батраки, и середняки, и зажиточные крестьяне, сохраняя в личной собственности дореволюционных размеров пашни, сенокосы, рабочий скот, инвентарь, а колхозы в большинстве случаев существовали без пашни, без кормов. Заведующим райзо в Лакском районе работал Алиев, имени не помню. Он помог мне утвердиться во мнении, что с колхозами в горах что-то надо делать. По возвращении с гор я доложил Н.Самурскому свое мнение и просил разрешения собрать райзо и с ними обсудить вопрос об обеспечении скота колхозов кормами на зиму.

Н.Самурский стал относиться ко мне лучше. Как-то пригласил меня в воскресенье к себе, повез в Талги, там осмотрел нас высокий, седой врач, мы приняли ванны, отдохнули и поехали обратно. В комнате отдыха и по дороге Н. Самурский говорил мне, что курорт Талги, Гергебильская ГЭС, многое другое строится по его инициативе, что он очень любит Дагестан, трудится во имя его народов, что другие руководители «лодырничают и кормятся за счет государства, что он требует от них скромности и большой отдачи, и за это его не любят».

Не помню, как отреагировал я на беседу, но полагаю, что Самурский был во многом прав. Он много работал, рано приходил, поздно уходил, рабочий день его до предела был насыщен и загружен. Почти

каждый день он увозил домой стенографистку и до глубокой ночи диктовал ей письма и записки. В день после поездки в Талги я оказался на даче, среди членов бюро, где был добротный накрытый стол. Каждый выходной сюда собирались на целый день члены бюро, кто с женой, кто один. После этого, иногда, я тоже стал посещать дачу. Здание дачи с подсобными помещениями сохранилось до сих пор, хотя и потеряло свое назначение. Н. Самурский редко приезжал на дачу, обедал на отдельной площадке перед дачей, ему накрывали стол без крепких напитков. Он был один. Когда же он обедал вместе со всеми и сидел во главе стола, всегда хмурый и задумчивый, в столовой уже не бывало шума, смеха, некоторые отказывались от напитков.

К. Мамедбеков также проявлял ко мне повышенный интерес, этот интерес усилился после совместной поездки с ним и М. Сорокиным в Баку к Багирову - секретарю ЦК АКП(б). С незапамятных времен земельный голод гнал горцев за пределы родных мест в поисках заработка. Южнодагестанское население целыми аулами вместе с семьями, скотом на зимовку кочевало в пограничные районы Азербайджана, имело там пастбища, незатейливые постройки. Кто чем - личным трудом, шерстью, мясом - платили арендную плату, раньше - хозяевам, а потом и колхозам. Однако азербайджанские организации начали постепенно притеснять лезгин, распахивать пастбища. Вот по этому вопросу Н.Самурский и командировал нас в Баку. М.Багиров принял нас приветливо, угостил нас чаем с лимоном, выслушал просьбу и объяснил, что земли колхозные, закреплены за ними актом на вечное пользование, вмешиваться в их дела не будет, пусть, мол, колхозы ваши и наши между собой договариваются. Мы не могли не согласиться с такой аргументацией. Когда вышли от Багирова и шли в гостиницу, Сорокин, обращаясь к Мамедбекову, сказал: «Самурский не согласится и будет недоволен нами». Керим ответил: «Тогда пусть сам едет к Багирову». И тут у меня вырвалось: «Он пошлет его к... матери». Они оба расхохотались и стали спрашивать, почему я так думаю. Не помню, как я ответил, но слегка испугался. Ведь я не знал, как среагирует Сорокин. Хорошо, что все кончилось без последствий, хотя в Тбилиси к Берии, которому ЦК поручил разбор этого спора, Н.Самурский меня с собой не взял, а взял начальника отдела кормов Наркомзема Д.И.Кахиева.

В такой сложной обстановке работать стало крайне трудно. Каждый понимал, что разрядка должна наступить. Однажды на даче вместе с нами обедал невысокий человек средних лет. После обеда он играл с Ломоносовым в бильярд. Помню, жена Мамедбекова Люба Эрлих подошла ко мне и говорит: «Этот тип мне не нравится». На мой вопрос: «Кто он?» она сказала: «Корреспондент «Правды». Она, видимо, предчувствовала недобрую миссию его в Дагестане. Корреспондент говорил только с Н.Самурским, Сорокиным и Ломоносовым и вскоре уехал. Зачем он приезжал, никто не знал. В эти же дни в Москву в командировку собирался и я. После заседания бюро зашел вместе с Сорокиным к Самурскому в кабинет и поздравил его с рождением сына, о чем мы узнали из телеграммы, полученной во время заседания. Н.Самурский написал на имя Наркомзема СССР Чернова записку и вручил мне конверт. Стоящий рядом М.Сорокин низко склонился, чтобы лучше услышать наш разговор, что не осталось незамеченным для меня.

Необходимо описать события, предшествовавшие приезду корреспондента «Правды» в Дагестан, так как они, по-моему, имеют решающее значение для выяснения причин последующих трагических фактов в жизни парторганизации Дагестана.

Не знаю по собственной инициативе или по вызову ЦК ВКП (б) Н.Самурский выехал в Москву. После возвращения в Махачкалу он собрал бюро ответственных работников обкома, Совнаркома и рассказал, что он был принят И.В.Сталиным, которому дал сжатую информацию о делах республики, о борьбе парторганизации с уклонами от генеральной линии партии, о неотложных потребностях развития производительных сил Дагестана. В процессе разговора одни за другим в кабинет И.В.Сталина вошли Молотов, Берия, Каганович, Орджоникидзе, Ворошилов и другие члены Политбюро, которые также приняли участие в беседе. И.В.Сталин встал, подошел к географической карте, которая висела на стене, взял карандаш и, указывая на Прикаспийскую низменность и на Дагестанское побережье, начал говорить о природных богатствах, в частности о нефти, газе и др. При этом сказал, что в период НЭПа дагестанские товарищи поднимали вопрос о привлечении Италии к разработке этих богатств на концессионных началах, что это предложение не было принято. И.В.Сталин

это было
апреля
1937г.

сделал замечания Госплану, Наркомтяжпрому и руководству Дагестана за невнимание к этим вопросам и поручил обкому представить срочно предложения.

Затем Н.Самурский поручил отделам с привлечением компетентных специалистов составить докладные записки на имя И.В.Сталина по вопросам развития промышленности республики. Насколько я помню, о сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства речь не шла. Помню, Саид Гусейнов - завпромотделом обкома ночами работал с группой специалистов над составлением этих записок. Как раз в эти дни и приехал в Дагестан корреспондент «Правды».

Я описал вышеизложенное, чтобы высказать свое личное мнение о том, что вся последующая история 1937-1938 годов в дагестанской парторганизации развивалась в полном соответствии со сценарием, одобренным на встрече Н.Самурского с И.В.Сталиным.

Не успели работники обкома составить и одной записки, как в «Правде» появилась статья под хлестким названием «Гнилая позиция Дагестанского обкома ВКП(б)», в которой Председатель Дагестанского ЦИКа М.Далгат и Председатель Совнаркома К.Мамедбеков объявлялись буржуазными националистами. Бюро обкома исключило их из партии, и Ломоносов тут же их арестовал. Н.Самурский счел, что отреагировал на выступление «Правды». Однако второй секретарь обкома Сорокин и Ломоносов выдвинули против Н.Самурского аналогичное обвинение, отстранили его от обязанностей секретаря обкома, лишили его возможности связаться с Москвой, посадили в тюрьму.

Эти события в Дагестане произошли в те дни, когда я находился в Москве. Что было, если бы я находился на бюро, трудно сказать. Мысль, что все это было разыграно по сценарию, пришла ко мне позднее. На бюро, зная нездоровые взаимоотношения между руководителями и учитывая свои симпатии к К.Мамедбекову, возможно, я выступил бы против его исключения из партии, как это я делал впоследствии с определенным риском для себя при исключении из партии Шанавазова, Ибрагимовых, А.Алиева, Р.Гаджиева. Может быть, не пошел бы на бюро, возможно, Н.Самурский предупредил бы заранее, что выступать за Керима - значит погубить себя. Мне даже кажется, что Н.Самурский командировал меня в Москву, чтобы предотвратить

мое нежелательное выступление и тем сохранить меня в партии. В любом случае, я благодарю обстоятельства, которые привели меня в эти грозные дни из Дагестана в Москву.

Наркомзем СССР Чернов принял меня, взял письмо Н. Самурского, поговорил о делах. Я точно не помню, какие вопросы должен был решать в Москве. Чернов, совсем миниатюрный, с козлиной бородкой, бледный, с очень интеллигентным лицом и манерами, говорил со мной коротко, и я, долго не задерживаясь, возвратился в Дагестан. Все трое руководителей сидели в тюрьме, среди актива было полное замешательство. Из Москвы за подписью И. В. Сталина последовала шифровка о том, что Н. Самурский снимается с поста первого секретаря обкома и на эту должность утверждается М. Сорокин. Был собран пленум обкома, на котором огласили телеграмму, встреченную овацией. Ни до, ни после в Дагестане я не был свидетелем столь сильного выражения чувств аудитории.

Прошло несколько дней и Председателем ДагЦИКа был утвержден Адиль-Герей Тахтаров старый рабочий Каспийского завода.

После указанного пленума обкома меня пригласили к М. Сорокину, у него сидели А. Тахтаров, Ломоносов и С. Шапиева, кандидат в члены бюро, работавшая зав. Наркомздрава ДАССР. Без вводных слов М. Сорокин говорит: «Вот мы подумали и решили рекомендовать тебя Председателем Совнаркома». Я объяснил, что не могу принять предложение, так как я связан был в быту со многими, кто исключен из партии и посажен. В частности, после приезда из Москвы жил в семье Шарапилова, который арестован в Красноводске, и т.д. Присутствовавшие задавали вопросы, в частности, Ломоносов, пытался выяснить, не была ли у меня с кем-нибудь политическая связь. Они отложили решение вопроса, я пошел в Совнарком к Магомеду Гитинову и рассказал ему об этой беседе. Он меня буквально ошарашил, сказав: «Ну и дурак». Хорошо помню свой ответ Магомеду: «Идя по трупам друзей и товарищей, я не хочу подняться на высокий пост». Мы остались каждый при своем мнении. История показала, что я был прав.

Вскоре Председателем Совнаркома ДАССР утвердили Джамалутдина Магомедова, до этого занимавшего пост секретаря Кормаскалинского (ныне Сергокалинского) райкома, а в последнее время заве-

дующего орготделом обкома ВКП(б). Выходец из бедной крестьянской семьи из даргинского аула Куппа, Магомедов был одним из многих, кому Советская власть дала путевку в жизнь, и он честно, преданно работал в интересах партии и народа на протяжении всех лет своей активной деятельности. Окончив Дербентскую совпартшколу в тридцатые годы, он был мобилизован в армию. В результате аварии потерял глаз и демобилизовался. Обком партии направил его секретарем Кормаскалинского РК ВКП(б). В 1937 году, после обновления руководства республики, был взят на работу в обком.

Человек неумной энергии и трудоспособности, кристально чистый и честный коммунист Магомедов отличался скромностью, щепетильностью, развитым классовым чутьем, непримиримостью к зазнайству, стяжательству, к нарушителям партийной и государственной дисциплины. При всех этих положительных качествах Магомедов не обладал необходимой гибкостью, чуткостью и особенно безразличен был к внешней опрятности и культуре. Если бы Магомедов прошел нормальный курс обучения и воспитания, это, несомненно, вывело бы его в разряд крупных деятелей парторганизации.

События по ликвидации последствий вредительства буржуазных националистов Дагестана, разворачивались широко и повсеместно. Первым крупномасштабным мероприятием было отторжение от Дагестана бывшей территории Терской области, которая после революции была присоединена к Дагестану центральной властью в целях ослабления земельного голода. Обширные пастбища, обширные площади орошаемых земель, отведенные под переселенческий фонд, вместе с богатым хозяйственным комплексом города Кизляра и его района были выделены в самостоятельный Кизлярский округ и присоединены к Ставропольскому краю. Секретарь обкома М. Сорокин преподнес это так, что инициатива исходила от ЦК ВКП(б). Мои протесты против такого решения, просьба разрешить выехать в Москву были отклонены. Ставропольская печать на протяжении нескольких лет прорабатывала «буржуазных националистов Дагестана, угнетавших терское казачество», культивировала враждебность между народами. А жаль!

Другим губительным последствием ареста руководящей тройки республики было то, что в аулах, районах, городах началась «охота за

ведьмами», т. е. за «последышами буржуазных националистов». Началось сведение личных счетов, оговоры и доносы на неугодных работников, подняли головы и недобитые, классово чуждые элементы, во всю старались карьеристы, шкурники, демагоги и кляузники.

Как много ни в чем не повинных людей пострадало! До единого были смещены с постов секретари райкомов, председатели исполкомов, большинство заведомыми обкома, наркомы и другие работники. Взамен подготовленным и опытным кадрам пришли полуграмотные, иногда случайные крикуны и склочники. Беда была и в том, что отдельные арестованные давали вынужденные показания на оставшихся на воле товарищей. Этим избиением кадров был нанесен колоссальный ущерб народному хозяйству республики. Огромен был и моральный ущерб. Ведь простой народ видел, что арестовывают и безусловно честных людей, бывших красных партизан, воевавших за Советскую власть, активно боровшихся за упрочение ее в Дагестане. Люди не понимали, что и зачем происходит. Развилась большая подозрительность, осторожность и нерешительность в работе. Дело дошло до того, что и я начал сомневаться в прочности своего положения.

Началось с обсуждения на бюро обком вопроса о Кумаритове. Он был министром здравоохранения, предъявленные ему обвинения были абсурдными, и я об этом сказал, а затем голосовал против его исключения из партии. Сорокина это взорвало, он покраснел и обратился ко мне с вопросом: «Что вы предлагаете?» Я ответил, что надо проверить достоверность обвинений. Поздно вечером позвонил Кумаритов и сказал: «Абдурахман, у меня есть брат родной, но сегодня в твоём лице я обрел настоящего брата...» Я ответил, что выполнил долг коммуниста. На этом разговор кончился, а Кумаритов через два-три дня был арестован, но судом оправдан. Из республики он выехал, больше его не видел. Слышал, что погиб на фронте. Это был достойный сын Осетии, отличный организатор.

Еще более крупный разговор произошел у меня с Сорокиным относительно Магомеда Гитинова, о котором я написал, что это был безупречный коммунист и пример для подражания. Получив повестку для очередного бюро и увидев вопрос о партийной принадлежности Гитинова, я побежал к М.Сорокину и попросил его ознакомить меня с материалом. Он ответил, что материал у Ломоносова. Гитинову предъявляется обвинение в буржуазном национализме. Я был молод,

происхождением из бедняков, комсомолец двадцатых годов, и полагая, что бояться нечего выпалил: «Гитинов такой же буржуазный националист, как я китайский император» и стал объяснять, каким положительным образом коммуниста Гитинов для меня и знающих его близко служит». Сорокин вспылал и заявил: «Мне надоело с тобой цацкаться, не смей больше на бюро против мнения большинства выступать». Я ушел от него удрученным и вечером, придя домой, сказал Хадиже, чтоб она готовила сухари. Я помню, под кроватью лежало полмешка сухарей. Не знаю, по каким причинам Гитинова арестовали, а потом исключили из партии. Мне не удалось помочь ему, хотя я любил, уважал его, как родного отца.

Каждое утро, придя на работу, я узнавал о новых арестах, дело дошло до того, что я начал сомневаться - не действуют ли от имени Сталина подготовленные, враждебные элементы, которые поставили задачу уничтожить национальные кадры. Что некоторые арестованные имели ошибки, недостатки в работе, зазнались, проводили жизнь навеселе и заслужили партийное наказание, для меня не было секретом. Но арестовать почти поголовно руководство республики, городов и районов по моим понятиям могли только враги Советской власти.

Вскоре это мое представление частично оправдалось. 5 января 1939 года на IV Пленуме Дагестанского обкома партии был рассмотрен вопрос о Ломоносове. Он был разоблачен как враг народа, арестован, а затем расстрелян. Был обновлен и аппарат МВД Дагестана. На должность наркома был прислан молодой человек по фамилии Пантелеев.

На очередном пленуме Дагобкома партии был рассмотрен вопрос об ответственности первого секретаря обкома Сорокина. М.Сорокин пытался отмежеваться от Ломоносова, со слезами на глазах просил верить, что он не враг народа, что он передоверил все Ломоносову. Однако члены обкома были единодушны в том, что Сорокин виновен в гонении и избиении кадров, что он дальше не может пользоваться доверием Дагпарторганизации. Стенограмма пленума, видимо, сохранилась. Помню свое выступление на нем. Суть его состояла в том, что Сорокин и Ломоносов были так близки, что трудно было провести грань, где кончалась вражеская работа Ломоносова и где начиналась революционная работа М.Сорокина, что последний должен нести ответственность перед партией.

На пленуме присутствовал инструктор ЦК ВКП(б) Н.Линкун. Он не вмешивался в разговор, молча слушал и после каждого перерыва докладывал по телефону в ЦК, кому, не знаю, о чем, не ведаю, полагаю, информировал о ходе прений. Решения пленума не помню, во всяком случае Сорокин был снят с работы, и Линкун утвержден первым секретарем Дагестанского обкома ВКП(б). С это времени началась полоса нормализации атмосферы в парторганизации. Был положен конец нарушениям социалистической законности.

Хотя ярлык «враг народа» со многих и был снят, но значительное число арестованных было осуждено к различным срокам. Думаю, что центр не решился реабилитировать старые кадры, а трибунал каждому арестованному находил, что вменить в вину, тем более, что арестованные многое сами придумали, наговорили на себя, оговорили других, и трибунал имел перед собой пухлые папки следственных дел, подписанные обвиняемыми. Разбираться, каким способом были добыты показания арестованных, видимо, не входило в задачи трибунала.

Хотя было одно исключение: однажды Линкун предупредил меня, что пойдет слушать судебный процесс над Саидом Габиевым. Теперь я предполагаю, что по установке центра или по своей инициативе руководство обкома, МВД и Военного трибунала хотело показать членам бюро обкома объективность и обоснованность решений по делам арестованных. Саид Габиев - известный Дагестану и Северному Кавказу революционер, активный участник гражданской войны был первым секретарем Дагребкома, занимал ряд руководящих постов в правительстве Дагестана. В 1927 году разошелся по ряду вопросов политики и практики работы с Коркмасовым и другими руководителями и ЦК ВКП(б) отозвал и направил его в распоряжение Грузинского ЦК. В 1937 году Габиев был арестован по стандартному обвинению в буржуазном национализме и переведен в Дагестан, где и шел судебный процесс над ним. Мы - Линкун, Тахтаров, Магомедов, Даниялов - утром пошли в здание МВД, где при закрытых дверях проходил процесс. Впервые я увидел седого, худощавого, среднего роста, с бледным лицом, популярного революционера, о котором много слышал, когда учился в Буйнакском педтехникуме. Саид Ибрагимович начисто опроверг предъявленные обвинения, попросил вызвать свидетелей для подтверждения революционной деятельности в Кази-Кумухе в 1918-1930 годах. Помню, как Гадис Гаджиев, тоже арестован-

ный, отвечал на все вопросы председателя и самого Габиева, полностью подтверждавшие его невиновность. Габиев был оправдан и восстановлен в партии с 1918 года.

На этом я хочу поставить точку над трагической страницей истории парторганизации Дагестана, вспоминая которую, горько переживаю тяжелую судьбу сотен хороших коммунистов, страдания которых на совести не одного лишь И.В.Сталина.

2

Сельское хозяйство Дагестана накануне 1936 года в основном было представлено колхозами и совхозами. Позади были годы мучительных поисков форм и методов применения общих директив центра в сложных условиях дагестанской действительности. Изучение опыта коллективизации деревни в России, перевода крестьянства на путь коллективных форм труда в национальных республиках Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии помогло Дагестанской партийной организации преодолеть и сопротивление кулачества, и антиколхозную агитацию духовенства, и главное - отсталость крестьянских масс, их привязанность к сложившимся формам ведения хозяйства и нежелание переходить к новым. Все это было успешно, без серьезных осложнений проведено при большой помощи ЦК ВКП(б) и правительства РСФСР и Союза ССР.

В октябре 1936 года бюро Дагестанского обкома ВКП(б) приняло постановление о выселении 600 хозяйств кулаков из 21 района республики за пределы Северо-Кавказского края. Это было предпринято в целях пресечения кулацких диверсий, антисоветской агитации, а также укрепления существующих колхозов и на этой основе дальнейшего роста колхозного движения в Дагестане. Акцию необходимо было провести, подвергая всесторонней и строжайшей проверке состав переселяемых хозяйств и не допуская переселения под видом кулаков социально близких Советской власти элементов: бывших красных партизан, семей красноармейцев, командный состав и военнослужащих Красной Армии, семей специалистов (учителей, врачей, агрономов, инженеров и др.)¹.

¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 16, лл. 516-519.

Предполагалось обсудить на собраниях коммунистов, комсомольцев, а потом и колхозников списки кулацких хозяйств, намеченных к переселению, после чего райисполкомы должны были производить оформление и утверждение списков. Райкомы и райисполкомы предупреждались, чтобы в списки переселяемых были включены действительно кулацкие семьи, имеющие не менее одного трудоспособного мужчины. Для проверки правильности отбора районами кулацких хозяйств и успешного проведения их переселения была образована республиканская комиссия в составе Самурского, Сорокина, М. Далгата и Мамедбекова. Обком партии предостерегал от возможных враждебных выступлений классово чуждых элементов, призывал к проявлению максимальной большевистской бдительности коммунистов, комсомольцев.

Как было сказано выше, это переселение прошло без серьезных осложнений, если не считать многочисленные случаи, когда в аулах, допускались сведения личных и тухумных счетов со стороны председательских советов, а в отдельных случаях и районных организаций. В подавляющем большинстве эти и другие ошибки исправлялись республиканской комиссией, хотя и здесь не могли исключить отдельные просчеты.

Состояние колхозного строительства на конец 1939 года в Дагестане было таково: всего колхозов - 1242, в них объединившихся хозяйств - 147279, или 80,3 % от общего числа крестьянских хозяйств республики, в том числе по плоскости - в 503 колхозах было 55052 хозяйства, или 91,2 %; в горах в 739 колхозах было 92227 хозяйств, или 75,9 % от общего числа подлежащих коллективизации хозяйств.

Если иметь в виду, что на начало года в республике было около 800 колхозов и в них лишь 44 % хозяйств крестьян, то темпы количественного роста колхозов и почти удвоение в них числа хозяйств надо признать высокими. Но... беда состояла в том, что в горах не было настоящих колхозников. В горах были по существу товарищества по совместному выпасу скота, в которых на 01.01.1937 год 7 % хозяйств не имели крупного рогатого скота, 22 % - коров и 58 % не имели овец и коз. Сама идея о возможности обобществления земли - пашни и сенокосов, рабочего скота и нехитрого инвентаря - не была в доста-

точной степени разработана и освоена даже руководящими деятелями Дагестана, и центр не торопил их с решением этой проблемы.

Забегая вперед, скажу: вплоть до семидесятых годов оптимальный вариант решения вопроса о сочетании приусадебного и общественного пользования пашней в горах нами не был найден. И как тут не вспомнить прозорливость Махача Дахадаева, который на I-м Съезде народных представителей победившей Советской власти в 1918 году заявил: «Мы с вами отберем у помещиков, князей, беков земли на плоскости и раздадим крестьянам, а в горах придется подумать и придумать, как быть».

В самом деле, что из себя представляло землепользование в горах? Прежде всего отметим пестроту размеров площади пашни на душу населения по районам, аулам и внутри них по тухумам. Последнее обстоятельство вплоть до сороковых годов было решающим препятствием на пути обобществления пашни в горах.

Во-вторых, пашня одного крестьянина-колхозника размером в 1-1,5 гектара состояла из 5, а то и из 10-15 участков, разбросанных в нескольких, удаленных друг от друга на значительное расстояние местах. Причем немало было участков, которые можно было накрыть буркой. Для примера сошлюсь на свой аул. Ругуджа - крупный населенный пункт Гунибского района и один из самых многочисленных аулов дореволюционного горного Дагестана. Мой отец был крестьянином, который «выкарабкивался» из бедняков в середняки. Пашня состояла из шести участков, причем два участка ежегодно переходили от отца к родственникам. Участки были разбросаны от аула до хутора Комиб и вокруг него в разных местах. Были крестьяне, пашни которых небольшими участками были разбросаны и в Комибе, и в Мучула, и в Хабада, и около аула.

В-третьих, во многих аулах землепользование происходило на искусственных террасах, на которых культивировали сады и виноградники.

Махач Дахадаев на указанном съезде говорил, что значит для горца, создавшего террасы, социализация пашни. В само деле, во многих аулах террасы и домостроения сливались воедино, подведение воды через замысловатые ирригационные «сооружения» требовало круглогодичного нелегкого труда всей семьи крестьянина. Естественна

поэтому большая привязанность крестьянина-горца к этим потом пропитанным участкам земли. Беда заключалась и в том, что далеко неравноценными были террасы и участки внутри аула у разных тухумов и внутри тухума по крестьянским договорам. У одного на участке прекрасный фруктовый сад, у другого - пусто, у одного участки ухожены, из года в год дают хороший урожай, у другого участок зарастает сорняком, запущен.

Все эти весьма чувствительные стороны обобществления земли в горах надо было учитывать прежде, чем идти на собрание общества с предложением о переводе товарищества на Устав сельхозарттели. Надо было дать крестьянину время и возможности убедиться в целесообразности артели, неизбежности перехода экономики аула к коллективным формам. Нас не торопили, сами мы мучительно искали подход к решению вопроса. Однако для меня еще в 1937 году было ясно - продолжаться почти формальное существование колхозов в горах, когда колхозники (кроме чабанов) ничего от колхоза не получали и свое скудное благополучие базировали на тяжелом труде в личном хозяйстве, больше не могло. Причем бедняки оставались бедняками, ибо они не получили от государства, а теперь и колхоза ни земли, ни скота.

Небольшие участки мечетских земель (вакуф) еще в 1927 году были распределены между населением аула, но было немало случаев, когда батраки и бедняки отказывались от получения выделенных им участков пашни: они легко поддавались агитации духовенства о том, что получивших мечетские земли бог жестоко покарает; кроме того, у них не было рабочего скота и инвентаря для обработки земли, не было семян для посева. Государственные субсидии, кредиты на покупку рабочего скота, семенные и даже продовольственные ссуды нередко попадали имущим крестьянам, родственникам руководителей аула и района. Обычно оправдательные мотивы руководителей сводились к тому, что батраки и бедняки не могут возратить кредиты и ссуды.

Все это говорило о том, что батраки (бывшие) и бедняки должны быть заинтересованы в обобществлении пашни, рабочего скота и сельхозинвентаря. Кроме того, в эти годы выросло в аулах количество коммунистов, комсомольцев, женщин-активисток и их влияние на общественно-политическую жизнь аулов. Заметные успехи в работе кол-

хозов плоскостных и предгорных районов также способствовали тяге крестьян-бедняков и части середняков в горах к сельхозарттели. В этих условиях, учитывая, что почти поголовно старые кадры районов и республики были заменены молодыми, малоопытными, на мою долю выпала задача разработки предложений по искоренению ошибок в колхозном строительстве горных районов. При этом я пользовался полным доверием и поддержкой секретаря обкома Линкуна и Председателя Совнаркома Д.Магомедова. Причем Магомедов, имея опыт работы секретарем Коркмаскалинского РК ВКП(б), сталкиваясь с отклонениями в развитии колхозного строительства в горных и предгорных районах, оказывал мне реальную помощь и полностью поддерживал инициативу. И.Линкун, работавший до приезда в Дагестан в аппарате ЦК ВКП(б), привнес в работу обкома, его бюро немало полезного из аппаратной работы центра, с самого начала создал здоровую атмосферу доверия и товарищества.

Как показала последующая его работа, сельское хозяйство, особенно конкретные задачи, которые встали перед колхозным движением в Дагестане, он не знал и особого внимания им не уделял. Справедливости ради мало сказать, что он целиком и полностью полагался на меня и безоговорочно принимал мои предложения, в том числе по кадрам. Атмосфера непринужденности и доверия распространилась быстро и в центральном аппарате, и в районах. Люди могли без оглядки высказывать свои мысли и предложения. Это было особенно ценно для меня, ибо хорошо знающие свое дело специалисты как бы расковывались, стали активно подпитывать руководство ценными предложениями. 1938 год прошел для меня в совещаниях, собраниях райактивов, в беседах с жожаками колхозного строительства.

Сколько раз собирались заврайано, председатели передовых колхозов, не помню, но это было часто. Результатом обсуждения на этих совещаниях вопросов, какие нормы для приусадебных участков и скота рекомендовать горным колхозам, как быть с террасами и садами, как решить вопрос с ослами, лошадьми, кормами для скота личного пользования и т. д., явилась докладная записка в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР и проект решения о ликвидации нарушений Устава сельхозарттели в колхозах Дагестанкой АССР. После тщательного об-

суждения в Совнарком и на бюро Дагобкома ВКП(б) эти документы были направлены в Москву.

Вспоминается один эпизод, характеризующий сложность проведения мероприятий по обобществлению пашни в горных колхозах. Из Цумадинского района были получены сообщения, что колхозники Хваршинского участка отказываются от обобществления пашни, рабочего скота и с/х инвентаря. Обком ВКП(б) снарядил туда комиссию во главе с двумя наркомками: со мной и Пантелеевым - наркомом внутренних дел. В составе комиссии были работники обкома, оперработники, а в районе к нам присоединились секретарь райкома и председатель райисполкома. Получилась внушительная комиссия. В Хваршини поехали верхом на лошадях. Тогда я не разобрался, а после некогда было заниматься выяснением - действительно ли не было дороги в аул, куда мы ехали, но нам пришлось преодолеть крутой подъем Талих Косарасул Вакли, держась за хвосты бедных лошадей по совершенному бездорожью. В моей жизни до и после не было более тяжелого физического напряжения. Мне шел 30-й год, я был здоров и тем не менее 5-6 раз ложился на спину и отдыхал, пока мы преодолели этот подъем. Нелегко было и остальным товарищам. По дороге в Хваршини мы проехали аул Метрада, из которого также присоединились к нам несколько активистов. В аул Хваршини въехала целая кавалькада, что, пожалуй, было глупо. В этот день я переговорил с председателем сельсовета и колхоза. Секретарей партийной и комсомольской ячеек не было, так как в ауле было два коммуниста и три комсомольца, состоявших на учете в ауле Метрада.

Наутро следующего дня решили созвать собрание жителей аула. Предварительно мы выяснили, что в ауле имеются два-три человека, которые выступают заводилами, агитируя население против обобществления земли. Все они середняки, в каких-либо антисоветских делах замешаны не были. На собрании я дал краткую информацию о целях нашего приезда, разъяснил, почему необходимо обобществлять землю в колхозах горных районов. Затем выступил председатель сельсовета, поддержал предложение об обобществлении земли. Среди собравшихся прошел гул, раздавались голоса. Потом выступил секретарь райкома партии и сказал, что против обобществления земли в колхозах горных районов были «ныне разоблаченные враги народа, буржуазные националисты». Тогда попросил слова пожилой человек

и начал выступление так: «Если арестованные руководители республики были против обобществления земли в горах, они были хорошие, умные люди». Указывая на окружающие аул клочки пахотных участков, расположенные на крутых склонах, он убедительно доказывал нецелесообразность обобществления земли. Он говорил, что за один сезон 5-10 раз ему с помощью родственников приходится ремонтировать, вновь строить подпорные стены террасы, селеотводы, изгороди; в иные годы нести на спине плодородную землю на участки. Кто будет заниматься этим тяжелым физическим трудом? Колхоз забросит эту пашню, а люди будут голодать.

В душе я был согласен с доводами этого горца, но приверженность к общей директиве не позволяла мне об этом заявить. Чтобы не возвращаться к аулу вторично, отмечу, что в шестидесятые годы, по просьбе колхозников, жители аула Хваршини были переселены на территорию между городами Махачкала и Каспийск.

ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР приняли постановление о ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах ДАССР 1 февраля 1939 года. Совнарком ДАССР и бюро Дагобкома ВКП (б) также приняли аналогичное постановление, в котором было предложено ликвидировать нарушения Устава не позже 15 апреля 1939 года, привести в соответствии с установленными нормами размеры приусадебных участков колхозников в предгорных районах и обеспечить нарезку приусадебных участков колхозникам ряда горных районов, которые в 1938 году перешли на Устав сельхозартели и обобществили пашню. Было предложено также ликвидировать нарушение Устава по нормам содержания скота личного пользования.

К 1939 году в основном была завершена работа по отводу и закреплению зимних пастбищ за колхозами горных районов на плоскости. Горцы все еще боялись малярии, и лишь отважные шли на сенозаготовки, ремонт и строительство помещений на зимних пастбищах. Руководители части горных колхозов для выполнения этих и других работ прибегали к найму сезонных рабочих или приему людей с плоскости в свои колхозы, часто не оформляя это даже решением правления колхоза. Эти фиктивные члены колхоза и сезонники были поставлены в исключительно льготные условия: они распахивали и засеивали часть пастбищ зерновыми, бахчевыми и зарабатывали на этом огромные суммы, держали на пастбищах личный скот, косили для себя

лучшие участки. Многие завфермами, бригадиры и даже некоторые председатели колхозов грели руки на этих нарушениях.

Наконец представленные в Москву предложения обкома ВКП (б) и СНК ДАССР были одобрены в ЦК ВКП(б) и 3 марта 1939 года вышло Постановление бюро обкома и Совнаркома «О мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов».

В постановлении отмечалось, что следует считать неправильным и противоречащим Уставу сельхозартели существующее в большинстве колхозов горных районов ДАССР положение, при котором земля, рабочий скот не обобществлены и находятся в личном пользовании колхозников, вследствие чего обобществленное хозяйство колхозов составляет незначительный удельный вес и является по существу не основным, а подсобным. Следовало бы сказать не о личном пользовании колхозников землей и рабочим скотом, а о личной собственности, ибо колхозники не только были полновластными хозяевами рабочего скота, сельхозинвентаря, но и пашни, сенокосов и скрытно обменивали и продавали свои участки, передавали по наследству, отдавали в приданое невесте. Причем такое положение с землей в колхозах горных и предгорных районов Дагестана было установлено постановлениями Северо-Кавказских краевых организаций, куда входил Дагестан в те годы, закреплено постановлением бюро обкома и Совнаркома ДАССР от июня 1935 года. При этом в постановлении были установлены завышенные нормы скота личного пользования колхозных дворов в размерах фактического пользования.

Это были ошибочные решения, увековечивавшие исторически сложившееся деление населения аула на бедных и богатых и даже кулаков и батраков. Решение это впоследствии было расценено как правооппортунистское. В самом деле, один колхозник, бывший батрак, не имел и не имеет пяди земли, другой, тоже колхозник, пользуется всеми льготами колхозников, всецело занят своим хозяйством и даже расширяет его против дореволюционных размеров. Бедняки видели эту картину, понимали ее несправедливость, но терпели, потому что все это преподносилось как благодеяние Советской власти горцам Дагестана.

Однако еще в период принятия указанного постановления (1935 г.) в Дагестане были единичные выступления, которые расценивали его как направленное «на выращивание советских кулаков», а

позднее оно было раскритиковано ЦК ВКП(б) и пленумом обкома, а решением бюро обкома и Совнаркома от 3 марта 1939 года отмечено, что были ошибки и другого характера.

Вопрос о земельном голоде в горах и мерах его ослабления возник сразу после победы Советской власти в Дагестане. В то время обрабатываемая площадь в горах была крайне ограниченной, на плоскости в первые годы после революции значительные площади орошаемых земель были заброшены помещиками и пустовали. Правда, вскоре крестьяне плоскостных аулов начали засевать и обрабатывать пашню, кто сколько мог. Дело дошло до того, что некоторые бывшие бедняки с плоскости начали нанимать горцев для сезонных работ (главным образом, уборка урожая), и наем двух-трех человек им был разрешен решением обкома и правительства.

В эти годы (1925-1928 гг.) возник проект так называемой Земельно-водной реформы. Задача реформы состояла в первую очередь в том, чтоб ослабить земельный голод в горах за счет наделения пашни на плоскости, переселения горцев на пустующие земли. Однако практически реформа не была проведена, и когда началось колхозное движение, плоскостные аулы присоединили к своим и так значительным землям бывшие помещичьи земли. Колхозники здесь продолжили засевать пашню, нарушая нормы приусадебных участков. Необходимо было ликвидировать и эти нарушения Устава сельхозартели. В постановлении от 3 марта 1939 года бюро обкома ВКП (б) и Совнаркома ДАССР отметили, что при проведении землеустроительных работ и выдаче актов на вечное пользование землей в ряде колхозов были допущены нарушения Законодательства о земле из государственного фонда, а малообеспеченные колхозы этой прирезки не получали, чем сознательно была создана большая неравномерность в землепользовании колхозов. Этим же постановлением были установлены размеры приусадебных участков для колхозников и нормы скота личного пользования с разбивкой районов на три группы, а также с учетом поливных и неполивных земель.

Для оказания помощи районам в проведении этих мероприятий в колхозы были командированы сроком на 1 месяц члены бюро, наркомы и другие ответственные работники. К первому апреля 1939 года были подведены предварительные итоги проведения в жизнь указанного постановления. Бюро обкома ВКП (б) и Совнаркома ДАССР в

решении от 1 апреля 1939 года отметили, что 588 колхозов (или 73%) приняли решение о переходе на Устав сельхозартели, считали это только началом работ по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, было предложено закрепить за районами уполномоченных, а обкому ВЛКСМ в месячный срок отобрать на постоянную работу в колхозах горных районов 100 комсомольцев. Было также решено закрепить на постоянной работе в колхозах горных районов часть уполномоченных обкома ВКП (б).

Ход коллективизации сельского хозяйства в ДАССР на 10.08.39 года, по данным Наркомзема, характеризовался цифрами: по плоскости - 480 кол., 2928 дворов (или 92% от общего числа); по горам - 639 кол., 101046 дворов (или 94,5 %), причем вступили в колхозы с 01.01.39 года по 01.07.39 год по плоскости 2210 дворов и в горах 4120 дворов, а всего 6330 .

Теперь уже можно было говорить о сплошной коллективизации сельского хозяйства в Дагестане, за пределами колхозов оставалось 7982 крестьянских хозяйства (или 3,8 %).²

Эти результаты были достигнуты путем мобилизации всех сил партийных, советских, комсомольских организаций, специалистов сельского хозяйства, учителей, актива передовых колхозов плоскостных районов и тех колхозов горных и предгорных районов, которые раньше перешли на Устав сельхозартели, успели получить от МТС и государства ощутимую помощь. Обком практиковал посылку передовых людей плоскостных колхозов в горные и из колхозов горных районов наиболее авторитетных людей в колхозы плоскостных районов. Первые разъясняли горцам на наглядных примерах преимущества артельной формы, обобществления земли и рабочего скота для коллективного пользования, а вторые изучали фактические результаты работы колхозов плоскостных районов и по возвращении в горы рассказывали аульчанам об увиденном.

Работа по переводу колхозов на Сталинский устав сельхозартели (так тогда назывался Устав колхоза) шла по многим направлениям: разъяснение значения кооперативного плана Ленина, аграрной политики партии и законов Советской власти о землепользовании; велась активная борьба против подстрекательской, антиколхозной пропаган-

ды и открытых выступлений представителей духовенства, остатков кулачества и подкулачников. Последняя категория, по числу небольшая, представляла большую опасность: батрак, бедняк, а иногда и середняк, выступая на собрании колхозников, выдавали заранее подготовленную противниками антиколхозную речь как свое мнение. Иногда колхозники, особенно зажиточные середняки, солидаризировались с подкулачниками и собрание срывалось.

Для преодоления антиколхозной агитации помимо разъяснительной работы проводились и такие мероприятия: каждый служащий республиканского центра, района, села, и в первую очередь коммунист, комсомолец должен был вести разъяснительную работу среди своих ближайших родственников, чтобы подготовить их к пониманию и принятию для исполнения решения о ликвидации нарушений Устава сельхозартели. Кроме того, передовые колхозники, промышленные предприятия, научные учреждения и учебные заведения брали шефство над районами и колхозами.

Значительную помощь колхозам оказывали МТС и совхозы. В результате всей этой большой организаторской и разъяснительной работы к началу августа обком и Совнарком могли доложить ЦК ВКП(б) и СНК СССР о том, что 825 колхозов горных и предгорных районов внесли изменения в действовавшие Уставы и полностью перешли на Устав сельхозартели - обобществили землю, рабочий скот, сельхозинвентарь, семенные фонды и кормовые ресурсы.

В результате в хозяйства колхозов поступило 5229 лошадей, 67946 волов, 7427 ослов и мулов, находившихся до этого в личной собственности членов колхозов. Кроме того, колхозники продали государству 3855 голов крупного и 3384 голов мелкого скота, а также для пополнения ферм 12106 коров и телят, 22156 овец и коз.

Одновременно колхозники наделялись приусадебными участками по норме, от 0,25 до 0,50 га. Для обслуживания горных колхозов были организованы 2 МТС. Работа по укреплению колхозов продолжалась. Таким образом, бывшие батраки и бедняки горных районов и горные колхозы предгорных районов лишь в 1939 году были наделены пашней в виде приусадебных участков.

Однако эти общереспубликанские показатели не раскрывают фактическое экономическое положение колхозов. Так, 144 колхоза на 01.01.39 года не имели животноводческих ферм, в 403 колхозах не

² ЦГА ДАССР, ф.р. 168, оп. 18, д. 86, с. 360.

было овцеводческих ферм и в 537 колхозах - молочнотоварных. По отдельным горным районам положение характеризовалось цифрами: в Гумбетовском районе - 41%, Левашинском, Хунзахском районах - 32% колхозов не имели коров, 299 колхозов (или 27%) имели от 1 до 9 коров, 31 колхоз имел менее 100 голов овец каждый. Естественно, подобные колхозы лишь числились на бумаге, экономически они не играли роли в жизни колхозников. Считалось большим достижением, если на ферме колхоза имелось 50 коров или 500 голов овец, коз³.

Материальная заинтересованность колхозников в обобществленном хозяйстве в большинстве колхозов горных районов в эти годы была очень малой. Не случайно в 1939 году 20,4 тысячи колхозников не выработали ни одного трудодня, а почти 100 тыс. выработали по 50 трудодней. 58 колхозников не выдали на трудодни ничего, почти 300 колхозов выдали от 20 до 40 копеек. В том же году 53 колхоза не выдали зерна, а 267 колхозов выдали по 1 кг. Эти цифры позволяют делать вывод о том, что к сороковым годам экономика большинства колхозов горных районов не могла обеспечить семью колхозника, индивидуальное хозяйство являлось главной опорой крестьянства.

С тем большим уважением и с большей гордостью за горцев я отмечаю, что эти еще далеко не окрепшие коллективные хозяйства с честью выполнили свой долг перед Родиной, оказались на высоте в годы тяжелых испытаний Великой Отечественной войны против фашизма. И я принимаю определенную долю этих успехов на свой счет. Имея достаточную для тех лет теоретическую подготовку, накопив навыки руководства основной отраслью экономики республики, я оказался наиболее подходящей кандидатурой для дальнейшего выдвижения по служебной лестнице.

Сельское хозяйство республики я изучал в общении с живой жизнью колхозников. Хорошо помню и пыльные дороги Бабаюртовского района, и поля Каякентского и Карабудахкентского районов, на которых проводил не только знойные дни, но и бессонные ночи, объезжая колхозы, тракторные бригады, хлопковые поля и кукурузные участки. Несмотря на небольшие площади посева (2-3 тыс. га) и крайне низкие урожаи в 1,5-3 центнера с га хлопок отнимал много времени и доставлял массу неприятностей.

Еще не успел я как следует освоить должность наркомзема, как в июне или июле 1937 года приехал уполномоченный из Северо-Кавказского крайкома, быстро, под давлением аппарата, составил справку о неудовлетворительном состоянии с прополкой хлопка и запроектировал мне выговор. Я «на дыбы», а он мне и говорит: «Ничего, мы приучим тебя принимать партвызыскания». Хорошо, что бюро обкома не поддержало это предложение.

Но главные трудности с хлопком бывали в период уборки. Несмотря на то, что в Хасавюрте была организована зональная станция по хлопководству и ее «сотрудники вывели специальный скороспелый сорт (кажется, «610»), коробочки раскрывались очень неравномерно и уборка продолжалась до декабря, часть хлопка оставалась под снегом. В слякоть, грязь бедные студенты и учащиеся школ мучались, собирая еще не раскрывшиеся, почти зеленые коробочки. В конце концов нам удалось убедить Наркомзем и Госплан в нецелесообразности продолжать посевы хлопка в Дагестане.

В сороковые годы возникла идея так называемых прикутанных севов. Дело в том, что после перевода горных колхозов на Сталинский устав сельхозартели и завершения закрепления земли навечно за колхозами, последние приступили к освоению зимних пастбищ. Поначалу наиболее мощные в экономическом отношении горные колхозы приступили к строительству помещений: общежитий для чабанов и кошар для овец и коз. Тогда крупный рогатый скот горные колхозы на зимние пастбища не пригоняли. Начали также заготавливать «страховые запасы» кормов на зиму. На проведение этих работ летом приходилось мобилизовать колхозников и посылать их на плоскость. Среди них были мужчины и женщины, пожилые и молодые, многие впервые спускались с гор на плоскость и тут же заболели малярией.

Поколениям, выросшим после сороковых годов в Дагестане, неведомы катастрофические бедствия, которые приносила малярия, унося тысячи жизней, срывая работу предприятий, совхозов и колхозов. Как много сил и средств вложила Советская власть, чтобы ликвидировать малярию в Дагестане! Только противомалырийных станций было организовано около 20, на них работали сотни врачей и медработников. После ликвидации малярийных очагов, колхозы горных районов начали интенсивное освоение зимних пастбищ.

³ ЦГА ДАССР, ф. р. 168, оп 34, д 31, лл. 149-168.

Надо сказать, что аул Чох явился зачинателем многих добрых дел в истории борьбы за Советскую власть, перестройки экономического уклада и развития культуры после победы революции будучи одним из немногих аулов горного Дагестана, где классовые противоречия были сильны и где они проявились так остро и период гражданской войны.

После революции население аула откликнулось на зов партии и Советской власти построить жизнь на социалистических началах, подавало пример в умении организовать хозяйство. Колхоз в ауле был организован в числе первых в Дагестане, в Чохе проводились семинары для руководителей райзо, председателей товариществ.

В сороковые годы председателем колхоза в Чохе был Ислам Исламов, выходец из бедной крестьянской семьи. Он обладал удивительными способностями воспринимать у себя в колхозе все новое, прогрессивное. Колхоз в содружестве со специалистами первым в горах применил искусственное осеменение овец и коров; здесь были выведены новые породы овец и крупного рогатого скота; одними из первых чохцы построили жилые, культурно-бытовые объекты, скотопомещения на кутанах. Колхозу, его председателю И.Исламову принадлежит пальма первенства в организации прикутаных посевов.

И. Исламов был женат на двоюродной сестре моей жены, был близок ко мне, часто заходил в Наркомат и домой. В одной из бесед ему была подсказана мысль о возможности распашки части пастбищ и посева ячменя и кукурузы на поливе. Эксперимент был взят под контроль аппаратом Наркомзема. Результаты были хорошими, был получен урожай, не уступавший урожаю колхозов, расположенных на плоскости. Так началось развитие прикутанного сева фуражных, а затем продовольственных культур, занявших солидное место в зернофуражном балансе горных колхозов. Для животноводства многих горных районов прикутаные посева наряду с зимними пастбищами стали основой их благополучия, базой укрепления мощи.

Горцы быстро осознали это, и теперь, заезжая на кутаны многих колхозов, видишь целый поселок с благоустроенными жилыми домами, школами, с электрическим светом, радио и телевизором. Здесь постоянно проживают десятки, а в некоторых до 50-80 семей колхозников. Теперь уже не надо «мобилизовывать» колхозников на сезон-

ные работы на кутаны. С добрым чувством вспоминаю я личную инициативу Исламова, подхватившего идею прикутаных посевов, и замечательных колхозников Чоха, претворивших эту идею в реальность.

К 70-м годам на плоскости под прикутанный сев и переселенцами было освоено около 100 тысяч га целинных земель. Правда, не обошлось без издержек: наиболее удаленные от аулов малопродуктивные земельные участки в горах были оставлены без обработки.

К концу 1940 года в парторганизации республики сложились в основном нормальные отношения, рассеялись чувства неуверенности и страха, прекратились незаконные аресты, выдвинутые в 1937-1938 годах честные работники набирались опыта, а выскочки и шкурники, пробравшиеся к руководству благодаря критике «буржуазных националистов», смещались с занимаемых постов.

Точно не помню, на какой почве сложились не совсем нормальные отношения между Председателем Совнаркома Д.Магомедовым и первым секретарем обкома ВКП(б) Н.Линкуном. По приезду из Москвы в Махачкалу Линкун привез и представил как жену одну женщину, а спустя месяц она уехала и приехала другая, которая оказалась действительно женой. Это не было секретом для членов бюро. Д.Магомедов то в ЦК, то наедине поднимал этот вопрос, за что навлек на себя недоброе отношение Линкуна. 21 января 1940 года последовало постановление ЦК ВКП(б) об освобождении Д.Магомедова от обязанностей Председателя Совнаркома с оставлением его в распоряжении обкома и в утверждении меня в должности Председателя СНК ДАССР.

Несмотря на неизмеримо большой объем работы и ответственность, назначение в СНК я воспринял куда более спокойно и уверенно, чем назначение наркомземом, да и работать было легче. Я имел достаточно времени - три года, чтобы понаблюдать за работой 2-х предсовнаркомов, 3-х секретарей обкома партии, изучить, уловить суть и форму руководства, хорошо присмотрелся к членам бюро обкома, к заместителям председателя, наркомам. Пользовался я, как мне кажется, расположением актива. Имея опыт руководства сельским хозяйством, мне было легче разобраться в остальных отраслях хозяйства, культуры и просвещения. Правда, поначалу приходилось много, иногда ночами сидеть над проектами постановлений, справками и доклад-

ными, вникать в суть мер, которые предлагали наркомы, исполкомы, хозяйственные руководители. Благо, что в аппарате СНК ДАССР работали знающие дело, грамотные специалисты, они существенно подправляли проекты, давали объективную информацию.

Я старался терпеливо и досконально изучать вопросы, выносимые на заседания правительства, заранее готовил заметки, свои предложения, замечания по каждому проекту. На заседании давал возможность непринужденно, но в пределах регламента выступать, а заключения свои делал с учетом обсуждения справок сотрудников аппарата и своих заметок, сделанных накануне. Не допускал грубостей и окриков. Я не помню случая, когда на заседании СНК создавалась бы конфликтная ситуация, или кто-либо обращался бы в обком с жалобой на несправедливость, хотя я и не исключаю возможность незаслуженной критики и не гарантирую стопроцентную объективность своих суждений.

В одном я был строгим: разгильдяйство, безрукость, нечестность, стремление приукрасить положение, переложить ответственность на других терпеть не мог. Сам отдавался работе не жалея времени, этого же требовал от аппарата, наркомов и руководителей учреждений. Несмотря на обилие рыбы, дичи и соблазнительные приглашения товарищей, примерно до середины 50-х годов не знал, что такое рыбалка и охота. Не практиковалось тогда и общение семьями, кроме официальных встреч на торжественных собраниях и за обедом на даче в выходные дни. А жили дружно, все были довольны тем, что имели, и даже тени таких отрицательных явлений, как стяжательство, накопительство, взяточничество, склоки, доносы и прочее не было.

Железные кровати, незатейливая мебель и простая посуда, по сезону одежда и обувь - вот все, что было нужно. Мне кажется, отдача в работе моего поколения была намного выше, чем в 70-80-е годы, когда люди потеряли скромность во всем, перестали чувствовать ответственность перед партией и народом, начали забывать, что такое критика.

Перед республикой в те годы стояли сложные задачи. В области сельского хозяйства необходимо было до конца ликвидировать нарушения Устава сельхозартели, продолжить мероприятия по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Обобществление зем-

ли, рабочего скота в горных колхозах вовсе не означало, что мы навели порядок в организации новой жизни населения.

Если быть честным, мы сами еще не знали достаточно, как организовать и оплачивать труд в полеводстве и животноводстве, какие установить нормы и расценки, как быть с приусадебными участками в садоводческих и виноградарских колхозах. Самое главное было - материально ощутимыми результатами убедить население в том, что партия ведет правильным, единственно верным путем строительство новой жизни.

За 1939 год стадо овец в колхозах сократилось на 83 тыс. голов. Все эти неутешительные цифры - результат главным образом организационных просчетов руководства всех ступеней - не говорили в пользу колхозов, наоборот, крайне осложняли работу. Что из того, что обком, Совнарком наказал того или иного руководителя района, а районные органы-руководителей колхоза. Население-то видит, что теленок от их коровы подох из-за нерасторопности, лени, нет телятников, нет кормов, нет ухода.

В этих условиях очень трудно было убеждать колхозников в преимуществах колхозов, в том, что недостатки носят временный характер. Помогал опыт передовых хозяйств, практические результаты работы плоскостных колхозов, да и в горах были хозяйства, преуспевавшие в развитии животноводства. В значительной степени в утверждении веры колхозников в перспективность колхозов помогали мероприятия ЦК ВКП (б) и СНК СССР по пропаганде передового опыта в сельском хозяйстве, материальная поддержка нового строя.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка в Москве сыграла решающую роль в пропаганде жизнеспособности колхозов, в распространении передового опыта. Для участия в сельхозвыставке в 1939 году из Дагестана поехали 496 колхозников, добившихся высоких результатов.

27 мая 1940 года состоялось чествование участников выставки. Привожу газетный отчет, посвященный этому событию: «Открывающая заседание, Председатель Совета Народных Комиссаров тов. Даниялов сказал: «Сельское хозяйство республики идет в гору. Успехи, которых добились наши колхозы, были показаны в прошлом году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке... Ряд лучших станхановцев социалистического сельского хозяйства постановлением

Главного комитета награждены золотыми и серебряными медалями и деньгами...»

Были вручены золотые медали и по 200 рублей Алхасу Багаудинову-старшему механику Буйнакской МТС и стахановке совхоза «Аксай» Нине Вагосерянц; большую золотую медаль и 3000 рублей получил чабан колхоза им. Сталина аула Чох Гунибского района Абдулла Булатов; большие серебряные медали и по 1000 рублей получили тракторист Каякентской МТС Таштемир Агаев, звеньевой колхоза им. Дударова Буйнакского района Алиханов Далгат, председатель пригородного махачкалинского колхоза «9 января» Шапи Дадаев, председатель колхоза им. Сталина (Чох) Гаджи Серкилов, секретарь Кумторкалинского райкома ВКП (б) Биакеш Гереев.

Затем были вручены малые серебряные медали и по 500 рублей большой группе передовиков колхозов и МТС. Широкая пропаганда наград и поощрений, получаемых участниками выставки, способствовала поднятию дисциплины и производительности труда в колхозах, совхозах и МТС, развитию повсеместно социалистического соревнования за право участия в выставке, а, следовательно, за хозяйственное укрепление колхозов, совхозов и МТС.

29 октября 1939 года Главный выставочный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки вынес постановление о премировании участников выставки от Дагестанской АССР.

Диплом первой степени, премию в десять тысяч рублей и легковую машину получили:

1. Овцетоварная ферма колхоза им. Махача Дахадаева сел. Тидиб Кахибского района.

2. Овцеводческая племенная ферма колхоза им. Сталина сел. Чох Гунибского района.

Диплома второй степени, премии в пять тысяч рублей и мотоцикла были удостоены: Махачкалинская МТС, колхозы: им. Кагановича (г.Дербент), им. Сталина (Сталин-аул Буйнакского района), коневодческая ферма колхоза им. Дахадаева (сел. В. Казанище Буйнакского района), овцеводческая ферма колхоза им. Буденного Левашинского района и др. Всего 13 овцетоварных ферм.

Значительным стимулом в улучшении организации работы в колхозах явилось постановление СНК ДАССР об учреждении в Махач-

кале постоянно действующей Доски почета передовиков сельского хозяйства, на которую по итогам года за лучшие показатели заносились колхозы, МТС и стахановцы по представлению райисполкомов и заключению Наркомзема и постановлению Совнаркома ДАССР.

Наряду с мероприятиями по пропаганде и распространению передового опыта принимались меры по улучшению качественных показателей колхозной экономики. Дело в том, что крестьяне Дагестана вели экстенсивное сельское хозяйство: коровы в горах давали 250-300 литров молока, овцы 1,5-2 кг грубой шерсти, урожай зерновых был 6-10 ц/га.

Правда, в Дагестане были в прошлом отдельные энтузиасты, которые оставили потомкам неплохие сорта пшеницы - Сары-Бугда, Ак-Бугда и отличные сорта плодов - Араканские яблоки, Гимринские груши, абрикосы Шиндахлан и виноград многих сортов. Но в большинстве случаев регион распространения новых сортов ограничивался пределами аула. Сохранять такое положение после установления Советской власти и в особенности после перевода индивидуальных хозяйств в коллективные было нельзя. Вот почему партия и правительство приняли решительные меры для коренного улучшения положения.

В целом успешно проведенные мероприятия по метизации животных встречали сильное противодействие во многих колхозах. Говорили: «Зачем нам овцы с собачьим хвостом вместо курдюка? Искусственное осеменение - грех, противоестественное мясо приплода есть нельзя». Метизацию овец в горных районах проводили путем скрещивания вгортенбергских с горными грубошерстными, а крупного рогатого скота - скрещиванием швицских с местными коровами. Были завезены еще ангорские козы, иранские ослы, но с ними вообще ничего не получилось.

Организация племенных совхозов, колхозных племферм, завоз в республику племенных производителей, внедрение искусственного осеменения и метизации при резком улучшении ухода и содержания скота преследовали цель повысить продуктивность коров, овец и обеспечить рентабельность животноводства. Лишь в 1939 году для продажи колхозам в республику было завезено: племенных баранов - 212 голов, племенных быков-116 голов, свиней - 20 голов, телок - 78 и мериносовых ярок - 5800 голов. Завезти и продать племенной скот было легче, хотя многие колхозы и часть руководителей районов не понима-

ли значение этого мероприятия, отказывались от покупки племскота. Неизмеримо труднее было приучить колхозников да и руководителей правильно содержать и использовать племпроизводителей для улучшения стада. Здесь шла настоящая борьба с примитивным кормлением, содержанием скота, с косностью и привычками. Немало было случаев, когда допускался падеж дорогостоящего скота, много осемененных коров и овец в ряде колхозов оставались яловыми.

И все же новое, прогрессивное настойчиво пробивало себе дорогу. Опять-таки зачинателями выступали колхозники, специалисты и руководители.

Большая организаторская, агитационная, пропагандистская работа областных районных и аульских партийных, советских, комсомольских организаций, помощь специалистов сельского хозяйства, шефство рабочих предприятий над районами и колхозами обеспечили постепенный перелом в отношении колхозников к общественному животноводству. За один 1939 год стадо крупного рогатого скота в колхозах выросло в два раза и на 01.01.40 год насчитывало 226,5 тысяч голов, количество овец и коз за это же время выросло более, чем на 500 тыс. голов и на 01.01.40 год было 1554 тыс. голов. На 01.01.40 год в 1087 артелях имелось: молочнотоварных ферм - 1018, овцеводческих - 1017, свиноводческих - 301, коневодческих - 348.

Колхозы активно строили помещения для общественного животноводства, заготавливали корма, закрепляли постоянные кадры за фермами, стимулировали труд чабанов, пастухов и доярок дополнительной оплатой и льготами. Колхозное животноводство становилось рентабельным, колхозники начали получать на трудовые деньги мясо, масло. Перспектива, методы руководства развитием животноводства были определены, набирался опыт, изменялась психология горца-колхозника в пользу общественного производства. Это была победа!

Состояние земледелия полеводческих колхозов (а они в основном были на плоскости) характеризовалось обилием пахотных земель, брошенных помещиками, мероприятиями правительства по ремонту старых и строительству новых оросительных сооружений, завозом техники и организацией МТС для обслуживания колхозного производства. Некоторые колхозы плоскостных районов распахали и возделывали по 10-15 га пашни на хозяйство и уже в 1938 году выдавали

на 1 трудовые колхознику по 10-15 кг зерна (5 колхозов), по 7-10 кг (22 колхоза), по 5-7 кг (69 колхозов) и т. д.

Естественно, здесь не было проблем, кроме нехватки рабочих рук, особенно для прополки, уборки урожая, обработки пропашных культур и сенокосения.

За 1930-1936 годы для обслуживания колхозов плоскостных районов ДАССР было организовано 16 МТС, в которых на июнь 1937 года имелся 701 трактор, мало было уборочных машин. Не все плоскостные колхозы обслуживались МТС, но процент механизации работ в 1936 году определялся цифрами: пахота - 84%, сев - 32%, уборка - 31% и молотба - 78%. Это также было крупной победой колхозного строя.

Имея в виду необходимость механизации работ в горах и на кутанах, курсы по подготовке механизаторов проводили и для горных районов.

В 1939 году 25 февраля - 1 марта состоялась XVI Дагестанская областная партийная конференция, на которой обсуждался вопрос «О третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Выступая в прениях по докладу в качестве наркомзема, я отмечал, что «...процент коллективизации за годы второй пятилетки поднялся с 18 до 86, процент механизации с/х работ по плоскостным районам составляет 64%, в три раза увеличилась мощность тракторного парка»⁴.

Однако производство зерна и других культур оставалось на низком уровне: крайне недостаточными были урожай и валовые сборы почти всех культур, они находились даже в 1940 году на уровне 1913 года. В 1940 году средний урожай зерновых по республике составил 6,7 ц с 1 га, а в 1913 году - 6,6 ц/га.

Валовой сбор картофеля в хозяйствах всех категорий 1940 года составил 37,4 тыс. тонн, овощей - 32,3 тыс. тонн.⁵ Такие низкие показатели в полеводстве, как и в животноводстве, объяснялись многими причинами, среди которых:

1. Неукомплектованность аппарата райзо, низкий уровень агротехнических, зооветеринарных знаний кадров: бригадиров, звеньевых, председателей колхозов, специалистов МТС приводила к грубейшим

⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 20, д. 2, л. 148.

⁵ Дагестан к 60-летию Великого Октября. Статистический сборник. Махачкала. 1977. С. 125.

нарушениям сроков сева, норм, способов и сроков полива, поля не получали удобрений, посевы заглушали сорняки.

2. Отсутствие строго налаженной работы по семеноводству, а в животноводстве по племенному делу принуждали колхозы довольствоваться низкокачественным семенным материалом и малопродуктивным скотом. С большими трудностями встречались мероприятия по внедрению наиболее урожайных местных сортов, например, Сары-Бугда, Ак-Бугда или метизации в животноводстве.

3. Организация и оплата труда колхозников не были совершенными, поиски в этом трудном деле еще не привели к оптимальным методам и формам.

4. Коллективное хозяйство, в частности в горах, не воспитало еще радивое, заботливое отношение к делу у колхозников.

В 3-й пятилетке в основном должны были завершить качественное улучшение поголовья скота и усилить использование техники, построить предприятия по переработке продуктов животноводства (молока, шерсти, кожи) и полеводства (фруктов, винограда и овощей).

11 марта 1940 года состоялась XVII Дагестанская областная партконференция. Открывая конференцию, во вступительном слове я сказал:

«...Ни в коей мере не умаляя наших побед и нашего поступательного движения вперед к вершине коммунизма, партийная конференция должна по-большевистски вскрыть крупнейшие недочеты в организационной работе, в руководстве хозяйственным и культурным строительством нашей республики. У нас много недостатков в сельском хозяйстве, промышленности и культурном строительстве, мы отстали от братских республик. У нас еще не полностью ликвидированы такие пережитки старого, как кровная месть, противодействие женщине в окончательном ее раскрепощении, активном привлечении ее для участия в общественно-производственной работе»⁶.

Конференция приняла по отчету обкома резолюцию, в которой определились первоочередные задачи.

В области промышленности:

Добиться выполнения и перевыполнения планов промышленности всеми ее отраслями и предприятиями, обратив особое внимание на ликвидацию отставания нефтяной промышленности, фабрик, завода «Дагогни» и предприятий стройматериалов.

Обеспечить экономию топлива, сырья, электроэнергии, снижение себестоимости продукции. Развить мощности и улучшить работу местных электростанций, закончить строительство и обеспечить пуск в 1940 году ГергебильГЭС, увеличить добычу нефти и газа, обеспечить всемирное развитие местной промышленности.

В области сельского хозяйства:

Добиться в 1940 году урожайности по зерновым не ниже 16,6 ц/га, по хлопку - 7ц/га, по овощам - 115 ц/га, картофелю - 80 ц/га, довести поголовье колхозного скота на 1 января 1941 года: крупного рогатого скота до 245,9 тыс. гол., овец и коз - 1,620 тыс. голов свиней - 6 тыс. голов, лошадей - 44,5 тыс. голов. Закончить организацию ферм, сохранить молодняк, улучшить породность скота и т. д.

В сентябре 1942 года на XIV Пленуме обкома ВКП(б) был снят Н.И.Линкун с должности первого секретаря обкома ВКП(б) и выведен из состава членов бюро и пленума обкома ВКП(б). Первым секретарем обкома ВКП(б) был утвержден тов. Азиз Алиев. На этом же пленуме был обсужден доклад тов. Азиза Алиева «О текущем моменте и задачах Дагестанской парторганизации в связи с постановлением ГОКО от 15. 09. 42 года». В принятом развернутом постановлении говорилось, что решительное форсирование строительства оборонительных сооружений, превращение Дагестана в неприступную крепость для врага, укрепление тыла и проведение партийной и хозяйственной работы в соответствии с требованиями фронта... ликвидация в наискратчайший срок дезертирства и бандитских групп на территории республики - важнейшие задачи областной парторганизации.

Что же послужило причиной освобождения Линкуна от должности 1-го секретаря обкома партии?

Как было сказано выше, Линкун участвовал в работе пленума обкома, решением которого М.Сорокин был снят с должности 1-го секретаря обкома за притупление бдительности к разоблаченному врагу народа Ломоносову и на его место был утвержден Линкун. Как мы уже говорили немало хорошего из аппаратной работы ЦК внес он

⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 21, д. 3, л. 3.

в деятельность бюро и аппарата обкома, создал раскованную обстановку в организации, хотя, как показала практика, не до конца ликвидировал нарушения законности в отношении лиц, которые безвинно сидели во внутренней тюрьме НКВД.

Влияние этого аппарата на дела республики оставалось очень сильным. Пантелеев, заменивший Ломоносова на посту наркома внутренних дел, держался несколько обособленно. Он был вынужден опираться на старый аппарат НКВД, который волей-неволей исполнял задания Ломоносова по сбору компрометирующих материалов на руководящих работников, и поэтому не проявлял желания реабилитировать людей, ему было нелегко разобраться в делах. Многие из незаконно арестованных и осужденных продолжали сидеть или отбывать сроки в лагерях. Обком же продолжал беспредельно доверять НКВД.

В деятельности Линкуна постепенно начали проглядывать отрицательные черты: он глубоко не вникал в дела, передоверял аппарату решение жизненно важных для республики вопросов, не интересовался перспективами развития экономики и особенно сельского хозяйства, вся ответственность за эти дела перекладывалась на Совнарком. Слишком любил кабинетную работу, был оторван от районов, особенно горных, как потом оказалось, не доверял горцам.

Мне все это не нравилось, открыто ему об этом говорил, но он и не злился и не делал выводов.

В эти годы практическими делами в ЦК ВКП(б) ведал секретарь ЦК А.А.Андреев. Убедившись, что не могу положительно влиять на Линкуна, которого окружали люди, мало заботившиеся об интересах республики, я обратился к А.А.Андрееву с просьбой чтобы нас вызвали в ЦК. Письмо должно быть в архиве, копия у меня не сохранилась, но содержание помню - оно было следующим: «Исчерпав все возможности в рамках партийности сработаться с первым секретарем обкома ВКП(б) т. Линкуном, прошу Вас вызвать нас в ЦК». Не помню точно даты, мы были вызваны и приняты т. Андреевым, который выслушал нас обоих. Дело было зимой 1940 года и я только помню, что на столе в кабинете А.А.Андреева стояла большая ваза с фруктами. Я высказал свои претензии. Линкун легко их отпарировал. А.А.Андреев встал, начал ходить по кабинету и давать нам обоим наставления, предложил найти общий подход к проблемам республики

и общий язык в работе. Мы возвращались домой вместе и как будто договорились обо всем. Работа шла нормально и каких-либо осложнений не было.

Наступил 1941 год. Все мало-мальски смыслящие в делах международной политики люди понимали, что тучи войны сгущаются. И напрасно отдельные товарищи, занимавшие высокое положение в армии, в своих мемуарах как бы соревнуются в поисках оправданий первоначальных неудач наших войск в войне с фашистскими ордами и нередко сводят их к ошибкам И.В.Сталина. По-моему, И.В.Сталин отлично предвидел неизбежность военных столкновений с фашистами Германии и делал все в двух направлениях.

1. Отсрочить начало войны. И переговоры с Англией и Францией о совместных действиях против фашизма, и поездка В.М.Молотова в Берлин, и договор с Германией о ненападении преследовали единственную цель - оттянуть начало войны Германии с СССР. Кто отрицает эти общеизвестные факты, тот грешит перед историей.

2. Шла энергичная работа по подготовке страны, армии и флота, боевой техники и тыла к неминуемой войне. Кто имел отношение к руководящей деятельности республик и областей, знает, что еще в 1940 году Москва требовала уточнения мобилизационных планов, госрезервов, проверки и поддержания в исправленном состоянии техники (тракторов, автомашин), подготовки женских механизаторских кадров. Известны также перестановки кадров в армии и участвовавшие маневры войск.

С весны 1941 года началась частичная мобилизация техники МТС для армии. Вместе с тем работа партийных и советских организаций шла по-прежнему мирно и спокойно.

Помню день объявления войны. Обычно члены бюро обкома выходные дни проводили на даче и ездили купаться на т. н. правительственный пляж. Я с женой и детьми по дороге на пляж завернул на аэродром, который располагался в районе нынешнего ипподрома. Начальником отряда У-2 работал замечательный человек - коммунист т. Тарелкин. Он посадил меня и старшего сына Митхата в самолет и сделал несколько кругов над аэродромом. После приземления второй сын Юсуп пристал: «Давай, покатай и меня». Но как только завели мотор, Юсуп начал вырываться из моих рук и кричать: «Не хочу ка-

таться». После этого мы поехали на пляж. Не успели мы и искупаться, как кто-то подъехал и сообщил, что Германия напала на СССР без объявления войны.

Хочу высказать свои соображения по поводу различных объяснений о причинах неудач, больших потерь и отступлений наших армий и успехов немецких войск. Если отбросить эмоции, стремление выискивать причины для оправдания, то вполне просто объяснить успех немецко-фашистских армий на начальном этапе войны:

1. Германия тщательно и планомерно материально-технически и идеологически готовилась к войне против СССР с самого начала прихода фашистов к руководству страной.

2. Захватив почти всю Европу, немцы мобилизовали материально-технические, продовольственные и сырьевые ресурсы европейских стран, заставили часть из них - Италию, Румынию выставить на фронт свои дивизии.

3. Немецкие войска имели опыт боевых операций, были обстрелянными в войне с Францией и др. странами, были окрылены и воодушевлены легкими победами.

4. Немаловажное значение для поднятия боевого духа фашистских войск имела геббельсовская пропаганда о неустойчивости нашей социалистической системы, слабой подготовке Красной Армии, широкообещательные обещания одаривать немцев богатыми, плодородными украинскими и другими землями.

5. Что касается советских войск, то:

а) боевая техника не была испытана в войне, и ее оказалось недостаточно для снабжения фронта от Мурманска до Одессы;

б) мы понесли большие потери вследствие вероломного нападения Германии, с которой мы имели договор о ненападении;

в) личный состав, при всей храбрости бойцов и командиров, не имел опыта современной войны.

Поэтому вполне объяснимо, что мы в начале войны понесли потери, а немецкие войска имели успех.

Думаю, что вряд ли правомерно искать виновных в этом положении, еще меньше нужно бросать обвинение В. И. Сталину посмертно. Бандит, подкарауливающий прохожего, безусловно, имеет преимуще-

ство перед жертвой. Виноват бандит, его кровожадность, алчность, бесчеловечность.

Услышав об объявлении войны и выступлении В. М. Молотова по радио, мы быстро оставили пляж и вернулись в город. Я созвал малое заседание Совнаркома, где мы решили приступить к выполнению мероприятий мобилизационного плана республики...

Экономика Дагестана довоенных лет была слабо развита, хотя в сравнении с дореволюционным периодом и сделала серьезные успехи. В 1940 году промышленность Дагестана выпускала продукции в 12 раз больше, чем в 1913 году. Вступили в строй действующих Каспийский машиностроительный завод, машиностроительный завод в Махачкале, Гергебильская гидроэлектростанция. Продукция машиностроения возросла по сравнению с 1913 годом в 232 раза, мощность электростанций - в 32 раза; выработка электроэнергии - в 19 раз⁷. И все же остро не хватало электроэнергии, кроме Махачкалы и Каспийска, в других городах промышленность в основном была представлена консервными, винодельческими предприятиями. Выросло число рабочих, инженерно-технического персонала, хотя процент коренных народностей в составе рабочих был невелик (в 1931 г.-38%), а в составе инженерно-технического персонала - очень малый. Горцы, за исключением лакцев, очень неохотно шли в промышленность, крепко цеплялись за привычный образ жизни. И, несмотря на все это, промышленность Дагестана освоила производство ППШ, минометов и легко перестроившись на военный лад успешно работала в интересах победы над врагом.

В связи с началом войны против немецких фашистов проблем было множество, не только перевод промышленности на военный лад, особо я хочу сказать о настроениях людей. В первые же дни и месяцы войны в Дагестан стали прибывать беженцы с оккупированных врагом территорий. В Махачкале накапливалось больше эвакуированного населения, чем коренного. Порт, железнодорожная станция, прилегающие к ним площади, городской сад и улицы Махачкалы были

⁷ Советский Дагестан за 40 лет. Статистический сборник. Махачкала, 1960. С 14-15.

заполнены женщинами, детьми, стариками, прибывшими из оккупированных врагом районов.

Однако особой паники среди беженцев не было, не было ее и среди жителей столицы, хотя и было тревожно. Но было и твердое убеждение в том, что, несмотря на первые неудачи Красной Армии и захват врагом больших территорий страны, фашисты будут остановлены на Кавказе, т. е. на подступах к нему, не говоря о возможности захвата врагом Дагестана.

Уверенность была основана на реальных и конкретных фактах и действительности:

1. Поручкой тому, что фашистская Германия в конечном счете должна потерпеть поражение в войне, были многие долгодействующие факторы - размер территории, количество населения, материальные, природные ресурсы.

2. Не было никакого сомнения в том, что советские войска, оправившись от внезапного удара противника, будут отчаянно, мужественно защищать власть трудящихся, свою социалистическую Родину, ибо войска эти состояли из детей трудового народа, хозяина всех богатств Родины.

3. Гитлер проводил политику антикоммунизма, а его фашистские головорезы истребляли беспощадно коммунистов и комсомольцев. На фронтах Отечественной войны сражался не один миллион членов ВКП (б) и ВЛКСМ, которые подавали пример любви к Родине, мужества и доблести, вдохновляли беспартийные массы на ратные подвиги.

4. Доверие Ленинской Коммунистической партии, непререкаемый авторитет руководства в лице И.В.Сталина, твердая убежденность бойцов, командиров армии и флота, всего советского многонационального, но монолитного народа, что одолеют врага, превратили нашу Родину в неприступную крепость. В том, с какой готовностью отзывались трудящиеся Дагестана на зов партии, строили оборонительные рубежи, собирали деньги на строительство танковой колонны им. Шамиля, эскадрильи самолетов, дивизиона бронепоездов, собирали теплые вещи, подарки для фронта, я видел залог непобедимости нашей Родины. Все это давало основание верить в нашу победу, в то,

что враг не будет допущен до грозненской и тем более бакинской нефти. Вера моя и моих товарищей в победу придавала нам энергии, предприимчивости в мобилизации всех ресурсов республики для фронта, для победы над врагом. Публичным выражением глубокой веры в неизбежность краха фашистских армий и торжество правого дела может служить выступление на митинге народов Северного Кавказа, который состоялся 13 августа 1942 года в городе Орджоникидзе. Как известно, гитлеровские полчища, несмотря на упорное сопротивление Красной Армии, сосредоточили крупные силы на Кавказском фронте и настойчиво продвигались к нефтяным и другим богатствам Кавказа. При этом командование вермахта делало ставку на межнациональную рознь кавказских народов, неустойчивость тыла. К августу гитлеровцы заняли Нальчик, и в дни митинга орудийная канонада была слышна уже в Орджоникидзе. В этих условиях по поручению ЦК ВКП(б) и был созван митинг народов Северного Кавказа, на который съехалось более 3000 представителей Дагестана, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставрополя и Калмыкии. Представителем Москвы был инструктор отдела пропаганды ЦК ВКП(б) М. Т. Марчук, ныне академик АН СССР, от центрального штаба партизанского движения - генерал Х.Мансуров.

Смысл выступлений всех ораторов сводился к заверению в преданности народов Советской власти, готовности ее защищать от посягательства фашистских орд, к осуждению трусости и предательства. В числе выступавших были представители чеченцев и ингушей, и я с полным основанием пишу - все было бы в Чечне нормально, если бы партийное руководство республики относилось к своим народам с полным доверием и ответственностью. Вместо этого, с приближением фронта, те, кому было доверено воспитание населения и борьба с антиобщественными явлениями и их носителями, стали панически преувеличивать отрицательные факты, которые имели место среди местного населения - дезертирство, бандитизм и др.

Я допускаю, что этих фактов в процентном отношении к числу населения в Чечено-Ингушетии было больше, чем в других местах, но ведь там были и коммунисты, и комсомольцы, и бывшие батраки и бедняки, получившие от Советской власти и землю и все другие бла-

га. Разговоры о том, что чеченцы-бандиты готовили встречу Гитлера и предательство Советской власти, являются следствием многократного преувеличения отдельных фактов. Чем объяснялись случаи дезертирства и бандитизма, я опишу в дальнейшем касательно положения в Дагестане, где эти факты также имели место. Для борьбы с этими и другими антиобщественными явлениями повсеместно организовывались истребительные отряды, принимались и другие меры.

Положение Дагестана в августовские дни 1942 года характеризовалось рядом сложных моментов:

1. Республика была объявлена прифронтовой.

2. На территории городов Дербент, Махачкала, Буйнакск одновременно скопилось большое количество войск. Помимо 44-й армии здесь был дислоцирован ряд частей резерва Верховного Главнокомандования, в том числе авиации.

Вот одно из постановлений МКО: «Передать для размещения вновь формируемой в гор. Махачкале стрелковой дивизии помещения:

- а) клуб железнодорожников,
- б) здание курорта «Талги»,
- в) помещение шерстопрядильной фабрики,
- г) физкультурный зал города,
- д) кинотеатр «Комсомолец»,
- е) клуб рыбников.

Поручить начальнику гарнизона т. Мотовилову передать бывшее помещение парткурсов под штаб вышеуказанной дивизии.

Обязать тов. Мурсалова предоставить помещения рыбозаводов Турали № 4, 5, 7 и помещения группы заводов Караман №1-7 для размещения частей дивизии».⁸

Очень осложняли обстановку в городе панические, провокационные слухи, которые распускали эвакуированные, а также пораженческие высказывания отдельных жителей города.

К 1941 году взрослое население гор мало владело русским языком. Исторически сложившийся уклад жизни, когда горцы без крайней нужды не выходили дальше своего аула, в лучшем случае района,

являлся громадной трудностью при мобилизации горцев в действующую армию за пределы Дагестана и Кавказа. Беда состояла в том, что, кроме тех, кто прошел службу в рядах армии до войны, горцы не умели обращаться даже с винтовкой. Что касается автомата, пулемета, миномета и гранаты, то они их просто никогда не видели.

Вспоминается такой случай: особый батальон, который был создан при МОК, проходил ежедневно военные тренировки: бойцов учили стрелять из винтовки, автомата, бросать гранаты и т. д. И надо же, один министр (он еще жив и не хочу, чтобы переживал, поэтому не называю его), когда нажимал на курок винтовки, закрывал глаза, а другого так и не смогли научить бросать гранату.

В этой связи хочу сказать о своем отношении к так называемым дезертирам. Во многом дезертирству способствовала нечеткость в работе аппарата райвоенкоматов, партийных, советских и комсомольских организаций, слабо организованная разъяснительная работа. Некоторые горцы вместо армии пошли в горы, леса. Лакцы - народ бывалый, почти все взрослое население владело русским языком, да и территория СССР для них не была заморской. Поэтому, насколько помнится, и дезертирства среди них почти не было. В целом по республике это явление выдвигало перед парторганизацией серьезные задачи - надо было добиться от центра разрешения на легализацию уклонившихся от мобилизации, их добровольную явку в военкоматы и вступление в ряды действующих армий, и этим снять позорное пятно с населения Дагестана.

Это удалось осуществить после решения ГОКО о снятии Линкуна с поста 1-го секретаря обкома ВКП (б) и утверждения в этой должности тов. А.Алиева.

Я уже говорил о положительных и слабых сторонах характера Линкуна. С приближением фронта он перестал заниматься делами, все более перекадывал их на меня, как на зампреда МКО, а с утверждением меня членом Военного совета армии вообще опустил руки. Допускаю, что о его поведении узнали в ЦК, ибо вскоре в Дагестан приехали: член Политбюро ЦК ВКП (б), зам. Председателя Совнаркома СССР Берия, командующий Закавказьем Тюленев, член ЦК и Военного совета Закавказья, секретарь ЦК КП Азербайджана Багиров и сопровождающие их лица. Это было во второй половине июля.

⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1040, оп. 1, д. 1, л. 93.

Я находился в Ботлихе вместе с наркомом внутренних дел А.П.Медведевым. Ночевали у секретаря райкома партии М.Т.Унцукульского. В три часа ночи нас разбудил звонок из Махачкалы. Медведеву сообщили, что утром на полдня в Махачкалу приезжает Берия и Военный совет Закавказья. Из обкома звонка не было. Я начал одеваться и предложил вместе поехать в город. Каково же было мое удивление, когда тот отказался ехать ночью в Махачкалу. Я до сих пор не понял-то ли он боялся возможного нападения бандитов, то ли были основания бояться Берии. Мне не удалось его уговорить, а Т.Унцукульский начал и меня отговаривать. Я все же поднял Еську (так звали моего бесшарашного почти 30 лет шофера Иосифа Алексеевича Джерашвили, замечательного водителя, доброго товарища) и в четвертом часу выехал один.

Часам к 12-ти я был дома, по телефону узнал, что Военный совет заседал в помещении штаба 44-й армии (ныне административное здание пединститута), заслушал информацию Линкуна о положении дел в республике и уже уезжает в Баку, поезд подан. Я быстро переоделся и на вокзал. Меня пропустили в вагон. Здесь были Берия, Меркулов, Багиров. Меня они стали спрашивать о настроении горцев, о причинах дезертирства и какая необходима помощь. Я рассказал коротко о тяжелом положении с хлебом в горах (прекратилось поступление зерна из Ставрополя, Чечни, а своего хлеба и на полгода горцам не хватает, во многих местах питаются крапивой и другой зеленью). Просил разрешить легализовать уклонившихся от службы и объявить набор добровольцев на фронт. Сказал, что для нас хорошим стимулом было бы присвоить звание Героя Советского Союза дагестанцу. Берия разрешил легализацию и набор добровольцев, насчет хлеба и освобождения от налогов, предложил представить справку и письма, относительно присвоения звания Героя Советского Союза сказал: «Разберемся». Молчавший до этого Багиров обратился ко мне с вопросом: «Правда ли, что Линкун не бывает в горах?» Я ответил: «Да» и сказал, что поведение 1-го секретаря обкома отрицательно сказывается на активе. Тогда Берия задал вопрос: «Что же по-вашему надо сделать?» Я говорю: «Отзовите Линкуна, дайте нам человека на голову выше, чем он, и тогда в республике будет порядок». Берия сказал:

«Идет война, откуда мы возьмем нового человека, вот пришлем первым секретарем обкома тов. Алиева из Азербайджана, поработайте с ним. Вы его знаете». На этом беседа наша закончилась, и я вышел из вагона, поняв, что судьба первого секретаря обкома была предопределена еще до приезда Берии в Махачкалу. После я узнал, что утром на Военном совете Линкун старался скрыть тяжелое продовольственное положение горцев, на вопрос, правда ли, что горцы питаются крапивой, ответил: «Что же тут удивительного, я сам охотно кушаю крапиву».

Серьезное беспокойство у нас вызывал одиночный и групповой бандитизм. В ряде мест бандитизмом занимались дезертиры-уклонисты, они нападали на одиноких прохожих, грабили, совершали налеты на расположенные вдали от аулов фермы и дома, на мельницы и колхозные склады. Брали продукты питания, убийств не совершали. Так было в Цумадинском, Цунтинском районах.

С бандитизмом в этих двух районах связаны некоторые личные воспоминания. Учитывая беспокойное положение в пограничных с Чечней аулах Цумадинского района, в аул Верхнее Гаквари была перебросена истребительная группа из 20 человек, вооруженная винтовками. Командиром группы истребительного отряда был коммунист из аула Телетль Советского (Кахибского) района. Фамилии его не помню, был он молодой, высокий, с черной шевелюрой. Бойцы были отобраны из числа мужчин непризывного возраста. В райцентре Агвали находился мой заместитель по Совнаркому Хаджи-Мурад Хашаев, командированный туда обкомом для координации деятельности райорганизаций и прикомандированных истребительных отрядов по борьбе с бандитизмом. В районе, если память мне не изменяет, в трех точках действовали бандитские группы: в сел. Тинди (в его лесах) небольшая группа, возглавляемая родственником Магомаева, ответственного работника республики. На границе с Чечней действовала наиболее организованная группа, возглавляемая неким Гусейном, и на территории сел. Хушет было беспокойно. Однажды, было это, по-моему, в августе 1942 года, Х.-М.Хашаев позвонил мне и сообщил, что ночью банда Гусейна напала и разоружила истребительный отряд в сел. Верхнее Гаквари, забрали винтовки, патроны, продовольствие и скрылись. В голосе Хаджи-Мурада была тревога. Я его, как

мог, успокоил и пошел в обком, доложил о разговоре с агвалинцами и спросил, как быть. Четко помню нервную реакцию Линкуна и его слова: «Делай, что хочешь». Я решил ехать в Агвали сам. Из Совнаркома позвонил Хашаеву, передал ему, что еду, попросил наутро собрать в Ботлихе руководителей Цумадинского, Ботлихского и Гумбетовского районов и уполномоченных обкома по этим районам. Вызвал Еську и часов в 6 вечера выехал в Ботлих. За Атлыбуйонским перевалом встретили М.Арбулиева и Сакинат Гаджиеву которые возвращались из Буйнакскса. Машины остановились, я рассказал Магомеду, куда и зачем еду, попрощались и продолжали путь, я в горы, он в столицу. Не доезжая до Хунзаха, у аула Чалда при крутом подъеме у «эмки» полетел зубец первой скорости, и мы ехали всю ночь. Когда надо было брать подъем, а их было немало, Еська разворачивал машину и ехал задом наперед. Когда приехали утром в Ботлих, там нас ждали с волнением: по их расчетам Еська должен был прибыть в Ботлих в 12 или в час ночи. Я позавтракал у Тагира Унцукульского и пошел на встречу с товарищами. Выслушав информацию секретарей трех райкомов и Хашаева о политической обстановке в районах, я раскритиковал руководителей за их беспомощность в борьбе с поразительными настроениями и бандитизмом, нацелил актив на боевую работу среди населения.

По окончании совещания я решил поехать в Агвали. Товарищи начали отговаривать, рассказали, что этой ночью по дороге в Агвали опять банда Гусейна сделала налет на мельницу, ограбила учителей и ехать туда небезопасно. У одного из уговаривавших я уловил скрытое желание испытать меня. Я предложил этому товарищу и Хашаеву сесть в машину, сам занял место около Еськи, и мы поехали в Агвали.

Никаких «бандитов, как я и предполагал, мы по дороге не встретили, не досаждали они и на протяжении двух суток, что я там жил, да и в последующем банда не проявляла активности. Посоветовавшись с руководством района, мы с Хашаевым решили послать к Гусейну одного старика (он жил недалеко от Агвали на своем хуторе) с требованием распустить банду и явиться в Агвали.

Старик вернулся наутро с ответом. Гусейн писал примерно следующее: «Я знаю, что вы сбежали из Махачкалы, потому что скоро Гитлер займет Дагестан, советую Вам присоединиться ко мне, обе-

щую заступиться за вас перед командованием Гитлера». Старик устно передал, что Гусейн нам не верит. Однако впоследствии пойманный Гусейн показал, что посланный нами старик настойчиво уговаривал его не верить нам, и ответ на наше письмо составил сам. Скорее всего так оно и было: одна из дочерей старика, как я узнал потом, была замужем за чеченцем из Череплоя, где чаще всего скрывалась банда Гусейна.

На второй день пребывания в Агвали в райкоме ВКП (б) мы с Х.-М.Хашаевым провели широкое совещание актива, на котором разъяснили военную обстановку, высказали твердую веру в нашу победу, призвали актив по-большевистски возглавить население в борьбе с паникерством и бандитизмом. Когда кончилось совещание, я вышел покурить. Смотрю вниз и удивляюсь: на улице под руку прохаживаются две молоденькие, симпатичные, по-городскому одетые девушки. Спрашиваю у Хаджи-Мурада, знает ли он их, и получаю ответ: «Это две сестры, еврейки, эвакуированные с Украины, пытались попасть на пароход и уехать за Каспий, не удалось. Я их забрал в Агвали, здесь им будет спокойнее». Я не сомневался в добрых чувствах, которыми руководствовался мой друг, но все же я ему рекомендовал забрать их обратно в Махачкалу, помочь уехать или трудоустроить. На третий день я благополучно возвратился в Махачкалу. Вскоре вернулся и Х.-М.Хашаев.

Прошло не так много дней, а из Цунтинского района тревога: бандиты окружили райцентр. Опять мы с Х.-М.Хашаевым в машине, и Еська везет нас в горы. Доехали до Гидатлинского моста, а дальше на лошадях. К вечеру доехали до Магомед-Расула Кули, жившего около Тлярата. Остановились на ночлег, хозяйка приготовила незатейливый ужин, Магомед-Расул вытащил бутылку чачи, поужинали и легли спать.

Утром поехали в Тлярату. Примерно на полпути от Кособа до Тлярата встретили молодую голубоглазую красавицу с грудным ребенком на руках. Остановились, расспросили, кто, откуда. Оказалось, это учительница из Кособа, приезжая из России, года два назад была соблазнена прокурором района Муртазали Пирбудаговым, родила сына, а теперь отец отказывается от него. Мы обещали разобраться в ее деле, и по приезде в Тлярату пригласили Пирбудагова в райком, пристыдили его, он обещал поддержку сыну, а жениться

отказался, так как имел семью. По возвращении в Махачкалу мы поставили вопрос о недостойном поведении Пирбудагова, и он был снят с работы.

Эта история имела продолжение. В 1976 году по вызову на ремонт телевизора явился ко мне мастер Магомед Пирбудагов. Когда я расспросил его, узнал, что он - тот самый ребенок русской учительницы из высокогорного аула Кособ, Она выехала из Дагестана и вырастила замечательного, веселого, добродушного сына, прекрасного семьянина, отличного специалиста, мастера на все руки. Вот какие бывают сюрпризы в жизни.

А теперь продолжим путь в Цунтинский район. Переночевав в Тлярате у председателя райисполкома Магомеда Омарова, переговорив с членами бюро исполкома, похвалив их за порядок в районе, патриотизм, отсутствие дезертиров и бандитов, мы двинулись в сторону Бежты. Вместе с нами поехал и М.Омаров - веселый, остроумный и добрый, он оказался большим шутником и всю дорогу рассказывал разные обычаи и проделки местных юношей и девушек. Хашаева я оставил в селе Бежта, так как третий день ехать верхом ему было тяжело, а до Шаури надо бы преодолеть несколько крупных подъемов и спусков. Да еще мы точно не знали: действительно ли райцентр Шаури окружен бандой или сигнал был по правилу «у страха глаза велики». Забрал я с собой и Голава.

Когда поднялись на гору, перед нами открылась удивительно красивая панорама Цунтинского района: покрытые соснами склоны гор, там и тут прилепившиеся к скалистым террасам селения. Нас удивило, что около каждого аула медленно ходили женщины. Оказалось, они собирали крапиву, мяту и еще какие-то травы и корни, а дома готовили из них пищу. Хлеба у большинства населения не было. Грустно было видеть эти прекрасные климатические курорты и почти голодающее, но не падающее духом население. Поговорив в каждом населенном пункте со стариками и женщинами, пообещав им помочь мукой, мы без всяких препятствий выехали в Шаури. К сожалению, я не сумею передать впечатление, которое произвел райцентр. Он утопал в богатых соснах. Я за 35 лет руководящей работы по многу раз бывал в каждом райцентре и в большинстве крупных аулов Дагестана. Такой красоты, такого чистого, ароматного воздуха не встре-

чал. Мой родной Гуниб красив по-особому, климат и воды его целебны, но Шаури затмевает Гуниб.

К счастью, райцентр не был окружен. Правда, были случаи, когда нападали на мельницу и забирали мешок муки или с колхозного склада тащили сыр и масло. Но это могли делать не только бандиты. Может быть, какой-нибудь крестьянин, страдая от вида своих голодающих детей, решал хоть так достать для них пропитание.

Мы собрали райактив, выслушали информацию секретаря райкома и сами проинформировали актив о положении на фронтах и в Дагестане, твердо заявили, что враг выдыхается, что наша мощь растет. Я резко выговорил руководству района за панику, сказав, что только работников райкома, райисполкома, милиции, имеющих оружие, наберется 40-50 человек, а официально зафиксированных бандитов на территории района два-три человека. Было высказано много горьких слов в адрес первого секретаря РК ВКП (б). Переночевав в Шаури, на следующий день мы без приключений вернулись в Бежту, еще через день в Тлярату.

На обратном пути от Тляраты до Гидмоста мы - я, Хашаев и Голав договорились встретиться с первым секретарем Кахибского (Советского) райкома ВКП (б) Али Мачиевым. Так как в Тлярате мы собрали районное совещание предсельсоветов и секретарей партийных и комсомольских организаций, где Хашаев сделал доклад о текущем моменте, ехать пришлось вечером. Мачиев выехал нам навстречу.

Уже наступила темная ночь, моросил дождь. Али ехал на лошади и на каком-то расстоянии от Гидмоста услышал стук колес подвод, едущей навстречу. Решив, что на подводе едем мы, Али с присущей ему веселостью задумал пошутить: когда сблизился с подводой, вытащил пистолет и крикнул: «Руки вверх». В ответ Али услышал русскую речь, лязг винтовки и незнакомый голос: «Бросай оружие, буду стрелять». Али понял, в чем дело, и начал кричать: «Ле, ле, ошибка, ошибка» и поднял руки вверх. Оказывается, с Анцухского моста в Гидмост за продуктами на подводе ехал красноармеец. Только крепкие нервы солдата спасли Али от неминуемой смерти. Долго этот случай был предметом для товарищеских насмешек над Али.

Если бандитизм в горах был скорее следствием неудовлетворительного разъяснения населению положения на фронте, то в ряде мест

Дагестана действовали сознательно сколоченные бандгруппы, которые грабили, убивали, терроризировали актив, сеяли панику и ждали падения Советской власти. Бандитами был убит первый секоетарь Хасавюртовского райкома ВКП (б) Лукин, в Каякентских лесах укрывалась наиболее опасная бандгруппа, которую возглавил бывший председатель райисполкома дезертир Ильясов. Он был молодой, энергичный, грамотный, с княжескими замашками и суровым характером, опасный враг Советской власти. Убит он был, попав в засаду, устроенную в его доме в Башли.

Одиночные бандиты, действовавшие в Хаджал-Махи, в Сергокалинском районе, серьезно мешали работе местных органов власти. Дело дошло до того, что первый секретарь Сергокалинского РК и председатель РИК сговорились и имитировали нападение бандитов. Эта провокация была раскрыта, оба руководителя исключены из партии и осуждены. Дезертирами была ограблена и убита жена секретаря Унцукульского РК ВКП (б), моего брата Г.-А. Даниялова - Кусум, молодая энергичная горянка. Что же касается Дагестана в целом, то его народы на 99,9% от начала до конца войны на фронтах и в тылу беззаветно боролись за Советскую власть, вместе с русским и другими народами приближали нашу победу над черными силами фашизма.

Схема работы в 1940-1945 годах и вопросы, которые мы решали тогда, были многообразными. Вот их краткий перечень:

1. Работа промышленности и транспорта.
2. Дела колхозно-совхозные.
3. Торговля и общепит.
4. Наука, культура, просвещение.
5. Строительство оборонительных рубежей.
6. Патриотическое движение:
 - а) сбор средств в фонд обороны;
 - б) строительство бронепоездов;
 - в) сбор теплых вещей для армии;
 - г) шефские связи с действующей армией;
 - д) связи с фронтовиками, письма, листовки;
 - е) дагестанцы на фронтах Отечественной войны.

В решении этих и других вопросов военного времени очень сильно помог Азиз Мамедович Алиев, который в сентябре 1942 года при-

ехал из Азербайджана и стал первым секретарем Дагестанского обкома ВКП (б). Он оказался человеком, который всецело доверял дагестанскому народу, полностью опирался на местный актив. Восстановил, создал в парторганизации республики атмосферу сплоченности, дружбы и творчества.

А.М.Алиев, доктор медицинских наук, работал до Дагестана секретарем ЦК ВКП (б) и в Дагестан приехал по рекомендации первого секретаря ЦК АзКП, члена Военного совета Закфронта Л.Багирова по направлению ЦК ВКП(б). Он был в военной форме в чине полковника, но по приезде форму сменил на гражданскую одежду. Симпатичный, веселого нрава, скромный, терпеливый Алиев отличался развитым чувством ответственности, человеколюбием, теплотой и уравновешенностью. В первые месяцы работы в обкоме Азиз Мамедович изучал обстановку, характер и обычаи дагестанцев.

Он целиком доверял, поддерживал меня. Выезжали вместе в города и районы, проводили собрания и совещания, и здесь, как и на бюро обкома, Азиз давал желающим говорить, последнее слово давал мне, сам заключал и прямо говорил: «Я полностью согласен, поддерживаю А. Даниялова» и дальше развивал свои мысли. У Азиза я научился многому, и в первую очередь терпеливо и до конца выслушивать товарищей, не пользоваться своим высоким положением, превосходством своих знаний и навыков, в обращении с подчиненными не унижать достоинства работника, глубоко вникать в суть дела, не рубить сплеча. Очень и очень легко было с ним работать и общаться, ему были чужды элементы зазнайства, самовосхваления. Он не был «сухарем», любил смешить и смеяться.

Два примера. Жена Алиева Лейла-ханум была старше его по возрасту и довольно полная женщина. Азиз любил подтрунивать над ней, она не обижалась. Однажды Азиз ехал во время путины по рыбным промыслам и взял с собой Лейлу-ханум по ее настоянию. Подъехав к промыслу Караман № 4, Азиз вышел из машины, поздоровавшись с руководством промысла, представил им Лейлу-ханум и сказал: «К нам приехал министр рыбной промышленности, доложите ей обстановку». Эта шутка вскоре обошла все промыслы.

Однажды в Москве, это уже было после войны, наше пребывание на сессии Верховного Совета совпало с приездом туда зам. мини-

стра здравоохранения ДАССР О. Барояна. Зная неравнодушие последнего к женскому полу, во время обеда в номере Азиз решил подшутить над ним: поручил своей дочери Зарифе позвонить и назначить свидание Барояну. Так и было сделано. Бароян сказал, что он будет в кителе с орденом Красной Звезды в вестибюле гостиницы «Москва» в 7 часов вечера встречать незнакомку. В назначенный час мы - Азиз, Зарифа Адиль-Герей Тахтаров и я спустились и со второго этажа стали наблюдать.

Бароян пришел раньше срока и, подходя к каждой молодой одинокой женщине, выпячивал грудь с орденом. Мы падали со смеха, наконец Азиз громко крикнул «Оник! Она раздумала». Затем пригласили Барояна и вместе пошли ужинать.

В напряженный, трудный период работы Алиев находил повод, чтобы дать разрядку коллективу, подбодрить товарищей.

Вместе с Алиевым из Азербайджана приехали еще 16 коммунистов, в том числе ставшие: вторым секретарем обкома ВКП (б) Аршавир Агабабов, первым заместителем Председателя Совнаркома ДАССР Тихон Иванович Рихирев, секретарями Дербентского горкома партии Мамедов, Касумкентского РК ВКП (б) Багиров (однофамилец), завотделом пропаганды обкома Салам Айдинбеков. Все эти товарищи впоследствии оставили Дагестан, одни по своей воле, другие были вынуждены.

С приближением фронта к Дагестану мы оказались отрезанными от Москвы; связь, которая после взятия фашистами Ростова осуществлялась через Сталинград, тоже оказалась прерванной летом 1942 года. Говоря о связи с Москвой, вспоминаю один случай: зимой 1941 года мне пришлось ехать в Москву для утверждения бюджета и нархозплана. Ехал со мной помощник Исая Романович Нахшунов, горский еврей по национальности, эрудированный, трудолюбивый, скромный коммунист. Железнодорожной связи с Москвой не было, самолеты из Махачкалы в Москву тогда не летали. Мы поехали поездом в Баку, оттуда самолетом Баку-Астрахань-Саратов-Козлов, затем до Москвы поездом добирались 10 суток.

Помню, в Саратов мы прилетели ночью, была пурга, в ту ночь на аэродроме в Саратове потерпела аварию и погибла известная летчица Раскова. Когда на 2-й или 3-й день вылетали из Саратова, пурга со-

проводжала нас всю дорогу. Самолет приземлился вечером в каком-то городе в яростную снежную бурю. Помню свои слова, обращенные к Нахшунову при выходе из самолета: «Если в этой поездке не умрем, я буду долго жить». От самолета до аэропорта мы добирались буквально ползком - ветер налил с ног. В этой поездке, в гостинице «Москва», впервые мне пришлось испытать воздушную тревогу, в один из налетов вражеские бомбардировщики сбросили бомбы на МОГЭС.

С начала 1942 года в Дагестан частенько начал наведываться член Военсовета Закфронта Багиров, для ознакомления с дислоцированной на линии Буйнакск-Кизилюрт Азербайджанской дивизией. Он мало общался с обкомом, в поездку брал меня. Я уже говорил, что в 1937 году впервые был на приеме у Багирова вместе с Сорокиным и Мамедбековым, и он произвел на меня большое впечатление. И теперь я старался с уважением относиться к нему, я присматривался, прислушивался к его беседам с руководством дивизии и солдатами—азербайджанцами. Помню несколько эпизодов, связанных с приездом Багирова.

Один раз, точную дату не помню, весной он приехал с какими-то военными, взял меня, и мы направились в Буйнакск. В садах Нижнего Казанища он выступил перед бойцами и сказал примерно следующее: «Идет жестокая война. Фашисты хотят поработить наш народ. Я призываю мужественно биться с врагом и с почетом вернуться домой, мы встретим вас как героев, а кто проявит трусость, пусть его проклинает народ, пусть материнское молоко ему будет харам (проклятие)». И Багиров пристал ко мне, чтобы и я сказал напутствие на азербайджанском языке, собравшие аплодисментами поддержали его. Мне ничего не оставалось, кроме как на ломаном, наполовину кумыкском, наполовину смешанном турецко-азербайджанском языке выполнить эту просьбу.

Другой раз Багиров, И.В. Тюленев (ком. Закфронта), Саджая (начальник особого отдела фронта) приехали на своих машинах, забрали меня и направились в район Кизилюрта, в расположение частей Азербайджанской дивизии. По дороге я сказал Тюленеву, что, как прифронтовая республика, мы отдали армии все трактора, машины и очень много лошадей, в горы не на чем возить продукты питания. Саджая говорит: «У нас в районе Кюрдамира имеется около ста негодных для

армии лошадей, можем выделить их вам». Я поблагодарил его и Тюленова. В это время Багиров предложил шоферу (а ехали мы вчетвером на его машине) остановить машину, слез и говорит:

«Езжайте сами, я с этим человеком (Саджая) не поеду» и пошел по дороге пешком. Мы втроем удивленно посмотрели друг на друга. Багиров прошел метров 20-30, возвратился, сел в машину и говорит: «Поехали. Я мобилизую все ресурсы для армии, а Саджая хочет наших лошадей отдать Дагестану. Я вернулся в машину из-за уважения к т. Даниялову». Я был не рад, что поднял этот вопрос. Тюленев успокоил Багирова, а Саджая извинился. Этот случай ясно показал мне «заботу» Багирова о горцах Дагестана, и, конечно, оставил тяжелый отпечаток в душе.

Доехав до расположения части и найдя командира дивизии, командующий фронтом стал расспрашивать, как идет обучение бойцов. Комдив отвечал на вопросы и, указав на приближавшуюся к нам группу красноармейцев, сказал: «Вот возвращается группа из разведки», а тем временем один из разведчиков весь в поту, задыхаясь, начал докладывать комдиву о разведке на едва понятном русском языке, но бодро и смело. Комдив обратился к разведчику: «Докладывай генералу армии», разведчик круто повернулся к генералу Тюленеву и начал: «Товарищ генерал-майор..» Тут ком. фронтом обнял разведчика, снял со своей руки и надел на руку солдата часы. Мы некоторое время находились в части и вернулись: я - в Махачкалу, они поехали в Баку.

Эта встреча и приезд Багирова вспоминается и еще одним эпизодом. Возвращаясь, Багиров завернул в гор. Дербент, поехал по улицам и остановился на площади перед горкомом. У подошедшего молодого человека спросил, кто секретарь горкома и попросил пригласить его (предварительно объяснив, что он-Багиров). Тот побежал и вернулся вместе с секретарем и здесь разыгралась такая сцена: Багиров: «Вы здесь секретарь горкома?» Ответ: «Да». Б.: «Как Ваша фамилия?» Ответ: «Остремский». Б.: «Так вот, Остремский, если через десять дней не наведете в городе идеальную чистоту, на этом самом месте собственноручно застрелю Вас». Заставил повторить. В это время собралась целая группа любопытных, подходит к Багирову Люкшин, старый член партии, мой помощник (уполномоченный об-

кома). Узнав, кто он и зачем в Дербенте, Багиров и ему говорит: «И Вас тоже застрелю». Придя в горком, Остремский упал в обморок. Мы приняли эту выходку Багирова как его притязание на Дербент, но виду ему не подали. На этом инцидент закончился. Все это происходило до смены руководства обкома. Мое уважение и симпатия к Багирову были поколеблены, и все же я продолжал принимать его поведение как заботу о народностях Дагестана. Ведь он был член ЦК ВКП(б) и член Военного совета Закавказья.

Однажды, это было в 1943 году, после Тегеранской конференции глав государств антигитлеровской коалиции, Багиров при встрече передал мне разговор с И. В. Сталиным. Описав трудности, которые испытывал Дагестан, Багиров высказал мысль о передаче или присоединении республики к Азербайджану. И. В. Сталин спросил: «А как отнесутся дагестанцы к такому предложению?» Багиров ответил: «Помоему, неплохо». На этом разговор кончился. Я сказал Багирову, что надо посоветоваться с товарищами.

Слух об этих намерениях азербайджанского руководства быстро распространился среди актива, особенно после переброски большой группы активистов дагестанского и недагестанского происхождения на руководящую работу из Баку в Дагестан. В дальнейшем прямых контактов с Багировым на эту тему не было. Азиз Алиев инициативы не проявлял. Я же не придавал политического значения этому вопросу. Однажды у Председателя Президиума Верховного Совета ДАССР Адиль-Гереев Тахтарова на квартире был организован ужин по случаю приезда в Дагестан наркомздрав РСФСР. Среди гостей помимо других товарищей присутствовал начальник Ленинградской школы подплава контр-адмирал Скрыганов (школа была эвакуирована в Махачкалу). Произносились тосты за победу, пили, кушали и веселились. В один момент Скрыганов обратился ко мне по имени и отчеству и говорит: «Ты ориентируйся не на юг, а на север - на Москву». Эта реплика заставила меня всерьез осмыслить значение и политические последствия передачи Дагестана Азербайджану и утвердиться в отрицательном отношении к такому предложению. Когда в беседе с Азизом Алиевым я поднял этот вопрос, вопреки моим ожиданиям, он высказал резко отрицательное отношение к присоединению Дагестана к Азербайджану и пояснил:

«Сейчас мы прямо входим в ЦК ВКП (б), а в случае перехода в Азербайджан будем подчиняться Аз. ЦК. Кроме того, Кулиев не станет давать Дагестану больше денег, чем Совнарком РСФСР».

Эта беседа вызвала во мне еще большее уважение к А. Алиеву, и у нас сложились крепкие братские отношения. Алиев предстал как интернационалист, дальновидный политический деятель. Ведь Багиров наверняка перед направлением в Дагестан передал Алиеву содержание разговора с И. В. Сталиным и свое желание видеть Дагестан в составе Азербайджана. И все же Алиев устоял против воли Багирова, который был наделен большой властью не только в Азербайджане, но и в Закавказье и Дагестане как член ЦК ВКП (б) и член Военсовета Закавказья. Кроме того, мы искренне уважали и чтим Багирова как старшего авторитетного товарища - ведь после бури 1937-1938 годов один он уцелел на всем Кавказе.

Кроме того, мы считали искренно-добрыми намерения его по отношению к Дагестану, ставшему прифронтовым. Так продолжалось развитие отношений почти год. Однажды в период сессии Верховного Совета, поздно вечером, А. Алиев забрал Тахтарова и меня, и мы поехали к Багирову на квартиру по его приглашению. Он был навеселе и с ходу сказал примерно следующее: «Я только что обедал у Сталина на даче. Вопрос о передаче Дагестана Азербайджану в принципе решен. Напишите на имя Сталина записку с просьбой об этом». Мы посмотрели друг на друга. Алиев сказал, что мы обдумаем и завтра решим.

Приехав в гостиницу, мы договорились, что без решения хотя бы пленума обкома партии не можем писать такой записки и договорились, что А. Алиев скажет об этом Багирову. В какой форме, это было передано, я не знаю, но после этого Багиров затаил злобу и ненависть к А. Алиеву, ко мне и к Дагестану, что подтвердили последующие события. Багиров внешне сохранял ровное отношение к нам, но больше в Дагестане не появлялся на протяжении всех последующих лет войны. После окончания войны он начал методически мстить Алиеву, мне и заодно - Дагестану.

В 1948 году А. Алиев был направлен на курсы секретарей обкома и по их окончании утвержден инспектором ЦК ВКП(б). Однако Багиров, пообещав золотые горы, добился приезда А. Алиева в Азербайджан,

вначале утвердил его зам. Предсовмина, а затем начал издеваться над ним: снял с работы, за что-то наказал и в конце концов послал на работу в систему Минздрава. Мне говорили, будто Багиров ссылался на анонимные письма из Дагестана на Алиева. Это, конечно, ложь, никто и ничего порочащего Азиза Алиева из Дагестана не написал. А мстить за то, что не возбудили ходатайства о присоединении Дагестана к Азербайджану, по крайней мере, было подло. Если бы не эта травля и гонения, Алиев жил бы еще многие годы, принося добро советским людям.

На этом воспоминания Абдурахмана Даниялова обрываются.

Опубл. в кн.: Абдурахман Даниялов. Дагестан: время, судьбы. Махачкала, 1982 г.

О СВОЕМ ДЕТСТВЕ, О СОБЫТИЯХ В РОДНОМ СЕЛЕ РУГУДЖА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Публикуются впервые)

В эту ночь мы спали безмятежным детским сном в одной никогда не отапливаемой комнате. На окраине аула, на очарах шли разговоры о том, что аульская верхушка: барановоды, кадии и муллы ушли в горы, но никто толком не знал, почему и в какие горы эти люди ушли.

На рассвете раздалась одиночные винтовочные выстрелы, и мы, кто в чем спал, высыпали на балкон. Первое, что мы увидели, была разношерстно одетая, кто в шубу, кто в полушубок, кто в черкеску толпа, показавшаяся на окраине и рассыпавшаяся по кособору перед аулом.

Стреляя на ходу эти люди кричали: «Берегись алеройной». Это оказалась банда Гоцинского. Сравнявшись с нашим домом, направив на дедушку винтовки, двое бандитов угрожающе кричали: «В каком направлении ушли красноармейцы?». Ответ старика, что мы ничего не знаем и никого не видели, наши вопли, видимо, оказали воздействие, бандиты оставили нас и отправились дальше. Быстро одевшись, я побежал к аульскому озеру. Перед моим взором раскинулась страшная картина: расправа бандитов с красноармейцами. Прямо на дороге лежало несколько изрубленных трупов, совершен-

но голых. Около 40 человек, расквартировавшихся в ауле, частью в Цинибкалах засадой бандитов были истреблены. При этом был арестован Исмаил Абдуллаев, прозванный “Кекой”, которого с группой уцелевших красноармейцев этапировали в Гуниб. На следующий день он был направлен в штаб банды Гоцинского в Энто и убит выстрелом в спину на территории аула. Исмаил долгое время находился на заработках в Темир-Хан-Шуре, а, возвратившись домой, вел большую работу, разъясняя аульской бедноте преимущества Советской власти, разоблачал маневры кулаков и духовенства, выступавших против Советской власти.

Я помню, от него услышал о Махаче - что это сторонник и борец за интересы бедноты. На второй день после этих событий произошло первое сражение между бандой Гоцинского и частями Краской Армии, выступившими из крепости. Бои шли в районе Цинибкал. В сражениях было убито несколько бандитов, а также был убит мой близкий родственник Муртазали Омаров. Отец его - бедняк, занимался бакалейной торговлей, но сын Муртазали всегда выступал за бедняков. Помню один эпизод.

В аул для раздачи нуждающимся поступила бязь, холст. У годика собралась толпа и шел спор, кому доверить хранение и в каком порядке раздавать эту мануфактуру. Муртазали настаивал доверить это дело ему, а верхушка аула требовала поручить (раздачу) Хадижалаву. Последний был зажиточный, очень умный и трудолюбивый крестьянин. Спор здесь перешел в драку, Муртазали обнажил кинжал, кинулся на Хадижалава. Резня была предотвращена вмешательством стариков, и в последующем раздача бязи беднякам была доверена комиссии. Тем не менее, Муртазали в первый день примкнул к банде и пошел в бой против красноармейцев, в то время как Хадижалав за все время войны винтовку в руки не брал.

На третий день после захвата аула бандитами в аул приехал Гоцинский. Остановился он у Алибегаил Магомеда, известного барановода аула. В ауле шел разговор о том, что Гоцинский за один присест съедает целого барана, что в походах для него всегда стоит районная лошадь и т.д.

В банду Гоцинского была мобилизована молодежь из аула. Вскоре они двинулась на Чох и сходу взяли аул, но продержаться там не смогли. Горстка чохских партизан сумела выбить бандитов из аула.

Возвращаясь в Ругуджу дедушка счел целесообразным на время военных действий в ауле переехать к нам на хутор Колоб, где зимовал наш скот и который находился подальше от фронта. До хутора доходили разные хабары о положении на фронтах. И вот однажды со стороны Куяда, перекинув винтовку через плечо, возвращался в аул. то был (человек) очень высокого роста, красивый, здоровый участник первой мировой войны, хорошо знавший русский, рассказал дедушке, что война бандой проиграна, что большевики обходят аул через Кореда и Куяда, что бандиты сбежали из аула и нам целесообразно вернуться в аул. Между прочим, сын этого Исал Мусы - Саид Мусаев, повторив поступок (подвиг) Александра Матросова в Великой Отечественной войне в Крыму, стал посмертно Героем Советского Союза.

Мы возвратились в аул, а он оказался почти пустой. Весь народ, попрятав свои пожитки, захватив самое необходимое, до единого вышли в направлении Чародинского района. Переночевав одну ночь... мы с дедушкой последовали за аульчанами в направлении Унката. Когда мы шли по дороге в Гуниб, буквально метрах в 10-15 от нас разрывались артиллерийские снаряды. Бедная Альмеседу, ей тогда было лет 5-6, всю дорогу плакала. Вдруг, откуда ни возьмись, показался Кунчакли Муртазали – это двоюродный брат моего отца, очень высокий, здоровый и добрый горец. Сходу он подхватил на руки Альмеседу и мы миновали зону обстрела. Как бы тяжело не было к вечеру мы пришли в Унката и там нашли почти всех жителей аула, в том числе и семейство дяди по отцу. Дядя стал упрекать дедушку (своего отца), зачем он раньше вышел из аула, что большевики ничего бы не сделали с ним. На второй день аульчане продолжали путь дальше в глубь гор Чародинского района, а нас одних оставили на хуторе. Вскоре на хутор пришли партизаны. Это были, главным образом, даргинцы, они порекомендовали нам вернуться в аул. С партизанами был такой эпизод. Помню у нас был мешок муки, а у партизан, видимо, плохо было со снабжением. Один раз пришли двое и забрали чуреки, которые пек дедушка. Тогда мы решили спрятать остатки муки в сарае за сеном. На второй день пришли те же двое и забрали эту муку. Помню мы трое детей пошли к командиру и пожаловались. Тот возвратил часть муки и дал целую тушу барана. Через несколько дней мы вернулись в аул. Первое, что мы увидели – это в центре большой комнаты пепел

сожженной бумаги и уголок не догоревшего толстого пергамента в нише у стены.

Отец наш продал свой дом в ауле, поскольку он оказался в окружении людей другого тухума и купил себе развалины в ауле, где жили его родственники. Он заново отстроил дом, оставив не разобранной лишь одну стену, смежную с соседями. В ауле шли хабары, что купленные отцом развалины в далеком прошлом принадлежали богачам и что там зарыт клад. Возможно, что этот клад находился в единственной, оставшейся не разобранной стене – это осталось тайной истории. Может быть, там были источники до арабского завоевания. Во всем ауле оставался один глубокий старик... его нашли убитым.

Аул был разграблен, все, что было нажито и представляло какую-то ценность, но не смогли унести с собой, жители аула попрятали в сараях, зарыли в землю. Все это стало достоянием участников оккупации. Думаю это поделом ругуджинцам. Ведь могли они поступить так, как (поступили) телетлинцы и чохцы: не пустить Гоцинского в аул. Однако реакционное духовенство и барановоды аула подмяли бедноту и взяли верх, за что они были наказаны по достоинству.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

III

РАЗДЕЛ

Из научного наследия А.Д. ДАНИЯЛОВА

О культуре личности

Марксистско-ленинская методология предполагает объективный, научный анализ явлений в конкретно исторической обстановке, породивших эти явления. Если с этих позиций подойти к оценкам периода, который охватывает более чем 30-летний опыт борьбы за социализм в нашей стране, и который ныне привыкли называть периодом культа личности – то нельзя забывать и троцкизм, и правый уклон, и недобитый классовый враг внутри страны и международный империализм, лелеющий и который до сих пор ждет поражения нашей системы.

Наше прошлое озарено незабываемым героизмом советского народа, который в голод и холод с великим энтузиазмом строил фабрики, заводы, города и поселки, превратил еще недавно нищенскую и убогую Россию в могучую индустриальную державу. Именно в этот период народ решал одну из самых сложных задач социалистической революции – перевод мелкокрестьянского хозяйства на путь коллективизации.

Можно и нужно критиковать ошибки, допущенные при решении этих задач, именно ошибки, а не саму цель и тем более не результаты. Ответственность за эти ошибки несет высшее руководство и в первую очередь Сталин.

В наше прошлое входят и победы над фашизмом – эта немеркнущая страница (книга) славных побед советского народа, отражающая крепость нашей социалистической системы, прочность дружбы и сплоченности народа вокруг партии.

Можно и нужно критиковать печальные ошибки этого периода, неудачи первого периода, как следствие внезапности нападения врага, беспечность и недоверие к сигналам наших компетентных органов и лиц, неоправданное доверие Гитлеру и его [окружению].

Можно и нужно критиковать, что кадры армии в 1937-1938 годах были подвергнуты репрессиям, что сыграло на руку фашистской Германии. И все же нельзя отрицать, что Сталин твердо и мужественно выполнял роль Председателя Государственного Комитета Обороны,

был главой страны, Главнокомандующим армией, которая разгромила фашистские полчища. Речь идет о характере критики.

Принципиальный разбор и суровые осуждения ошибок, жесткие меры к тому, чтобы не повторились эти ошибки – ничего общего не имеют с тенденциозным, в ряде мест разным и даже враждебным характером разбора этих ошибок.

Вообще неправильно относить все ошибки, их губительные последствия к одной личности, так же как неверно приписывать одной личности все достижения партии и народа. При таком подходе к вопросу получается, что одна сильная личность может творить произвол и беззаконие. Что это незаконно показал Октябрьский (1964 г.) Пленум ЦК, подвергнув деловому, спокойно принципиальному анализу ошибки Н.С. Хрущева и отстранив его от должности руководства. Этим был доказан абсурдный характер той теории, что культ личности и неизбежные его вредные последствия – это мол порождение и спутник нашей социальной системы.

Хрущев был Председателем Совета Министров и первым секретарем ЦК КПСС, в руках которого была неограниченная власть. Однако он был вынужден держать руки по швам, когда его же товарищи поставили вопрос о вреде его действий. Если бы Президиум ЦК, а затем Пленум ЦК не сделали этих выводов – культ личности Хрущева в самых карикатурных проявлениях начинал уже процветать. Ведь, если допустить всеисилие одной личности, ее способность подменять волю коллектива, – мы открываем дорогу для безответственности сотен, тысяч людей, для их безделья и демагогического [словословия], сваливать все плохое на одного руководителя, открывать простор для угодничества и подхалимства.

С другой стороны – воспитывать личность в духе безнаказанности действий, всеисилии и всемогущества.

Любое злодеяние руководителя – результат беспринципности коллектива, и ответственность за следствия должен нести коллектив наряду с личностью. Тогда не будет ни у кого желания стать культом личности. Конечно, речь не идет о том, что не надо уважать руководителя, честно оценивать и признавать его достоинства, талант и способности. Наоборот, советский и партийный руководитель – выходец из народа, порождение рабочего класса и колхозного крестьянства

неотделим от народа и сила его в поддержке народа и партии. Авторитет и культ – везде разные и их надо различать.

Каким бы я был секретарем обкома, если бы не пользовался полным доверием, добрыми стараниями моих товарищей? Как бы я мог сохранить это доверие, если начал бы ставить себя над товарищами, быть несправедливым?

Формирование личности, в том числе и руководителя, – результат далеко не личных усилий, а результат воздействия коллектива, результат взаимодействия руководителя и коллектива. Хорошие качества руководителя в огромной степени надо отнести к активу, в среде которого он работает и творит. И руководить стоит ровно столько, насколько он способен не подавлять, не командовать, не игнорировать, а прислушиваться, способствовать совершенствованию характера и деловых качеств своих товарищей, найти мужество признавать достоинство и даже превосходство той или иной черты товарища, правильно суммировать мнение товарищей и отражать его. Для этого руководитель должен быть и отлично подготовлен, бесстрашным бойцом партии, честным, энергичным и справедливым.

«О ДВИЖЕНИИ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ШАМИЛЯ»

(Впервые опубликована в журнале «Вопросы истории», 1966, № 10)

Советскими историками вплоть до 50-х годов велось успешное изучение движения горцев Кавказа в 20-50-х годах XIX века; многие важные вопросы получили разработку с марксистско-ленинских позиций; освещена была борьба горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля в первой половине XIX века. Однако некомпетентное и тенденциозное вторжение в область исторических исследований М. Багирова, выступившего со статьей о характере движения горцев, внесло ненаучные методы и затормозило дальнейшее изучение данной проблемы. Борьба горцев вопреки историческим фактам была объявлена реакционной, религиозной, возникшей в результате внешних влияний, а Шамиль отнесен к ставленникам султанской Турции и агентам английских колонизаторов; исследователей толкали на ложное

освещение событий; авторитету исторической науки был причинен ущерб. В свое время с ошибочных позиций выступил по этому вопросу и автор данной статьи. В настоящее время правильная оценка антиколониальной борьбы горцев восстановлена. Посмертно реабилитирован достойный сын Азербайджана профессор Г. Гусейнов, много сделавший для правдивого освещения истории движения народов Кавказа в XIX веке¹. Пересмотрено неправильное отношение к трудам ряда советских историков, подвергнутым критике не на научной основе (в частности, Р.М. Магомедова, С.К. Бушева и др.). При этом отброшены имевшие место ошибочные утверждения. Принимаются меры по восстановлению и сохранению памятных мест, связанных с борьбой горцев за независимость. Базирующаяся на подлинных фактах научная точка зрения получила развитие в работах многих советских историков. Важную роль в этом сыграли научные сессии, организованные АН СССР и ее филиалом в Дагестанской АССР, о движении горцев под руководством Шамиля, а также многочисленные выступления в печати². Тем не менее появившиеся за последние годы труды далеко еще не избавлены от неточностей и отдельных ошибок.

Возвращение вновь к вопросам научного освещения причины и характера войны горцев Дагестана и Чечни важно, в частности, потому, чтобы достоверными фактами истории разоблачить буржуазных фальсификаторов, вроде Л. Тиллета, А. Беннингсена, Г. Штакельберга и других, пытающихся противопоставить друг другу народы Советского Союза, оболгать исторические пути их развития, отрицать общность коренных интересов народов нашей страны.

В оценке характера движения горцев определяющее значение имеет правильное понимание его социальной базы. В свое время дворянско-буржуазная историография, стремясь оправдать колониаторскую политику самодержавия, извращала представления о действительном уровне общественной жизни горцев. Многие историки утверждали, что в Дагестане и в XIX веке еще господствовал родовой

¹ См.: А.В. Фадеев. О судьбе одной книги. «Вопросы истории», 1963, № 1.

² Следует отметить, что уже в 1955-1956 гг. на страницах научных журналов был поставлен вопрос о пересмотре ошибочных взглядов на движение горцев. С такими предложениями выступили А.В. Фадеев, А.М. Пикман, А.М. Панкратова, Г.Д. Даниялов и др.

строй и что царская Россия, стоявшая выше по уровню общественно-политического развития, несла народам Кавказа лишь добро, они восхваляли колонизаторскую политику царизма. В трудах советских историков научно достоверно доказана ошибочность этих положений³. В частности, исследователи установили, что феодальные отношения в Дагестане начали складываться еще до XIX века, хотя в горах этот процесс шел более замедленно.

В XIX веке в Дагестане насчитывалось более 500 тыс. жителей, говоривших почти на 32 языках и диалектах. Народности и этнические группы Дагестана находились на разных ступенях социального развития; экономические связи между ними были ограничены, но известное разделение труда в хозяйственной жизни страны издавна существовало; оно вело к необходимости обмена продукцией между различными районами Дагестана.

Жители приморской зоны наряду с посевами зерновых культур (пшеницы, риса, кукурузы) занимались садоводством и особенно виноградарством и мареноводством, разведением крупного рогатого скота. В предгорной и нагорной частях высевались пшеница, ячмень, просо, бобы, лен-долгунец. По долинам рек население выращивало плоды и кукурузу. В некоторых высокогорных районах ведущее место в экономике занимало скотоводство и особенно овцеводство. Широкое развитие получило производство ремесленных изделий. Одновременно с экономическим развитием происходят и изменения в социальной структуре, в формах объединения горских народов.

К XIX веку большая часть населения находилась в подчинении феодальных владетелей. Аварское ханство, например, включало в себя большинство аварских обществ. Однако часть аварских селений входила в Мехтулинское ханство. Лакцы находились под властью казикамукских ханов. Эти же ханы во второй половине XVIII века подчинили своей власти часть территории, населенной лезгинами, агулами. В 1812 году, после изгнания из Южного Дагестана русскими войсками Сурхай-хана Казикамукского, было образовано Кюринское хан-

³ «Очерки истории Дагестана». Т. 1. Махачкала, 1957; **Р.М. Магомедов**. Общественно-политический строй Дагестана в XVIII и начале XIX вв. Махачкала, 1957; **Х.О. Хашаев**. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в., М., 1961.

ство. Большая часть даргинцев (акушинцы, цудахарцы), подчинялась своему особому духовному управлению во главе с наследственным кадием. Часть же даргинцев находилась под властью владетеля Кайтага, табасаранцы - под властью владетелей майсума и кадия. В приморской равнине, населенной кумыками, ногайцами и другими народностями, управляли князья Эндереевские, Аксаевские, Костековские, шамхал Тарковский и хан Мехтулинский. На юге Дагестана азербайджанцы и таты входили в состав Дербентского ханства. Шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, кадии и другие владетели были полновластными хозяевами в своих владениях. Они решали все вопросы внутреннего и внешнего порядка. Кроме них существовало в Дагестане большое число объединений союзов сельских обществ, известных в исторической литературе под названием «вольных обществ»; они были различны по своему этническому составу не только между собой, но и внутри объединений. Отличались они и по уровню общественно-экономического развития, по природным условиям, имеющим большие контрасты в различных районах Дагестана. В смысле людских резервов «вольные общества» превосходили ханские владения. «Вольные общества», особенно когда они объединялись, составляли довольно-таки внушительную силу, с которой не могли не считаться самые знатные ханы Дагестана. Но ханства и бекства экономически и политически были лучше организованы, чем «вольные общества». Подавляющая часть пахотных земель, летние и зимние пастбища находились в собственности феодалов. Так, казикамукскому хану принадлежало, кроме пахотных земель, 41 горное пастбище, которое давало ему доход более 2500 овец в год⁴. Аварский хан имел около 3 тыс. десятин земли, из них горных пастбищ - более 2 тыс. десятин⁵. Крупными земельными угодьями владели и другие феодальные правители: шамхалы, ханы, уцмии, майсумы, а также беки и чанкабеки⁶.

Часть населения Дагестана и Чечни составляли уздени (незакрепощенные крестьяне-общинники). К XIX веку в Приморском Дагестане уздени в значительной части уже потеряли собственные земли,

⁴ «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX в.». Сборник документов (далее: «Движение горцев ...»). Махачкала, 1959. С. 22-23.

⁵ ЦГИА, ф. 396, оп. 2, д. 303, лл. 11-12.

⁶ Дети ханов и беков от неравных браков.

но в Горном Дагестане они еще сохранили за собой небольшие участки пахотной земли, выплачивая феодалам ренту продуктами за пользование пастбищами. Узденство в XIX веке уже не было однородным. Его верхушка обладала пахотными землями и пастбищами, зачастую не уступавшими по размерам владениям феодалов; одновременно с этим все большее число узденей, разоряясь, попадало в положение раят (крепостных). У ханов, беков и чанков были и патриархальные рабы. Отнюдь не являлись независимыми и «вольные общества»; они периодически попадали под власть феодальных правителей. В XIX веке в качестве «вольных обществ» упоминаются Гидатль, Анди и Аргуни, а между тем уже в XVI-XVII веках эти общества были известны как общества, входившие в шамхальство⁷.

Ряд союзов сельских обществ находился в зависимости от ханов Аварии, Казикумуха, шамхала Тарковского и др. Кроме того в большинстве селений, входивших в «вольные общества» (Телетль, Ругуджа, Гидиб, Гинта и др.), жили феодалы, которые, по сути дела, стояли во главе «вольных обществ».

В 1828 году в составе Аварского ханства было лишь 37 селений, свободных от всяких податей и повинностей. В то же время 160 селений - и в них около 15 тыс. хозяйств - были податными. Жители пяти селений являлись ханскими крепостными. Куядинское, Гидатлинское, Каралалское и Келебское «вольные общества» в составе более 10 тыс. дворов обязаны были выставлять по требованию аварского хана воинов. Все это показывает, что и в «вольных обществах» сложилась типичная для феодализма имущественная и социальная дифференциация: феодалы, духовенство, узденская верхушка и масса рядовых узденей.

Как в ханствах, так и в «вольных обществах» шла упорная классовая борьба. Стихийные выступления крестьянских масс жестоко подавлялись. Но надо сказать, что иногда восстания приводили к отходу отдельных сельских общин от феодальных владений⁸. Одним из документов, подтверждающих обострение классовой борьбы, является письмо аварского хана Султан-Ахмада, в котором он писал: «Некоторые райаты, кажется,.. хотят подняться от райатского состояния до узденства. С них полагается дань с гор, воды, сенокосных угодий, са-

дов и посевов. Мы это получали по наследству от предков... Мы хотим направить против них (раят. - А.Д.) войско, чтобы проучить их сколько это возможно, чтобы они не отказывались выплачивать подати»⁹. В ответ на подобные действия феодалов во второй половине XVIII - начале XIX века крестьяне неоднократно восставали против них, как это было в обществах Харахи, Амешта, Инзо, Тукита и др. В связи с усилением феодального гнета имели место направленные против него разрозненные выступления трудового крестьянства, которые становились все более частыми к 20-м годам XIX века. Они создавали благоприятную обстановку для массового движения горцев. Одной из главных причин активизации борьбы трудящихся горцев Кавказа была колонизаторская политика, подавление масс вооруженной силой, опора на социальную верхушку - ханов, беков и князей. Царские генералы, офицерство в угоду ханам и князьям подвергали непослушных горцев жесточайшим репрессиям; уничтожались посева, разрушались аулы, отбирались земли и скот. Тем самым трудящиеся горцы обрекались на полуголодное существование. Присоединение Дагестана к России по Гюлистанскому договору в 1823 году еще больше обострило классовую борьбу, имевшую место в Дагестане и Чечне.

Царизм не только оставил неприкосновенными все права беков и ханов, но и, создавая себе социальную опору, оказывал им всяческую помощь и поддержку; им присваивались звания генералов и офицеров, выдавались крупные единовременные денежные пособия и устанавливалось высокое жалованье; широко практиковалась раздача земель и деревень в управление шамхалам, ханам, князьям и бекам. В результате такой политики в Кумыкии (за Сулаком) более 30 тыс. крестьян оказалось полностью безземельными, а более 400 тыс. десятин земли сосредоточилось в руках десяти княжеских фамилий¹⁰. Положение дел усугубляла и передача лучших земельных площадей в собственность царской казны. К концу XIX века количество земель в Дагестане, принадлежащих казне, превысило 200 тыс. десятин¹¹.

⁹ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2190, л. 1.

¹⁰ См.: «О движении горцев под руководством Шамиля». Материалы сессии Дагестанского филиала АН СССР 4-7 октября 1956 года. Махачкала, 1957. С. 139.

¹¹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 21, оп. 3, ед. хр. 9, лл. 329-330.

⁷ См.: «Гидатлинские адаты». Махачкала, 1957. С. 7.

⁸ «Историк-марксист», 1934, № 2, с. 34.

Опираясь на царские войска, дагестанские феодалы еще более усилили свою власть. В случае неисполнения поданными корыстных требований местные феодалы угрожали им могуществом царского оружия, без суда и следствия, «по одной лишь прихоти хана, десятки людей были ссылаемы»¹². Даже царский полковник Руновский, один из участников подавления восстания горцев, вынужден был признать, что и после покорения дагестанских племен правящие круги России «не изменили существенно господствующую вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но, предоставляя управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть... Таким образом, горцы, вначале смотревшие на русских, как на своих избавителей, увидели себя горько обманутыми»¹³. Более того, царское правительство и со своей стороны обязало горцев Дагестана выплачивать обременительные налоги и исполнять многочисленные государственные повинности¹⁴. Они были столь велики, что подать, вносимая, например, крестьянами Кюринского ханства, «по бедности жителей... не только отяготительна для истощенной земли, - как констатировал генерал Ермолов, - но... не может быть собираемая, отчего всегдашняя происходят недоимки, народ терпит и частью переселяется даже в горы»¹⁵. Блокада целых районов, запрещение вести торговые операции, пользоваться зимними пастбищами и принуждение отбывать повинности местным феодалам и царской казне подрывали основы горского крестьянского хозяйства. Таким образом, усиливающийся гнет местных феодалов и колониальный гнет самодержавия сливались воедино, ставили перед горцами дилемму: или физическое вымирание или защита с оружием в руках своего права на жизнь.

Малочисленные горские народности оказались вынужденными вести неравную борьбу с царизмом. Стихийные выступления кресть-

¹² «Кавказский сборник». Т. VI, Тифлис, 1882 (приложение к статье «1846 год на Кавказе»), стр. 33.

¹³ «Военный вестник». М., 1859. С. 680.

¹⁴ См.: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией». Т. XVII, ч. II, Тифлис, 1875. С. 41.

¹⁵ Там же.

ян против гнета феодалов неизбежно перерастали в антиколониальную борьбу, поскольку царизм немедля выступал на стороне хана или князя для подавления выступления горцев. Царское правительство организовывало карательные экспедиции для подавления крестьянских выступлений, направляло в горные районы регулярные воинские части, развертывало военные действия, причем расправа с местным населением осуществлялась по принципу круговой поруки. О жестокости царского командования неоднократно писал великий русский революционный демократ Н. А. Добролюбов; Л. Н. Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат» с потрясающей силой показал, как по приказу Николая I солдаты жгли хлеб, сено и сакли горцев. Проводимая самодержавием в начале XIX века колониальная политика на Кавказе вызывала недовольство не только в крестьянских массах, но и у части местных феодалов. Установленный режим не всегда устраивал разбогатевшую верхушку узденства, недовольную тем, что она не была полностью приравнена к высшему сословию, не получила всех его привилегий. Оппозиционно к царизму была настроена и большая часть местного мусульманского духовенства¹⁶. В начале XIX века в Дагестане обострилась борьба между различными группами феодальных владетелей и обострились классовые противоречия среди горского крестьянства. Росла оппозиция среди духовенства против местных феодалов, находившихся в союзе с царизмом, когда, как писал царский генерал Фадеев, русские войска «стали все теснее и теснее окружать горы, и опасность, грозившая независимости, для всех обществ сделалась очевидна, племенные раздоры должны были смолкнуть перед новым, общим чувством вражды к тем кто покушался на вековую свободу кавказских племен»¹⁷, то есть борьба переросла в антиколониальную. Используя обстановку, приспособившись к создавшимся условиям, руководители мюридистской секты¹⁸ выступили с при-

¹⁶ См.: А.В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 3-6.

¹⁷ Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб. 1860. С. 310.

¹⁸ Мюридизм - религиозное учение, сочетавшее идеологию тариката с идеей газавата, или священной войны за торжество ислама, и требовавшее безусловной покорности духовным наставникам, то есть учение, которое якобы способствует приближению к богу путем моления и отвлечения от земной жизни.

зывом к объединению разрозненных сил для борьбы с общим врагом. Но это вовсе не означает, что мюридизм стал причиной, вызвавшей борьбу горцев, хотя она и проходила под флагом мюридизма. В.И. Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»¹⁹. В то же время, объединяясь под религиозным знаменем, народы не отказывались от своих первоначальных требований, не снимали их. Крестьянские массы боролись прежде всего за землю, за свою свободу. Они сражались не за идеи мистического тариката (который даже плохо понимали), а против невыносимо тяжелого феодального и национально-колониального гнета.

Мусульманское духовенство начало играть все большую роль в жизни горцев, оно взяло руководство в свои руки и обеспечило идеологическое оформление движения горцев.

В.И. Ленин не раз подчеркивал сложность и противоречивость расстановки классовых сил в национальных движениях эпохи феодализма. «...Марксист, - указывал В.И. Ленин, - вполне признает историческую законность национальных движений. Но, чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях. Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации»²⁰. Все то, о чем пишет В.И. Ленин, имело место и в жизни пародов Дагестана в XIX веке. В многолетней борьбе горцев отчетливо видны различные социальные потоки: рельефно выделяется основная массовая сила - горское крестьянство с его антифеодальными и антиколониальными устремлениями, которые поддерживала и значительная часть узденской верхушки, стремившейся к укреплению своих классовых позиций. Горцы гневно писали, обращаясь к командованию царской армии на Кавказе: «Вы успели обмануть людей наших красноречием своим, уверяя нас, что государь ваш не притесняет и не обманывает никого, напротив того, словами вашими и беками, находящимися при вас, мы были обмануты и через этот обман вы сделали над нами начальниками... обременяя нас

¹⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 4. С. 228.

²⁰ В.И. Ленин. ПСС. Т. 24. С. 131-132.

несноснейшею тягостью... Сверх того, вами отняты были у нас места наши без согласия хозяев. Словом, вы и назначенные от вас управляющие наполнили воздух между землею и небом притеснениями, так что для нас день превращен в ночь»²¹. Нестерпимый колониальный и феодальный гнет - вот что было гласной причиной выступления горцев Дагестана и Чечни, и любые попытки доказать, что борьба горцев не имела внутренней социальной базы, инспирировалась извне, неизбежно ведут к фальсификации истории.

В начальный период руководители движения горцев не поддерживали постоянных внешнеполитических связей, и лишь тогда, когда натиск царских войск с целью подавления движения масс на Кавказе против гнета местных феодалов усилился, они стали обращаться за помощью к Турции и даже к Франции²². Агрессивные круги Турции и Англии посылали на Кавказ эмиссаров, переправляли оружие и порох, обещали помочь войсками. Однако горцы Дагестана и Чечни, будучи окруженными тесным кольцом кордонных линий, фактически не поучали помощи, и все сводилось к обещаниям и обману и, быть может, моральной поддержке.

Ф. Энгельс, внимательно следивший за борьбой кавказских горцев и за попытками Англии влиять на нее, отметил, что «эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна... вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем», но Лайонс «не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т.е. оружия и боевых припасов»²³. С другой стороны, именно потому, что Турция неоднократно обещала оказать реальную помощь и не сдержала слова, Шамиль, пытавшийся получить ее, говорил, что султан и его приближенные хуже всех гяуров и «если бы они попались в мои руки, я изрубил бы их на двадцать четыре куска, начиная с султана»²⁴.

Восставшие горцы стремились использовать любую помощь, в том числе и от султанской Турции, но они боролись против колонизаторов не для того, чтобы подчинить свою родину турецкой империи. Даже дворянско-буржуазные историки подчеркивали, что горцы не

²¹ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6563, лл. 10-11.

²² См.: «Движение горцев...», с. 575, 585, 586, 664, 665.

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 10. С. 239-240.

²⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6478, л. 94.

имели намерения присоединиться к Турции. «По показаниям некоторых, хорошо знавших Шамиля, - писал русский историк Н. Дубровин, - видно, что он не желал соединения с турками»²⁵. Эта же мысль высказывалась и некоторыми руководящими деятелями царской армии. «Горцам, воюющим с нами за независимость, - констатировал генерал Муравьев, - равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов (то есть Турции. - А.Д.), столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль имел к соперникам нового рода едва ли еще не большее отвращение: ибо он мог ожидать, что мнимые благодетели - союзники - хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности»²⁶. И действительно, предпринимая попытки установить прочные связи с Шамилем, оказать влияние на движение горцев, Турция и Англия руководствовались целями, резко отличавшимися от общей направленности борьбы народов Дагестана и Чечни. Главную задачу эти государства видели в утверждении своего господства на Кавказе. Для движения горцев подобная «помощь» извне не могла служить опорой.

Особенно широкий размах борьба горцев приняла в 1829 году. Провозглашенный имамом Дагестана и Чечни Гази-Мухаммед делает попытку объединить отдельные стихийные выступления горских крестьян, используя для этого популярные в массах религиозные лозунги о равенстве всех мусульман, священной войне - газавате и другие. Гази-Мухаммед направил первый удар против ханов, чьи владения находились в Аварии - районе, наиболее затронутом крестьянскими восстаниями и являвшимся оплотом царизма в горах, но повстанцы потерпели поражение и устремились на равнину. Здесь их поддержали доведенные до отчаяния крестьянские массы Среднего и Северного Дагестана. Это позволило Гази-Мухаммеду организовать нападение на Кизляр, угрожать крепостям Внезапной и Грозному, блокировать Дербент. Против восставших царизмом были брошены крупные военные силы. В 1832 году во время штурма Гимры Гази-Мухаммед погиб.

²⁵ Н. Дубровин. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV, кн. 2. СПб. 1896. С. 322.

²⁶ Н.Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году. Ч. I. СПб. 1877. С. 293-294.

Через два года горцы вновь пришли в движение во главе с имамом Гамзат-беком. Овладев в 1834 году Хунзахом, руководимые Гамзатом горцы уничтожили почти весь род аварских ханов. Но вскоре и Гамзат был убит в результате заговора в хунзахской мечети. В 1834 году на представительном сходе Шамиль был провозглашен имамом. Шамиль, соединявший в себе редкое дарование воина и администратора²⁷, возглавил четвертьвековую борьбу горцев против русских самодержцев. Умело учитывая настроения основной массы повстанцев и стремясь привлечь в их число еще более широкий круг горцев, он, как и его предшественники, также направил силы восставших против знати, ненавистной рядовым горцам за гнет и насилия. Казнен был Булач-хан, уничтожено более 40 феодалов Султаналиевых из Ругуджа, истреблена «преступная знать» некоторых других селений. Одновременно с этим Шамиль стремился обезопасить себя от царских войск, занятых колонизацией Кавказа. Обращаясь к командиру этими войсками, он писал: «Не сомневайтесь, что я желаю установить согласие и мир, и до сего времени я непрерывно желал этого. Я не сделал ничего дурного и злого против ваших ставленников и укреплений, разве лишь после того, как они попытались овладеть нами, воевать против нас и пленить нас. Да будет мир над теми, которые следуют истинному пути»²⁸. В другом письме Шамиль сообщал царскому командованию: «Вашему превосходительству известно о мире, заключенному мною в прошлых годах. Желая упрочить оный сколько возможно более, я тогда выдал в аманаты ближайшего моего родственника - двоюродного брата; потом по искреннему желанию спокойствия укротил грабежи и разбои... возвратил русским находившихся в горах пленных солдат. Сим надеялся я приобрести для себя прочное спокойствие»²⁹. Но переписка не имела успеха, и военные действия возобновились. Этим попыталась воспользоваться протурецки настроенная часть феодалов Дагестана. Они любыми путями стремились оклеветать Шамиля, убеждая окружающих и русское командование в неискренности имама и настаивая для «полного спокойствия в горах» на физическом его уничтожении. Именно в этой связи Шамиль пять

²⁷ Романовский. Указ. соч. С. 334.

²⁸ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2808.

²⁹ «Движение горцев...», с. 140.

раз подвергался нападению и, по его словам, вынужден был вооружиться против врагов своих. Он писал: «Оружие мое имело желаемый успех... Тогда враги мои, не надеясь противустать мне собственными силами, обратились с просьбою к русским; они убедили их в злонамеренности моих замыслов и успели до того возбудить ко мне их ненависть, что они три раза приходили ко мне с войсками... Всякий раз при покушениях сил, я торжественно объявлял горцам и русским о том, что во все время моей жизни я не нарушу с русскими мира, утвержденного правительством их; русских же просил о том равномерно; но предложения мои были отвергнуты; я вынужден был невольно поднять и противу их оружие для собственной своей защиты...»³⁰. В том же 1836 году руководитель движения горцев еще раз подтвердил желание заключить мир с Россией, но и тогда эта цель не была достигнута. «Уведомите меня. - писал Шамиль командующему царскими войсками, - почему вы прибыли; если вы приехали с целью нарушить мир, то известите меня о том и возвратите наших аманатов. Если же вы прибыли для утверждения спокойствия, а не для возмущения, то почему же вы тайком вступили в сел. Ирганай...»³¹

Восстание горцев ширилось с каждым днем. Но царское правительство рассматривало его как бунт подданных, который надо подавить. Перед кавказским командованием Николай I еще в сентябре 1829 года поставил задачу: осуществить «славное» дело - «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»³². В соответствии с этим было начато двустороннее наступление царских войск: с юга и севера. Вместе с ними против восставших горцев выступили отряды шамхала Тарковского, Ахмед-хана Мехтулинского и других. Однако лишь после трехмесячной осады царские войска заняли крепость Ахульго. Шамиль отступил в Чечню. Правящие круги России считали, что с движением горцев покончено. В 1840 году в Чечне вновь вспыхнуло всеобщее восстание, которое перекинулось в Нагорный Дагестан. В 1841 году вся территория между Сунжей и Андийским Койсу до самого Аварского Койсу оказалась охваченной восстанием. Горцы одержали ряд побед над царскими войсками и теми местными

³⁰ «Движение горцев...», с. 141.

³¹ Там же, с. 142.

³² Там же, с. 58.

феодалами, которые выступили против повстанцев. Они захватили 13 крепостей в Нагорном Дагестане, изгнали из Аварии и разбили в Чечне царские воинские подразделения, заняли Казикумух. В 1845 году повстанцы нанесли новое поражение войскам, возглавляемым царским наместником на Кавказе.

Шамиль организовал вооруженные силы, в которые входило временами несколько десятков тысяч человек. Комплектовались они на основе воинской повинности. Среди горцев-воинов были целые подразделения из перешедших на сторону повстанцев: русских, украинских, польских солдат. Близ Ведено, по сообщению зятя Шамиля, было целое поселение беглых русских солдат³³. Другие очевидцы сообщали, что солдаты, перешедшие на сторону горцев, «живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках... Солдаты большею частью женаты на чеченках, но есть и русские женщины»³⁴. Следует подчеркнуть, что число беглых солдат из царской армии в отдельные периоды увеличивалось весьма значительно. Шамиль требовал от своих наибов постоянного к ним внимания и заботы о них. «Знайте, - обращался он ко всем наibaм имамата, - что те, которые перебежали к нам от русских... являются нашими чистосердечными друзьями... Создавайте им все условия и возможности к жизни»³⁵.

На территории восставших возникло государство под названием имамат³⁶, то есть был создан единый аппарат власти и управления, куда входило свыше десяти народностей и этнических групп Дагестана и Чечни. Вся полнота власти в имамате юридически принадлежала совету - диван-хане - во главе с Шамилем. «Что же касается управления страной вообще, то все дела по этой части решались присутствующими с общего совета, и голос имама не имел здесь особенного значения. Имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены же совета могли одобрить или опровергнуть его. Настойчивость имама могла иметь место в отношении только военных

³³ «Выдержки из записок Абдурахмана, сына Джалэдинова, о пребывании Шамиля в Ведено и о прочем». Газета «Кавказ», №№ 72-73, 1862.

³⁴ «Движение горцев...», с. 498.

³⁵ Там же, с. 291-292.

³⁶ Имамат - одна из форм мусульманской теократии, возникающая в среднем веке в арабских странах.

предприятий. Впрочем, нередко случалось, что и в других делах он видел необходимость поступать вопреки не всегда дальновидным мнениям своих советников»³⁷. Это свидетельство современников показывает, что, хотя и имелся диван-хане, многие вопросы решал сам имам, несмотря на то, что для рассмотрения особо важных из них созывались съезды наибов, алимов и других руководящих деятелей.

Территория имамата делилась на округа и наибства. Наибства объединялись в административные единицы, руководимые мудирами. Наибы были обязаны исполнять любое приказание имама. Шамиль требовал от наибов «не прибегать к насилию и не прислоняться к насильникам: ты смотри на своих людей глазами сострадания и заботливости, как смотрит милосердный отец на своих детей, проводи между ними справедливость и правосудие, и не приближай к себе кого-либо ради дружбы, и не удаляй другого ради вражды и неприязни, будь для старшего как сын его, для ровесника - братом и для младшего - отцом. Тогда ты в своем управлении не найдешь ни одного врага. Если ты будешь вести себя противоположно этому или не соблюдать среди своего народа справедливость, то наступит на тебя божий гнев, затем мой гнев и гнев народа, потому твои дела не будут ладиться никогда»³⁸. Однако призыв имама еще не означал, что наибы повсеместно руководствовались им. В целях предотвращения узурпации и ограничения злоупотреблений властью на местах был учрежден институт мухтасибов, не известный до этого ни в одном государственном образовании Дагестана. В задачу мухтасибов входила информация верховных руководителей о деятельности органов власти и управления на местах.

Объединение горцев в единую государственную систему, в имамат, в тех исторических условиях, несомненно, было прогрессивным шагом. С созданием имамата деятельность органов управления впервые в истории Дагестана стала регулироваться законодательством, учитывающим своеобразие местных условий. Низамы (буквально - порядок, организация) Шамиля не были слепым копированием шариата и адата, а являлись совокупностью административно-правовых предписаний, исходящих из социально-политических особенностей

³⁷ Газета «Кавказ», № 72, 1862.

³⁸ ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР. Рукописный фонд, ед. хр. 2114, с. 31.

объединения восставших горцев. И, несмотря на это, имамат, особенно к концу его существования, имел характер грубой военной диктатуры. Характеризуя движение горцев, Н.А. Добролюбов отмечал, что Шамиль сохранял повиновение своей власти «... более страхом, нежели любовью»³⁹. Порой наибями Шамиля уничтожались целые селения горцев, не желавших подчиниться имамату. В то же время, истребив с помощью созданного им войска некоторых ханов и беков, Шамиль объявил свободными тех из принадлежавших феодалам крестьян, «которые составляли исключительное население какой-либо местности... Таким образом, жители четырех деревень: Ках, Хиниб, Кгуаниб и Тлейлук - первые получили свободу и (были) тотчас подчинены общим правилам, действовавшим во всем крае. Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распоряжавшемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края»⁴⁰. Были прекращены также все повинности аварским ханам, отбывавшиеся жителями.

В 1840 году, в период всеобщего восстания в Чечне и Дагестане, «все салатовцы отложились, и таким образом зависимость их от князей кумыкских прекратилась..., а князья лишились ясака и доходов»⁴¹. В 1842 году Шамиль вторгся в Казикумухское ханство, и зависимые от ханов и беков жители селений Кучхюр, Шали, Магар, Ириб, Камахи, Бухты и других были освобождены от уплаты податей и повинностей ханам и бекам.

Подчеркивая свое неприязненное отношение к крупным землевладельцам-феодалам, Шамиль говорил своим приближенным, что при выборе предводителя «не выбирайте хана, бека или чанку. Это последнее мое слово»⁴². Однако ни Шамиль, ни имамат не ставили задачи ликвидировать социальное неравенство. В связи с этим нельзя не отметить ошибочное утверждение авторов книги «Очерки истории Дагестана», что все три имама выступали за социальное освобождение⁴³.

³⁹ Н.А. Добролюбов. Собрание сочинений. Т. V. М. 1961. С. 448.

⁴⁰ «Военный сборник», № 7, т. XXVII. СПб. 1862. С. 392.

⁴¹ ЦГА Дагестанской АССР, ф. 105, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 20-22.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1293, ч. II, л. 139.

⁴³ «Очерки истории Дагестана». Т. I. 1957. С. 225.

Теократическая система имамата создавала возможности для обогащения отдельных наибов и кадиев, что в конечном итоге привело к значительному отходу трудящихся от движения. Встав у кормила власти, наибы, кадии и другие административные лица имамата со временем сами превратились в феодалов. Все это привело к еще большему обострению классового антагонизма между крестьянством, продолжавшим борьбу, и теократической шариатской системой имамата.

Движение горцев не было однородным по своему классовому составу. Участие в нем представителей высшего мусульманского духовенства, зажиточных узденей и отдельных феодалов-землевладельцев говорит о наличии различных потоков среди повстанцев. Однако основной силой выступали широкие массы трудящихся горцев. Их стремление к свободе и независимости, избавлению от гнета местных феодалов и грабительской политики царизма составляло главное содержание борьбы горцев Кавказа в 20-50-х годах XIX века. Что касается Шамиля, он был опытным военачальником, умелым правителем, человеком беззаветной храбрости.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Борьба горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века возникла и развивалась прежде всего на почве социально-экономической, а не как следствие воздействия со стороны Турции и Англии. Движение горцев прошло три этапа. Для первого из них (1829-1839 гг.) характерен особенно быстрый процесс перерастания разрозненных, стихийных выступлений крестьянства против феодалов в массовое движение под флагом мюридизма. В эти годы преобладали призывы к борьбе за ликвидацию феодальных привилегий и защите страны от захвата царских войск. На втором этапе (1840-1850 гг.) борьба горцев достигает кульминационного пункта, движение горцев принимает ярко выраженный антиколониальный характер. В борьбу горцев вовлекаются широкие социальные слои Дагестана и Чечни, усиливается влияние повстанцев среди населения Северного Кавказа, осуществляются - хотя и ограниченные - социально-экономические мероприятия, отвечающие интересам народных масс, отменяется в захваченных повстанцами районах феодальная зависимость, организуется в них единый аппарат власти и управления. Для третьего этапа (1850-1859 гг.) характерно усиление и обострение классовых противоречий между

различными слоями горцев. Происходит резкое размежевание основной массы участников движения и его правящей верхушки, которая присвоила многие привилегии, обогащалась за счет народа и начала более открыто защищать свои узкогрупповые интересы. Все явственнее обнаруживаются слабые и отрицательные черты движения, обусловленные классовым антагонизмом и религиозной оболочкой - реакционным мюридизмом. Когда (после Крымской войны) царские войска стали наступать в разных районах Дагестана. Все сильнее сжимался круг окруженных горцев, эти отрицательные стороны внутреннего процесса проявились с особой силой. В исторических условиях XIX века не могло произойти социальное освобождение трудящихся горцев. На место ликвидированной части дворян-феодалов выдвинулись новые. Ими стали в первую очередь наибы Шамиля и крупное духовенство. Это не могло не привести народные массы к отходу от борьбы, что способствовало разгрому имамата царскими войсками. В то же время массовое движение народов Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века оказало большое влияние на весь ход антиколониальной борьбы горцев Кавказа.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали борьбу горцев Кавказа в XIX веке как освободительную, в «которой участвует сам народ»⁴⁴. Они подчеркивали, что, отстаивая общие интересы всех жителей гор, черкесы «умеют сражаться только на своей собственной земле». К. Маркс и Ф. Энгельс считали одной из наиболее характерных особенностей длительных кровопролитных сражений горцев то, что борьба велась в обстановке, когда, с одной стороны, перспектива присоединения к Турции не приводила в восторг народы Кавказа⁴⁵, и, хотя Турция, Англия желали видеть в горах своих союзников⁴⁶, народы Кавказа стремились не впасть в вассальную зависимость от этих государств; с другой же стороны, горцы Дагестана и Чечни вынуждены были с оружием в руках выступать против колонизаторской политики русского царизма. В сложных внутренних и внешнеполитических условиях горские народы поднялись на восстание и партизанскую войну с использованием наступательной тактики для обороны своей тер-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17. С. 200.

⁴⁵ Там же. Т. 11. С. 522.

⁴⁶ Там же. Т. 9. С. 418-419, 453.

ритории. По оценке Ф. Энгельса, из всех войн такого типа, имевших место до этого, она «принесла жителям гор наибольшую славу»⁴⁷. К. Маркс и Ф. Энгельс сочувствовали борьбе горцев против колониаторской политики царизма на Кавказе: она ослабляла силы самодержавия, помогая тем самым разрыванию революции 1848 года в Европе. Учитывая отрицательные для революции факторы, К. Маркс считал поражение горцев и подавление польского восстания 1863 года «самыми серьезными европейскими событиями» почти за пятидесятилетний период после 1815 года⁴⁸. В то же время, подчеркивая большое международное значение движения горцев, К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин всегда проводили различия между прогрессивными последствиями присоединения Кавказа к России и целями, которые ставило царское правительство в войне против горских народов.

Независимо от целей и желаний правящей верхушки России вхождение народов Дагестана в состав сильного централизованного русского государства имело для них огромное прогрессивное значение. Вопреки реакционной политике царизма великий русский народ сыграл выдающуюся роль в дальнейшем развитии народов Дагестана. Вхождение Дагестана в состав России помогло покончить с феодальной разобщенностью и патриархальной замкнутостью различных районов Дагестана и ускорить в них развитие производительных сил. В этой связи нельзя не подчеркнуть, что в письме к К. Марксу в 1851 году Ф. Энгельс отмечал: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»⁴⁹. Вхождение горцев в состав России помогало установлению тесного общения с русским народом, способствовало сближению братских народов, приобщению горцев к передовой русской культуре, ускорению развития национальной культуры. Видный историк Дагестана Гасан-Эффенди Алкадари писал в конце прошлого века, что «для дагестанцев открылись двери к просвещению и открылось поприще для честного мирного труда»⁵⁰. Следует особо отметить и тот факт, что Да-

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12. С. 119.

⁴⁸ Там же. Т. 30. С. 335.

⁴⁹ Там же. Т. 27. С. 241.

⁵⁰ Г. Алкадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929. С. 16.

гестан присоединился к стране, которая в ходе исторического развития превратилась в центр мирового революционного движения. Только, действуя рука об руку с русским народом, угнетенные народы окраин царской России, в том числе и Дагестана, могли рассчитывать на завоевание национальной свободы. Тесные узы дружбы с великим русским народом складывались в процессе длительной общей борьбы и особенно в годы первой русской революции, в революционном 1917 году. Последующие события показали, что эти узы выросли в нерушимую ленинскую дружбу народов.

В условиях Советской власти на смену былой национальной вражде и недоверию, порожденным политикой царизма, пришли взаимное сотрудничество и взаимопомощь народов в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

Опубл. в ж.: «Советский Дагестан», 1967, № 1. С. 10-22.

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ КНИГИ АБДУРАХМАНА ДАНИЯЛОВА «СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ДАГЕСТАНЕ 1921-1940 ГГ. УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

М.: Наука, 1973. С. 256-273.

Научный анализ глубинных процессов, протекавших в течение 20 лет в Дагестане, показывает, что Советская власть помогла горцам совершить трудное и героическое дело коренного обновления жизни одного из самых отсталых уголков бывшей царской России. Совершив революцию, построив социализм рабочий класс, колхозное крестьянство, народная интеллигенция СССР, в том числе многонациональной России, показала вдохновляющий пример движения к свободе и прогрессу...

С установлением Советской власти в Дагестане началась огромная созидательная работа, которая позволила в корне преобразить весь облик Страны гор, духовный облик горцев. Уже в первые годы Советской власти наряду с восстановлением и реконструкцией существовавших предприятий начались работы по созданию в республике крупной промышленности. К 1939 году в республике действовали свыше 300 предприятий государственной и сотни предприятий колхозно-кооперативной промышленности. Заново были

созданы такие отрасли промышленности, как нефтяная, газовая, химическая, металлообрабатывающая, машиностроительная. Мощность электростанций Дагестана к 1940 году увеличилась в 33 раза по сравнению с 1913 годом, а выработка электроэнергии – в 38 раз.

Строительство промышленных объектов осуществлялось не только в городах и рабочих поселках, но и в сельской местности. Были проложены новые дороги, которые позволили связать высокогорные аулы с районными центрами и городами Дагестана.

В итоге первых пятилеток Дагестан превратился из аграрной в индустриально-аграрную республику.

Были созданы национальные кадры рабочих и инженерно-технической интеллигенции. В 1940 году доля представителей коренных национальностей в составе рабочего класса Дагестана достигла 35 % по сравнению с 10 % до революции... Преобразовалось и сельское хозяйство республики. До революции Дагестан был одной из самых отсталых окраин царской России. Основным орудием обработки земли была деревянная соха. Подавляющее большинство крестьян влачило полуголодное существование.

С установлением Советской власти для трудового крестьянства Дагестана началась новая эра. Однако покончить с вековой нуждой было не так-то просто. Крестьяне – единоличники не могли организовать рациональную систему земледелия, применять машины, вести хозяйство на основе последних достижений науки и техники. Выход был найден. Он заключался в коллективизации сельского хозяйства. Процесс коллективизации сельскохозяйственного производства в Дагестане был длительным и сложным. Несмотря на сопротивление реакционных сил, ошибки и перегибы, колхозный строй в Дагестане победил полностью. В 1940 году в Дагестане существовало 1170 колхозов, которые объединили 98,5 % всех крестьянских хозяйств. В общественном пользовании колхозов находилось 92,5 % посевных площадей, 45,0 % крупного рогатого скота, 65,0 % овец и коз, 61,0 % лошадей и 92,0 % всей площади садов.

Была проведена большая работа по созданию и укрупнению колхозов и МТС, механизации трудоемких работ.

Основой земледелия в Дагестане является орошение. Вот почему трудящиеся Дагестана особое внимание уделяли водохозяйственному строительству. С небывалым энтузиазмом строили дагестанцы первый оросительный канал, названный впоследствии именем Октябрьской революции. Он и был детищем строительства социализма. За этот трудовой подвиг Дагестанская АССР первая среди братских республик в 1923 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Канал впервые в стране строился методом народной строки...

За годы Советской власти разительные перемены произошли в духовном облике горцев и горянок. Культурная революция пробудила жителей гор от долгой феодально-патриархальной спячки, вынесла их на широкий простор новой жизни, развития дарований, расцвета личности. Эта революция нашла свое выражение в создании школ на родных языках, преподавании в старших классах всех предметов на русском языке, в подготовке кадров из местных народностей, в создании материально-технической базы культуры: клубов, библиотек, типографий, в переводе всей культуры на социалистические рельсы и, наконец, в ликвидации неграмотности взрослого населения.

В Дагестане построено около 1600 общеобразовательных школ, 28 средних специальных и 5 высших учебных заведений, около 2500 библиотек с книжным фондом 12 млн. томов, 1046 клубных учреждений, 6 театров, 817 киноустановок, телецентр, 47 газет, 24 научных учреждения во главе с филиалом Академии наук СССР. В республике трудится более 2265 научных работников, в том числе 940 кандидатов и 85 докторов наук.

Каждый третий человек в республике учится. На тысячу жителей в Дагестане приходится в 2 раза больше студентов, чем во Франции, ФРГ, Италии, вместе взятых, и в 8 раз больше, чем в Турции. В отраслях народного хозяйства и культуры работает 73-тысячный отряд национальной интеллигенции. Освобожденные революцией народы Дагестана доказали, что и малые, в прошлом забытые и угнетенные народы могут преуспеть в хозяйственном и культурном развитии, вносить свой вклад в общее дело. Прекрасным доказательством этого служит поэтическое творчество Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы, Эффенди Капиева и Расула Гамзатова. Музыка Гасанова, Дагирова, Кажлаева, Агабабова светлым ручейком вливается в

полноводную реку советской музыки. Замечательны творения кубачинских златокузнецов, балхарских гончаров, унцукульских мастеров художественной обработки дерева, микрахских, рукельских и хучнинских ковровщиц.

Неизменным средством приобщения горцев к сокровищнице мировой культуры является русский язык. В условиях Дагестана, где насчитывается свыше 30 языков, роль русского языка необыкновенно велика. Благодаря тому, что горцы и горянки успешно овладевают русским языком, русская и мировая культура как бы сама приблизилась к горам, все глубже входит в умы и сердца, в жизнь и быт народов Дагестана. Русский язык стал языком дагестанской науки, высшего и среднего специального образования, в значительной мере – литературы и искусства, языком межнационального общения и дружбы народов.

Составной частью культурной революции в Дагестане является раскрепощение горянки... Сейчас в республике нет такой отрасли хозяйства и культуры, где не трудилась бы женщина. В промышленности республики свыше 40 % всех работников, в сельском хозяйстве – более половины, здравоохранении – более двух третей составляют женщины. Среди специалистов народного хозяйства плодотворно трудится около 31 тысячи женщин, в том числе 11 тысяч с высшим образованием. Наравне с мужчинами они возглавляют крупные промышленные предприятия, колхозы и совхозы, являются секретарями горкомов и райкомов партии, министрами, занимают другие ответственные должности в государственном аппарате, вносят свой вклад в развитие науки и культуры, решают важнейшие задачи хозяйственной и политической жизни республики.

Подъем экономики и развитие культуры народа привели к росту его благосостояния, к улучшению условий жизни и быта. Безвозвратно ушла в прошлое нищета народа, ушли эпидемии, голод. Из года в год повышается реальная заработная плата рабочих и служащих, растут доходы колхозников, больше строится жилья, расширяется сеть больниц, детских учреждений, предприятий бытового обслуживания.

До революции народы Дагестана и понятия не имели о квалифицированной медицинской помощи. В Дагестане была чрезвычайно высокая смертность, один врач приходился на 63 тысячи человек населения. Сейчас в учреждениях здравоохранения

Дагестанской республики трудится более 3100 врачей и свыше 9 тысяч медицинских работников средней квалификации. На 10 тысяч человек приходится 21 врач. Ныне в Дагестане насчитывается 180 больниц с 12 тысячами коек, более 1 тысячи фельдшерско-акушерских пунктов, 46 санитарно-эпидемиологических станций, 7 специализированных диспансеров, 5 учреждений санаторного типа.

Ярким показателем роста благосостояния народа является тот факт, что по количеству долгожителей, рождаемости и приросту на тысячу человек населения Дагестан занимает в СССР одно из первых мест.

Непрерывно увеличиваются расходы из государственного бюджета на бесплатное медицинское обслуживание, социальное страхование, пенсионное обеспечение, материальную помощь, бесплатное обучение.

В прошлом Дагестан называли страной классического бездорожья. За годы Советской власти построено более 10 тысяч километров благоустроенных шоссе и тысячи мостов, действующих круглый год. Основным средством передвижения в горах является уже не вьючная лошадь, а комфортабельный автобус и полюбившийся горцам самолет. В республике завершается сплошная электрификация, радиофикация, интенсивно внедряется телевидение, коммунальная газификация городов, рабочих поселков, крупных аулов.

В пустынных степях выросли новые промышленные города – Каспийск, Избербаш, Чирюрт; рабочие поселки городского типа – Дагестанские Огни, Ачи-су, Главный Сулак, Бавтугай, Южно-Сухокумск, Дубки и др. Все больше благоустраиваются города Дербент, Буйнакск, Хасавюрт, Кизляр. Столица республики – Махачкала из захолустного портового поселка превратилась в крупный, благоустроенный промышленный, культурный и административный центр республики. Махачкалинский железнодорожный узел и морской порт, оснащенные высокопроизводительными современными механизмами, являются важнейшими жизненными артериями, связующими различные экономические районы страны.

Все города, промышленные предприятия, учебные заведения, научные и лечебные учреждения, республиканский и городской

административный аппараты являются здесь в высшей степени интернациональными; многие колхозы, созданные за последние десять лет, являются по составу населения интернациональными. Часть ранее однонациональных сельских районов Дагестана стали интернациональными вследствие переселения в эти районы горцев. В Дагестане нет промышленности аварской или даргинской, нет сельского хозяйства кумыкского или лезгинского, а есть промышленность и сельское хозяйство общедагестанские, в создании которых участвовали все народности Дагестана. Об этом же свидетельствуют и возросшие возможности производства, рост рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции Дагестана. Например, на Чиркейгэсстрое работают представители более 40 наций и народностей. Подобное положение наблюдается всюду. Рабочих и служащих в Дагестане насчитывается более 400 тысяч, только в промышленности и на строительстве занято 150 тысяч человек (в том числе 10 тысяч инженеров и техников).

Интернациональный характер республики отражает и состав органов власти Дагестана. Депутаты Верховного Совета и местных Советов Дагестанской республики состоят из представителей 34 наций и национальных групп, 70-тысячная партийная организация Дагестана в 1970 году состояла из представителей 63 наций и национальных групп...

Многонациональные браки имеют тенденцию к неуклонному росту. Так, в 1939 году было зарегистрировано 5,7 % смешанных браков, в 1960 году – 10,5 %, а в 1967 году – 12,6 %. Эти данные подтверждают то положение, что в условиях социализма идет процесс интернационального сплочения не только на экономической, но и на духовной основе.

В результате осуществления ленинской национальной политики народы Дагестана живут в дружбе и согласии со всеми народами Советского Союза.

Как говорится в кавказской пословице: «Что разрушает вражда, то восстанавливает любовь и дружба». Верность дагестанцев принципам пролетарского интернационализма, преданность их содружеству братских народов подтвердилась всем ходом социалистического развития как в дни мирного строительства, так и

в грозные годы Отечественной войны. Выполняя свой патриотический долг, дагестанцы на фронтах стойко и мужественно сражались с врагами, самоотверженно трудились в тылу. Дагестан дал стране 46 Героев Советского Союза.¹

Во всех этих делах для дагестанцев образцом служит русский народ. Он показал и показывает исторический пример величайшего гуманизма и интернационализма, бесконечного доверия и уважения ко всем нациям и народностям, высокий образец бескорыстия, подлинного братства. Русский народ сознательно шел и идет на жертвы и лишения во имя национального возрождения и процветания угнетенных в прошлом народов, в том числе и дагестанцев.

Победа Советской власти в Дагестане, выдающиеся успехи дагестанского народа в развитии экономики и культуры достигнуты благодаря огромной помощи всего населения СССР. Нефтяники Азербайджана и Чечено-Ингушетии помогли Дагестану развивать нефтяную промышленность. Астраханские рыбаки вместе с дагестанцами осваивали рыбные богатства Каспия. Московские и ивановские текстильщицы помогли дагестанским текстильщицам овладеть сложными машинами. Кабардино-балкарские, североосетинские, азербайджанские, армянские и грузинские высшие учебные заведения наряду с вузами Москвы, Ленинграда, Ростова готовят для Дагестана кадры специалистов высшей квалификации из среды его коренных национальностей. Сотни специалистов – русских, украинцев и представителей многих других народов Советского Союза плечом к плечу с местными кадрами работают в Дагестане по многу лет, отдавая свои знания и опыт делу обучения и воспитания детей, охране здоровья, развитию промышленности и сельского хозяйства. Значительная часть их навсегда связала свою судьбу с Дагестаном...

В исторических победах Дагестана на всех участках хозяйственного и культурного строительства воплощен героический труд рабочего класса, колхозного крестьянства, народной интеллигенции, комсомола и всей молодежи, советских профсоюзов. В этих победах большая роль принадлежит партийной организации Дагестана и советским органам...

¹ В настоящее время их насчитывается 57.

Опыт строительства новой жизни многонационального советского народа – явление глубоко интернациональное, всемирное, имеет международное значение. Исторический опыт республик Востока убедительно показывает, что социализм несет социальное и национальное освобождение, возрождение и развитие угнетенным нациям, народностям, зависимым странам.

Научный анализ истории и современной действительности Дагестана дает возможность проследить роль социально-экономических факторов в переходе ранее отсталых народностей от патриархально-феодальных отношений, минуя капитализм, к социализму, проследить общее и частное в этом творческом процессе, выяснить роль и значение в этом переходе пролетарского, социалистического интернационализма, братской помощи великого русского и всех других народов Советского Союза, а также тот вклад, который внесли и вносят в общий героический труд народы Дагестан.

Вся история послеоктябрьского развития Дагестана показывает, что только в общем строю социалистических наций, только в едином Советском государстве народы Дагестана могли совершить скачок от патриархальщины, раздробленности, нищеты, отсталости к социализму.

Опыт Дагестана показал, что преодоление экономической отсталости может быть достигнуто только посредством всестороннего подъема национальной экономики, посредством радикальной перестройки ее на социалистических началах, при братской помощи всех народов СССР.

Опыт Дагестана показал, что темпы продвижения по пути прогресса, масштабы и характер социально-экономических преобразований непосредственно зависят от степени сознательности, организованности и политической зрелости рабочего класса и широчайших масс крестьянства. Опыт Дагестана убедительно показывает, что без серьезных общедемократических, а затем и социалистических, политических и социальных преобразований трудно достигнуть серьезного экономического, культурного, материального подъема народа.

IV

РАЗДЕЛ

Речи, выступления, письма, поздравления, телеграммы

**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЛЕНА БЮРО ОБКОМА ПАРТИИ НАРКОМА
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ДАССР А.Д. ДАНИЯЛОВА НА IV ПЛЕНУМЕ
ДАГЕСТАНСКОГО ОБКОМА ВКП(Б)
7 ЯНВАРЯ 1939 ГОДА**

...Теперь по существу вопроса. Ломоносов арестован без разоблачения с нашей стороны. Арест Ломоносова и его разоблачение как провокатора-заговорщика дало лишний документ, лишний факт, призывающий нас, всю партийную организацию к дальнейшей борьбе с остатками враждебных элементов в нашей партии - будь это буржуазные националисты, агентура иностранных разведок, кулацко-мульские элементы, всякая сволочь, которая до конца не ликвидирована, не изжита из рядов нашей партии.

Это основной вывод, который нам дает факт разоблачения Ломоносова.

В чем причина того, что Ломоносов орудовал, по существу творил политику в Дагестане столь долгое время совершенно бесконтрольно?

Причины, по-моему, заключаются в следующем: во-первых, в процессе разоблачения буржуазных националистов и в последующем со стороны Ломоносова и со стороны Сорокина не раз были попытки запугать, терроризировать не только конкретных лиц, но и в целом актив, партийную организацию, бюро. Факты? Пожалуйста. Многие знают и на бюро и на активе не однажды Ломоносов заявлял, что все жалобы, заявления, которые пишутся в НКВД Союза, ЦК ВКП(б) возвращаются ему на рассмотрение. Были такие заявления? Были. Тов. Сорокин не один раз на активах и на пленумах выступал и говорил, что нет ни одного работника областного масштаба, на которого бы по 3-4 заявления не поступило. Нет человека, который бы происходил из нашей среды, социально нашей среды. Одних, как мертвые живых, за ноги таскают. Это буквально его выражение, т.е. одних мол арестуют по показаниям и тащат сюда, других по материалам. Вот каков смысл такого утверждения.

Расценивая этот момент в свете сегодняшних событий и обращаясь к ним, как к одному из документов, обнажающих, надо считать такое утверждение неправильным, ведущим к зажиму действитель-

ной самокритики, направленные к терроризированию партийной организации.

В результате я, товарищи, должен признать и довести до сведения пленума, что в самом бюро была какая-то скованность. Было это, чего там скрывать. Была нерешительность в решении отдельных вопросов, очень часто даже инициатива отдельных членов бюро по ряду вопросов подавлялась. Было это дело.

И в отношении самого Ломоносова, факта его разоблачения и разбора материалов, которые были на него, это положение имеет исключительное влияние и объясняется, я считаю, этим в значительной мере.

Далее – Ломоносов был вне контроля со стороны бюро. Ну пусть приведут хотя бы один пример по какому-либо вопросу в течение двух лет, когда бы Ломоносову хоть малейшее замечание было сделано. Не было сделано. Наоборот, были такие моменты, когда он с грязью смешивал отдельных работников и даже членов аппарата областного комитета партии. Это все проходило мимо внимания, без отпора со стороны руководства. Тов. Аксенов приводил здесь пример с Хамутецким, который сидел и краснел, когда Ломоносов работу целой комиссии по милиции смешал с грязью. А попытки тов. Чекуменава дать соответствующий отпор, оправдать материалы, не были поддержаны. Первое и главное не были поддержаны со стороны секретарей и со стороны остальных членов бюро, в том числе и меня. Чем объяснить, как не зажим? Так оно и было.

Теперь, здесь говорили о сигналах на Ломоносова. Сигналы эти были на городской конференции, говорят, были выступления на совещании секретарей, когда кандидатура Ломоносова выдвигалась в Верховный Совет и, наконец, материалы Махаева. О чем эти сигналы говорили и каково было бы решение, если бы эти материалы были в отношении любого из членов бюро?

Я считаю, таким образом, что тут дело, конечно, не столько в комиссии, в ее результатах, сколько в тех взаимоотношениях, в той совместной работе, в том огромнейшем дуте авторитета, который создал Ломоносову руководитель обкома партии тов. Сорокин. Популяризация его на всех собраниях, по существу, по поводу и без

всякого повода, несмотря на резкую критику в его адрес. И отсюда, все материалы, которые поступали на Ломоносова расследовались и в самой комиссии не с тенденциозными придирами к тому, чтобы выявлять эти факты, а, наоборот, к тому, чтобы несколько смазать это дело. Иначе и нельзя объяснить то, что, имея целый ряд фактов о засоренности аппарата и о том, что Ломоносов создал семейку лично ему преданных людей, выполняющих его волю в Наркомате. Ни комиссия, ни руководство областного комитета партии не удосужились проверить эти факты. А когда встал вопрос о разоблачении Ломоносова с тем, чтобы в конце концов очистить от таких, как он, враждебных элементов Наркомат, обсуждение комиссии свелось к реабилитации Ломоносова и обвинению в клевете тех, от кого поступили эти материалы.

Вот такова, по существу, история, и объяснение того, почему люди такого пошиба, как Ломоносов, орудовали у нас.

Кроме того, непонятна история награждения Ломоносова. Тов. Сорокин говорит: “Не знаю, никакого отношения не имею”. Как нарком республики, без всякого ходатайства со стороны республики награжден — это непонятно.

Теперь главное — определиться, как правильно вести себя в создавшемся положении и ориентировать организацию. Тут уже тов. Аксенов говорил, что ни у кого не хватает решимости сказать о слепоте Сорокина в отношении Ломоносова. Нет. Наоборот, были такие выступления на бюро, на одном из заседаний прямо было сказано о слепом доверии Сорокина Ломоносову. Но я ставлю вопрос несколько шире. Ломоносов работал рука об руку с тов. Сорокиным. По существу нельзя найти (пусть тов. Сорокин скажет), где кончалась работа Ломоносова и начиналась работа Сорокина. Нельзя ставить грань в этой работе. Пусть тов. Сорокин ответит на этот вопрос.

Поэтому я считаю, что факт разоблачения Ломоносова, как заговорщика, врага народа при той тесной работе с Сорокиным, способствовал созданию авторитета Ломоносову и популяризации его, дает основание сказать, что Сорокин не может возглавлять в дальнейшем работу областного комитета партии. Вот здесь тов. Сорокин говорил,

что диалектика была такова, что направляли не буржуазных националистов, а на другом фланге орудовал враг, не заметили его. Нет, это не диалектика. Нет в партии такой диалектики, а, наоборот, марксистская диалектика данного вопроса заключается в том, что, если ты допустил политическую ошибку, дай соответствующую оценку, то правильно ориентируй партийную организацию. У тов. Сорокина обсуждение и оценка этого дела на бюро идет на тормозах. Дело это все больше запутывается.

Если тов. Сорокин стоит на правильных партийных позициях, пусть в заключительном слове даст политическую оценку и сделает выводы из создавшегося положения. А в том свете, в каком вырисовывается вся работа по разбору дела Ломоносова, еще раз повторю, что мне, как члену партии, можно сделать такой вывод, что тов. Сорокин в дальнейшем руководить партийной организацией не должен.

Второе, в отношении работы комиссии. Ни на бюро, ни здесь на пленуме выступление тов. Рыжова меня не убедило. Рыжову поступали сигналы, другие материалы, которые давали возможность выявить те безобразия, которые там были. Кроме того были прямые указания, которых не имел ни один из членов бюро, в том числе и из членов комиссии.

Какие эти данные? Например, инструктор ЦК ВКП(б) говорил ему перед разбором этих материалов, что необходимо тщательно проверить Ломоносова и его аппарат, там что-то неблагополучно. Что еще надо для того, чтобы разоблачить, по существу, вражескую работу в Наркомате? Если мало-мальски честный большевик воспримет хотя бы только это указание? Ничего больше не надо было. Поэтому я ставлю вопрос более резко и в отношении тов. Рыжова.

В связи с такой постановкой вопроса тов. Сорокин, по-моему, допускает исключительно не партийные ошибки уже здесь при обсуждении вопроса. Такую постановку вопроса, видите ли тов. Сорокин склонен считать или уже отождествлять с постановкой вопроса в отношении его с буржуазными националистами. Тов. Сорокин говорит — если так, хорошо, вот у меня имеются анонимки, еще неразгромленные буржуазные националисты пишут, вот

вы сидите там “русские мужички” и, как он говорит, – мы доберемся до вас. Кому, говорит, на руку такая постановка вопроса в отношении меня и Рыжова. Это, говорит, на руку буржуазным националистам.

Я считаю, что такая постановка вопроса направлена на смазывание собственных ошибок, главное на смазывание значения поставленного вопроса и в известной мере является попыткой запугивания нас при решении этого вопроса.

Вот, товарищи, в отношении всего вопроса. Теперь последнее. Ну я не буду говорить о себе, я тоже член бюро и член бюро старого состава, я не буду определять сам свою вину, я согласен с товарищами, что не только беспечность, но и беспечность, смешанная с определенной боязнью, по существу, была проявлена, хотя по ряду вопросов (товарищи знают) тоже оставался в единственном числе при решении вопроса на бюро.

Но я считаю, а попытки тут видны, что нас хотят свести всех в кучу, разделить пополам этот грех, килограмм одному, килограмм другому, как учит тов. Рыжов. Это непартийная будет постановка вопроса.

Я считаю, что при такой постановке вопроса со стороны тов. Сорокина о буржуазных националистах (“русские мужички”), мы не можем иначе подойти к этому вопросу, были бы Вы трижды националом. И если тов. Сорокин намекает на что-то другое, то напрасно. Он знает, что немало материалов в отношении заядлых врагов было подано в бюро обкома и в аппарат НКВД задолго даже до разоблачения буржуазных националистов и лично тов. Сорокин знал мое отношение в части прежнего руководства обкома, так что обвинять и считать такое выступление тенденциозным и исходящим из каких-то непартийных позиций, я считаю ненормальным.

Надо дать ясную, четкую политическую оценку в создавшемся положении, ориентировать и вести борьбу за дальнейший разгром буржуазных националистов и врагов народа всех мастей.

ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1. д, 4177, лл. 242-247.

**РЕЧЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК ДАССР А. ДАНИЯЛОВА НА
АНТИФАШИСТСКОМ МИТИНГЕ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В Г.ОРДЖОНИКИДЗЕ
19 АВГУСТА 1942 ГОДА**

Товарищи! Братья и сестры!

К Вам, свободолюбивым воинственным народам Северного Кавказа, к донским, кубанским, терским и сунженским казакам, народам вольных степей, овеванным в истории нашей Родины героической славы, обращаюсь я от лица многонационального и многоязычного, но единого и сплоченного духом Советского Дагестана.

После двух десятилетий мирного созидательного труда над нашим родным цветущим Кавказом нависла грозная опасность. Фашистская грабармия напрягает последние усилия и все еще рвется вперед, не останавливаясь перед потерями, на Кавказ – к нефти, рыбе, хлебу. Жадные взоры гитлеровских разбойников, распаленных смертельной жадой горячего для моторов, прикованы к грозненской и бакинской нефти. В ней они ищут спасения от своей неминуемой гибели.

Враг прорвался на Северный Кавказ. Настало для всех нас время суровых испытаний, создалась весьма тяжелая обстановка. Легендарный Кавказ, наши прекрасные сады, виноградники и нивы, наши богатые города, станицы, села и аулы, солнечные курорты, промышленность, школы, детские учреждения, все то, что создано нашим трудом, все то, за что отцы наши и старшие братья обильно проливали кровь, – все это предается фашистскими варварами огню и мечу.

Пьяные и тупорылые немецкие солдаты своим грязным сапогом оскверняют наши домашние очаги. Они хотят разорить наши семьи, разлучить жен с мужьями, детей с родителями. наших прекрасных девушек они хотят отправить в публичные дома, как отправили уже украинских, белорусских, польских и сербских девушек на потеху сифилитикам из берлинских и нюрнбергских кабаков. наших гордых мужчин они хотят сделать своими рабами, прислужниками румынских и венгерских сутенеров.

Пусть будет проклят среди нас всякий, кто решил бы стерпеть этот несмыслаемый позор!

Храбрые сыны Кавказа! Вы, лихие казаки-донцы, терцы, кубанцы, вы, воинственные горцы Северного Кавказа – черкесы, осетины, чеченцы, ингуши, адыгейцы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы; вы, бесстрашные сыны дагестанского народа – лезгины, кумыки, аварцы, даргинцы, лакцы, таты; вы, отважные сыны Калмыкии! На нас лежит ответственность вынести из сурового испытания незапятнанное позором знамя чести, мужества и человеческого достоинства, высоко пронесенное сквозь века нашими предками.

Можем ли мы допустить, чтобы банда убийц и насильников превратила наши города и села в кладбища? Можем ли мы допустить, чтобы наших детей враги разрывали на куски, старикам выкалывали глаза, а девушкам отрезали груди!

Изгоните беспечность и благодушие из ваших мужественных сердец! Множьте ряды бойцов против гитлеровской банды. Окружайте любовью и почетом тех, кто с бесстрашием в сердце, с оружием в руках, как лев, кидается на врага. Пусть позором покроется имя того, кто в эти решающие дни испугается врага, отступит от борьбы с ним.

Гордые и отважные сыны Кавказа! Вы потомки тех, кто своей неустранимостью и стойкостью духа изумлял весь мир, кто честь ценил дороже жизни, кто бранное поле предпочитал мягкому ложу. На вас и сейчас с надеждой взирают народы всего мира.

Мои товарищи и братья – дагестанцы! За нас бились с врагом и героически умирали в борьбе лучшие люди нашей страны – Махач Дахадаев, Уллубий Буйнакский, Казимагомед Агасиев, Сафар Дударов. Сотни и тысячи борцов погибли за наше счастье в годы гражданской войны.

Достойны ли мы своих отцов? Достойны ли мы тех лучших сынов нашей священной Советской Родины, кто своей кровью и жизнью преграждал путь фашистским полчищам, кто в смертельной борьбе обескровил гитлеровскую грабармию и подготовил условия для ее полного разгрома?

Лучшие из них удостоены за проявленные мужество и отвагу в боях с немецко-фашистскими бандитами высокого звания – Героев Советского Союза. Сотни других отважных сынов Кавказа награждены орденами и медалями. Это испытанные сыны народов Кавказа, высоко и с честью несущие в пекле боев славные традиции своих народов. Сражаясь бок о бок с изумляющими своей храбростью и пре-

зрением к смерти русскими воинами, бок о бок с украинцами, белорусами, казаками, узбеками и другими бойцами Красной Армии, герои кавказских народов не посрамили своей Родины, не опозорили свое человеческое достоинство. Хвала и честь отцам и матерям, воспитавшим таких сыновей!

С материнским молоком впитали мы традиции наших отцов – быть верными клятве. Может ли быть худшее преступление, чем клятва преступника, самая мягкосердечная мать проклянет и отречется от такого сына, любой отец собственной рукой убьет своего недостойного сына. В нищете и бедности прозябали наши отцы, но своего достоинства не унижали, себя позором не покрывали. В Советском Союзе человеческое достоинство поднято в сто крат выше, и в нашей среде не может быть клятвопреступника, а если и найдутся такие малодушные, то они должны быть беспощадно сметены с лица земли, чтобы их позор не пал на головы честных людей.

Дорогие товарищи! Народы Дагестана поручили мне передать вам, что в их сердцах пылает огонь ненависти к фашистским мародерам, и пока в их жилах течет хоть капля крови, они будут непоколебимо и стойко защищать родную советскую землю от нашествия вражеских полчищ.

Трудящиеся Дагестана день и ночь куют оружие для разгрома и уничтожения врага, готовят хлеб, мясо, рыбу, одежду бойцам Красной Армии.

Народы Дагестана уверены в том, что у народов Северного Кавказа не дрогнет рука и сердце, чтобы сурово покарать всех трусов, малодушных, изменников и предателей Родины.

Мы знаем, что предстоит еще тяжелая работа, но ничто не сломит нашу волю к победе. Нас вдохновляет на это неистощимый героизм великого русского народа, вызывающий своей богатырской отвагой восторг во всем мире.

Нас вдохновляет на это наш великий полководец, родной Сталин, сын героического кавказского народа.

Под знаменем Ленина – Сталина мы победим!

Смерть гитлеровским мерзавцам!

Да здравствует наша великая Родина – Советский Союз!

“Дагестанская правда”, 18 августа 1942 года.

КРЕПИМ ТРУДОМ ПОМОЩЬ ФРОНТУ

Письмо дагестанцам-фронтовикам, 27 марта 1943 г.

С чувством большой радости прочли мы вашу поздравительную телеграмму, посланную в день 26-й годовщины Рабоче-Крестьянской Красной Армии на имя Совнаркома Дагестана и обкома ВКП(б).

Мы горды за вас, сыны Дагестана, за ваши подвиги на фронте, за то, что вы, находясь в составе многонациональной Красной Армии, не посрамили своего народа, не посрамили чести горцев, а сражаетесь достойно вместе со всеми другими народами великого Советского Союза. Мы уверены, что вы и в дальнейшем будете крепко и беспощадно бить ненавистного нам всем врага – немецко-фашистских бандитов до полной и окончательной победы.

Красная Армия все дальше и дальше идет на запад, упорно и настойчиво пробиваясь к границам, очищая от нечисти нашу священную землю. Трудящиеся Дагестана, как и весь советский народ, внимательно следит за продвижением Красной Армии и радуется каждому сообщению об освобождении городов, сел и вызволению советских людей из неволи. Ваши победы на фронте вдохновляют тружеников тыла – рабочих, колхозников, ваших отцов, жен, матерей, сестер на новые трудовые подвиги.

Сейчас в республике развернулась горячая пора. На колхозных полях идет весенний сев. Десятки колхозников республики: имени Октябрьской революции, “Дагестанская правда” Касумкентского района; “Ленин елу”, “Сталин елу” Каякентского района уже завершили сев ранних колосовых культур и занесены правительством на республиканскую Доску почета. Колхозники наши, особенно женщины, показали себя достойными своей героической Красной Армии, преодолевают все трудности войны, успешно выполняют задания правительства и партии по весеннему севу. Они понимают, что лучшей помощью Красной Армии будет получение высокого уровня хлеба, овощей и других сельскохозяйственных продуктов.

Наши рыбаки тоже, невзирая на штормы и холод, день и ночь ловят рыбу, чтобы дать стране и Красной Армии еще больше рыбных продуктов. План 1-го квартала 1944 года рыбаки выполнили на 215 %, дав стране сверх плана свыше 12 тысяч центнеров рыбы.

Так, например, идет борьба за выполнение производственных планов и на всех других участках работы.

Наши животноводы, например, недавно дали клятву (клятва напечатана в “Правде” и “Известиях” за 12 марта с.г.) значительно увеличить поголовье скота и добиться повышения его продуктивности.

Это так и будет, все условия у нас для этого есть. Если нашим животноводам увеличить настриг шерсти с каждой овцы всего лишь на 100 граммов, они дадут для Красной Армии дополнительно почти полтораста тысяч килограммов шерсти. Животноводы взяли на себя обязательство увеличить в этом году от каждой коровы надой молока на 300 граммов в день и этим самым дать стране, нашим воинам Красной Армии дополнительно около 200 тысяч литров молока. Снижение отхода по скоту даст сверх плана около миллиона килограммов мяса.

От имени трудящихся Дагестана, мы заверяем вас, наши дорогие героини-воины, что все мы и впредь своим упорным трудом будем крепить мощь нашей доблестной Красной Армии и ускорять победу над врагом.

Да здравствует героическая Красная Армия!

Да здравствуют наши герои-фронтовики!

Смерь гитлеровским оккупантам!

Председатель СНК ДАССР **А. Даниялов**,
Секретарь обкома ВКП(б) **А. Алиев**.

БУДЕМ КРЕПИТЬ БОЕВУЮ ВЫУЧКУ

Секретарю Дагобкома ВКП(б) тов. **Алиеву**,
Председателю Президиума Верховного Совета
ДАССР тов. **Тахтарову**,
Председателю Совнаркома Дагестана тов. **Даниялову**.
1 декабря 1943 г.

Здравствуйтесь, дорогие руководители Дагестана!

Шлем вам пламенный большевистский привет и просим передать привет от всей души колхозникам, рабочим, служащим и семьям фронтовиков Дагестана.

Дорогие руководители Дагестана, примите коммунистический привет от бойцов и офицеров Дальневосточного фронта.

Мы получаем письма от родных, братьев, сестер, матерей и друзей о том, что вы постоянно заботитесь о наших семьях, что в Дагестане организовано несколько детдомов, детских для детей фронтовиков. Это большая радость для нас и всех воинов Дальневосточного фронта.

Дорогие руководители Дагестана! Мы получаем письма из Дагестана от родных о том, что экономическое положение колхозников республики по сравнению с довоенным временем улучшилось в два раза. Несмотря на то, что в связи с войной в колхозах Дагестана осталось мало рабочей силы, колхозники, работая по-фронтовому, получили большой урожай.

Это говорит о том, что, проводя правильную линию Коммунистической партии большевиков, Дагестан под вашим руководством выполняет все хозяйственные задачи в дни Великой Отечественной войны.

Несмотря на то, что на вас возложена большая ответственность в связи с войной, вы, не жалея своих сил, день и ночь работаете в тылу, помогаете фронту ускорить победу над коварным врагом, приближаете час полного разгрома гитлеризма.

Мы, бойцы и офицеры Дальневосточного фронта, постоянно занимаемся боевой подготовкой и повышением своего политического уровня.

В начале войны лучшие сыны Дагестана были мобилизованы на Дальневосточный фронт. Выполняя указания партии и правительства, они стали мастерами своего дела.

Лучшие сыны Дагестана – бойцы и офицеры просили командование послать их на Западный фронт, Закавказье. Красноармеец уроженец села Ашакент Курахского района Муслим Мусаев, выступая у нас на митинге, сказал: “Дагестан и Закавказье врагу ни за что не отдадим, просим направить нас на Западный фронт”. Таких солдат и офицеров у нас очень много.

Дорогие руководители Дагестана, мы, бойцы и офицеры – сыны Дагестана, воины Дальневосточного фронта, заверяем вас, что еще больше будем крепить боевую выучку, и тем самым будем ковать победу над гитлеровскими захватчиками.

Бойцы и офицеры Дальневосточного фронта.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 21.

МЫ ДОБУДЕМ ПОБЕДУ

Секретарю Дагестанского обкома ВКП(б) тов. **Алиеву**,
Председателю Совнаркома Дагестанкой АССР тов. **Даниялову**.
10 января 1944 г.

Дорогие товарищи!

Мы получили ваши подарки, привезенные делегацией трудящихся солнечного Дагестана. Офицеры, сержанты и рядовые нашего соединения передают свою горячую благодарность и красноармейский привет шефам – трудящимся Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Только в нашей стране Советов, где армия является плотью от плоти народа, возможна такая материнская забота и внимание к воинам. Это внимание и любовь народа радуют нас, придают новые силы и энергию в борьбе за свободу, честь и независимость Родины. В связи с приездом делегации в частях и подразделениях состоялись многолюдные собрания и митинги, на которых наши воины дали клятву отлично выполнять приказ Верховного Главнокомандующего и наказ дагестанского народа. Клятва советских воинов нерушима!

Мы с честью пронесли боевые знамена Дагестана сквозь огонь жестоких сражений с немецко-фашистскими захватчиками. Сталинград-Донбасс-Мелитополь – вот этапы нашего боевого пути. Пройден тяжелый, но славный путь от Дона до Крыма. Сотни населенных пунктов освобождены нами от оккупантов, тысячи подлых захватчиков, много вражеских машин, танков, орудий, пулеметов, минометов и прочей техники истребили наши славные воины-мелитопольцы за два года существования части.

Груди многих офицеров, сержантов и рядовых украшают высокие награды. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество 3176 человек награждены орденами и медалями. В их числе – русские, украинцы, грузины, дагестанцы – сыны всех народов нашей великой страны. В нашей военной семье – 5 Героев Советского Союза. Мы гордимся нашими Героями: Мандрыкиным, Шахновичем, Абызовым, Хайло и Скорым. Мы гордимся высоким званием мелитопольцев.

Не пожалеем крови своей, а если понадобится, то и самой жизни, чтобы выполнить святой долг перед Отчизной – изгнать гитлеровских мерзавцев за пределы Советского Союза. В 1944 году мы добудем Родине победу! Мы вернем в советскую семью Крым, весь советский юг, всю нашу родную землю! Таков наш священный обет перед лицом всего народа.

По примеру славных воинов 1-го и 2-го Украинских фронтов будем беспощадно бить фашистов, гнать их на запад. Мы ясно видим трудности предстоящей борьбы и изо дня в день готовимся к новым решающим боям, чтобы нанести фашистским бандам смертельный удар.

Верим, что наши славные шефы-дагестанцы также будут добиваться все новых и новых успехов, как и прежде будут активно помогать фронту.

Да здравствует нерушимая дружба тыла и фронта!
Да здравствуют труженики Страны гор – Дагестана!
Да здравствует наша скорая и полная победа над врагом!

От имени офицеров, сержантов и рядовых:
командир дивизии, полковник **Пашков**.
Действующая армия, 4-й Украинский фронт.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, лл. 14-15.

УКРЕПЛЯЕМ МОГУЩЕСТВО ФРОНТА

Полевая почта № 08608.

Командованию и политотделу Н-ского соединения:

т. **Катукову, Попелю, Журавлеву**.

3 июня 1944 г.

С чувством большой радости читали трудящиеся нашей республики ваше письмо. От души благодарны вам за это письмо и шлем вам, дорогие, горячий привет.

Также просим передать наш сердечный привет и пожелания еще больших успехов в боях за Советскую Отчизну танкистам: Героям Советского Союза, орденосцам, прославившим свои имена в боях с врагом, всем офицерам, сержантам и бойцам.

Мы горды, что танки, построенные на средства, собранные горцами Дагестана, попали в надежные руки гвардейцев, умело громящих ненавистного врага.

Ваша благодарность за наш скромный вклад в дело борьбы с врагом, благодарность воинов, не жалеющих сил и жизни во имя победы – высшая оценка нашего труда в помощь фронту. Эта благодарность и победы Красной Армии вдохновляют трудящихся нашей республики на новые подвиги в труде.

Немало сделано народами Дагестана в период Отечественной войны, когда гитлеровские орды рвались к грозненской и бакинской нефти, подошли к Тереку. Народы нашей республики поднялись на борьбу с врагом, помогали воинам в обороне. Мы горды, что в исторической победе Красной Армии на Кавказе есть и наш вклад.

Десятки тысяч дагестанцев с первых же дней войны сражаются на фронте. Свыше 1200 человек из наших награждены орденами и медалями, 12 нашим землякам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Трудящиеся нашей республики неустанно трудятся, чтобы приблизить час грядущей победы над врагом.

Рабочие наших промышленных предприятий из месяца в месяц перевыполняют производственную программу, давая все больше продукции фронту и стране. От Каспия к передовой линии нескончаемым потоком идет горячее – в этом труд наших нефтяников и железнодорожников. Наши текстильщики и рабочие промартелей послали миллион комплектов одежды для Красной Армии, наши горянки связали для фронтовиков больше миллиона пар перчаток и носков, наши колхозы и предприятия пищевой промышленности бесперебойно снабжают фронт продовольствием.

Подобно тому, как ваши подразделения завоевывают в боях звание гвардейских, нефтяники, консервщики, железнодорожники Дагестана завоевывают первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании и получают переходящие Красные знамена. Сотни рабочих республики удостоены высоких правительственных наград – орденов и медалей.

Заверяем вас, что мы не слабым напряжения наших сил в помощь фронту до полного разгрома ненавистного врага. Наша промышленность перевыполнила план четырех месяцев, успешно проведены в этом году зимовка скота и расплодная компания, на 10 дней раньше срока закончен весенний сев, развернута работа по уходу за посевами и подготовке к уборке урожая.

Могущество фронта мы множим не только трудом. Горцы Дагестана отправили на фронт свыше 200 вагонов с подарками, внесли только за последние полтора года на строительство танков, самолетов и другого вооружения более 100 миллионов рублей. Трудящиеся Дагестана преисполнены решимости сделать все, что в их силах, чтобы в

этот решающий момент борьбы за нашу победу над врагом дать Красной Армии все необходимое.

Товарищи танкисты, примите и наш наказ – на танках, построенных на средства, собранные трудящимися Дагестана, бить врага храбро и умело, до полного его разгрома.

Мы уверены, что дружба наша будет крепнуть и развиваться. Будем ждать от вас писем о боевых подвигах, а вы ждите наши рапорта о работе в тылу.

Слава нашим танкистам-гвардейцам!

Секретарь обкома ВКП(б) **Агабабов,**
Председатель СНК ДАССР **А. Даниялов,**
Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР **А. Тахтаров.**

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 63.

ЖДЕМ ВАС С ПОБЕДОЙ!

Командиру 416 Краснознаменной ордена Суворова Таганрогской дивизии генерал-майору **Сызранову**, начальнику политотдела дивизии полковнику **Меджидову**, бойцам, сержантам и офицерам дивизии

26 декабря 1944 г.

Дорогие товарищи! Совнарком Дагестанской АССР и обком ВКП(б) поздравляют вас с двухлетием боевых действий и героических подвигов, совершенных вашей дивизией во славу нашего великого Отечества! Также поздравляем вас с приближающимся новым 1945 годом!

Трудящиеся Дагестана преисполнены гордости, что их земляки-эскадронцы честно несут боевую службу в составе дивизии, проявляя в боях за Советскую Родину беззаветную храбрость, ловкость и удаль. Мы рады, что многие из них отмечены высокими правительственными наградами!

Ваша дивизия прошла славный путь побед. Она родилась в исторические дни, когда предгорья Кавказа пылали в огне фашистского

нашествия. От силы и стойкости наших воинов зависело, будут ли народы Кавказа и Закавказья свободными или их поработят немецкие князья и бароны.

Сердечно благодарим вас за участие в изгнании врага с Кавказа. Мы благодарим вас за все подвиги, совершенные в боях за освобождение советской земли от Моздока и до границ Восточной Пруссии.

Дорогие наши защитники! Ваши подвиги в боях за Родину вдохновили и вдохновляют нас на трудовые подвиги в тылу. Трудящиеся нашей республики не остались в долгу у фронтовиков. Они работали и работают, не щадя сил и энергии для того, чтобы дать стране и фронту больше продовольствия, боеприпасов, снаряжения и личных средств. Сейчас у нас в республике проходит торжество. Дагестану за подъем общественного колхозного животноводства Совнаркомом Союза ССР присуждено переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны с выдачей денежной премии. Знамя Государственного Комитета Обороны завоевали также животноводы Лакского района.

Эти успехи – результат героического труда всех трудящихся Дагестана. Правительство высоко и по достоинству оценило их трудовой подвиг. Колхозы республики досрочно выполнили в 1944 году обязательства перед государством по всем видам поставок.

За годы Отечественной войны трудящиеся Дагестана внесли на строительство танковой колонны, эскадрильи боевых самолетов и бронепоездов 350 миллионов рублей. Такие патриоты, как Карабудатов Ибрагим, Багандов Абдулла, Курбанов Гаджи и другие, внесли в фонд обороны страны по 200 и более тысяч рублей на строительство военной техники для героической Красной Армии. Население Дагестана собрало и отправило на фронт 150 вагонов теплых вещей, 140 вагонов подарков, дало в фонд Красной Армии сотни тысяч пудов зерна, мяса, сыра, шерсти.

Неплохо работает также наша промышленность. В этом году многие предприятия республики выполнили годовой план раньше срока. В районе Махачкалы создана и развивается нефтяная и газовая промышленность.

Трудящиеся республики проявляют теплую заботу и о семьях фронтовиков. Только за ноябрь этого года в фонд помощи семьям защитников Родины поступило свыше 100 тысяч пудов мала, 350 тысяч

пудов овощей, 200 тысяч пудов овчины, 7 тысяч предметов одежды, 5,5 тысячи пар обуви. Выдано за один месяц 2536 голов крупного и 5758 голов скота для семей фронтовиков и инвалидов Отечественной войны. Открыто 38 государственных и колхозных детдомов для детей фронтовиков.

Дорогие друзья! Мы немало сделали для фронта, но многое еще предстоит сделать. Уверяем вас, что трудящиеся Дагестана и впредь будут усиливать свою помощь фронту, чтобы помочь героической Красной Армии скорей водрузить Знамя Победы на Берлином.

Вы, наши доблестные защитники, прошли большой боевой путь. Впереди решающие схватки с врагом. Благословляем вас на новые ратные подвиги. Под сенью боевых знамен, с любовью к Родине в сердцах, - вперед, на окончательный разгром врага в его собственном логове!

Ждем вас с победой, дорогие!

Да здравствуют героические воины Таганрогской дивизии!

Да здравствует дружба фронтовиков и тыла!

Да здравствует победоносная Красная Армия!

Председатель Совнаркома ДАССР **А.Д. Даниялов**,
Секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) **А. Алиев**.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 175.

**ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК ДАССР ТОВАРИЩУ ДАНИЯЛОВУ
ОТ ГВАРДИИ ПОДПОЛКОВНИКА Ш. МУРЗАЕВА**

1944 г.

Здравствуйте, тов. Даниялов! Первым долгом сообщаю Вам, что я благополучно добрался до своих и сходу принял полк, пошел в бой за город Ровно. Я участвовал в освобождении Ровенской области от немецких оккупантов. За боевые дела представлен к награде – ордену Красного Знамени. Моему полку присвоено звание “Ровенский”. Так

что я сумел за короткий срок побывать в родном Дагестане, повидаться с родными, друзьями по службе и по детству и возвратиться в свою часть и истребить немало фашистов. Вы хорошо помните мои ответы Вам, в Вашем кабинете в день моего отъезда. Вы наказали мне, как сыну Дагестана, и нашей великой Родины перебить фашистов без сожаления и для этого не жалеть ни сил, ни жизни. Я, тов. Даниялов, могу сказать только одно, от других не отстану и народ свой не опозорю, а Ваш наказ буду выполнять с честью, как подобает питомцу великого Шамиля. Когда я был в Дагестане и у Вас на приеме, Вы во время нашей беседы прочитали один исторический документ Шамиля. Слово, имеющее огромное историческое значение. не теряет свою свежесть и сейчас. Сказанное Шамилем никогда не забуду, и буду носить в глубине своей души и своей нарастающей силой буду бить немецких фашистов и к этому буду призывать своих богатырей. Так что за сынов Дагестана Вам краснеть не придется.

Я скромный горец, не имеющий своего прошлого, обыкновенный сын горца – крестьянина – сегодня полководец, гвардеец, командир терского казачьего полка, имеющего свое славное прошлое. Он один из первых получил свое гвардейское звание, а ныне “Ровенского”. В составе полка одних только орденосцев 256 человек и Героев Советского Союза 4 человека. Разве это не есть доказательство того, что полк, руководимый сыном Дагестана, не отстает, а боевыми делами укрепляет свои боевые знамена.

Тов. Даниялов! Война продолжается. Красная Армия с каждым днем все ближе подходит к своей основной цели - чтобы окончательно разгромить немецкую армию. Сейчас как никогда надо мобилизовать все силы тому, чтобы Красная Армия, как можно скорее решила эту задачу. Командир нашего корпуса, прославленный генерал-майор Павлов в беседе со мной по возвращению из Дагестана, просил, чтобы Вы сформировали, если не полк, то хотя бы один дивизион дагестанцев-добровольцев и ввели их в мою часть. А я обещаю Вам в боях за Отечество прославить эту часть и через нее принести славу моей славной Родине.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 375, л. 192.

ПИСЬМО КОМАНДИРУ 91-Й МЕЛИТОПОЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКУ ПАШКОВУ И.М., ВСЕМ БОЙЦАМ, СЕРЖАНТАМ И ОФИЦЕРАМ ОТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ДАГЕСТАНА

1944 г.

Здравствуйте, наши подшефники-бойцы, сержанты и офицеры 91-й Мелитопольской дивизии. От имени трудящихся Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики шлем Вам сердечный привет и от души поздравляем с праздником 1 Мая.

Товарищи фронтовики, славные сыны, героические защитники нашей Родины! Народы Дагестана восхищены победами Красной Армии. Освобождение Украины, Крыма, вступление наших войск в Румынию – это блестящая победа, это вечная слава нашим советским воинам, его офицерам и генералам.

В борьбе за очищение родины от врага 91-я Мелитопольская дивизия занимает одно из славных мест. Вы наши героические подшефники покрыли себя неувядаемой славой в боях за Советскую Украину, за нашу священную советскую землю. Мы гордимся вами и вашими боевыми подвигами и, как бы, чувствуем в этих ваших больших успехах и свое маленькое участие тем, что среди вас находятся и наши воины дагестанцы.

Со дня вашего формирования у нас, трудящиеся нашей республики следят за вашим продвижением и вашими боевыми делами. Ваши победы всегда становились нашим большим праздником. Письма и весточки о вас с фронта, публикуемые в наших республиканских газетах и передаваемые по радио вдохновляли нас на новые трудовые подвиги и еще большую помощь фронту вооружением, боеприпасами, снаряжением, продовольствием.

Сотни тысяч тружеников Дагестана – женщин, стариков, подростков – неутомимо работаю для фронта, для победы. В прошлом году мы сдали для Красной Армии сверх государственного плана свыше восьми тысяч пудов мяса и тысячи пудов разной другой продукции. Мы собрали в фонд обороны 65 миллионов рублей, не считая драгоценностей и облигаций. Мы внесли на строительство танковой колонны, эскадрильи боевых самолетов, бронепоездов свыше 60 миллионов рублей. Мы собрали за годы войны теплое обмундирования

на несколько дивизий, отправили свыше 200 подарков фронтовикам. На наших фабриках и заводах даем фронту десятки миллионов банок консервов, миллионы пудов рыбы, боеприпасы, снаряжение – все, что нужно для победы.

Величайшие победы Красной Армии вдохновляют трудящихся нашей республики на новые трудовые подвиги. Колхозники без усталости работают на полях и успешно проводят весенний сев. Рыбники Дагестана в первом квартале этого года выловили 18 тысяч центнеров рыбы сверх плана. За короткий срок трудящиеся собрали в фонд сталинской победы свыше 26 миллионов рублей, за что они получили приветствие и благодарность Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза, товарища Сталина.

Мы заверяем вас, что трудящиеся Дагестана и впредь будут трудиться не покладая рук на дело защиты нашей Родины.

Слава русскому народу, старшему нашему брату, несущему на себе основную тяжесть войны!

Слава героической Красной Армии!

Слава вдохновителю побед советского народа, великому Сталину!

Смерть немецким оккупантам!

Секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) **А. Алиев**,
Председатель СНК ДАССР **А. Даниялов**,
Председатель Президиума Верховного Совета ДАССР **А. Тахтаров**.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 46.

**ПИСЬМО ОФИЦЕРАМ ПОДШЕФНОГО ДАГЕСТАНУ
ГОСПИТАЛЯ ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СНК ДАССР –
А. ДАНИЯЛОВА, СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА ВКП(Б) – А. АЛИЕВА**

1944 г.

В честь блестящих побед на фронтах Отечественной войны, в знак безграничной благодарности любимой Красной Армии, отогнавшей гитлеровские орды от предгорий Северного Кавказа, освободившей

от немецкого ига тысячи городов и сел, примите от трудящихся Дагестана эти скромные подарки и вместе с ними наш первомайский привет и пожелания здоровья.

Трудящиеся Дагестана не только заботливые шефы раненых, но и надежные помощники славных воинов. В честь успешного продвижения наших войск на Украине и в Крыму в республике развернулся сбор средств на вооружение Красной Армии. За короткий срок колхозники-горцы, рабочие артели и предприятий, интеллигенция собрала более 27 миллионов рублей. Сбор средств продолжается.

Немалый вклад вложили в общее дело борьбы с врагом жены, матери, сестры фронтовиков – горянки Дагестана. Они скоростными темпами строили укрепления. Исправляли дороги и мосты, работали косарями, пахарями, трактористами, связали для воинов сотни тысяч пар носков. С материнской заботой и любовью заботятся они о раненых бойцах.

Еще раз пожелаем вам быстрейшего выздоровления.

Председатель СНК ДАССР **А. Даниялов**,
Секретарь обкома ВКП(б) **А. Алиев**.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 54.

**ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ДАГЕСТАНСКОГО ОБКОМА
ВКП(Б) ТОВ. АЛИЕВУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СНК ДАССР
ТОВ. ДАНИЯЛОВУ, ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ДАССР ТОВ. ТАХТАРОВУ**

4 ноября 1944 г.

Приближается 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. В четвертый раз народы Советского Союза, Красная Армия встречают годовщину нашего Великого праздника в условиях Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Военное положение Советского Союза накануне 27-й годов-

щины октября резко отличается от той обстановки, в которой мы отмечали годовщины Октябрьской революции в прошлые годы войны.

Красная Армия в истекшем году одержала целый ряд исторических побед на фронтах Отечественной войны, которые поставили армии противника на край катастрофы.

Встречая 27-ю годовщину октября и наше соединение добилось новых успехов в работе с ненавистным врагом, наши воины покрыли себя новой славой.

Прорвав оборону противника в Прибалтике и преследуя его по пятам, наше соединение первым вышло на берег Балтийского моря, чем отрезало пути отхода противника в Восточную Пруссию по суше, и теперь ведет бои по уничтожению окруженных немецких войск в Прибалтике.

Успешные действия соединения и его воинов вновь были отмечены приказом Верховного Главнокомандующего Маршалом Советского Союза товарищем Сталиным, а соединение и части представлены к награде орденами. Десятки воинов отличились в этих боях и получили правительственные награды.

Поздравляя с 27-й годовщиной Октября, заверяем Вас, что мы умножим свои боевые успехи, будем бить врага без устали до полного уничтожения.

Да здравствует 27-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

Да здравствует наша славная рабоче-крестьянская Красная Армия!

Да здравствуют великие труженики мощного советского тыла!

Да здравствует товарищ Сталин!

Командир 91-й стр. Мелитопольской Краснознаменной дивизии полковник **Собянин**, начальник политотдела 91-й Мелитопольской Краснознаменной дивизии подполковник **Мартынов**.

ПАДО, ф. 1, оп. 26, д. 376, л. 147.

Полевая почта № 34562 “Д”

ПИСЬМО ОТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ КАПИТАНУ ИБРАГИМОВУ ГАДЖИ И МАЙОРУ КАЧАЛОВУ МАГОМЕДУ

Декабрь, 1944 г.

Дорогие друзья – Магомед и Гаджи.

С чувством огромного удовлетворения прочитали сейчас только что полученное от Вас письмо, написанное в связи с двухлетним юбилеем славной, подшефной нам Мелитопольской дивизии.

Сейчас, когда героическая Красная Армия с большими успехами день за днем громит немецко-фашистские полчища и сметает их с нашей священной земли, когда сотни и тысячи населенных пунктов Украины и Белоруссии освобождаются от немецкой оккупации, когда миллионы советских граждан освобождаются от фашистского рабства и вновь приобретают права граждан нашей Великой Родины, – приятно сознавать, что в этой благородной освободительной миссии есть доля участия нашего Дагестана и его многих славных сынов, к которым относим мы и Вас.

Уже девять Героев Советского Союза дала Родине наша республика. С радостью и гордостью отмечаем мы тот факт, что 91-я Мелитопольская Стрелковая дивизия, сформированная в Дагестане и нам подшефная, с честью оправдала наше доверие и получила поощрение и благодарность Верховного Главнокомандующего, нашего любимого товарища Сталина за отличные боевые действия.

Особенно отраднo отметить, что в составе этой дивизии находятся наши коренные дагестанцы и прежде всего – Вы, т.т. Качалов и Ибрагимов.

Хочется поздравить в Вашем лице всех дагестанцев, всех бойцов и офицеров нашей подшефной дивизии, прошедшей славный двухлетний путь борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

А. Алиев, А. Тахтаров, А. Даниялов.

**ИЗ РЕЧИ А.Д. ДАНИЯЛОВА НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТРУДЯЩИХСЯ, ПОСВЯЩЕННОЕ 45-ЛЕТИЮ
СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ ДАГЕСТАНА И ВРУЧЕНИЮ
РЕСПУБЛИКЕ ОРДЕНА ЛЕНИНА 13 НОЯБРЯ 1965 ГОДА**

Товарищи! Исторический путь народов Дагестана был тяжелым и мучительным. Им пришлось перенести исключительные невзгоды, прежде чем они вышли на путь свободного развития. В течение веков территория Дагестана была ареной кровавых столкновений и нескончаемых войн. Орды захватчиков терзали этот край, пытаясь огнем и мечом установить здесь свое господство. Каждый из завоевателей оставлял после себя на месте цветущих городов и аулов пепел пожаров, потоки крови, голод и нищету. Многие ханы, беки и другие эксплуататоры довершали черное дело завоевателей в ограблении народа, высасывали из него последние соки.

В многовековой борьбе с завоевателями и внутренними врагами горцы покрыли себя неувядаемой славой. Но им было не под силу довести эту борьбу до конца. Присоединение Дагестана к России в XIX веке избавило горцев от постоянных междоусобных интриг, от нашествий восточных деспотических государств и, вопреки колонизаторской политике царизма, сыграло прогрессивную роль в социально-экономическом развитии Страны гор. Однако оно не принесло им полной свободы и социального равенства.

Только с победой Октября народы Дагестана смогли осуществить свои вековые чаяния - освободиться от социального и колониального гнета, стать настоящими хозяевами своей судьбы, обрести радость свободной и счастливой жизни, добиться расцвета материальных и духовных сил...

Дореволюционный Дагестан представлял из себя одну из наиболее отсталых национальных окраин царской России.

В политическом отношении - это был бесправный край, не имеющий своего самоуправления. В экономическом отношении Дагестан был сельскохозяйственным придатком царской империи. Здесь по существу не было промышленности. Существовавшие 76 предприятий были предприятиями кустарного и полукустарного типа,

в которых работало от 2 до 5 в основном сезонных рабочих. Крайне отсталым было и сельское хозяйство. Посевная площадь немногим боле четверти миллиона гектаров. Основным орудием производства была деревянная соха. Доходы крестьянства были крайне низкими. В 1913 году средняя урожайность пшеницы в Дагестане составляла 4,5 центнера с гектара, кукурузы - 6 центнеров. Всего этого было недостаточно даже для полуголодного существования горцев. Вот почему большое число горцев в поисках заработков занималось отходничеством, батрачило у кулаков, беков и ханов.

В культурном отношении Дагестан был краем сплошной неграмотности. Здесь почти не было светских школ, больниц, каких-либо учреждений культуры...

Дагестан с помощью братских народов всей страны совершил гигантский скачок от отсталости к прогрессу, от неграмотности к филиалу Академии наук и государственному университету, от кустарного ремесла к современной социалистической промышленности, от деревянной сохи к трактору, комбайну, от вьючного транспорта к автомобилю, самолету и вертолету.

Создание национальной советской государственности пробудило невиданный энтузиазм горцев Дагестана в экономическом и культурном строительстве. Ярким выражением этого энтузиазма является строительство крупных оросительных каналов, новых трасс шоссейных дорог в ранее непроходимых горах, новых больниц, городов и рабочих поселков.

На земле Дагестана выросла современная крупная промышленность, высокоинтенсивное сельское хозяйство, создана национальная по форме, социалистическая по содержанию культура... Теперь в республике выпускаются изделия, о которых раньше Дагестан не мог и мечтать - это электротермические печи, мощные машины, шлифовальные станки, генераторы, стекловолокно, сепараторы, электросварочные агрегаты, электрическая аппаратура и другое оборудование. По сравнению с 1913 годом объем валовой продукции крупной промышленности в 1965 году возрастает в 63 раза.

С развитием промышленности на карте республики появились новые города: Каспийск, Избербаш, Кизилюрт, рабочие поселки. Дагестанские Огни, Южносухокумск, "Дружба", преобразовались все

старые города. По сравнению с 1926 годом почти в 3 раза выросло городское население, которое ныне составляет 32 процента к общему числу населения.

Замечательным итогом развития промышленности является создание кадров рабочего класса и интеллигенции. Сотни инженеров, тысячи техников, как и десятки тысяч рабочих самых сложных профессий и квалификаций, являются выходцами из среды беднейших слоев населения гор и успешно решают задачи дальнейшего развития промышленности. Огромные изменения произошли и в сельском хозяйстве Дагестана.

За годы Советской власти крестьянство Дагестана совершило переход от мелких крестьянских хозяйств к крупным колхозам и совхозам, вооруженным первоклассной техникой, кадрами специалистов. Это позволило поднять на новую, более высокую ступень технический уровень и культуру сельскохозяйственного производства, вести его по пути специализации и интенсификации. Только за последние годы в республике посажено более 17 тысяч гектаров садов и 10 тысяч гектаров виноградников, расширены площади под овощными культурами, рисом и пшеницей, увеличилось поголовье общественного животноводства, улучшилось его качество.

Изменился внешний облик дагестанского аула. В горах выросли новые благоустроенные селения, с электричеством, домами культуры, школами, кинотеатрами, библиотеками, больницами, радио и телевидением... На равнине, куда переселились многие тысячи горских хозяйств, образовались населенные пункты городского типа...

Выдающиеся успехи достигнуты и в области культурного строительства. В настоящее время почти все взрослое население Дагестана грамотно. В 4-х вузах и 26 средних специальных учебных заведениях обучается около 34 тысяч человек. У нас работают 22 научных учреждения во главе с филиалом Академии наук СССР. В них и в вузах трудятся десятки докторов и сотни кандидатов наук.

Небывалое развитие получили литература и искусство народов Дагестана. В республике работают 7 драматических театров и 2 ансамбля, в том числе прославленная "Лезгинка".

Ныне всей стране известны имена народных поэтов Дагестана Сулеймана Стальского и Гамзата Цадасы - этих классиков дагестанской

литературы. Их дело продолжает многочисленный отряд писателей и поэтов. Дагестанские писатели издают свои произведения на 9 языках. Их книги выходят не только в Махачкале, но и в Москве, столицах союзных и автономных республик и за рубежом. Произведения же лауреата Ленинской премии - народного поэта Дагестана Расула Гамзатова получили широкое признание не только в нашей стране, но и далеко за границей.

45 лет Советской автономии Дагестана - это годы формирования нового человека - строителя социализма. Социализм наполнил жизнь наших людей высоким содержанием, благородными идеалами и стремлениями, освободил их от унижительного порабощающего влияния эксплуататорских отношений, воспитал в них лучшие возвышенные качества. Эта идейная сторона жизни наших людей явилась могучим стимулом, вечно живым источником внутреннего творческого горения, легендарного мужества, патриотического героизма как в тылу, так и на фронте.

Свидетельством тому является присвоение высокого звания Героя Социалистического Труда 42 дагестанцам, Героя Советского Союза - 45 дагестанцам, награждение 9653 человек орденами и медалями Советского Союза за трудовые подвиги и за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны более 10 тысяч человек¹.

Итоги созидательного труда за 45 лет автономии Дагестана мы должны рассматривать как условия для дальнейшего, еще большего развития производительных сил республики и подъема материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Дагестанская правда, 1965, 14 ноября, № 269.

¹ В тексте так. Однако их было значительно больше. Только на 15 августа 1947 года орденами и медалями СССР были награждены 29664 человека и из них 26428 - медалью «За оборону Кавказа» (см.: Дагестан в годы ВОВ 1941 - 1945 гг. Сб. док. Махачкала, 1945. С. 649 - 650).

**ТЕЛЕГРАММА СЕКРЕТАРЯ ДАГЕСТАНСКОГО ОБКОМА КПСС
А.Д. ДАНИЯЛОВА ПРОФ. А.Г. ПОДВАРКО ПО СЛУЧАЮ
ЕГО 70-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.**

19 марта 1966 г.

Вручить 21 марта.
Серия Н-13.
Краснодар, 6, ул. Седина, 4.
Товарищу **Подварко**.

Уважаемый Алексей Григорьевич!

Дагестанский обком партии сердечно поздравляет Вас, видного деятеля медицинской науки в день 70-летия со дня Вашего рождения.

Хорошо помним, высоко ценим Ваш вклад в дело развития здравоохранения, подготовки национальных кадров Дагестана.

Желаем Вам доброго здоровья, долгих лет счастливой радостной жизни, успехов в Вашей врачебной, научной, педагогической и общественной деятельности.

Даниялов.

ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 2, д. 2670, л. 30. Подлинник.

**ТЕЛЕГРАММА А.Д. ДАНИЯЛОВА ИЗ БОЛЬНИЦЫ № 1 Г. МОСКВЫ
СЕКРЕТАРЯМ РАЙКОМОВ ПАРТИИ В СВЯЗИ С
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕМ В ЮЖНОМ ДАГЕСТАНЕ.**

апрель, 1966 г.

Дагестан
Магарамкент – т. **Букарову**,
Касумкент – т. **Мехтиеву**,
Хучни – т. **Алибалаеву**,
Хив – т. **Шамсудинову**,
Маджалис – т. **Зубаилову**,
Уркарах – т. **Магомедову**.

Дорогие товарищи!

С большим волнением переживаю постигшее нас горе.

Прошу передать семьям скорбь и сочувствие. Будьте энергичными в ликвидации последствий землетрясения, в оказании посильной и срочной помощи всем, используйте все возможности устройства быта людей, размещая их в совхозы, крупные колхозы на плоскости. Разъясните народу, что партия и правительство принимают все меры по оказанию помощи населению. Одновременно мобилизуйте свои внутренние возможности.

Глубоко переживаю, что не могу быть вместе с Вами в эти тяжелые для всех нас дни.

С приветом **А. Даниялов.**

Москва, ул. Грановского, 2, 1-я больница.

Телеграмма хранится в семейном архиве Данияловых.

**ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕГРАММА ДАГЕСТАНСКОГО ОБКОМА
КПСС АБДУРАХМАНУ ДАНИЯЛОВИЧУ ДАНИЯЛОВУ
ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА 1 МАЯ.**

30 апреля 1966 г.

Москва, ул. Грановского, 2. Первая больница, первое хирургическое отделение, палата № 4, **Даниялову А.Д.**

Дорогой Абдурахман Даниялович!

Горячо поздравляем Вас с Международным праздником 1 Мая!
Шлем сердечные пожелания доброго здоровья, быстреего возвращения в строй, счастливой радостной жизни, новых больших успехов в работе на благо нашей Родины.

Коротков, Исмаилов, Шихсаидов, Джабраилов.

ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 2, д. 2670, л. 58. Подлинник.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я.

Родился в 1908г. в с. Рупуджа Гунибского района б/Дагестанской области/ныне Даг. АССР/ в бедной крестьянской семье. Родители мои, как отец, так и мать происходят из крестьян, занимались сельским хозяйством. Отец умер в 1914-16 г. от болезни, мать в 1918г. вышла замуж. Я и двое детей моложе меня брат и сестра остались на иждивении деда и до 1920 года вел полубатрацкий образ жизни. С 1920 по 1923г. находился в Детском доме в с. Чох и Гуниб, в 1924г. в интернате горцев в городе Буйнакске. С 1924 по 1928г. учился в 1-м Дагестанском Педагогическом техникуме. В 1929г. был избран секретарем Гунибского РК ВЛКСМ в том же году был избран членом бюро и зав. АПМО Обкома ВЛКСМ. На этой должности работал до марта 1930г. В марте 1930г. был выдвинут начальником Глав. соц. во са Наркомпроса ДАССР и председателем центральной оборонной комиссии Наркомпроса ДАССР. В сентябре 1930г. выехал на учебу в Московский ин-т инженеров водного х-ва, который окончил в 1935г. По окончании ин-та был оставлен в аспирантуре при ин-те. В марте 1936г. по состоянию здоровья оставил аспирантуру, выехал в Дагестан на работу. До февраля 1937г. работал в Управлении водного хозяйства помощником Главного инженера и впоследствии начальником отдела ирригации и водоснабжения гор. В феврале 1937г. был назначен Наркомом Земледелия ДАССР где проработал до 1939г. В 1939г. был переведен в Обком ВКП(б)/зав. сельхозотделом Обкома /3 м-ца/, а затем 3-м секретарем Обкома. В феврале 1940г. был назначен председателем Совета Народных Комиссаров ДАССР, где и работает сейчас.

С 1938г. являюсь членом бюро Дагестан. Обкома ВКП(б). В партию вступил в 1927г. кандидатом и в 1928г. членом.

За время пребывания в партии партзвзысканиям не подвергался, в антипартийным гр. не примыкал, всегда был предан линии партии.

Брат мой Гаджи-Али-член ВКП(б), работает в Обкоме партии, сестра умерла.

Жена моя происходит из семьи врача. Ее отец заслуженный врач РОЗОР, орденосеиц, мать домохозяйка. Жена является членом ВКП(б), окончила Зоотехнический ин-т.

Из близких родственников лишены избират. прав, сосланных или за границей никого не имею. Имею трех детей-дочь и двое сыновей.

Партзвзысканий не имею. В настоящее время учусь заочником в Высшей Ком. школе при ЦК ВКП(б). В период Отечественной войны Президиумом Верховного Совета СССР награжден двумя Орденами Ленина и в 1945г. в связи с 25-летием ДАССР орденом Отечественной войны I ст. Кроме того, имею 3 медали.

Составлена 29/ХI-46г.

Даниялов
А. ДАНИЯЛОВ

instituteofhistory.ru

Абдура

ХАРАКТЕРИСТИКА

На члена бюро Дагобкома ВКП(б)-
наркома Земледелия Даг. АССР
тов. ДАНИЯЛОВА Абдурахмана
Данияловича.

25 февраля 1937г

Тов. ДАНИЯЛОВ А.Д. член ВКП(б) с 1928 г., год рождения 1908, служащий. Образование - высшее, окончил Институт инженеров водного Хозяйства.

Тов. Даниялов до поступления на учебу в Институт работал на руководящей комсомольской работе - секретарем райкома и завед. Агитпропом Дагобкома ВЛКСМ.

Как растущий молодой специалист, тов. Даниялов в 1937 году выдвинут Наркомом Земледелия ДАССР.

Тов. Даниялов, будучи выдвинут на работу наркомзема показал себя способным растущим работником. В работе проявляет инициативу.

В партийной жизни активен, политически развит, дисциплинированный товарищ.

В антипартийных группировках и оппозициях не замечен.-

СЕКРЕТАРЬ ДАГОБКОМ *Даниялов* (Н. Самурский)

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНЖЕНЕРОВ ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Москва 6, Нижняя дорога, дом № 19.

Директор	ТЕЛЕФОНЫ: Директор и Секретариат Д-1-98-29. Учебная часть Д-1-98-04. Админист.-хозяйств. часть Д-1-98-75.	<i>20 Марта</i> 1936 г. При счёте сослаться на № <i>07-14</i>
Начальник		

ХАРАКТЕРИСТИКА

Из член парткома МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА ИНЖЕНЕРОВ ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА А. ДАНИЯЛОВА . Тов. ДАНИЯЛОВ чл. ВКП(б) с 1928 года состоял на учете и работал в парторганизации МИИХ с 20-го августа 1930 года по 15-е марта 1936 года .

За указанный период времени т. ДАНИЯЛОВ принимал активное участие в общественно-политической и производственной жизни института : в 1932-33 г. был секретарем ячейки ВКП(б) отделения Гидро-сооружения , в 1933/34 г. и до марта 1935 года был председателем профкома ин-та . и за последнее время являлся ответственным редактором многотиражки института .

С 1934 года по настоящее время т. ДАНИЯЛОВ являлся членом парткомитета института .

Со всеми возложенными обязанностями справлялся удовлетвори-тельно , замечаний не имел . Тов. ДАНИЯЛОВ является политически развитым и идеологически стойким и дисциплинированным членом ВКП(б) .-

Настоящая характеристика выдана в связи с выбыванием тов. ДАНИЯЛОВА из института .-

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА

С. Зысьман (ЗЫСЬМАН Б.М.)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
при
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
СССР

ДИПЛОМ
ДОКТОРА НАУК

Решением
Высшей аттестационной комиссии
при Совете Министров СССР
от 27 августа 1936 г. (протокол № 25)

Даниялову С. Зысьману
ПРИСУЖДЕНА УЧЕБНАЯ СТЕПЕНЬ
ДОКТОРА
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ИГ № 000138

Москва

Зысьману
Зысьман

Дорогой Абдурахман Даниялович

Ваши друзья и коллеги-востоковеды сердечно поздравляют Вас со славным юбилеем - 70-летием со дня рождения.

Вы прошли большой жизненный путь партийного, государственного и общественного деятеля, на протяжении длительного времени возглавляли партийные и советские органы Дагестана, вложили много труда и энергии в развитие экономики и культуры Республики. Ваш вклад в социалистическое строительство Дагестана получил широкое признание и отмечен пятью орденами Ленина и другими правительственными наградами.

Будучи членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР многих созывов, вы активно участвовали в осуществлении решений партии и правительства по созданию в нашей стране развитого общества социализма на посту первого секретаря Дагестанского обкома КПСС, председателя Совета министров Даг. АССР, председателя Президиума Верховного Совета Даг. АССР вы проявляли всемерную заботу о подъеме науки и народного образования Республики, а в дальнейшем в вашем лице Дагестан получил крупного ученого, доктора наук, разрабатывающего и обобщающего проблемы исторического развития дагестанских народов. Мы глубоко ценим вашу душевность, сердечность и простоту, которые вызвали и вызывают глубокое уважение и симпатии со стороны всех, кто знает вас.

**КОЛЛЕКТИВ СОТРУДНИКОВ ИСКРЕННЕ ЖЕЛАЕТ ВАМ,
ДОРОГОЙ АБДУРАХМАН ДАНИЯЛОВИЧ, ДОБРОГО
ЗДОРОВЬЯ И ПЛОДОТВОРНОЙ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ !!!**

Калигу *Зарина* *Великий*
Абдураман *Т. Давудов*
Аметов *Али*
Васильев *Али*
В. Сулейманов *Шоуб*
А. Бабаев *И. Ладипов*
Тали *Сам*
Ильминский *Алькеева* *Мерку*

П Р И К А З № 444

ПО ИНСТИТУТУ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

г. Москва

"18" августа 1978г.

22 августа с.г. исполняется 70 лет со дня рождения старшего научного сотрудника Отдела исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока доктора исторических наук Даниялова Абдурахмана Данияловича.

Посвятив многие годы ответственной партийной и государственной работе, в 1971 году тов. Даниялов А.Д. пришел в Институт востоковедения, где проявил себя как инициативный научный сотрудник, активно участвующий в производственной и общественной жизни Института. Им подготовлен ряд важных и интересных в научном и политическом отношении исследований и статей.

Отмечая 70-летие со дня рождения Абдурахмана Данияловича Даниялова, дирекция, партком, местком сердечно поздравляют его с юбилеем и желают ему доброго здоровья и творческих успехов.

За выполнение плана научно-исследовательских работ и в связи с семидесятилетием объявить Абдурахману Данияловичу Даниялову **б л а г о д а р н о с т ь** и выдать денежную премию в размере 200 рублей.

И.О. директора Института
член-корр. АН СССР

Велесов

/Г. Л. Кили/

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СССР
СТРОИТЕЛЕЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

За успешное выполнение заданий правительства по строительству оборонительных рубежей наградить:
орденом Ленина

3. Даниялова Абдурахмана Данияловича – Председателя Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

М.Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

А.Горкин

Москва, Кремль. 12 января 1943 г.
Дагестанская правда, 1943, 15 января, № 12.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СССР
КОЛХОЗНИКОВ, КОЛХОЗНИЦ, РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА, НАУКИ И ИСКУССТВА ДАГЕСТАНСКОЙ АССР**

За достижения в области сельского хозяйства, науки и искусства наградить:
орденом Ленина

6. Даниялова Абдурахмана Данияловича – председателя Совета Народных Комиссаров Дагестанской АССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

М.Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

А.Горкин

Москва, Кремль. 9 июня 1944 г.
Дагестанская правда, 1944, 11 июня, № 116.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ РАБОТНИКОВ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ДАГЕСТАНСКОЙ АССР**

В связи с тридцатилетием Дагестанской АССР и достигнутыми успехами в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства наградить:
орденом Ленина

12. Даниялова Абдурахмана Данияловича – первого секретаря Дагестанского обкома ВКП(б).

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

Н.Шверник

А.Горкин

Москва, Кремль. 12 ноября 1950 г.
Дагестанская правда, 1950, 14 ноября, № 227.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ТОВ. ДАНИЯЛОВА А.Д. ОРДЕНОМ ЛЕНИНА**

В связи с пятидесятилетием со дня рождения первого секретаря Дагестанского обкома КПСС и отмечая его заслуги перед Советским государством, наградить тов. Даниялова Абдурахмана Данияловича орденом Ленина.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

К.Ворошилов

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

М.Георгадзе

Москва, Кремль. 21 августа 1958 г.
Дагестанская правда, 1958, 22 августа, № 168.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ СССР
ПЕРЕДОВИКОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА, РАБОТНИКОВ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ
ДАГЕСТАНСКОЙ АССР**

За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства, науки и культуры наградить:

орденом Ленина

4. Даниялова Абдурахмана Данияловича – первого секретаря Дагестанского обкома КПСС

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

А.Микоян

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

М.Георгадзе

Москва, Кремль. 27 ноября 1965 г.
Дагестанская правда, 1965, 28 ноября, № 281.

**КРАТКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА А.Д. ДАНИЯЛОВА
(1908-1981 гг.)**

22 августа 1908 г. - родился в сел. Ругуджа Гунибского округа (ныне района)

1915-1919 гг. - учеба в начальной школе

1920-1923 гг. - воспитание в детдоме (сел. Чох Гунибского района)

1923-1924 гг. - учащийся интерната горцев (г. Буйнакск)

1924-1928 гг. - учащийся первого Дагестанского педагогического техникума (г. Буйнакск)

1928-1929 гг. - секретарь Гунибского райкома ВЛКСМ

1929-1930 гг. - заведующий АППО Дагестанского обкома ВЛКСМ

1930-1935 гг. - студент Московского института инженеров водного хозяйства

1936-1937 гг. - начальник отдела ирригации и водоснабжения горных районов Управления водного хозяйства Наркомата Земледелия ДАСССР

1937-1939 гг. - народный комиссар земледелия Дагестанской АССР

1939 г. (IV-VII месяцы) - заведующий сельскохозяйственным отделом Дагестанского обкома ВКП(б)

1939-1940 гг. - третий секретарь Дагестанского обкома ВКП(б)

1940-1948 гг. - Председатель Совнаркома (Совет Министров) Дагестанской АССР

1942 г. - член Военного совета 44-й армии

1943 г. - награждение орденом Ленина "За успешное руководство по строительству оборонительных сооружений"

1944 г. - награждение вторым орденом Ленина "За успехи в развитии сельского хозяйства ДАСССР"

1945 г. - награждение орденом Отечественной войны I-й степени, медалями "За оборону Кавказа", "За победу над Германией", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

1946 г. - избрание депутатом Верховного Совета СССР второго созыва

1948-1967 гг. - первый секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) после КПСС

1950 г.- депутат Верховного Совета СССР третьего созыва
1950 г.- награждение третьим орденом Ленина
1954 г.- депутат Верховного Совета СССР четвертого созыва
1958 г.- депутат Верховного Совета СССР пятого созыва
1958 г.- награждение четвертым орденом Ленина
1962 г.- депутат Верховного Совета СССР шестого созыва
1965 г.- награждение пятым орденом Ленина
1966 г.- депутат Верховного Совета СССР седьмого созыва
1967-1970 гг.- Председатель Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР
1968 г.- награждение орденом Трудового Красного Знамени
1970 г.- защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
1970-1981 гг. - старший научный сотрудник Института востоковедения Академии наук СССР
1976 г.- защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук
1950-1962, 1966, 1967 гг. - делегат съездов КПСС, член ЦК КПСС
1938-1970 гг. - депутат Верховного Совета Дагестанской АССР всех созывов.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1. Очередные задачи в области развития сельского хозяйства ДАССР. Махачкала, 1948.
2. Мичуринская биологическая наука и очередные задачи развития сельского хозяйства Дагестана. Махачкала, 1949.
3. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. Махачкала, 1950.
4. Введение в книгу "Народы Дагестана". М.: Наука, 1955.
5. Семилетка Дагестана и задачи интеллигенции. Махачкала, 1959.
6. Советский Дагестан. М.: Советская Россия, 1960.
7. Итоги январского Пленума ЦК КПСС и задачи областной партийной организации. Доклад первого секретаря Дагестанского обкома КПСС А.Д. Даниялова на собрании республиканского партийного актива. "Дагестанская правда". 1961, 26 января.
8. Выступление первого секретаря Дагестанского обкома КПСС А.Д. Даниялова на совещании передовиков сельского хозяйства Северного Кавказа. "Дагестанская правда". 1961, 2 февраля.
9. О задачах областной партийной организации по выполнению решений январского пленума ЦК КПСС. "Дагестанская правда", 1961, 24 февраля.
10. Отчет на пленуме Дагестанского обкома КПСС. "Дагестанская правда". 1961, 14 сентября.
11. Отчет областного комитета Коммунистической партии Советского Союза. "Дагестанская правда". 1961, 23 сентября. (XXVI Дагестанская областная партийная конференция).
12. К новым победам, к новым свершениям! Доклад первого секретаря обкома КПСС тов. А.Д. Даниялова "Об итогах XXII съезда КПСС и задачах областной партийной организации". "Дагестанская правда". 1961, 19 ноября.
13. Итоги выполнения народнохозяйственного плана за первое полугодие 1961 года и задачи областной парторганизации в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС. "Дагестанская правда". 1961, 8 июня.
14. Коммунистическое воспитание трудящихся – главная практическая задача творческой интеллигенции. "Дагестанская правда". 1961, 9 июня.

15. Расцвет экономики и культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. С. 40.

16. Воспоминания. Махачкала, 1961.

17. Итоги мартовского Пленума ЦК КПСС и задачи областной партийной организации. "Дагестанская правда". 1962, 3 апреля. (Пленум Дагестанского обкома КПСС).

18. Итоги ноябрьского Пленума ЦК КПСС и задачи областной партийной организации. "Дагестанская правда". 1962, 8 декабря.

19. Речь на заседании Верховного Совета СССР. Прения по докладом о государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1963 год и о Государственном бюджете СССР на 1963 год. "Правда". 1962, 12 декабря.

20. Усилить борьбу с преступностью и другими антиобщественными проявлениями. "Дагестанская правда". 1963, 11 апреля.

21. Выше уровень идеологической работы. "Комсомолец Дагестана". 1963, 7 июля. VIII пленум обкома КПСС. Итоги июльского пленума ЦК КПСС и очередные задачи идеологической работы областной партийной организации. "Дагестанская правда". 1963, 5 июля.

22. Десять лет борьбы за крутой подъем сельского хозяйства. "Дагестанская правда". 1963, 3 сентября.

23. Все наши силы – дальнейшему подъему экономики. Доклад первого секретаря обкома КПСС "О ходе выполнения социалистических обязательств в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и улучшении организаторской и политической работы среди трудящихся". "Дагестанская правда". 1963, 17 октября.

24. Отчет о работе Дагестанского областного комитета КПСС. Доклад первого секретаря обкома КПСС. "Дагестанская правда". 1963, 23 ноября.

25. Убежденность и ответственность. Из выступления первого секретаря. "Комсомолец Дагестана". 1966, 2 марта.

26. Новый шаг по пути к коммунизму. Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966-1970 годы и задачах партийной организации республики. "Дагестанская правда". 1966, 3 марта.

27. Итоги XXIII съезда КПСС и задачи областной партийной организации. "Дагестанская правда". 1966, 21 апреля.

28. Фруктовые конвейеры. "Известия". 1966, 18 августа.

29. О задачах областной партийной организации по выполнению решений XXIII съезда КПСС о подборе, расстановке и воспитании кадров. "Дагестанская правда". 1966, 22 октября. (IV пленум Дагестанского обкома КПСС).

30. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. "Вопросы истории". 1966, № 2.

31. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966.

32. Закрепить успехи, двигаться вперед! Блокнот агитатора. 1966, № 3. С. 3-25.

33. О задачах партийной организации республики по подготовке к 50-летию Великого Октября. "Дагестанская правда". 1967, 11 февраля.

34. Забота о земле – забота о человеке. (Из выступления первого секретаря обкома КПСС А.Д. Даниялова на республиканской экономической конференции). Блокнот агитатора. Махачкала, 1967. № 7, апрель. С. 7-25.

35. И малые звезды украшают небо. (Успехи искусства и литературы Дагестана). "Советская культура". 1967, 6 июня.

36. В братской семье советских народов. "Дагестанская правда". 1967, 2 ноября.

37. В дружной семье советских народов. "Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа". 11, 1967.

38. Думы о Стране гор. (Записки секретаря обкома). М.: Политиздат, 1967.

39. Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг. Узловые проблемы. М.: Наука, 1975.

40. Колхозный аул Дагестана в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Сельское хозяйство Дагестана. М.: Наука, 1976. С. 7-23.

*Дети Данияловых:
Забида, Митхат, Юсуп*

*Супруги Данияловы
в студенческие годы*

С другом

С тестем и супругой

Учащийся
Буйнакского педтехникума

Братья Данияловы

Комсомольцы 20-х гг.

А. Даниялов среди делегатов
Вседагестанского съезда дорожников "Дагавтодора".
Середина 1930-х гг.

*С. Айдинбеков, А. Даниялов, А. Алиев, А. Тахтаров.
1948 г.*

*А. Даниялов, Г. Цадаса, А. Тахтаров, А. Алиев, И. Мещанинов.
1947 г.*

*А. Тахтаров, А. Даниялов, А. Алиев.
1940-е гг.*

В кругу ученых

*В рабочем кабинете.
1962 г.*

*На XXI съезде КПСС.
Октябрь, 1961 г.*

*Среди учащихся производственных бригад.
Кизляр, 1961 г.*

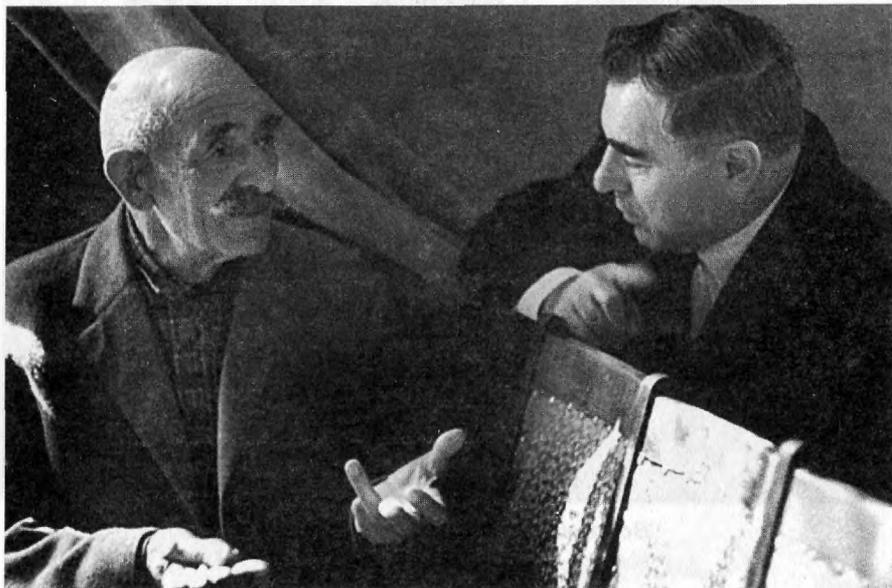
В коллективе ансамбля "Лезгинка".
1960-е гг.

Встреча с работниками культуры

Рабочий президиум съезда Союза писателей Дагестана.
1967 г.

А. Гафуров и А. Даниялов

А. Даниялов и Мжаванадзе

В горах

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Приезд К. Буденного в Дагестан

Встреча с избирателями

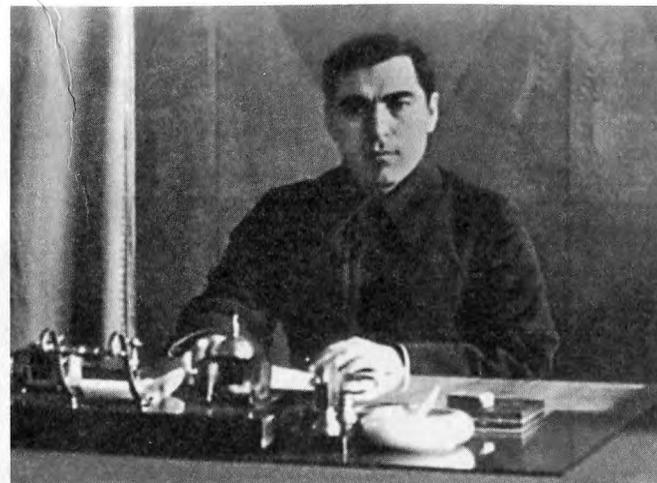
*Президиум собрания,
посвященного
соревнованию городов
Махачкала и Грозный
1960-е гг.*

*С космонавтом
А.Г. Николаевым.
1962 г.*

А. Даниялов, Ш. Шамхалов, Р. Гамзатов

*В рабочем кабинете.
1940-е гг.*

*Рабочая поездка по республике.
1960-е гг.*

А. Даниялов,
Ш. Шихсаидов
с супругами
в санатории
"Красные камни".
г. Кисловодск. 1961 г.

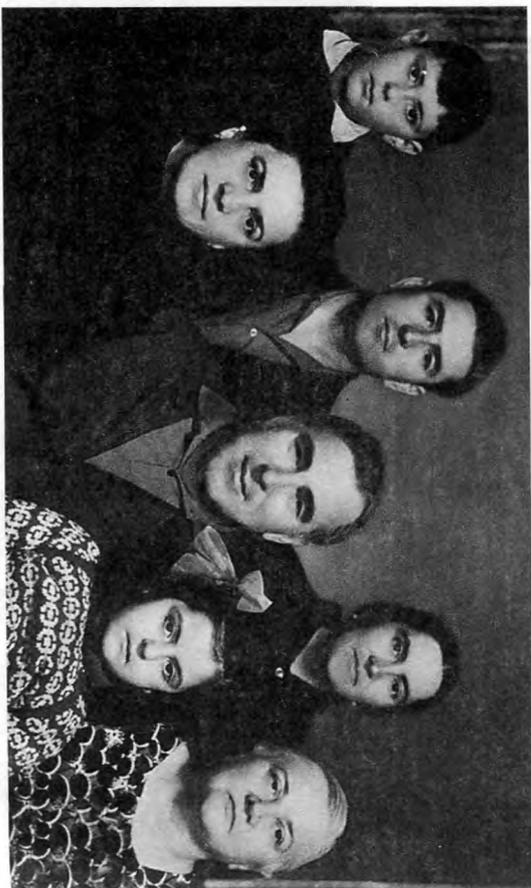
В кругу сыновей

На рыбалке

Семья Данияловых

С супругой Халиджат

В кругу семьи дочери

С сотрудниками Президиума ВС ДАССР

Содержание

Расул Гамзатов Абдурахману Даниялову	5
М.М.Магомедов. Жизнь, отданная народу	7
Г.-А.Д. Даниялов. Слово о брате	14

Раздел I

Воспоминания о А.Д. Даниялове

Ш.М. Шамхалов. Заботливый и скромный	32
Р.Б. Эльдарова. Благодарение	42
А.Д.Умалатов. Великий дагестанец	51
М.Ш. Абуев. Человечность	61
А.Г. Коршунов. Выдающийся лидер Дагестана	66
Р.М. Магомедов. «Он был человеком смелым и мужественным...»	80
М.Д. Бутаев. Народ помнит его	83
Ю.А. Поляков. Достойный сын эпохи	92
Д.Н. Ахмедов. Он хорошо знал каждого работника	97
М.В.Вагабов. Талантливый организатор и руководитель	101
Р.Б. Сулейманов. Навечно в памяти народной	113
Н.А Алиев. Каким я его знал	118
М.Махулов. Достойный сын своего народа	122
Д.А. Даидов. Воспоминания о Даниялове	129
М. Гаджиев. Достойный сын своего народа	136
М.М. Яхъяев. Непререкаемый авторитет	141
С.Ш. Гаджиева. Талантливый руководитель и мудрый человек	157
К.И. Абуков. Он жил и работал на совесть	161
В.Г. Гаджиев. «Есть имена и есть такие даты, они нетленной сущности полны...»	172
А.Ю. Гаджиев. О незаурядной и сильной личности	185
Г. Магомедов. Человек и руководитель	189
А.М.Аджигов. Достойный дагестанец	199
А. Вербенко. Коммунист-интернационалист	204
М.Ш. Шигабуудинов. Государственный деятель и ученый	206
У. Шапиева. Мужество и честь - бессмертны	212

Т.К. Муслимов. Личность яркая и простая	217
Ф.И. Потапов. Человек долга	221
У.М. Гимбатова. Его называли горным орлом	226
Р.И. Джамбулатова. Интернационалист по призванию, настоящий горец по натуре	227
А.Р. Исмаилов. Абдурахман Даниялов в моей судьбе	243
М.Ш. Шамхалов. Я помню его таким	247
В. Гузиков. С горячим сердцем... ..	256
Ж.Абдурахманов. Великий и простой	261

Раздел II

Воспоминания А.Д. Даниялова

Воспоминания	264
О своем детстве, о событиях в родном селе Ругуджа в годы гражданской войны	359

Раздел III

Из научного наследия А.Д. Даниялова

Раздумья Абдурахмана Даниялова. О культе личности	364
«О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля»	366
Из заключения книги Абдурахмана Даниялова «Строительство социализма в Дагестане 1921-1940 гг. Узловые проблемы»	385

Раздел IV

Речи, выступления, письма, поздравления,

ТЕЛЕГРАММЫ

Из выступления члена бюро обкома партии наркома земледелия ДАССР А.Д. Даниялова на IV пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) 7 января 1939 года.....	394
Речь представителя дагестанских народов Председателя СНК ДАССР А. Даниялова на антифашистском митинге народов Северного Кавказа в г.Орджоникидзе 19 августа 1942 года	399

Крепим трудом помощь фронту	402
Будем крепить боевую выучку	404
Мы добудем победу	405
Укрепляем могущество фронта	407
Ждем вас с победой!	409
Письмо Председателю СНК ДАССР тов. Даниялову от гвардии подполковника Ш. Мурзаева	411
Письмо командиру 91-й Мелитопольской дивизии полковнику Пашкову И.М., всем бойцам, сержантам и офицерам от руководителей Дагестана	413
Письмо офицерам подшефного Дагестану госпиталя от Председателя СНК ДАССР – А. Даниялова, секретаря обкома ВКП(б) – А. Алиева	414
Письмо Председателю Дагестанского обкома ВКП(б) тов. Алиеву, Председателю СНК ДАССР тов. Даниялову, Председателю Президиума Верховного Совета ДАССР тов. Тахтарову	415
Письмо от руководителей республики капитану Ибрагимову Гаджи и майору Качалову Магомеду	417
Из речи А.Д. Даниялова на торжественном собрании представителей трудящихся, посвященное 45-летию Советской автономии Дагестана и вручению республике ордена Ленина 13 ноября 1965 года	418
Телеграмма секретаря Дагестанского обкома КПСС А.Д. Даниялова проф. А.Г. Подварко по случаю его 70-летия со дня рождения.	422
Телеграмма А.Д. Даниялова из больницы № 1 г. Москвы секретарям райкомов партии в связи с землетрясением в Южном Дагестане.	423
Поздравительная телеграмма Дагестанского обкома КПСС Абдурахману Данияловичу Даниялову по случаю праздника 1 Мая.	424
Приложение	425
Автобиография	426

Характеристика	427
Характеристика	428
Диплом доктора наук	429
Поздравление-подлинник	420
Приказ	431
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР строителей оборонительных рубежей на Северном Кавказе	432
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР колхозников, колхозниц, работников сельского хозяйства, науки и искусства Дагестанской АССР ...	432
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями работников промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры и искусства Дагестанской АССР ...	433
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении тов. Даниялова А.Д. орденом Ленина	433
Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями СССР передовиков промышленности, сельского хозяйства, работников науки и культуры Дагестанской АССР	434
Краткая биографическая хроника А.Д. Даниялова (1908-1981 гг.)	435
Список научных трудов	437

**Абдурахман Даниялов - ученый,
государственный
и общественный деятель Дагестана**

*Редактор С. Темирханова
Корректор С. Темирханова
Художник С. Магомедова
Техн. редактор С. Манилова*

Подписано в печать 24.03.00. Формат 84 x 108 1/2. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл.п.л. 26,97. Уч.-изд.л. 26,7.
Тираж 3000. Заказ 202. Цена договорная.

*АОЗТ "Издательско-полиграфическое объединение "Юпитер"
367012, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6.*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

